Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

Л.Н.Жеребцов

ДОРОГИ ЭТНОГРАФА

Научное наследие
Вып. 2.

Сыктывкар, 2005

Л.Н.Жеребцов. Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005. – 420 с. (Научное наследие / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской академии наук; выпуск 2).

Работа выходит к 80-летию со дня рождения этнографа Л.Н.Жеребцова и продолжает серию изданий, в которой публикуются неизданные труды ученых ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. В книге собраны не публиковавшиеся ранее очерки, статьи, тезисы, автореферат докторской диссертации Л.Н.Жеребцова, посвященные этнической истории коми, традиционной культуре, вхождению Коми края в Русское государство, а также ряд его рецензий и отзывов на работы разных авторов. Во вступительной части подробно освещен жизненный путь ученого, основные результаты его научных исследований. Опубликованы отзывы различных исследователей о научной работе и публикациях Л.Н.Жеребцова, приведена библиография его трудов. Для специалистов – этнографов и историков, преподавателей учебных заведений, всех интересующихся традиционной культурой коми народа, историей Коми.

И.Л.Жеребцов

ДОРОГИ ЭТНОГРАФА ЛЮБОМИРА ЖЕРЕБЦОВА

Думаю, что не ошибусь, сказав, что когда заходит речь о становлении коми этнографии, одним из первых всегда упоминается Любомир Николаевич Жеребцов. Больше четырех десятилетий он посвятил этой науке. Л.Н.Жеребцов и его ровесник Л.П.Лашук были первыми профессиональными этнографами Коми филиала Академии наук СССР (нынешнего Коми научного центра Уральского отделения Российской АН) в начале 1950-х гг. Любомир Николаевич стал ведущим специалистом по этнографии коми, организатором и руководителем сектора этнографии Института языка, литературы и истории КФАН СССР, одним из наиболее известных и авторитетных ученых-гуманитариев Коми республики. Его имя было хорошо известно этнографам как в нашей стране, так и за рубежом. Среди задумок Любомира Николаевича была книга «Дороги этнографа», в которой он хотел рассказать о своей жизни, о своих исследованиях, о самых интересных их результатах. К сожалению, она так и не была написана, но мы можем попробовать пройти по дорогам этнографа Л.Н.Жеребцова без его участия, познакомиться с теми его трудами, которые по разным причинам остались неизвестны или малоизвестны не только широким кругам читателей, но и многим специалистам. Надеюсь, всем, кто встречался с Любомиром Николаевичем на перекрестках этих дорог или проходил вместе с ним ту или иную часть пути, будет интересно вспомнить минувшее, а тем, кто не был с ним знаком раньше – не только прочесть его работы, но и узнать о событиях его жизни. Теперь это уже история. История не только одного человека – история коми науки, история этнографии.

Происхождение.

15 октября 1925 г. на окраине города Усть-Сысольска в местечке Коми грезд, три года спустя объединенном с Западно-Загородной улицей в улицу 1 мая (на нынешней Первомайской в квартале между современными улицами Орджоникидзе и Красных партизан, близ торгово-экономического колледжа), в старом бревенчатом доме №26 родился мальчик, получивший имя Любомир – красивое и для России весьма редкое. Это старинное славянское имя особенно распространено в Польше и в меньшей степени в Болгарии. Образованное от слов «любить» и «мир», оно удивительно подошло Любомиру Жеребцову. Согласно одному объяснению, это имя означает «любим миром», согласно другому – «любящий мир». Жизнь показала, что Любомир Николаевич соответствовал обоим значениям – его уважали и любили окружающие,

и сам он любил мир, спокойствие, старался сглаживать конфликты, находить в спорах «золотую середину».

Любопытно, что имя в известном смысле сочетается со временем рождения Любомира Жеребцова – осенью, которая обычно ассоциируется со зрелостью, опытом, неспешностью. Считается, что родившиеся осенью люди наделены соответствующими чертами, что им присущ ясный и уравновешенный ум, устойчивый и легкий характер, настойчивость в делах, принципиальность, дипломатичность, что они редко конфликтуют («любят мир»). Те, кто знал Л.Н.Жеребцова, могут подтвердить, насколько хорошо все это было применимо к Любомиру Николаевичу. Его спокойный характер, рассудительность привлекали людей: многие приходили к нему пожаловаться, попросить помощи; он постоянно кому-нибудь что-то советовал, объяснял, рекомендовал…

В роду его отца, Николая Михайловича Жеребцова, подобные именования ранее были в диковинку. Батюшка Николая незатейливо звался Михаилом Ивановичем. И детям своим Михал Иваныч дал простые, весьма распространенные имена: Агния, Иван, Николай, Мария, Анна, Евдокия и Александра. Выбрала имя, вероятно, его мать, обладательница не менее звучных имени и отчества – Серафима Аполлоновна. Николай Михайлович если и возражал против непривычного коми уху «Любомира», то недолго – его супруга в случае чего вполне оправдывала свое собственное имя (Серафима – женский вариант имени Серафим, в Библии – «огненный ангел». Древнееврейское слово «серафим» имеет значение «огонь, светоч», в этом смысле имя «Серафима» можно истолковать как «пламенная»). Происходила она из семьи церковнослужителей Шумковых, живших в селе Зеленец. Отец Серафимы Аполлоновны был псаломщиком. Он позаботился о том, чтобы дать дочери приличное образование, и та, закончив Усть-Сысольскую учительскую семинарию, осталась работать в городе учительницей начальных классов. В Усть-Сысольске Серафима Шумкова и познакомилась со своим будущим мужем Николаем Михайловичем Жеребцовым.

Жеребцовы жили в Усть-Сысольске издавна. Основатели этого рода обитали в селениях, располагавшихся на территории нынешнего города, еще тогда, когда самой этой фамилии не было и в помине. Дело в том, что в старину, когда население было немногочисленно, фамилия, в общем-то была не особо нужна: для того, чтобы различить жителей той или иной деревни между собой, вполне хватало имени и отчества. Иной раз к ним добавлялось еще и прозвище. Причем если имя, понятное дело, давалось человеку при рождении, то прозвище, часто шутливое или даже насмешливое, порой обидное, появлялось уже потом – по тому или иному проявившемуся с годами свойству, какой-то особенности внешнего вида, поведения или разговора, происхождению, по роду занятий, наконец.

Понятно, что ни прозвище, ни отчество поначалу из поколения в поколение (от отца к сыну) не передавались. Однако же жизнь шла, условия ее менялись, жителей в селениях становилось все больше, расширялись контакты между людьми, складывалось имущественное неравенство, формировалось право наследования семейного имущества, нажитого предками – в общем, как ни крути, а ссылки лишь на своего отца («я, мол, Иван, Петров сын», в смысле – Иван Петрович) становилось маловато. Иные, чтоб яснее становилось, какого они роду-племени, добавляли еще отцовское, а то и дедовское прозвище («Некраско», «Кузнец»), другие после отчества называли еще и «дедичество» – имя деда: «Иван Петров сын Сидоров внук». Постепенно на основе этих «дедичеств» и прозвищ стали складываться фамилии: Некрасов, Кузнецов, Сидоров…

В Коми крае фамилии начали формироваться еще в XVI в., но и в течение XVIII столетия далеко не все жители обзавелись еще фамилиями. Да и те, кто обзавелся, вспоминали о них лишь от случая к случаю – не было еще привычки величать друг друга по фамилиям. К тому же нередко фамилии менялись – вместо той, что сложилась на основе прозвища, следующее поколение вдруг предпочитало взять новую – от дедовского имени, например. А следующее поколение, глядишь, опять возвращалось к отвергнутой было фамилии. Случалось это и в XVII, и даже в XVII в. Именно так случилось, например, и с Жеребцовыми.

Впервые эта фамилия упоминается в переписной книге 1707 г. в деревне Емовской – одной из составных частей погоста Усть-Сысолы. Поначалу ее стали носить обитатели двух соседних дворов, давние жители Емовской: как сказано в документе, они были «родом той деревни». Хозяина одного двора звали Игнатий (или Игнат) Фомин Жеребцов. Было ему от роду 40 лет, а старшему сыну его Марку – 15. В переписи не отмечен второй сын Игната, Исак, семью годами младше Марка. Более того, не записан в переписной книге и брат Игната Гаврила (он был лет на 20 постарше). Но особо удивляться тут нечему: население в ту пору всячески старалось укрыть от переписчиков часть обитателей, дабы платить поменьше налогов… А, может быть, Гаврила в это время находился в отлучке, жил где-нибудь в Сибири, куда уходили – надолго, а то и навсегда – многие жители Коми края, и появился на родине лишь перед следующей переписью 1720 г., когда его наконец-то посчитали переписчики.

В другом дворе жил Кондратий (Кондрат) Андреев Жеребцов 30 лет и его сын Стефан, ровесник Марка. Кем они приходились друг другу, в переписной книге 1707 г. не сказано, но, заглянув в материалы предыдущей (1678 г.) переписи, можно выяснить, что Кондрат – не кто иной, как племянник Игнатия, сын его старшего брата Андрея.

В 1678 г. Андрей Фомин жил вместе с братом Игнатом в той же деревне Емовской. Игнату (а попросту Ганьке, как записано в переписной книге) было тогда 10 лет. Андрей был, по крайней мере, на шесть лет старше, поскольку в переписной книге его возраст не указан – следовательно, по тогдашним правилам, он являлся уже взрослым, не моложе 16 лет (у всех, кто еще не достиг этого рубежа, возраст указывали обязательно). Но вот что любопытно: Андрюшка с Ганькой записаны в переписной книге еще не как Жеребцовы, а как Дулины. Почему 30 лет спустя стали они и их дети Жеребцовыми? Кто знает. Объяснений можно придумать множество, да вот Возможно, из-за того, что владели хорошим жеребцом, а то и не одним, вызывавшим зависть окружающих. А раньше, может, имел их родитель лишь «шиш», «дулю» – вот и были «Дулины». Но не исключены и многие другие варианты: вдруг кто-то из них бегал быстрее коня; может, у кого-то зубы были, как говорят, «лошадиные», а может, и просто смеялся (ржал), как лошадь…

Ну что ж, Дулины так Дулины. Но если пролистать еще более раннюю переписную книгу – 1646 г., то в ней мы не найдем не то что Жеребцовых, но и Дулиных тоже. Более того – в деревне Емовской и Фомы-то (батюшки Андрея с Ганькой) никакого не значится. Надо сказать, сие обстоятельство автора озадачило, но, к счастью, ненадолго – по соседству с Емовской, в деревне Артемовской жил в 1646 г. крестьянин Фома Поликарпов, фамилия коего не указана (Поликарпов – это отчество, которое у «простонародья» писалось без «-вич»). Деревня эта, к слову сказать, была поначалу частью Емовской и лишь к 1646 г. стала считаться отдельным селением. «Независимость» от Емовской провозгласил, видать, крестьянин Артем Данилов, живший на этом месте еще в 1586 г.; по его имени деревня и стала именоваться Артемовской. Как это случилось и почему, не знаю, да это и не имеет для нашего рассказа особого значения. Главное, что место это все то же, «емовское». А в 1678 г. сыновья Фомы Поликарпова, знакомые нам Андрей с Игнатом, оказались приписаны уже не к Артемовской деревне, а к Емовской потому, что большинство «артемовцев», включая и Никиту Артемов (сына «основателя») разбрелись кто-куда – одни в Гарью, другие и вовсе на Вятку, и деревня Артемовская запустела. Видать, «независимость» впрок не пошла…

Однако происхождение Фомы Поликарпова тоже вызвало вопросы: роду он был явно не «емовского», поскольку ранее никаких Поликарпов тут не водилось. К счастью, ответ нашелся быстро: происходил он из находившейся тоже неподалеку деревни Ивановской, где жил его отец Поликарп Петров. Почему Фома перебрался в другое селение, тоже, в общем, понятно: у Поликарпа семейство было большое – в Ивановской один двор занимал он сам, другой – его сын Евдоким, так что остальным сыновьям пришлось подыскать для жительства участки в соседних

селениях. Флор поселился в д. Ереминской, а Фома – в Артемовской. Так что происхождение свое Дулины-Жеребцовы ведут из деревни Ивановской. А уж там они были самыми что ни на есть «коренными»: батюшка Поликарпа Петрова, Петр (или Перша) Иванов, отмеченный в дозорной книге 1608 и писцовой книге 1586 г., был, очевидно, сыном основателя этого селения, Ивана, по имени которого оно и получило свое название.

Что было до 1586 г., увы, неведомо – документы не сохранились. Однако же четыре с лишним века, которые насчитывает сыктывкарский род Жеребцовых – вполне достойный возраст, которым можно гордиться. Были родоначальники поначалу бесфамильными, потом стали Дулиными, потом Жеребцовыми. Дулины, к слову сказать, жили не только в Емовской. В деревне Ереминской в 1678 г. жили Макар и Матвей Сидоровы Дулины. Приходились ли они какими-нибудь родственниками Андрею и Игнату Фоминым Дулиным-Жеребцовым, точно не известно. Но похоже на то. Стоит отметить, что в той же д. Ереминской в 1646 г. обитал дядя Андрея и Игната Флор… Отцом Макара и Матвея был, вероятно, Сидор Яковлев, живший в 1646-м в близлежавшей д. Каменистой, а он, в свою очередь, являлся сыном Якова Филиппова, в 1608 г. обитавшего в д. Емовской (а его отец, Филип Никитин, был одним из старожилов Емовской – он значится среди ее жителей еще в 1586-м). Любопытно, что ереминские Дулины, как и емовские, тоже за фамилию свою не слишком держались, и в 1707 г. Матвей Сидоров, бывший Дулин, записан в переписной книге уже как Шкилев (Жгилев), а его племянник Аксен – как Коданев.

Еще одни Дулины – Григорий и Давыд Ивановы Дулины – жили в 1678 г. в д. Каменистой. Отец их Иван Федоров по прозвищу Безсонко жил в той же деревне в 1646 г. Вероятно, что он – сын Федора Филиппова из д. Емовской (брата уже упоминавшегося Якова Филиппова), так что ереминские и «каменистые» Дулины – точно родственники. Еще раз отмечу, что все эти деревни: Емовская, Ереминская, Ивановская, Каменистая, Артемовская – находились по соседству, на территории будущего Кодзвиля (исторической части Сыктывкара в районе современных улиц Интернациональной, Красных партизан и начале Первомайской), так что перемещаться из деревни в деревню их обитателям было несложно. Так, вот, Дулины из д. Каменистой в 1707 г. тоже сменили фамилию! Стали они Бессоновыми – по прозвищу своего деда. Так что не исключено, что Бессоновы, Жгилевы, отчасти Коданевы происходят от одного корня с Жеребцовыми.

В XVIII столетии число семейств Жеребцовых умножилось. Если вы еще не забыли, в 1707 г. в погосте Усть-Сысоле обитали две семьи Жеребцовых – Игнат Фомин и его племянник Кондрат Андреев. 40 лет спустя Кондрата уже не было в живых, зато его сын Стефан (Степан)

обзавелся четырьмя сыновьями и тремя внуками: сын Емельян (27 лет) порадовал батюшку внуками Петром (7 лет) и Иваном (4 года), сын Максим (23 года) – внуком Георгием (1 год); сыновья Михайло (26 лет) и Григорий (18 лет) к этому времени еще не преуспели в продолжении рода. Второй сын Кондрата и брат младший Стефана 49-летний Афанасий мог похвалиться в 1747 г. лишь двумя сыновьями, Андреем (25 лет) и Петром (13 лет), и одним внуком, тоже Петром, коему исполнилось три года.

Гаврило Фомин Жеребцов тоже до 1747 г. не дожил (ему еще в 1720-м «стукнуло» 73), оставив после себя пятерых Жеребцовых – сына Федора (69 лет), внука Савелия (34 года) и правнуков Климонта (17), Родиона (11) и Евсея (этому в 1747-м было всего полгода).

Скончался к 1747 г. и Игнат Фомин Жеребцов. Сын его Марк в 1747-м еще здравствовал, окруженный тремя сыновьями (двумя Федорами 37 и 33 лет и Семеном 26 лет) и столькими же внуками – Иваном Федоровым 14 лет, сыном другого Федора Михаилом 4 лет Кузьмой Семеновым 7 лет. Второй сын Игната Фомина, Исак, уже скончался (в 1720 г. ему было 33 года; он был семью годами младше Марка); его сыну, Федоту Исакову в 1747 г. было 17 лет. Примечательно, что при переписи (точнее – ревизии, как тогда называлось это мероприятие) 1747 г. сыновья и внуки Игната Фомина Жеребцова записаны были не как Жеребцовы, а как Фомины; на смену «лошадиной» фамилии пришло «отцовское отчество», «дедичество», фамилия, происходившая от имени деда Фомы. Правда, на том дело не кончилось, но это уже другая история…

Шли годы и десятилетия. Одни носители фамилии Жеребцовых богатели и становились известными в Коми крае купцами, другие занимались сельским хозяйством или торговлей, служили на небольших должностях. Какие-либо родственные связи между разными семействами Жеребцовых (если таковые связи вообще были) за пару столетий прочно позабылись, и Михаил Иванович Жеребцов, побывавший за свою жизнь и полицейским урядником в Визинге и Корткеросе, и продавцом казенной винной лавки в верхневычегодском Пожеге (где и скончался в 1907 или 1908 г.), числил себя лишь однофамильцем своих куда более именитых земляков, одного из которых, владельца каменного особняка на углу нынешних улиц Орджоникидзе и Интернациональной, тоже звали Михаилом Жеребцовым.

М.И.Жеребцов не разбогател, но и не бедствовал. Дети его получили образование, правда, не высшее (в Коми крае оно было тогда редкостью). Одна из дочерей, Агния, преподавала в начальной школе, две другие, Евдокия и Мария, работали библиотекарями. Николаю, родившемуся в 1894 г. (вероятно, в Корткеросе), суждено было сыграть выдающуюся роль в становлении спорта в Коми крае. А поначалу каза-

лось, что ему уготовлена другая судьба – Николай учился в Вологодской духовной семинарии и мог стать священником. Однако во время Первой мировой войны он был призван в армию, из которой вернулся в чине прапорщика.

В середине 1918 г. Н.М.Жеребцов был уже дома. Летом этого же года в Усть-Сысольске начали проводить всеобщее обучение воинскому искусству (всевобуч), предусматривавшее и физическую подготовку местного населения. Николай Жеребцов подключился к этой работе и быстро зарекомендовал себя одним из наиболее инициативных сотрудников всевобуча в городе. Он работал в Усть-Сысольском уездном военкомате и являлся инструктором всевобуча.

Н.М.Жеребцов был одним из организаторов спортивной работы в Усть-Сысольске и в Коми крае в целом. Он входил в совет старейшин первого образцового военно-спортивного клуба “Заря”, созданного 1 марта 1920 г. при уездном отделе всевобуча и вскоре преобразованного в любительский спортклуб. Совет старейшин на общественных началах занимался всей оргработой в клубе. Николай Жеребцов судил различные спортивные соревнования, перед выступлениями спортсменов клуба читал лекции для собравшихся зрителей. В 1920 г. в Усть-Сысольске появилась первая в крае футбольная команда, одним из инициаторов создания которой также явился Н.М.Жеребцов, сам игравший в футбол. В 1921 г. состоялась и первая летняя олимпиада местных спортсменов. После создания Коми автономной области Н.М.Жеребцов занимался организацией спортивной работы на областном уровне. Летом 1924 г. он стал ответственным секретарем Совета физической культуры при Коми облисполкоме. На этой должности он находился до своей скоропостижной смерти.

Под руководством Н.М.Жеребцова в 1925-1926 гг. в районе нынешней Стефановской площади строили первый в Усть-Сысольске стадион с футбольным полем и беговой дорожкой. Николай Михайлович часто печатал в газетах заметки о состоянии физкультурно-спортивной работы в области, подписываясь псевдонимом Робур. По словам бывшего инструктора всевобуча П.Малиновского, хорошо знавшего Н.Жеребцова, Николай Михайлович “умело воспитывал спортивную смену. Известные в республике спортсмены братья Жилины, Мария Другова, Мария Кузьпелева, Герой Советского Союза Николай Оплеснин обязаны ему своими успехами”. П.Малиновский высказывался в печати за увековечение памяти “первого спортивного руководителя республики”, предлагал “учредить республиканский приз имени Жеребцова по легкой атлетике и разыгрывать его ежегодно”.

В начале двадцатых годов Николай Жеребцов познакомился с Серафимой Шумковой, ставшей его женой. Молодые венчались в церкви, вероятно, по настоянию родителей Серафимы, за что коммуниста Нико-

лая Жеребцова едва не лишили партбилета. Жить они стали в упоминавшемся уже доме № 26 по улице Первомайской. Там же жили три сестры Николая и его мать (отца уже не было в живых). В 1924 г. у Николая и Серафимы родилась дочь Ангелина, через год – сын Любомир, а в 1928-м – дочь Эльвина.

Детские годы.

После рождения детей сестры Николая выделили ему во владение половину дома, где имелись кухня и две комнаты, одна из которых была совсем крохотной. На этой же половине жила и их мать.

Родители Любомира между собой и с детьми разговаривали по-русски (Шумковы считали себя полурусскими, полукоми). Николай Михайлович почему-то не находил нужным учить сына и дочерей коми языку, так что в детстве Любомир Жеребцов владел только русским. Правда, разговорную речь мальчик с некоторым трудом понимал, поскольку его тетки между собой постоянно говорили по-коми и временами пробовали обучать коми словам и Любомира.

Л.Жеребцов рос в очень простой обстановке. У него не было каких-то особенных и увлекательных игрушек. Много позже он вспоминал, что любимым его развлечением в первые годы жизни было катать по полу вытащенный из отцовского револьвера барабан (Н.М.Жеребцов имел право носить оружие). Очень нравилось ему кататься на лыжах и санках зимой, летом играть в прятки с сестрами и жившими в том же доме двоюродными братьями Эриком и Альбертом и сестрой Кирой. Все шестеро очень дружили. Немало друзей-приятелей было и в соседних домах, среди обитателей которых имелось много однофамильцев-Жеребцовых: в доме № 28 жил Степан Михайлович Жеребцов, у которого было четверо детей – Анатолий, Алевтина, Зинаида и Тамара, в доме № 32 – Константин Михайлович Жеребцов и его сестра Людмила, в доме № 24 – Андриан Михайлович Жеребцов и т.д. Между прочим, перечисленные соседи являлись детьми владельца того самого кирпичного особняка – откуда их выселили городские власти в середине двадцатых годов. Помимо Жеребцовых, жили окрест Поповы и другие.

Особенно любили дети летом бегать в лесок, находившийся совсем близко, в районе современного рынка и Дома культуры строителей. В то время там можно было вдоволь собрать грибов и ягод. Уходить дальше запрещали родители, боявшиеся, что дети заблудятся в лесу, росшем на месте нынешних “Спорттоваров”, музыкального театра, Октябрьского проспекта, улиц Оплеснина, Юхнина. Сейчас трудно себе представить, что на месте современных улиц и зданий были деревья и кустарники; никому теперь и во сне не привидится растущая здесь черника. Но город полвека назад был не то, что ныне. В Усть-Сысольске в 1926 г. насчитывалось 8420 жителей, из них в центральной части города жили

5068 человек, а остальные – в пригородах Дырнос, Кируль, Котюнево, Кулига, Кочпон и др.

Улицы больше напоминали деревенские, нежели городские. По Первомайской временами из-за грязи невозможно было пробраться (замощение улиц началось в 1926-м и продвигалось не слишком быстро, так что Жеребцовым и их соседям очень долго пришлось ждать «окультуривания» их улицы), тем более ночью, так как с освещением дело обстояло неважно (в 1926 г. во всем городе имелось лишь 50 «световых точек»).

Впрочем, детей эта проблема не волновала – привольное деревенское существование на городской окраине их вполне устраивало. Маленький Любомир так любил гулять, что порой упрямо игнорировал призывы отца заходить домой. Николай Михайлович, рассердясь, шлепал сына или же заставлял не в меру расшалившегося мальчика в течение некоторого времени бегать от крыльца до забора и обратно. Серафима Аполлоновна вспоминала, что наказание Любомир сносил терпеливо и никогда не плакал.

Но капризы и шалости детей в семье Жеребцовых были нечастыми. В книгах, посвященных связи имен и судеб, говорится, что дети, носящие имя Любомир, обычно не доставляют родителям хлопот, рано начинают читать и, как правило, хорошо учатся. Не берусь рассуждать об истинности этого суждения в целом, но к Любомиру Жеребцову оно подходит полностью: лет в шесть, еще до школы, Любомир Жеребцов научился читать, причем, как рассказывала Серафима Аполлоновна, освоил грамоту как-то сам, без особых наставлений старших. Учиться Л.Жеребцову тоже было легко – и в школе, и в пединституте, и в аспирантуре…

По словам Серафимы Аполлоновны, ее сын был очень послушным, выполнял падавшую на его долю домашнюю работу. По мере того, как мальчик рос, этой работы становилось все больше: надо было копать огород, сажать и собирать урожай, носить воду, колоть дрова... Жеребцовы выращивали картофель, репу или турнепс, редьку, морковь, бобы, горох. Огородничеством занимались тогда едва ли не все жители города, большинство которых принадлежало к крестьянству. Не только крестьяне, но и рабочие, ремесленники, служащие (к последним принадлежали и Жеребцовы), а также некоторые учреждения и предприятия имели земельные участки. В 1926 г. около трети городской площади использовалось в качестве огородов. Жеребцовы скот не держали, хотя многие усть-сысольцы имели коров, лошадей, овец, коз, реже – свиней.

Воду приходилось носить в дом из колодцев – водопровода в городе не было (к его прокладке приступили только в 1940 г.). Повезло лишь тем, кто жил в нескольких домах, подключенных к водопроводной сети открывшейся в 1931 г. первой коммунальной бани. До ее открытия (да

нередко и после) Жеребцовы, как и остальные горожане, пользовались собственной баней. Канализация также отсутствовала, и жители прибегали к услугам ассенизационного обоза.

Ангелина и Эльвина мыли пол, посуду, делали в доме уборку, полоскали белье на реке. Нести белье им помогал брат. Путь был неблизкий, тем более что идти приходилось пешком – автобусы в городе не ходили. Первый автобус в городе появился только в 1934 г. Подобное средство передвижения было тогда в диковинку. Для перевозки людей приспосабливали грузовые автомашины, на которые ставили деревянные фургоны с шестью-восемью окошками. Маршрутные автобусы в Сыктывкаре появились только перед войной.

В 1932 г. Любомир Жеребцов поступил в школу № 1 (теперь – № 14). В 1933 г., когда Л.Жеребцов уже закончил первый класс, умер его отец – скоропостижно скончался прямо на картофельном поле, во время работы. Кто знает, может быть, смерть избавила Николая Михайловича от набиравших тогда силу репрессий. В 1932–1933 гг. оказались под судом и многие другие ни в чем не повинные писатели, ученые, общественные деятели, зачастую не имевшие никаких грехов, кроме одного – подобно Н.М.Жеребцову – “непролетарского происхождения”...

Серафима Аполлоновна осталась одна с тремя маленькими детьми и их старой бабушкой. Конечно, родственники, и в первую очередь сестры мужа, помогали чем могли, но жилось семье непросто, приходилось экономить. Книг, например, не покупали – не было лишних денег. К счастью, можно было без особого труда взять их в библиотеке, и Л.Жеребцова нельзя было оторвать от чтения до глубокой ночи. Старая бабушка ворчала, что мальчик много керосина тратит вечерами на чтение, требовала выключить керосиновую лампу, освещавшую тогда комнату (хотя городскую электростанцию сдали в эксплуатацию еще в 1920 г., жилые дома электрифицировались медленно, да и после электрификации ток подавался нерегулярно, так что без “керосинок” было не обойтись даже в сороковые годы). Любомир выключал лампу, зажигал свечку и продолжал читать ночи напролет. Чтение сделало Л.Жеребцова большим домоседом. Постепенно он стал сторониться шумных детских игр и отдал предпочтение книгам.

Ни чтение, ни другие немногочисленные развлечения не мешали учебе. Школьный материал усваивался без труда, и ничто не предвещало неприятностей. Но в 1936 г., в четвертом классе, Л.Жеребцов тяжело заболел. Сначала воспаление легких, затем туберкулез, который едва не унес его в могилу, хотя в Сыктывкаре к тому времени неплохо было организовано здравоохранение – имелись больница, существовавшая с 1926 г. поликлиника, туберкулезный диспансер и другие медицинские учреждения. Однако необходимых лекарств в городе не нашлось, и врачи оказались бессильны перед недугом. Они думали, что мальчик не

выживет. Но, к их удивлению, после более чем полугодовой борьбы с болезнью Л.Жеребцов поправился – его спасла мать. Чудодейственным средством, которое помогло ее сыну, оказалось... собачье сало и мясо, из которого Серафима Аполлоновна варила суп. Любомир не знал, чем кормила его мать. Только позднее та открыла ему секрет выздоровления, впрочем, неполного, и всю оставшуюся жизнь Л.Жеребцову пришлось прожить практически с одним легким.

Из-за болезни Любомир Жеребцов пропустил более половины занятий в школе, и в 1937 г. он снова пошел идти в четвертый класс, продолжив учебу в другой школе (нынешней № 12). Скоро жизнь вошла в обычную колею, и Л.Жеребцов без труда переходил из класса в класс, легко усваивая школьную программу. Он продолжал много читать, особенно приключенческие и исторические романы. Постепенно последние увлекали его все больше и больше, рос его интерес к истории.

Последние годы учебы в школе пришлись на начало Великой Отечественной войны. Это было очень трудное для семьи Жеребцовых время. Жили они впроголодь, выдававшихся по карточкам продуктов не хватало, очень выручал свой огород – морковь, репа, картофель. Но порой приходилось собирать на полях оставшиеся там колосья и подгнившую картошку, а иной раз Серафима Аполлоновна могла угостить детей только лепешками, испеченными из истолченной древесной коры и картофельной шелухи... Привычными были морковный чай, настои из зверобоя и листьев малины, суп из крапивы и клевера. Иногда удавалось обменять что-нибудь из одежды (лишних вещей в доме не было, разве что те, из которых выросли дети) на муку, крупу, соль. Обмен производился на рынке, с 1932 г. располагавшемся на перекрестке Первомайской и Коммунистической улиц (до этого он находился на берегу Сысолы, где в 1933 г. заложили парк).

Одежду, даже зимние пальто, Серафима Аполлоновна шила детям сама – в доме имелась старинная швейная машинка “Зингер”, исправно функционировавшая, несмотря на свое дореволюционное прошлое. Жившие в Нижнем Чове родственники держали овец, делились шерстью, и Серафима Аполлоновна вязала рукавицы и носки. Дети ходили в заплатанных валенках, весной и осенью носили их с галошами, чтобы дольше не изнашивались.

На мизерную зарплату С.А.Жеребцовой и пенсию бабушки прожить было непросто. Выручила семью старшая из детей, Ангелина. Ангелина – женская форма имени «Ангел», распространенного у южных славян. Само слово «ангел», хорошо известное нам по христианскому учению, греческого происхождения и означает «вестник». Стало быть, Ангелина – «вестница, возвещающая»; но более распространено другое понимание смысла этого имени – ангельская, возвышенно-нежная. Традиционно считается, что Ангелины очень самостоятельны, хозяйствен-

ны, не рассчитывают на чью-либо помощь, привыкли полагаться на себя. Ангелина Жеребцова, пожалуй, вписывается в эти рамки. Она действительно с большой нежностью и заботой относилась к брату и сестре, много помогала матери по хозяйству и по окончании девятого класса пошла работать в детский сад, чтобы помогать содержать семью.

Благодаря ее самоотверженности и твердому характеру матери, решившей дать сыну и младшей дочери полное образование, Любомир и Эльвина смогли успешно завершить учебу в старших классах. Л.Жеребцов закончил школу в 1943 г., и перед ним встал выбор – что делать дальше?

Учеба в пединституте.

Можно было пойти работать по какой-нибудь не требующей особой квалификации специальности, чтобы в семье появилось больше денег. Но Любомиру Жеребцову очень хотелось учиться дальше, получить высшее образование, его пытливый ум требовал новых знаний. Родные придерживались того же мнения – пусть парень продолжит учебу, а на жизнь как-нибудь хватит, тем более что студентам платили стипендии. А если поступать, то куда? В Сыктывкаре с 1932 г. существовал Коми государственный педагогический институт – единственный тогда вуз на всю республику. Можно было закончить какой-нибудь техникум, в городе их было несколько – самый старый, педагогический, появившиеся в 1930 г. медицинский, кооперативный, строительный и др. Но ни одна из этих специальностей не прельщала Л.Жеребцова – ему нужно было высшее образование. Любомира привлекала история, и он склонялся к выбору исторического факультета КГПИ, но знакомые поднял его на смех: где это видано, чтобы парень учился на истфаке, там только одни девчонки, а все ребята идут на физмат!

Уговоры друзей сделали свое дело, и в 1943 г. Любомир Жеребцов поступил на физико-математический факультет КГПИ, однако студентом физмата пробыл всего месяц – этого срока вполне хватило для того, чтобы понять, что физика с математикой не для него. Он перевелся на исторический факультет, где и в самом деле стал единственным парнем-студентом (позднее к нему присоединились двое демобилизованных солдат). Время было военное. Большинство студентов и многие преподаватели ушли на фронт. Подошла и очередь Л.Жеребцова, но из-за туберкулеза (болезнь окончательно отступила лишь в конце сороковых годов) в армию его не взяли, и он продолжал учебу. Через некоторое время в КГПИ поступила и Эльвина Жеребцова.

Учеба в КГПИ была тогда непростым делом. С лета 1941 г. студенты должны были работать на сплаве (появился даже специальный учебный курс – “сплавное дело”), заготавливать дрова и возить их в институт на санках. Тогдашняя студентка литературного факультета КГПИ

Сильва Горшкова, будущая жена Любомира Жеребцова, навсегда запомнила, как они, студенты, почти всем институтом ходили на Чов валить лес по выходным. Л.Жеребцова из-за болезни от этих работ освободили.

Здание КГПИ отапливалось дровами. Многие делянки находились так далеко, что дотащить оттуда до института заготовленные дрова на санках было физически невозможно. Дров для учебного корпуса не хватало, в помещениях было холодно. По воспоминаниям моей матери, они, студенты, сидели в аудиториях в пальто и шапках, записывали лекции в перчатках. Порой чернила замерзали в чернильницах, так что записать ничего не удавалось. В начале зимы 1944–1945 гг. часть отопительной системы вообще замерзла, и только в одном крыле здания сохранялось хоть сколько-нибудь приемлемая температура. Там и учились студенты. Часть занятий перенесли в помещения школ №2 и 14, где они проводились в вечернюю смену. По вечерам приходилось учиться и потому, что днем многие студенты были заняты на сплаве и других работах.

Плохо было не только с теплом. Мощности электростанции не хватало для нормального освещения аудиторий института, да и сами лампы были в дефиците, что особенно затрудняло вечерние занятия. Часто из-за холода или отключения электричества студентов отпускали домой. Немногим лучше стало и в первые послевоенные годы. Для подвозки дров выделили две старые автомашины, но те чаще ремонтировались, чем работали. Зимой учебный корпус постепенно разрушался из-за неполадок в отопительной системе (ее отремонтировали лишь к 1947 г.), и в теплое время сквозь прохудившуюся крышу лил дождь. Освещение оставалось плохим, не хватало учебной литературы, исторических карт.

Преподававшиеся дисциплины не вызывали у Л.Жеребцова каких-либо затруднений. Он все усваивал на лету. История древнего мира, средних веков, нового времени, стран Востока, СССР, всеобщая и русская литература, история педагогики, психология, иностранный язык, методика преподавания истории, Конституция СССР, практический курс русского языка, факультативный курс старославянского языка и другие предметы (среди них, конечно же, “основы марксизма-ленинизма”, “политическая экономия”, “диалектический и исторический материализм” и даже “Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР”) - все это Л.Жеребцов сдавал на “отлично”, реже – на “хорошо”. Серафима Аполлоновна дивилась: “Не знаю, не ведаю, когда он готовился к экзаменам, а все “пятерки” получал!” Преподаватели КГПИ (Т.И.Беленкина, А.А.Старцев и другие) высоко ценили его знания.

Больше всего Л.Жеребцова интересовали история средних веков и древнего мира. Некоторые предметы не вызывали у него любопытства.

Многое, впрочем, зависело от уровня преподавания тех или иных курсов. Моя мама вспоминает, что среди преподавателей, особенно среди приезжих, были довольно своеобразные люди: “Один седой, худой, высокого роста старец в громадном пальто до пят с огромным лисьим воротником напоминал нам Ивана Грозного. Он на каждой лекции просил стакан горячего чая, ставил его на кафедру и потихоньку пил его глоточками, о чем-то рассказывая. Преподававшийся курс зарубежной литературы в нашем сознании не запечатлелся, пришлось учить его по обычному учебнику. «И ведь вроде русские слова произносит, а понять, что он хочет сказать, невозможно», - изумлялись мы”. Преподаватель античной литературы был, напротив, маленького роста, всегда в худеньком пальто с засунутыми в карманы рукавами и плохоньким “кошачьим” воротничком. “Его понурый вид и нудное бормотание в воротник смешили нас, – вспоминает С.В.Жеребцова. – Совершенно не вникая в его невразумительную речь, мы, тоже спрятав лица в воротники, все два часа лекции хихикали”.

На скучные лекции Л.Жеребцов старался не ходить, готовил предмет по учебникам и зачастую сдавал экзамен еще до начала сессии. Но вот с педагогикой у него неожиданно возникла проблема. Первые же лекции по этому предмету показались ему настолько неинтересными (“Курс истории педагогики был еще ничего, все-таки история, – вспоминал он сам много лет спустя, – но сама педагогика...”), что Любомир Жеребцов перестал их посещать вовсе. Обиженный невниманием студента преподаватель наотрез отказался принимать у него экзамен, а через некоторое время, допустив-таки Жеребцова к экзамену, поставил ему “неуд” за... непосещение занятий, хотя тот и знал предмет по учебнику. В конце концов после вмешательства дирекции конфликт был улажен, но в зачетке у Л.Н.Жеребцова появилась первая и единственная оценка “посредственно” (“тройка”). Позднее, на госэкзамене по педагогике Любомир Жеребцов без всякого труда получил “хорошо”.

Учебе помогала блестящая память Л.Н.Жеребцова: он, например, помнил наизусть целые страницы из книг, в частности, из исторического романа И.Ле “Наливайко” (товарищи по учебе однажды специально проверяли его по книге и были просто поражены). Во время учебы в КГПИ Любомир Жеребцов выучил коми язык, хотя и не в совершенстве: еще в 1954 г. он признавался, что “не очень силен в коми языке”. Но в дальнейшем постоянная языковая практика во время экспедиций пятидесятых годов способствовала тому, что отец стал свободно говорить по-коми, писать и читать. Впрочем, по его признанию, читать и писать он все время предпочитал по-русски, так было привычнее...

Свободное время Л.Н.Жеребцов посвящал чтению и шахматам. С первого курса он сотрудничал в стенгазете, несколько лет был ее редактором, писал заметки, стихи (ни одно из стихотворений не сохранилось;

по окончании института к поэзии он уже не обращался). Там, в редколлегии, Любомир Жеребцов и познакомился со своей будущей женой, студенткой литфака и тоже обладательницей весьма редкого имени – Сильва. Сильва (или Сильвия) – «женский вариант» древнего римского имени Сильвий (так звали героя эпоса, основателя рода, к которому принадлежали легендарные основатели Рима Ромул и Рем); происходит оно от латинского слова «сильва» («лес») и означает соответственно «лесной», «лесная». Вряд ли родители Сильвы Горшковой знали происхождение понравившегося им звучного имени, однако тем более удивительно, насколько уместно оказалось «лесное» имя в нашем лесном крае…

А отчество Сильвы – Всеволодовна – происходит из той же давней славянской эпохи, что и имя ее избранника – из века Любомиров, Всеволодов, Изяславов, Святополков… Конечно, не имя привлекло Любомира к Сильве: молодую, красивую, умную, веселую студентку филологического факультета Коми пединститута, писавшую стихи и к тому же не лишенную дарования художника, всегда окруженную друзьями и подругами, трудно было не приметить; и все же… Открываю книгу Б.Ю.Хигира «Тайна имени» и читаю о Сильве: подвижна, обладает быстрой реакцией, испытывает тягу к живому общению, у нее масса друзей, она умеет легко находить их, щедра, сердечна, в быту немного безалаберна, деньги порой у нее сыплются сквозь пальцы; это тот тип женщин, жить с которыми беспокойно, но без них жизнь кажется неполной. Пожалуй, пожалуй…

Она вспоминает, что в конце войны, когда близилась Победа, и особенно после нее, жизнь казалась студентам прекрасной, будущее – лучезарным. Не думалось ни о репрессиях, ни о борьбе с “врагами народа” и прочими “уклонистами”, ни о бытовых неудобствах и лишениях. “Мы искрились каким-то внутренним светом. Все нас радовало и веселило”, даже институтские собрания были для молодых людей поводом для развлечения. “Почему-то мы всегда безумно хохотали, копируя выступающих. Это было беззлобно, но смешно.” Юная Сильва Горшкова нередко своими шутками заставляла однокурсников хохотать до слез. “Может быть, – вспоминает она, – тогда и обратил на меня свое внимание студент третьего курса истфака Любомир Жеребцов”. Наверное, молодую, красивую, умную, веселую девушку, писавшую стихи и к тому же не лишенную дарования художника, трудно было не заметить.

Сам Жеребцов пользовался среди студентов (да и среди преподавателей) большим авторитетом и известностью. Его спокойный характер, рассудительность привлекали людей: многие приходили к нему пожаловаться, попросить помощи; он постоянно кому-нибудь что-то советовал, объяснял, рекомендовал. Любомир и Сильва подружились, стали часто встречаться, обменивались впечатлениями от прочитанных книг,

увиденных фильмов, спектаклей. Интересы их, правда, совпадали не во всем: Сильва Горшкова любила танцы (в конце войны и в послевоенные годы по субботам и воскресеньям в общежитии КГПИ устраивались танцевальные вечера; на Новый год устраивались маскарады, в которых С.Горшкова принимала самое активное участие), а Любомир Жеребцов не любил, да и не умел танцевать.

В рядах партии коммунистов.

В 1944 г. Л.Жеребцов как отличник учебы и активный общественник стал кандидатом, а в 1945 г. – членом ВКП(б). Он искренне гордился этим, считая, как и его товарищи, что в партии большевиков состоят самые достойные, самые честные и добросовестные люди. Позднее ему не раз пришлось убедиться в наивности этой веры, и от юношеских иллюзий не осталось и следа; но, как ни странно, уважительное, бережное отношение к своему партийному билету (не показное, а подлинное, я сам в этом убедился) Л.Н.Жеребцов сохранил до конца своих дней. Мне кажется, что этот билет был дорог отцу не как символ принадлежности к компартии, а как память о тех светлых идеалах, с которыми он вступал во взрослую жизнь, даже не подозревая о грядущих разоблачениях сталинизма и волюнтаризма, о застое и перестройке...

Л.Н.Жеребцов никогда не был догматиком. Хотя он, как и все его поколение, вырос в стране победившего социализма, воспитывался в школах и вузе в полном соответствии с господствовавшим в этой стране учением и был, конечно же, пропитан духом той эпохи, но выработал и сохранил критический взгляд на мир, на прошлое и настоящее нашей страны, на ее лидеров, на культуру народа. Он уважал несомненный ум Иосифа Сталина и признавал его крупным государственным деятелем, хотя даже в те годы, когда “сталинский гений” не ставился под сомнение, Л.Н.Жеребцов критически оценивал многие заявления “отца народов” и его адептов (он, например, не верил в “бухаринско-троцкистско-зиновьевский” и прочие “право-левые” заговоры). Позднее, когда вскрылись истинные масштабы сталинских репрессий, он безоговорочно осудил тот репрессивный режим. Однако Л.Н.Жеребцов всегда выступал против упрощенного изображения нашего прошлого, полагал, что всем деятелям, как бы мы к ним не относились, следует отдавать должное – будь то Сталин, Хрущев, Гитлер или кто-нибудь еще, ведь даже злодей может быть гениальным... К пришедшему к власти после Хрущева руководству Л.Н.Жеребцов относился скептически. Мне почему-то врезался в память случай из детства. Однажды отец рассказывал мне о былых лидерах нашей страны - Ленине, Сталине, Хрущеве, и я спросил у него: “А кто сейчас у нас самый главный?” “Сейчас у нас безвластие”, – усмехнулся отец; к “дорогому Леониду Ильичу” большого уважения он не испытывал...

Л.Н.Жеребцов был атеистом, но он не разделял культивировавшегося тогда воинствующе-отрицательного отношения к религии (забавно, что многие тогдашние гонители веры ныне провозгласили себя ревнителями православия, стремительно проделав путь от Ильича до кулича). К православию, к христианству вообще Л.Н.Жеребцов относился как ученый, то есть изучал его сильные и слабые стороны. Мой друг и коллега Дмитрий Несанелис часто вспоминает один случай, имевший место в 1978 г. Тогда он и еще несколько наших товарищей были у нас дома и увидели на отцовском столе Библию. По тем временам Библия, да еще не упрятанная куда-то в ящик, а открытая взорам всех и каждого, была большой редкостью. Но еще более поразило молодых людей, когда Л.Н.Жеребцов сказал им, что в Библии есть очень много интересного, важного, мудрого не только для верующих, но и для каждого человека...

Нередко Л.Н.Жеребцов критически оценивал «официальные» партиийные методологические подходы к изучению различных вопросов истории и культуры коми народа, но в то же время он считал, что приход к власти коммунистов в 1917 г. имел и несомненные положительные результаты. Как-то уже во второй пловине восьмидесятых годов я спросил его, как он лично относится к Октябрьской революции, к ее последствиям. Он с некоторой долей иронии поинтересовался, не ожидаю ли я, что сейчас получу от него исчерпывающую характеристику этого сложного и противоречивого явления, вызывающего столько споров, а потом сказал: “Как бы то ни было, думаю, не надо забывать, что именно после Октября 1917 г. была создана Коми автономия, что именно при коммунистической власти в Сыктывкаре появились вузы, в которых учились и я, и ты”. Л.Н.Жеребцов не дожил до запрещения “Правды” и роспуска КПСС. Не знаю, как он воспринял бы это, но полагаю, что вряд ли ликвидация компартии стала бы для него личной трагедией (а газета “Правда” ему представлялась малоинтересной, хотя запрет ее издания он, наверное не одобрил бы). Однако партийный билет отец не стал бы выбрасывать – в этом я почему-то уверен. Но мы слишком отвлеклись, вернемся в далекие сороковые...

Жить стало легче, жить стало веселее…

Во второй половине сороковых годов семье Жеребцовых стало жить немного полегче. Стипендии Любомира и Эльвины пополняли семейную копилку, а главное – очень помог родным брат Серафимы Аполлоновны Сергей Аполлонович Шумков. Он был по специальности экономистом, работал то в Москве, то за рубежом. Неплохо зарабатывая, С.А.Шумков помогал сестре и ее детям, присылал деньги и добротную одежду. Особенно много доставалось племяннику: пальто, шапка, костюм, рубашки и прочее, вплоть до белья, носовых платков и носков.

Однажды дядя прислал Любомиру шляпу. В те времена в Сыктывкаре их мало кто носил, однако дядин подарок пришелся Л.Жеребцову по душе (тем более, что фуражки и кепки он не любил). Явившись в институт в шляпе, Любомир Жеребцов поверг в изумление всех своих сокурсников, тут же назвавших его “профессором”. Впрочем, к шляпе (которую Л.Жеребцов носил, по воспоминаниям Сильвы Всеволодовны, с “шиком”) быстро привыкли, и с тех пор она стала, пожалуй, неотъемлемой частью его костюма. Под Новый год двоюродные братья часто просили шляпу напрокат для домашних маскарадов. Л.Жеребцов уступал просьбам с неохотой, опасаясь, что те помнут или испачкают его головной убор, к которому он так привык. Трудные предвоенные и военные годы приучили Л.Жеребцова к бережливости; обычно он много лет носил одну и ту же обувь и одежду, не следуя за изменчивой модой. Дядины подарки верой и правдой прослужили ему не только во время учебы в КГПИ, но и в последующее время.

Несмотря на то, что Жеребцовы жили в непростых условиях, порой не имели элементарных вещей, одежды, Любомир Жеребцов все свое внимание отдавал усвоению все новых и новых знаний, не обращая особого внимания на бытовые неудобства. Его помыслы не ограничивались получением высшего образования, он стремился достичь в жизни чего-то большего. На четвертом курсе Л.Жеребцов заведовал с 1 июля 1946 г. кабинетом истории КГПИ, читал лекции по истории древнего мира и средних веков студентом младших курсов. Познания его в истории были намного шире институтской программы. Перед окончанием КГПИ он твердо решил, что не будет школьным учителем; его привлекала иная работа. Закончив 1 июля 1947 г. пединститут, Л.Н.Жеребцов остался в Сыктывкаре, до 22 сентября 1947 г. продолжал заведовать кабинетом истории в КГПИ. 25 сентября того же г. он стал заведующим кабинетом социально-экономических наук партийной школы при Коми обкоме ВКП(б). Там же он по совместительству преподавал курс древней истории. Заведующим он работал до августа 1948 г., преподавателем – до 1 февраля 1949 г.

В декабре 1947 г. подошла к концу холостяцкая жизнь. 27 декабря Любомир Жеребцов и Сильва Горшкова расписались. Мать невесты, известный в республике врач, позднее призналась, что очень переживала из-за решения дочери выйти замуж за Л.Жеребцова, так как ее беспокоила его еще окончательно не излеченная болезнь (туберкулез). Но от Сильвы Надежда Ивановна свое беспокойство скрыла и отговаривать ее не стала. Ей не пришлось в этом раскаиваться, и впоследствии, как мог убедиться и я сам, Надежда Ивановна всегда испытывала к своему зятю большое уважение (к слову сказать, взаимное). Свадьбу играли два дня. Сначала гуляли в доме невесты, в деревянном доме на ул. Интернацио-

нальной, 196, а затем – в доме жениха, на Первомайской, 26, где и поселились молодые супруги.

Им выделили маленькую, но зато отдельную и не проходную комнатку (8 квадратных метров), в которой, по воспоминаниям С.В.Жеребцовой, едва можно было повернуться. В комнатушке кое-как вмещались четыре предмета: железная койка, небольшой кухонный стол, один стул и очень старый самодельный двухстворчатый узкий гардероб без полок, с вешалками-"плечиками", в основном, самодельными. Гардероб был один на всю семью. Обувь хранилась под кроватью в старом черном чемодане. В углу комнаты стояла печь с плитой; ее почему-то никогда не топили, но и ломать не ломали. Она служила подставкой для швейной машинки (той самой, "зингеровской").

В соседней проходной комнате, побольше размерами, жили Серафима Аполлоновна и Ангелина с Эльвиной. Там стояла одна железная кровать (сестры спали на полу), деревянный сундук для зимней одежды и обуви, комод для одежды, белья, документов и других вещей, деревянный диван с резной спинкой, за которым, в простенке между окнами, висело зеркало, и стол, за которым обедали, занимались, шили, гладили. У входа в комнату в стену было вбито несколько гвоздей, закрытых занавеской – вешалка для верхней одежды. Обе комнаты обогревались круглой печью, обитой железом. Старая бабушка спала в кухне, где, кроме кровати, стоял стол, деревянные лавки, заставленные разными чугунками и туесками, шкафчик для продуктов, умывальник, цинковый бак для воды и полуразвалившаяся русская печь. Над окном была прибита полка для посуды и других предметов.

О люстрах и коврах, бывших тогда предметами роскоши, говорить не приходилось. Пол был застелен половиками, скатанными на самодельном станке из разных тряпок и старой одежды. Висевшая над столом в большой комнате лампа имела серый железный колпак-абажур. Когда отключали электричество, что было делом обычным, то в дело шли керосиновые лампы (за керосином ходили в Кируль). Главной ценностью в доме, не считая швейной машинки, был большой медный самовар, который всегда стоял ни низеньком стульчике в кухне у печки. С.В.Жеребцова вспоминает, что перед праздниками они, молодежь, "обязаны были чистить его золой до "золотого" блеска". Самовар "грели горячими угольями, потом заносили в комнату, ставили на стол. Очень приятен был шум, шипение угля и кипятка в самоваре. И запах тлеющих углей, и клубящийся пар над ним, и "пение" самовара – все это создавало необычайный уют и комфорт в этом скромном доме, в этой деревенской избе". Особенно уютно было зимними вечерами, когда под колпаком электрической лампочки за столом у самовара собиралась вся семья – "за чашкой горячего чая весело болтали, хохотали до слез; кто читал, кто вышивал".

В выходные обычно всей семьей, кроме бабушки, которая уже никуда не выходила, Жеребцовы ходили в театр. “Это было наше любимое развлечение, – вспоминает С.В.Жеребцова. – В те годы было много талантливых и красивых актеров и актрис: С.И.Ермолин, П.О.Мысов, И.И.Аврамов, Ю.И.Трошева, Н.Н.Шамраев, Г.П.Сидорова, Г.П.Лыткина”. Жили актеры рядом с театром, в деревянных домиках с печным отоплением, теснились нередко всей семьей в одной комнатушке – но как играли!.. “Открытие театрального сезона было для нас настоящим праздником, – вспоминает моя мама. – Публика была солидная, разнаряженная, в бархате и мехах... А мы одевали лучшее, что было в нашем скромном гардеробе”. После 1945 г. на премьерах в драмтеатре был полный аншлаг. В кинотеатр Жеребцовы тоже ходили дружно, всей семьей; перед началом сеанса в фойе играли музыканты... По вечерам в выходные дома часто играли в лото или в карты (в “подкидного” или “пикового дурака”, в “девятку”), тоже все вместе. Самой страстной любительницей картежной игры была Серафима Аполлоновна; она научила этому не только детей, но позднее и внуков (во всяком случае, насколько я могу вспомнить, именно ей я обязан своему пристрастию к этой азартной игре; в далеком детстве мы частенько играли с бабушкой в “дурака”, потом в “тысячу”).

Начало пути в науку.

Проработав год завкабинетом и преподавателем, Л.Н.Жеребцов окончательно сделал выбор в пользу научно-исследовательской деятельности, о которой задумывался еще в пединституте. Во время его учебы в КГПИ летом 1944 г. была организована Научно-исследовательская база Академии наук СССР в Коми АССР, в составе которой осенью 1944 г. на базе бывшего Коми научно-исследовательского института при Наркомпросе создали отдел, занимавшийся изучением языка, литературы, истории и фольклора народа коми. С 1945 г. этот отдел стал называться сектором языка, письменности и истории. Большинство сотрудников сектора специализировалось по филологии, историков было очень мало. Специалистов по этнографии и археологии в секторе не было совсем. Конечно, у доктора филологических наук А.С.Сидорова был большой опыт работы в этих областях науки (еще в 1920–30-х гг. он подготовил несколько исследований, в том числе знаменитую книгу “Знахарство, колдовство и порча у народа коми”), но основной его специальностью было языкознание, и именно ему он уделял почти все свое внимание.

Руководство сектора в 1948 г. подчеркивало, что необходимо увеличить “число работников в области истории..., этнографии и археологии”. Поэтому к появившемуся в секторе молодому специалисту, высказавшему искреннее желание заниматься историей коми народа и посту-

пить в аспирантуру, отнеслись с вниманием. Ободренный этим, Л.Н.Жеребцов осенью 1948 г. подал заявление с просьбой зачислить его в аспирантуру Коми базы АН СССР. 15 октября, как раз в тот день, когда Любомиру Жеребцову исполнилось 23 года, специальная комиссия базы постановила допустить его к сдаче приемных экзаменов в аспирантуру. 4 ноября Л.Жеребцов сдал первый экзамен – по истории СССР. Сообщив приемной комиссии о том, что говорили и писали Белинский, Добролюбов и Чернышевский о русском историческом процессе, а также об образовании и развитии антигитлеровской коалиции в ходе Второй мировой войны и роли СССР в ней, ответив на ряд дополнительных вопросов, касавшихся самых разных проблем (судебник Ивана III, закрепощение крестьян, управление допетровской Россией), он получил от суровой комиссии “четверку“.

Последующие два экзамена были сданы менее успешно: 6 ноября Л.Жеребцов заработал “удовлетворительно” по немецкому, а 12 ноября – по диалектическому и историческому материализму. Комиссия особенно долго пытала его относительно “происхождения и сущности религии”: “Почему говорят: идеализм – это поповщина?”, “В каких работах говорят классики марксизма о происхождении религии?”, “Как рекомендовал Ленин бороться с религией?” и т.п. Относительно борьбы с религией Любомир Жеребцов ничего особенно убедительного сказать не смог и должен был удовлетвориться “тройкой”.

15 ноября 1948 г. комиссия Коми базы АН СССР приняла решение ходатайствовать перед Советом филиалов и баз АН СССР о зачислении Л.Н.Жеребцова в аспирантуру по специальности “история СССР”, но не на основной, а на подготовительный курс – “в связи с установленной при приеме испытаний слабой подготовкой” его и четырех других поступивших в аспирантуру “по философским дисциплинам”. Жеребцову и другим аспирантам дали “один льготный год для углубленной проработки вопросов диалектического и исторического материализма по программе кандидатского минимума”. 17 ноября дирекция базы отправила свое представление на этот счет в Москву, а 1 декабря 1948 г. появилось распоряжение по Академии наук, в соответствии с которым Л.Н.Жеребцов был зачислен на подготовительный курс аспирантуры сроком на один год, с 16 ноября 1948 по 15 ноября 1949 г. Это был его первый шаг к научной работе.

Весь этот год у Л.Н.Жеребцова не было ни научного руководителя, ни определенной темы будущей диссертации, ни плана учебной подготовки. Он углублено изучал научную литературу по различным проблемам истории, иностранные языки (английский и немецкий), посещал лекции по философии и писал реферат на такую “философскую” тему, как “Год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов”. 12 февраля 1949 г. Л.Н.Жеребцов сдал экзамен по

немецкому языку (в состав приемной комиссии, между прочим, входил А.С.Сидоров и еще одна сотрудница сектора – В.В.Гудкова, свободно владевшая несколькими языками), 4 июня 1949 г. – экзамен по английскому языку, оба – на “отлично”. Но это были еще не кандидатские, а, так сказать, “предварительные” экзамены (зачеты).

В июне 1949 г. у Любомира и Сильвы родилась дочь, получившая красивое имя Людмила. Родители были счастливы, но на их головы тут же свалилось множество хлопот. В магазинах не было самых простых и нужных вещей; в частности, ни в одном из них не удалось найти детскую кроватку. Впрочем, Жеребцовы утешали себя тем, что в доме все равно было бы очень трудно найти место для этой кроватки. Однако же девочке надо было где-то спать. И вдруг кто-то из знакомых или родственников принес большую плетеную ивовую корзину, в которых тогда обычно держали белье, и предложил удивленным отцу и матери использовать ее вместо кроватки. Эта идея поначалу вызвала замешательство, но затем ее сочли вполне разумной. Корзину водрузили на табуретку, кое-как втиснувшуюся между столом и гардеробом в маленькой комнате, аккуратно застелили ее, и она верно послужила маленькой Людмиле в первые месяцы ее жизни...

Так в самых разных заботах быстро пролетел подготовительный год аспирантуры. Заведующий сектором языка, письменности и истории А.М. Мишарин положительно охарактеризовал работу аспиранта, отметив, в частности, что Л.Н.Жеребцов “разрабатывал и прочитал доклад в пушкинские дни на тему: “Поэзия А.С.Пушкина и декабристы”... Судя по той работе, которая выполнена за подготовительный год, можно сказать, что тов. Жеребцов имеет склонность к научной работе, и зачисление его на основной курс обучения в аспирантуре желательно”, – заключил он. Решено было перевести Л.Н.Жеребцова на основной трехгодичный курс аспирантуры с 16 ноября 1949 г. Уже встал вопрос о теме диссертации, о научном руководителе, как вдруг выяснилось, что в аспирантуре Академии наук СССР уже не осталось свободных мест по истории. Жеребцову предложили либо отложить зачисление на год, либо выбрать другую специальность - археологию или этнографию...

Ошеломленный таким поворотом судьбы Любомир Жеребцов поначалу просто не знал, что ответить. Ждать целый год ему не хотелось, однако, вот так внезапно отказаться от истории, которая была ему знакома и понятна, и избрать те науки, которые даже не изучались в институте, было тоже непросто. Что такое этнография, Л.Н.Жеребцов тогда вообще не представлял, а об археологии имел некоторое, хотя и весьма смутное представление. Поэтому он поначалу склонялся к тому, чтобы выбрать археологию (и мог бы стать первым коми специалистом-археологом). В растерянности Любомир Жеребцов обратился за советом к А.С.Сидорову. Тот настоятельно порекомендовал молодому человеку

этнографию, вкратце объяснив ему, что это за наука, чем придется заниматься исследователю, насколько важны, актуальны и интересны проблемы этнографии коми народа. Археологию Алексей Семенович избирать отсоветовал: и материал для диссертации собирать будет сложнее, да и здоровье нужно покрепче, чем у Жеребцова. Поразмыслив над доводами маститого ученого-энциклопедиста, Любомир Жеребцов сделал свой выбор – отныне делом его жизни стала этнография.

Становление ученого.

К концу 1949 г. вопрос о зачислении Л.Н.Жеребцова в аспирантуру по этнографии был, в основном, решен. Руководство Коми филиала АН СССР (бывшей Коми базы) в декабре направило соответствующие документы в Москву, где они были утверждены в январе 1950 г. Срок трехлетней аспирантуры пошел с 16 ноября 1949 г. В первую очередь нужно было определяться с темой будущей диссертации и научным руководителем молодого аспиранта.

22 декабря 1949 г. руководство Коми филиала АН СССР отправило в Институт этнографии АН СССР в Москве письмо с просьбой помочь с выбором руководителя. В январе 1950 г. оттуда пришел обнадеживающий ответ: “Институт этнографии АН СССР считает возможным взять на себя руководство аспирантом Жеребцовым Л.Н. и рекомендует в качестве научного руководителя доктора ист. наук Чебоксарова”. Николай Николаевич Чебоксаров, которому было тогда 43 года, являлся видным ученым. Он с 1943 г. работал в Институте этнографии АН СССР, в 1947 г. защитил докторскую диссертацию и удостоился престижной этнографической премии имени Н.Н.Миклухо-Маклая. Н.Н.Чебоксаров занимался, главным образом, антропологией и этнографией народов Восточной Азии, а также общими проблемами антропологии и этнографии. В 1941 г. вышла его небольшая работа “Этногенез коми в свете антропологических данных”, а в 1946 г. он опубликовал более обстоятельную статью “Этногенез коми по данным антропологии”, в которой ставились важные вопросы происхождения народа коми. Именно поэтому Николаю Николаевичу и поручили руководство начинающим коми этнографом. (Позднее, в 50-х гг., Н.Н.Чебоксаров преподавал в Московском госуниверситете, затем возглавлял сектор зарубежной Азии, Австралии и Океании в Институте этнографии АН СССР, написал ряд научных трудов. Большую известность получила, в частности, его работа “Народы, расы, культуры” (1971 г.), подготовленная в соавторстве с И.А.Чебоксаровой).

Дирекция Института этнографии порекомендовала прикомандировать Л.Н.Жеребцова к этому институту “на 2–3 года в зависимости от его подготовки и сдачи кандидатского минимума и состояния диссертационной работы”, поскольку в Москве молодой ученый мог получить

наиболее квалифицированную научную помощь. Кроме того, московские ученые посоветовали включить Жеребцова “в этнографическую экспедицию в Коми АССР, проведение которой запланировано Институтом в 1950 г. под руководством к.и.н. В.Н.Белицер”.

Эти рекомендации были обсуждены на заседании сектора языка, письменности и истории 8 февраля 1950 г. А.С.Сидоров сказал, что экзамены кандидатского минимума Жеребцову лучше сдавать в Сыктывкаре, а прикомандирование в Москву отложить до осени 1950 г. и ограничить его двумя годами. “Включиться в экспедицию Белицер В.Н. весьма желательно для аспиранта”, – подчеркнул Алексей Семенович. Его поддержали и другие выступавшие – Н.А.Колегова и поступивший на работу в сектор в 1949 г. этнограф А.К.Супинский. Сам Любомир Жеребцов также высказывался за прикомандирование в Москву на два года и за то, чтобы сдать экзамены по философии и иностранному языку при Коми филиале АН СССР. На том и порешили. Вскоре после этого Л.Н.Жеребцов съездил в краткую командировку в Москву, встретился со своим научным руководителем, обсудил тему диссертации, первоначальный вариант которой, утвержденный Ученым Советом КФАН СССР 10 января 1950 г., звучал так: “Культура жилища народа коми”. В начале апреля 1950 г. был составлен план диссертации и намечены основные направления работы над этой важной, интересной и малоизученной темой.

В течение последующих месяцев Л.Жеребцов готовился к предстоявшим экзаменам. 3 июля 1950 г. он сдал на “хорошо” философию, через шесть дней – на “отлично” немецкий язык (в состав комиссии входили А.С.Сидоров и В.В.Гудкова) и наконец-то смог вздохнуть свободнее, сосредоточившись на изучении работ по общей этнографии и по этнографии народов Волго-Камья и Северного Приуралья и на сборе материалов для диссертации. Сбор данных Жеребцов начал в июле, сразу после сдачи экзаменов подключившись к работе этнографической экспедиции, направленной Институтом этнографии АН СССР в северные районы Коми АССР. Руководила экспедицией Вера Николаевна Белицер. Тогда она была еще кандидатом исторических наук, а позднее защитила докторскую диссертацию, стала профессором и крупнейшим в то время специалистом по этнографии коми и коми-пермяков, выпустила фундаментальный труд “Очерки по этнографии коми-зырян и коми-пермяков” (1958 г.).

Во время этой двухмесячной экспедиции В.Н.Белицер, Л.Н.Жеребцов и два художника обследовали десять поселений верхней и средней Печоры: Кожву, Усть-Усу, Щельябож, Мутный материк, Усть-Цильму, Ижму, Бакур, Сизябск, Подчерье и Троицко-Печорск. Л.Н.Жеребцов впервые получил богатейший опыт практической работы исследователя-этнографа, собрал обширный материал, использованный

в диссертации и в других трудах. В сущности, с этой экспедиции и началась плодотворная более чем сорокалетняя научно-исследовательская деятельность Любомира Николаевича Жеребцова. Каждый населенный пункт детально изучался, составлялось его подробное описание, выделялись характерные для данного поселения типы и формы жилищ. Наиболее интересные дома, а иногда и все село в целом, фотографировались, с жилищ снимались планы, делались зарисовки.

В конце августа 1950 г. в Сыктывкаре появились два молодых этнографа – выпускники МГУ, супруги Л.П.Лашук и О.Н.Воздвиженская, с которыми, и в особенности с Л.П.Лашуком, Л.Н.Жеребцов стал плодотворно сотрудничать. 23 октября 1950 г. Л.Н.Жеребцов выехал во вторую экспедицию. На этот раз он сам был ее руководителем; в состав отряда входила О.Н.Воздвиженская. В течение двух месяцев, до 25 декабря 1950 г., ученые работали на верхней Вычегде (Усть-Куломский район), Сысоле (Сыктывдинский и Сысольский район), в Прилузье. Они тщательно изучали материальную и духовную культуру населения ряда сел (Усть-Кулом, Дон, Керчомья, Летка, Ношуль, Занулье, Объячево, Куратово, Визинга, Ыб, Лозым, Соколовка, Выльгорт), собирали материалы по истории их возникновения. Из-за осенней распутицы Л.Н.Жеребцову не удалось посетить населенные пункты, находившиеся в стороне от тракта; увы, погода внесла свои коррективы в планы исследователей. Но, несмотря на это, ученым удалось собрать “значительный материал, освещающий основные стороны хозяйства и материальной культуры населения” южных районов Коми АССР, - отмечала в своем отчете О.Н.Воздвиженская.

С 1 октября 1950 г. Л.Н.Жеребцов был прикомандирован к Институту этнографии АН СССР и уехал в Москву. Сильва Всеволодовна с Людмилой переехали к матери на ул. Интернациональную, 196. Стипендия мужа была невелика, а пособий по уходу за детьми тогда не платили, и ей надо было устраиваться на работу. Для девочки пригласили няню – молодую девушку Тамару из села Шошка (откуда была родом Надежда Ивановна). С.В.Жеребцова стала преподавать в сельхозтехникуме. Зарплата там была невесть какая большая, однако же на жизнь хватало, можно было платить няне и даже посылать кое-что в Москву мужу. Помогала, как могла, и Надежда Ивановна.

Два года, которые провел в Москве Л.Н.Жеребцов, сыграли очень важную роль в его становлении как ученого. Общение с Н.Н.Чебоксаровым, В.Н.Белицер, многими другими ведущими этнографами того времени помогло ему глубже освоить различные методы научной работы: сбор полевых материалов в откровенных и доверительных беседах с людьми всех возрастов, изучение древних документов в тиши архивов, поиск нужной информации на страницах старинных книг, газет и журналов и т.п. К лету 1951 г. Л.Жеребцов стал уже до-

вольно знающим специалистом, владеющим терминологией и методикой этнографической работы. Теперь он мог с улыбкой вспоминать свою растерянность осенью 1949 г., когда впервые услышал об этнографии. 9 и 19 июня 1951 г. Л.Жеребцов сдал на “отлично” кандидатские экзамены по этнографии народов Волго-Камья и Северного Приуралья и по общей этнографии.

Много времени у Л.Н.Жеребцова ушло на обработку материалов его первых этнографических экспедиций. Но уже в начале 1951 г. стало ясно, что собранных им данных недостаточно. Нужно было ехать в новую экспедицию. В марте руководство Института этнографии сообщило в Коми филиал о том, что такая экспедиция запланирована на июль-август того же г., и попросило содействовать ее осуществлению. Руководство КФАН СССР откликнулось на просьбу и организовало поездку Л.Н.Жеребцова в Удорский, Усть-Вымский, Корткеросский районы, на Вымь и Печору. Ученый собирал материалы о коми жилищах в Косланe, Усть-Выми, Ванвиздино, Вогваздино, Айкино, Княжпогосте, Усть-Усе, Сторожевске и Корткеросе. В результате трех экспедиций Л.Н.Жеребцову удалось обследовать почти все районы Коми АССР. В его архиве насчитывалось более 500 фотоснимков, около 100 планов жилищ, рисунки интерьеров. Можно было приступать к написанию диссертации.

В отчете о научной деятельности сектора языка, письменности, литературы и истории за 1951 г. отмечалось, что “аспирантом Жеребцовым Л.Н. полностью собран материал для диссертации, над составлением которой он в настоящее время работает”. В течение 1952 г. диссертация, получившая в окончательном варианте название “Современное жилище народа коми”, была завершена. 31 октября 1952 г. А.С.Сидоров дал предварительный отзыв на эту работу, высоко оценил ее и указал на некоторые мелкие недостатки, которые были Л.Н.Жеребцовым затем устранены. 16 ноября 1952 г. срок пребывания Л.Н.Жеребцова в аспирантуре истек. Он был отчислен из нее и принят на работу в сектор языка, литературы и истории (такое название сектор получил в 1952 г.) на должность младшего научного сотрудника. Жеребцову разрешили остаться в Москве до защиты диссертации, которая состоялась 20 января 1953 г. в Институте этнографии. На защите выступил приехавший в Москву А.С.Сидоров. Ученый Совет института единогласно присвоил Л.Н.Жеребцову ученую степень кандидата исторических наук. Диплом кандидата наук Жеребцов получил лишь несколько месяцев спустя, он был выписан ему 1 октября 1953 г.

Диссертация “Современное жилище народа коми” и ее автореферат были первыми научными работами Л.Н.Жеребцова. Написанный в 1951 г. реферат “Работы Ефименко по обычному праву и сельской общине северных великоруссов” в счет не шел – это была еще чисто учениче-

ская проба пера. Содержание диссертации было намного шире, чем обещало ее заглавие. Л.Н.Жеребцов подробно охарактеризовал современные жилые и хозяйственные постройки коми: жилой дом и его различные типы, хозяйственные постройки при доме, временные и промысловые постройки, описал материалы и технику строительства, уделил внимание приусадебным участкам. Кроме того, он предпринял попытку проследить, как развивалось жилище населения европейского Северо-Востока с древнейших времен до современности, хотя недостаточная археологическая изученность территории Коми АССР помешала ему дать достаточно полный очерк истории жилища.

Много внимания Л.Н.Жеребцов уделил изучению поселений различных типов, проследив их историю со времени первого упоминания в документах XV–XVII вв. до начала пятидесятых годов нашего столетия. Одним из первых коми ученых он обратил внмание на писцовые и переписные книги XVI – начала XVIII вв., оценив важность исторических источников этого типа. В разделе о поселениях и в разделе “Очерк истории народа коми” Л.Н.Жеребцов обратился к изучению этнической истории коми, к исследованию процессов расселения, формирования этнической территории и этнографических групп коми. Позднее эти сюжеты стали ведущими в его научном творчестве. Затронул он и некоторые вопросы древнейшей истории и этногенеза народа коми, но, разумеется, в очень краткой форме.

Конечно, положения работы Л.Н.Жеребцова, касающиеся происхождения и этнической истории народа коми, отражали тогдашний уровень изученности этих проблем, и потому далеко не все предложения Любомира Николаевича подтвердились впоследствии. Но хотелось бы обратить внимание на его гипотезу о том, что народ коми сложился в результате смешения двух групп коми, значительно отличавшихся друг от друга: южной (сысольско-лузской) и западной (вымско-удорской). Последние открытия археологов позволяют говорить о значительном своеобразии сысольских и лузских памятников XI–XIV столетий; влияние переселенцев из других регионов было тут значительно сильнее, чем на Вычегде, Выми, Удоре. В своих более поздних работах Л.Н.Жеребцов выдвигал предположение, что коми жили в XI–XIV вв. также на верхней Вятке; быть может, население Сысолы, Лузы и Вятки составляло тогда единую общность; случайно ли созвучие названия групп сысольских коми (“сиряне”, “сырьяне”) с названием Сырьянского стана на Верхней Вятке?..

Вскоре после защиты Л.Н.Жеребцов вернулся в Сыктывкар, где вместе с Л.П.Лашуком стал активно заниматься организацией этнографических исследований в Коми АССР. Двое этих молодых ученых и стали создателями современной коми этнографической школы, продолжившей традиции, заложенные трудами их предшественников –

А.С.Сидорова (скончавшегося в марте 1953 г.; Л.Н.Жеребцов ездил в Москву на его похороны), В.П.Налимова, Г.А. Старцева, П.А.Сорокина, К.Ф.Жакова. В первые месяцы работы в Коми филиале АН СССР Л.Н.Жеребцов начал готовить книгу на основе своей диссертации о народном жилище коми, но с мая 1953 г. переключился на новую тему – изучение этнографической группы удорских коми.

14 мая 1953 г. на заседании сектора обсуждалась представленная Любомиром Николаевичем рабочая программа. Жеребцов и Лашук планировали вдвоем в течение трех лет скрупулезно исследовать этническую историю (которой собирался заниматься Лашук), материальную и духовную культуру удорцев. Л.П.Лашук, не владевший коми языком, настаивал на проведении совместной экспедиции с Л.Н.Жеребцовым, подчеркивая: “Вместе мы соберем гораздо больше материала, чем поодиночке. Нам нужна по крайней мере одна совместная экспедиция, в процессе которой Любомир Николаевич с моей помощью овладеет методикой и практикой сбора материала по таким разделам, как этнический состав населения, одежда, общественный и семейный быт, которым он никогда раньше не занимался”.

Присутствовавший на заседании фольклорист Ф.В.Плесовский заметил по этому поводу: “Полагаю, что Любомир Николаевич вполне овладел методикой полевой работы, и ему никакой помощи в этом отношении не требуется”. Но Федор Васильевич был, пожалуй, не совсем прав. Хотя мой отец к этому времени уже побывал в нескольких экспедициях и набрался опыта, однако ему еще было чему поучиться у Лашука (тот, как-никак, получил более фундаментальную подготовку в МГУ, хотя и не успел еще к тому времени защитить кандидатскую диссертацию). Поэтому Л.Н.Жеребцов высказался за совместную с Л.П.Лашуком поездку.

Споры вызвали и сроки работы, предложенные молодыми этнографами. Их коллегам по сектору казалось, что этнографию удорских и других групп коми можно изучить довольно быстро. Очень показателен прозвучавший на заседании вопрос: “Сколько надо времени на всю этнографию коми?” Жеребцов ответил коротко: “Много”, – пояснив, что Удора, Вычегда, Сысола, Луза крайне слабо изучены в этнографическом отношении (в отличие от Печоры). Это вызвало недоумение и замешательство: “Это выходит несколько лет? С таким согласиться нельзя!” С тех пор прошло более четырех десятилетий, а этнографические исследования продолжаются, и уже никто не ставит под сомнение правоту Л.Н.Жеребцова.

В конце концов, было решено, что удорскими коми в течение трех лет будет заниматься один Л.Н.Жеребцов, а Л.П.Лашуку поручили этнографическую группу вымских коми, с изучение которых он должен был справиться за два года (а ведь ему еще нужно было завершить дис-

сертацию, посвященную этнической истории Печорского края). Любомиру Жеребцову поручили, кроме того, написать статью “Культурная революция в Коми АССР” (в плане подготовки “Очерков по истории Коми АССР”) и вести реферативные занятия в секторе, знакомя коллег с содержанием журнала “Советская этнография” (28 мая Жеребцов уже докладывал “о современных принципах изучения жилища по материалам журнала “Советская этнография”). Помимо этого, немало времени уходило на чтение и обсуждение работ других ученых. Так, 1 августа 1953 г. Л.Н.Жеребцов выступил на заседании сектора при обсуждении диссертации А.К.Микушева, ставшего в последующее время крупнейшим коми фольклористом, 9 февраля 1954 г. участвовал в обсуждении статьи Л.П.Лашука “Культура коми в эпоху капитализма”, 10 марта того же года – в обсуждении диссертации Л.П.Лашука “Этническая история Печорского края” и т.д. и т.п.

Двух специалистов для изучения всей коми этнографии было, конечно, мало. В первой половине 1953 г. вместе с Жеребцовым и Лашуком еще работала О.Н.Воздвиженская, но летом ей пришлось уйти из сектора. Проявлял интерес к этнографии появившийся в секторе в 1953 г. А.С.Канев (“довольно способный сотрудник”, по оценке Л.Н.Жеребцова), “но, – как возмущался по этому поводу на одном из заседаний мой отец, – его использовали не по специальности этнографа, а по истории, и... он вынужден был оставить работу”. Заведующая отделом (сектор ЯЛИ был преобразован в отдел в 1954 г.) Н.А.Колегова напомнила ему: “Тов. Жеребцов хорошо знает указание бюро обкома КПСС о том, что отдел должен иметь одного этнографа, а все остальные историки должны быть включены в разработку истории коми народа советского периода. А у нас и помимо Канева уже два этнографа”. Ссылка на авторитет всемогущего обкома компартии Л.Н.Жеребцова не убедила. Более того, он дерзко заявил, что “обком ошибается в этом вопросе”, подчеркнул, что “этнография народа коми совсем еще не исследована”.

Вообще Любомир Жеребцов нередко позволял себе высказывать мысли, находившиеся в явном противоречии с “методологическими указаниями” партийных чиновников, в соответствии с которыми до революции в Коми крае и истории-то, в общем, никакой не было, а настоящая история и культура появились только в советское время. Он, например, выступал против принижения уровня развития просвещения в дореволюционном Коми крае, подчеркивал, что “по сравнению с другими окраинами России просвещение коми стояло на более высоком уровне”. Говоря это, Л.Н.Жеребцов основывался, вероятно, на одной из статей П.А.Сорокина, опубликованной еще в начале XX века; увы, сослаться на этот авторитет он не мог – имя ученого находилось тогда под запретом. В черный список “идеологических врагов” было занесено

также имя К.Ф.Жакова, перу которого принадлежат несколько работ по этнографии коми, содержащих немало интересных наблюдений. Как вспоминал позднее Л.Н.Жеребцов, упоминать труды П.А.Сорокина и К.Ф.Жакова, цитировать их “не рекомендовалось”, а то и просто запрещалось. После долгих объяснений Л.Н.Жеребцова о необходимости обращения современных ученых к публикациям этих исследователей был достигнут компромисс: разрешалось упомянуть названия статей Жакова и Сорокина, но не указывать имена их авторов...

В другой раз Л.Н.Жеребцов заявил: “Неправильно..., что аспирантам дают темы только по советскому периоду, а средние века и древние периоды остаются неизученными”. В 1953–1954 гг. говорить так решался далеко не каждый... Но у Л.П.Лашука его мысли часто находили поддержку. Лев Павлович тоже порой позволял себе критические замечания относительно преувеличения достижений советского периода (в частности, в связи с изучением развития культуры коми народа). При обсуждении диссертации А.К.Микушева “Коми народное песенное творчество в советскую эпоху” он, например, с иронией заметил: “Не все то новое, что в новое время поют, становится очень хорошим...”

В 1954 и 1955 гг. Л.Н.Жеребцов совершил две длительные поездки на Удору, собрал интересный материал о материальной и духовной культуре удорских коми, их общественном и семейном быте, хозяйстве. Во время первой поездки он обратил основное внимание на материальную культуру, и Ф.В.Плесовский посоветовал ему глубже изучить духовную культуру и семейно-бытовые отношения удорцев, что и было сделано Жеребцовым в экспедиции 1955 г. Кроме того, Л.Н.Жеребцов много сил отдал поиску исторических документов о прошлом Удоры в архивах, изучению разнообразных дореволюционных изданий (газет, книг, журналов), в которых мог содержаться материал по интересовавшему его району.

В 1955 г. в третьем номере “Известий Коми филиала Всесоюзного географического общества” появилась первая публикация Л.Н.Жеребцова – статья “О времени появления коми на верхней Мезени”. В ней автор привел сведения об известных археологических памятниках района и на основании ряда документов доказал, что коми появились на верхней Мезени (в районе Глотово и Кослана) в середине XVI века с Выми. Позднее ниже по Мезени возникали населенные пункты, основанные переселенцами с Вашки. Л.Н.Жеребцов не исключал, что в числе первых жителей Глотово были русские. В последующие годы (1957–1959) Л.Н.Жеребцов опубликовал еще три статьи, посвященные истории и этнографии Удоры: “Положение крестьян Глотовой слободки во II половине XVI века”, “Борьба крестьян Удорской волости против усиления феодальной эксплуатации в XVII веке” и “К вопросу о заселении Вашки”.

В 1955 г. Л.Н.Жеребцов и Л.П.Лашук подготовили большую (18 авторских листов) монографию “Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)”. На заседании отдела языка, литературы и истории в октябре 1955 г. эту книгу предложено было включить в план издания на 1957 год. Ученый Совет Коми филиала АН СССР одобрил текст монографии, но по каким-то причинам книга так и не была издана. Позднее, в 1959 г. Жеребцов переделал свою часть рукописи в отдельную монографию по удорским коми. Специалисты отметили, что “работа представляет значительный научный интерес”, рекомендовали опубликовать ее, но издание задержалось более чем на десятилетие...

С 1956 г. Л.Н.Жеребцов и Л.П.Лашук стали изучать другие этнографические группы коми. Они по-прежнему были сторонниками организации совместных экспедиций. Л.Н.Жеребцов в начале 1956 г. говорил, что в Коми филиале проводятся только этнографические командировки, “настоящих этнографических экспедиций не организуется... Нужно организовать экспедиции групповые и с художниками, чтобы не было субъективного истолкования материалов”. Руководство КФАН поначалу никак не соглашалось на организацию экспедиций; председатель президиума Коми филиала Н.А.Сирин даже иронизировал: “Молодежь мы не приучаем к добросовестности. Поэтому-то т. Жеребцов не верит себе и просит в экспедицию свидетеля”. Но в конечном итоге правоту доводов Жеребцова и Лашука о пользе совместных экспедиций с привлечением художников пришлось признать.

В 1956 г. состоялась поездка Жеребцова и Лашука на Вишеру, в 1957 г. – на верхнюю Вычегду. Результатом обработки собранных во время экспедиций полевых материалов и изученных в архивах документов стали две обстоятельные статьи, написанные ими в соавторстве: “Старая Вишера” и “Этнографический уклад населения верхней Вычегды”, изданные в 1958 и 1960 гг. в “Историко-филологическом сборнике” № 4 и № 5. В этих работах ученые довольно подробно рассмотрели историю заселения района, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII – начала XX столетий.

В 1958 г. состоялась экспедиция по сысольским селениям. С 12 июня по 12 августа этнографический отряд Л.П.Лашука (он был руководителем) и Л.Н.Жеребцова побывал в Кажиме, Койгородке, Ужге, Палаузе, Пыелдино, Визинге, Куратово, Вотче, Межадоре, Чухломе, Ыбе, Пажге, Лозыме, Шошке и Нювчиме, изучая специфику культуры и быта местного населения. Ученые искали древнейшие следы обитания человека на Сысоле, собирали сведения о средневековых укрепленных городках, существовавших в этих местах, материалы по этнической истории сысольских коми (народные предания о происхождении населенных пунктов и их жителей и др.), исследовали особенности хозяйства в дореволюционный период и в настоящее время (система земледелия,

ремесла и промыслы, экономические связи с другими районами), своеобразие народного жилища, одежды, утвари, пищи и т.д., отличительные черты духовной культуры и быта сысольцев.

Помимо данных, собранных непосредственно в ходе экспедиции, Жеребцов и Лашук тщательно проанализировали различные исторические источники, чтобы по архивным материалам составить представление о движении населения Сысолы, об истории населенных пунктов, старинных хозяйственных занятиях жителей. Огромное количество интереснейших полевых записей, рисунков и фотографий дополняется небольшой археологической коллекцией, которую исследователи собрали на городище у деревни Каргорт Ыбского сельсовета. Написанный Л.П.Лашуком и Л.Н.Жеребцовым обстоятельный научный отчет об итогах этой экспедиции остался, к сожалению, неопубликованным, хотя часть материалов была использована учеными в своих более поздних публикациях.

На следующий год Л.П.Лашук и Л.Н.Жеребцов отправились в Прилузье. В течение июня-июля 1959 г. они обследовали 15 населенных пунктов Летского, Слудского, Гурьевского, Мутницкого, Ношульского, Объячевского, Читаевского, Занульского, Спаспорубского и Лоемского сельсоветов. Изучение этнографии Лузы и Летки представляло особый интерес, поскольку этот район заметно отличался от других районов республики в отношении языка, хозяйства, материальной культуры и быта; специфично было и его историческое развитие. Ученые собрали весь доступный материал по таким важнейшим проблемам, как вопросы этнической истории, современный этнический состав населения, этнические взаимоотношения жителей Лузы и Летки; особенности хозяйства лузско-летских коми в прошлом и на современном этапе; материальная культура и быт; духовная культура (фольклор, верования и др.).

Кроме собственно этнографического изучения района, Лашук и Жеребцов производили археологическую разведку. На Летке им не удалось найти археологические памятники. Местные старожилы тоже ничего не смогли поведать ученым о каких-нибудь “чудских древностях”. Но на Лузе Л.П.Лашук и Л.Н.Жеребцов обнаружили древний могильник у села Лойма и обследовали три средневековых городища: Лоемское, Спаспорубское и Объячевское. Как и ранее, исследователи не ограничились полевыми материалами, а дополнили их архивными данными. Это сделало научный отчет Прилузской этнографической экспедиции еще более ценным и интересным. К сожалению, эта работа Лашука и Жеребцова тоже осталась неизданной. (Частично ее материалы были опубликованы в 1986 г. в статье Л.Н.Жеребцова “Этнокультурная специфика прилузских коми”).

Во время экспедиции случались разные происшествия. Однажды Жеребцов и Лашук, постоянно о чем-то расспрашивавшие и что-то за-

писывавшие, вызвали большое подозрение у местного населения, до того не имевшего никаких контактов с этнографами. Наиболее прозорливые жители “сообразили”: да это же американские шпионы! Обоих исследователей немедля схватили и решили сдать “компетентным органам”. Не без труда удалось Л.Н.Жеребцову и Л.П.Лашуку “реабилитировать” себя.

Бывали казусы и в более позднее время. В 1968 г. Л.Н.Жеребцов и фольклорист А.К.Микушев изучали культуру и быт населения северного поселка Харута (на Печоре), и по селению пронесся слух: ученые-де не просто расспрашивают и рассматривают, фотографируют различную утварь и одежду, но и собираются изымать их у жителей, а кое-что уже отобрали... Чтобы успокоить растревоженных обитателей Харуты, Жеребцов и Микушев попросили представителей местной власти осмотреть их вещи и удостоверить, что там “никаких предметов, принадлежащих жителям поселка Харута, не имеется”. Составлен был даже специальный акт, доведенный затем до сведения местного населения (отец сохранил этот любопытный документ).

А моей маме запомнилась вот какая история, рассказанная отцом. Однажды он и Ю.В.Гагарин (исследователь религиозных верований коми народа, защитивший позднее докторскую диссертацию) во время этнографической экспедиции в шестидесятые годы прибыли в захолустную деревушку в одном из районов Коми АССР. Добрались они туда с большим трудом - то на телеге, то пешком. Время было уже позднее, надо было заботиться о ночлеге. Какая-то старушка надоумила их пойти в стоявший на окраине пустой дом, где иногда ночевали приезжие. При этом она предупредила ученых, что гостям в той избе не очень-то нравилось... Но Жеребцов и Гагарин были рады тому, что есть где преклонить усталые головы, и не придали особого значения ее предупреждению.

Они пришли в дом, наскоро перекусили при свече и отправились на боковую. Но едва заснули, как были разбужены каким-то скрипом и шорохом в сенях: словно бы кто-то ходит и шарит руками по двери. Оба вскочили, крикнули: “Кто там?” – в ответ ни звука. Этнографы выглянули в сени, посветили свечой по закоулкам – пусто. Решили, что это им спросонья почудилось, и улеглись опять, уже с чувством какого-то беспокойства. Но не успели они заснуть, как услышали тот же шорох за дверью. Новая экспедиция в сени не привела ни к каким результатам. “Что за чертовщина?” – призадумались исследователи. Посидев немного у свечи и не дождавшись повторения таинственных звуков, они попытались было лечь спать, но не тут-то было... Шорох и скрипы в пустых сенях донимали Жеребцова и Гагарина до рассвета, не давая им сомкнуть глаз. Впрочем, сон через какое-то время как рукой сняло – взрослым молодым мужчинам стало не по себе... Как только за окошком

посветлело, они едва не бегом покинули негостеприимный дом. Как выяснилось затем, хозяева избы бросили ее по той же причине. Жить там было невозможно...

Экспедиция 1959 г. оказалась последней, в которой вместе участвовали Л.Н.Жеребцов и Л.П.Лашук. Летом 1960 г. Лев Павлович уехал из Сыктывкара в Москву, и их тандем распался. Но за несколько лет совместной работы им удалось сделать очень многое: ученые побывали во всех районах Коми АССР, собрали богатейшие материалы о культуре, быте, хозяйстве, этнической истории местного населения. В своем отчете о результатах экспедиции в Прилузье Лашук и Жеребцов подчеркивали, что ими завершено сплошное этнографическое обследование территории республики. Если еще несколько лет назад на этнографической карте Коми АССР преобладали бы “белые пятна”, то теперь исследователи могли составить представление о специфических чертах истории и современного состояния всех основных групп народа коми. Конечно, полученными Л.Н.Жеребцовым и Л.П.Лашуком в 50-х гг. научными результатами далеко не исчерпывались все вопросы и проблемы изучения коми этнографии. Наоборот, по мере работы перед Любомиром Николаевичем вставали все новые и новые задачи, становилось все яснее, насколько наивны были расчеты в основном закончить этнографическое изучение Коми АССР к 1960 г...

Отсутствие достаточного числа специалистов вело к тому, что Л.Н.Жеребцову приходилось заниматься самым широким кругом вопросов традиционной и современной этнографии. В конце 50-х годов он начал изучать вопросы религии, бытовых суеверий, опубликовал в 1958 г. небольшую брошюру об этом (на коми языке). Не оставлял Л.Н.Жеребцов мысли о подготовке книги о коми народном жилище, но основное время было занято экспедициями и обработкой собранного там материала. В 1956 г. он опубликовал обстоятельную статью “Опыт изучения крестьянского жилища народа коми” в третьем выпуске “Историко-филологического сборника” КФАН СССР, а в 1959–1960 гг., наконец, взялся за книгу.

Немало труда пришлось затратить на редакторскую работу: с 1955 г. Л.Н.Жеребцов входил в редколлегию “Историко-филологического сборника”, являлся редактором четвертого выпуска этого сборника, в котором по его инициативе был опубликован ценнейший документ по истории народа коми – “Вычегодско-Вымская летопись”, обнаруженная писателем и исследователем П.Г.Дорониным еще в 1927 г. Павел Григорьевич сомневался в подлинности летописи (слишком уж невероятной удачей была такая находка) и потому не спешил с ее публикацией. Но Любомир Николаевич убедил его напечатать документ, сказав, что берет ответственность на себя. Так в 1958 г. летопись стала достоянием всех, кто интересовался историей Коми края. Сегодня невозможно

представить изучение истории народа коми XIV – начала XVII веков без этого документа. Со временем это издание стало библиографической редкостью, и в 1989 г. в первом выпуске альманаха “Родники пармы” по совету Л.Н.Жеребцова летопись была переиздана.

Помимо научной работы, Л.Н.Жеребцов в 50-е гг. стал активно заниматься лекционной работой: читал лекции по истории, этнографии, религии в самых разных аудиториях – врачам, учителям, летчикам, даже заключенным – и в самых различных городах, поселках и селах республики. Он был хорошо известен как лектор. По свидетельству слушателей, отец не читал, а рассказывал, не пользуясь записями (обычно он имел при себе лишь краткий план выступления), доступно и интересно, сразу завоевывая внимание аудитории. Не случайно в республиканское лекционное бюро “Общество по распространению политических и научных знаний”, а позднее в общество “Знание”, нередко обращались с просьбой прислать с лекциями в то или иное учреждение именно Л.Н.Жеребцова. Впрочем, не всегда все проходило хорошо. Однажды (это было позднее, уже в шестидесятые годы) отца пригласили прочитать лекцию о религии заключенным в Верхнем Чове. Офицер привел его в аудиторию и ушел по своим делам, а Л.Н.Жеребцов стал рассказывать слушателям о Библии. Но тем через некоторое время внимать лектору надоело, и они стали бузить: хватит, мол, долго уже выступаете... “Ну что ж, – ответил Л.Н.Жеребцов, – не хотите слушать – и не надо, я не настаиваю. В Библии очень правильно сказано: “Не мечите бисера перед свиньями!” – и с этими словами удалился, оставив опешивших бузотеров...

Лекционная работа считалась в 50-х гг., да и позднее, одной из наиболее важных форм идеологической пропаганды, и за содержанием лекций бдительно следили соответствующие органы. Выступления Л.Н.Жеребцова далеко не всегда укладывались в установленные жесткие рамки, в связи с чем, как отмечалось в документе 1955 г., “отдельные его лекции подвергались критике” – “лишнего” говорить никому не дозволялось. Но быть может, это и вызывало такой интерес у слушателей...

Лекции давали порой неплохой приработок для семьи. По воспоминаниям С.В.Жеребцовой, из одной недельной поездки на север Л.Н.Жеребцов привез две тысячи рублей, немалые в 50-е годы деньги. “Я впервые держала в руках такую кучу денег”, – вспоминает Сильва Всеволодовна. Так постепенно стал налаживаться семейный быт. Роскошествовать не приходилось, но благодаря приработкам, экономии и помощи родственников появились наконец-то какие-то деньги на приобретение новой одежды, обуви (хотя вещи, присланные дядей С.А.Шумковым, все еще носились), мебели и, главное, книг! Тогда и было положено начало большой личной библиотеке, которая позднее, в

70-х гг., когда литература фактически исчезла из продажи, перекочевав “под прилавок”, поражала воображение гостей.

Жила семья Жеребцовых на улице Интернациональной в доме 196. Это был деревянный двухэтажный дом с полуподвальным первым этажом, где до войны размещалось общежитие медучилища. Мать С.В.Жеребцовой, Надежда Ивановна, преподававшая в этом училище, получила две комнаты на втором этаже после того, как общежитие перевели в другое здание. В 1952 г. Надежда Ивановна переехала в Выльгорт, оставив квартиру дочери и зятю. Никаких удобств в доме не было, приходилось носить воду, запасаться дровами для печки и плиты. Вершиной комфорта стала электрическая плитка. Мама до сих пор помнит, как радовалась она этому приобретению: надо же, теперь не нужно будет топить плиту, чтобы готовить еду! А уж когда к электроплитке добавились электрический самовар, чайник и утюг, то казалось, мечтать было больше уже не о чем... Радио в доме имелось с 1952 г., а в 1953 г. отец, вернувшись из Москвы, решил поставить телефон. В том же году его желание исполнилось. Многие знакомые, надо сказать, считали телефон излишеством, “столичными штучками”: “Зачем он нужен? Сыктывкар можно за 20 минут обежать вокруг, вдоль и поперек! Пришел, спросил или сказал, что хотел, без всякого телефона!”

Постепенно в квартире появлялась красивая посуда, абажуры на лампах, книжные шкафы и другая мебель; часть ее изготовил сыктывкарский мастер Н.Малков. Л.Н.Жеребцов, впрочем, к красоте обстановки был довольно равнодушен и с некоторой долей иронии относился к благоустройству быта, которым занималась супруга. Сильва Всеволодовна с улыбкой рассказывает, как боялась она в 1955 г. покупать первый в их жизни ковер (что-то скажет муж!). Но красные и желтые розы на черном фоне так поразили ее воображение, что она не смогла удержаться. Кое-как наскребла деньги, купила ковер, привезла его домой и... спрятала под кровать. И лишь через некоторое время, “испросив разрешения” у супруга на приобретение, торжественно извлекла покупку из “тайника”.

Тогда же в пятидесятые годы, Жеребцовы стали выписывать газеты, на что раньше просто не хватало денег, да и особого интереса пресса не вызывала. Поначалу это были только “взрослые” газеты, потом, когда подросла и стала читать дочка Людмила, раскошелились и на детские журналы. Девочка, как и все дети, любила сладкое, и родители частенько покупали халву и леденцы. Шоколадные конфеты, носившие теперь уже почти забытые названия “Мишка на севере”, “Василек” и т.п., появлялись на столе только в праздники, а шоколадки – лишь в день рождения Людмилы.

Дни рождения, кстати, отмечали каждый год у всех членов семьи. Особенно весело было в октябре: 5 октября – день рождения

С.В.Жеребцовой, 15 октября – Л.Н.Жеребцова и его сестры Эльвины, 16 октября – их матери, Серафимы Аполлоновны. Собирались обычно в доме по ул. Первомайской. Приходили, в основном, родственники: тетушки, двоюродные братья и сестры. Эти праздники проходили очень весело. Было много шуток, смеха. Особенно веселили компанию двоюродные братья Л.Н.Жеребцова – Альберт Коновалов и Эрик Окулов, балагуры и великолепные рассказчики. Обычно кого-нибудь выбирали тамадой, который брал в свои руки "организацию веселья". На Первомайской, 28 было тесновато, места для танцев не находилось. А когда родственники и друзья собирались на Интернациональной, 196, то включали патефон и ставили пластинки. На праздники к Жеребцовым частенько приходили Л.П.Лашук, литературовед А.А.Вежев, фольклорист А.К.Микушев, а позднее, с конца пятидесятых - начала шестидесятых годов – археологи Г.М.Буров и В.И.Канивец, историк Я.Н.Безносиков, Ю.В.Гагарин. Двое последних очень любили затевать между собой длинные и острые научные дискуссии, забывая и про праздник, и про все на свете.

Угощение на столе обычно было довольно простое: пельмени, котлеты, рыбники и пирожки (их пекла Серафима Аполлоновна), салаты, соленые огурцы и грибы – обычно все домашнего приготовления. Сам Л.Н.Жеребцов готовить что-либо не любил, и этим занимались женщины. Фруктов, помидоров на столе было немного – их с успехом заменяли морковь и репа. И, конечно же, во всех видах ели картофель: жарили, варили, пекли. Свободное время Л.Н.Жеребцов, помимо прежних увлечений (чтения и др.), посвящал фотографированию, снимал виды Сыктывкара. Современному сыктывкарцу ни за что не узнать на сохранившихся снимках улицы теперь уже далеких 50-х...

Ведущий коми этнограф.

После отъезда из Сыктывкара Л.П.Лашука в 1960 г. Л.Н.Жеребцов остался, по словам археолога, кандидата исторических наук В.И.Канивца, "единственным квалифицированным этнографом, работающим на территории Коми АССР, которые может вести подготовку кадров по данной специальности". Высоко отозвавшись о научной деятельности Л.Н.Жеребцова, Вячеслав Ильич особенно подчеркнул "широту его интересов". "Большинство его работ выходит за пределы этнографии и связано с вопросами истории, археологии, антропологии, с некоторыми проблемами этногенеза народа коми, с топонимикой и финно-угорским языкознанием". Руководство Коми филиала АН СССР в том же 1960 г. отмечало, что Л.Н.Жеребцов "подготовленный и имеющий... значительный практический опыт научный работник, способный не только сам вести самостоятельные исследования, но и оказы-

вать помощь и осуществлять руководство работами по своей специальности”.

Именно на плечи Л.Н.Жеребцова в шестидесятые годы лег груз организации и проведения этнографических исследований, обобщения и публикации их результатов, подбора и подготовки новых квалифицированных специалистов, в которых так нуждалась коми этнографическая школа. С января 1958 г. этнографические исследования проводились отделом истории, этнографии и археологии, который возглавлял кандидат исторических наук В.Н.Давыдов. В декабре 1961 г. этот отдел разделили на отдел истории и отдел этнографии и археологии; последний возглавил кандидат исторических наук Я.Н.Безносиков, являющийся ранее заместителем председателя Президиума Коми филиала АН СССР.

Ряды этнографов в 60-е гг. стали постепенно расти. В 1961 г. в аспирантуру Коми филиала АН СССР поступили Л.С.Грибова и Ю.В.Гагарин. Л.С.Грибова занималась вопросами древнего и традиционного искусства коми-зырян и коми-пермяков, Ю.В.Гагарин изучал дохристианские верования коми, историю православной церкви и старообрядчества в Коми крае. Позднее к ним присоединились Г.Н.Климова, исследовавшая текстильный орнамент и узорное вязание коми, Н.И.Дукарт, посвятившая свои работы анализу традиционных календарных обрядов и обычае коми, Г.П.Белорукова, внимание которой привлекли изучение быта и культуры населения современных поселков лесозаготовителей (до нее этими вопросами занимался П.А.Куратов). В семидесятые годы в коллективе этнографов появились Н.Д.Конаков, М.Б.Рогачев, Ю.П.Шабаев, О.В.Котов, И.В.Ильина и другие.

Едва ли не каждому из них первые шаги в науке помог сделать именно Л.Н.Жеребцов. Он первоначально являлся научным руководителем аспирантов Грибовой и Гагарина, научным редактором монографий Л.С.Грибовой (1980 г.), Ю.В.Гагарина (1971, 1976 гг.), Н.Д.Конакова и О.В.Котова (1983, 1989 гг.), многих сборников научных статей, в которых публиковались первые работы молодых исследователей, осуществлял руководство подготовкой и проведением этнографических экспедиций... Но мы, кажется, опять забежали вперед. Вернемся в год 1960-й...

С начала того года Л.Н.Жеребцов и Л.П.Лашук готовились к экспедиции на р.Локчим. Этот своеобразный район оставался пока вне поля их внимания, поскольку добраться туда было непросто. Экспедицию должен был возглавлять Лашук, из-за отъезда которого выезд на Локчим надолго задержался. Л.Н.Жеребцов рассчитывал, что в отдел будут приняты новые сотрудники-этнографы, но его надежды не оправдались, и в конце концов он отправился в экспедицию лишь в сопровождении художника - лаборанта И.М.Паршукова, составивший им компанию

младший научный сотрудник Е.С.Гуляев был занят сбором лингвистического материала.

Время для поездки было не самое благоприятное – начало осени. От первоначального плана (исследование населенных пунктов Кортке-росского, Позтыкеросского, Мординского и Лопыдинского сельсоветов) пришлось отступить: передвигаться наземным и водным транспортом в сентябре-октябре на Локчиме оказалось в большинстве случаев невозможным. Участники экспедиции долетели самолетом до Намска, оттуда добрались на машине до Лопыдино, затем обратно вернулись в Намск, самолетом направились в поселки Веж и Вырып и село Мордино. Из Мордино этнографы пешком двинулись в поселок Вэрью, таким же образом вернулись назад... В Потыкеросе самолет не садился, и от его посещения пришлось воздержаться, как и от поездки (или похода) в другие населенные пункты, где можно было надолго застрять из-за бездорожья.

Несмотря на капризы природы, Л.Н.Жеребцову удалось собрать богатый материал по самым разным вопросам, среди которых этнический состав и межнациональные отношения населения локчимских селений в дореволюционный им современный период, особенности хозяйства местных жителей, степень сохранности и бытования традиционных элементов материальной культуры, старинные и современные обряды, духовная культура, учреждения образования и культуры (их появление и современное состояние). Л.Н.Жеребцов делал записи, фотографировал наиболее важные и характерные объекты и предметы. Художник И.М.Паршуков зарисовал цветные изделия в красках, чтобы точнее передать оттенки цвета. Полученные исследователем данные были обобщены в научном отчете (в него были включены и архивные материалы), а позднее частично опубликованы в статьях “Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX – начале XX века” (1963 г.) и “Локчимский этнографический микрорайон” (1967 г.).

В 1960 г. в жизни Жеребцовых произошло еще два важных события. Первым из них стал переезд в новую квартиру: жить на Интернациональной в холодной, вечно темной (окна выходили на север) квартире с дымящей печкой и протекающей крышей, расположенной к тому же в стороне от центра города, было не слишком удобно. Новое жилье располагалось на одной из центральных улиц – Советской (при ее пересечении с улицей Бабушкина), в доме № 17. Мама вспоминает, что при первом “знакомстве” с квартирой та произвела на нее впечатление “господской”: второй этаж, солнечная южная сторона, две громадные, непроходные комнаты, огромная кухня, высокие потолки! В сравнении с этим печное отопление, отсутствие ванны и водопровода вообще, “удобства”, размещенные в общем коридоре - все это казалось мелочью... “Неужели тебе дадут такую хорошую квартиру?” – недоверчиво

спрашивала мужа С.В.Жеребцова. Отец сам начал было сомневаться в этом, и потому в тот день, когда все было окончательно решено, не помня себя от радости, прибежал на работу к супруге, дабы немедля сообщить ей приятную новость. (С.В.Жеребцова работала тогда в библиотечном коллекторе, в здании Центральной республиканской библиотеки). Быстро собрались и за один день перевезли все вещи. С.В.Жеребцова вспоминает, что страшно торопилась, поскольку очень боялась, что “начальство” передумает давать им такую “шикарную” жилплощадь. Помогали им и родственники (в первую очередь Эрик и Альберт), и друзья, и соседи по старому и новому домам (на Советской, 17 жили Коноваловы, Чеусовы, Митюшевы, Несанелисы и другие семьи, со многими из которых Жеребцовы вскоре подружились). Новоселье справляли несколько дней: всем родным и знакомым интересно было взглянуть на новое жилище Жеребцовых.

Забегая вперед, скажу, что в этой квартире семья Л.Н.Жеребцова прожила около пяти лет. В 1965 г. Жеребцовы переехали в другой деревянный дом – на улицу Орджоникидзе, 52. Та кваритра была поменьше, и потолки пониже, но зато в ней имелись такие блага цивилизации, как паровое отопление, водопровод, канализация и ванная. Правда, вода для ванны нагревалась в топившемся дровишками титане, готовить в кухне приходилось тоже на обычной плите (с дровами). Несколько лет спустя в доме появился газ, и морока с дровами кончилась...

Этот дом находится на перекрестке улиц Орджоникидзе и Юхнина. Тогда, в 60-х гг., это было тихое место. Если на Орджоникидзе движение было довольно оживленное, то на Юхнина автомобили сворачивали редко. Ребятня спокойно гоняла зимой шайбу прямо на проезжей части, а летом молодежь там же играла в волейбол. Машинам, собственно, по улице Юхнина и ехать-то было некуда: на месте рынка тогда еще только шло строительство, в районе школы № 21 и соседних домов располагалось картофельное поле, улица Красных партизан представляла собой неасфальтированный проулок, проехать по которому можно было лишь в сухое время (и то не без труда). Между улицей Красных партизан и Орджоникидзе находилось еще несколько небольших переулков (сейчас остался лишь Нагорный проезд), тоже неасфальтированных, вдоль которых располагались небольшие частные домики, бараки и – в лучшем случае – деревянные двухэтажные дома, между которыми тянулись высокие деревянные заборы... В 1981 г. Жеребцовы получили квартиру в девятиэтажном доме, построенном на месте бывшего городского молочного завода (на углу улиц Орджоникидзе и Карла Маркса). Наконец-то на пятьдесят шестом году жизни Л.Н.Жеребцов получил нормальное (а по тем временам – очень хорошее) жилье. А последние годы жизни Л.Н.Жеребцов провел в застраивавшемся на его глазах городском районе “Орбита”, в доме № 56 на улице Петрозаводской.

Вторым событие стало рождение сына в ноябре 1960 г. Родители были рады, что в семье теперь есть и дочь, и сын. Рассказывали, что Л.Н.Жеребцов чуть не подпрыгнул от радости, узнав, что родился мальчик. При выписке из роддома младенца чуть было не перепутали, принесли родителям другого малютку, но те вовремя заметили ошибку... Относительно имени мальчика мнения разделились, и дело решил жребий: Людмила вытащила бумажку, на которой было написано “Игорь”...

1961 год начинался для Л.Н.Жеребцова хорошо: 16 февраля он наконец-то стал старшим научным сотрудником (в те времена статус этой должности был куда выше, чем сегодня); вот-вот должна была выйти из печати его книга “Памятники народного зодчества Коми АССР”, подготовленная им на основе диссертации и других собранных в 50-е гг. материалов. Наконец долгожданное известие было получено: книга издана, готовый тираж лежит в типографии, ждет рассылки по магазинам и библиотекам. Л.Н.Жеребцов держал в руках сигнальный экземпляр, радовался прекрасному оформлению и большому количеству иллюстраций (фотографировал он сам). Но именно оформление неожиданно для всех и сыграло свою роль в печальной судьбе первой книги Любомира Николаевича...

Случилось так, что новенькая, пахнущая типографской краской книга попалась на глаза одному из тех, кто считал, будто бы до 1917 г. у коми народа не было ни истории, ни культуры, и то и другое появилось лишь “при свете Октября”, так что ни о каких памятниках дореволюционного зодчества не могло быть и речи. Фотографии старинных коми домов как громом поразили этого (оставшегося безвестным) “борца за историческую правду”. Экземпляр книги был немедля доставлен из типографии в отдел пропаганды Коми обкома КПСС и быстро перекочевал от сотрудницы отдела А.Протопоповой к заведующему А.Ф.Сюткину, а от него – к секретарю обкома по идеологической работе Н.Н.Рочеву.

Н.Н.Рочев в силу своей должности на “сигнал” не «отреагировать» не мог и пригласил к себе автора книги и его начальников Я.Н.Безносикова и В.Н.Давыдова на беседу, во время которой ознакомил их с мнением безымянного критика. Суть замечаний сводилась к «искажению советской действительности», поскольку памятниками народного зодчества в эпоху победившего социализма могли являться не старые дореволюционные домишки, иные из которых уже разваливались от старости, а такие славные плоды труда советских архитекторов и строителей как, например, новехонькое здание обкома КПСС, о чем бы ученым и следовало написать. Произнеся символические слова об обязанности ученых более отвественно подходить к работе, Н.Н.Рочев с миром отпустил всех по домам. Весь тираж книги во избежание даль-

нейших «разборок» с «критиками» решено было передать в библиотеку, а в продажу не пускать.

Но не тут-то было. Попытка Н.Н.Рочева уладить дело «миром» не удалась, и под давлением борца против «искажения советской действительности» (оказавшегося человеком весьма настойчивым и влиятельным) было принято иное решение – уничтожить весь тираж книги как идеологически вредной, пропагандирующей неверную точку зрения и искажающей достижения советской культуры. Попытка Л.Н.Жеребцова доказать несправедливость такого решения ни к чему не привела, и приговор был приведен в исполнение... Лишь несколько экземпляров книги были спасены директором Коми книжного издательства С.Раевским от уничтожения (один из них можно увидеть, например, в музее истории просвещения Коми края; увы, семья Жеребцовых этим раритетом похвастаться не может...). Вероятно, нелепость происходившего понимали многие руководители республики, но в ту эпоху вступаться за издание, заподозренное в «крамоле», было весьма опасно.

Стоит подчеркнуть, что на судьбе автора уничтожение его книги никак не отразилось Л.Н.Жеребцов вспоминал позднее, что был тогда обижен и очень зол, но каких-нибудь санкций по отношению к себе не ждал и за судьбу свою не опасался. Н.Н.Рочев, ставший через несколько лет заведующим отделом истории КФАН СССР, а затем – директором Института языка, литературы и истории, к Л.Н.Жеребцову относился с большим уважением и доверием. Об инциденте с книгой он в разговорах с Любомиром Николаевичем вспоминать не любил – видимо, сам переживал тот случай, а как-то объяснить принятие того решения, рассказать какие-либо подробности «дела», его обсуждения в «верхах» не мог. Уничтожение тиража он, кстати, считал неправильным, прямо сказав Л.Н.Жеребцову, что тогда “обком не разобрался”, как следовало поступить.

А.Ф.Сюткин, занявший в начале семидесятых годов один из ключевых постов в руководстве республики, также считал, что решение об уничтожении книги было ошибочным и при встрече предложил ученому переиздать ее. Л.Н.Жеребцов ответил, что лучше напишет новую книгу на ту же тему; на том и порешили. Н.Н.Рочев как директор института оказал Л.Н.Жеребцову необходимую поддержку в его работе, и вскоре рукопись была в издательстве. Но там побоялись браться за издание этой книги (историю с “Памятниками народного зодчества...” все еще хорошо помнили) без специального разрешения обкома КПСС. Только после последовавшего оттуда звонка рукопись была запущена в работу, и в 1971 г. книга “Крестьянское жилище в Коми АССР” увидела свет... Но этого счастливого финала пришлось ждать целое десятилетие.

С 1960 г. Л.Н.Жеребцов руководил работами по теме “История религии и атеизма в Коми АССР”, являлся исполнителем одного из разде-

лов этой темы. Кроме того, в 1961 г. группа этнографов приступила к разработке новой темы: “Изменения культурно-бытового уклада населения Коми АССР”. Любомир Николаевич осуществлял общее руководство исследованиями и сам работал над разделом, посвященным сельскому населению.

Переход к новой теме потребовал изменения методики экспедиционных исследований. Раньше коми этнографы во время экспедиций посещали довольно много поселений, но в каждом из них задерживались, как правило, лишь на несколько дней. Л.Н.Жеребцов подчеркивал, что такие “маршрутные экспедиции обеспечивали знакомство исследователя с большим количеством населенных пунктов. А сбор материала на разных участках маршрута позволял выявлять различие в элементах культуры и прослеживать их переходы на протяжении всего маршрута... Маршрутный метод сбора полевого материала был удобен в период, когда перед исследователем ставилась задача общего ознакомления с культурой и бытом населения, сбора этнографического материала по районам с целью выявления местных локальных различий для выделения этнографических районов в Коми АССР”. “Но... краткость пребывания в одном пункте не позволяла охватить весь возможный материал со всей полнотой и глубиной”, тем более при выделении этнографических районов – для этого “в дополнение к маршрутной экспедиции требовались стационарные исследования, чтобы выявить всю специфику района и особенно микрорайона, которая зачастую прослеживается только в деталях элементов (*культуры и быта – Авт.*)”.

В начале шестидесятых годов стационарные экспедиции стали особенно необходимыми, отмечал Л.Н.Жеребцов, поскольку во время кратковременного пребывания в том или ином населенном пункте изменения в быте жителей, в деталях культуры проследить было практически невозможно: мешала “известная настороженность и сдержанность населения, которая исчезает, когда люди привыкают к присутствию исследователей”. Конечно, стационарные экспедиции имели свои недостатки, поскольку объектом изучения становились один-два населенных пункта. Поэтому Л.Н.Жеребцов обращал внимание на необходимости тщательного выбора селений для изучения; они должны были быть непременно “характерными для данного этнографического района”, иначе выводы, которые сделают ученые на основе своей работы, не будут соответствовать общей ситуации в районе. Разумеется, стационарные экспедиции следовало по возможности сочетать с маршрутными, чтобы “выявить общие черты и тенденции развития культуры и быта в целом по району исследования”.

Первая стационарная экспедиция коми этнографов была осуществлена в 1961 г. Два месяца (июнь и июль) Л.Н.Жеребцов и художник И.М.Паршуков работали на Ижме. До райцентра – села Ижмы – они

добрались самолетом, там ученым предоставили лошадей, чтобы следовать в Сизябск. Это село и стало базой этнографического отряда: оно являлось центром ижемского оленеводства. Кроме Сизябска, Л.Н.Жеребцов и И.М.Паршуков обследовали и соседние селения – Бакур и Мохчу, работали в Ижме (в эти села они ходили пешком). Они не смогли непосредственно наблюдать быт самих оленеводов, поскольку оленеводческие бригады откочевали в тундру. Но в ходе работ был собран огромный материал по старым и современным элементам материальной и духовной культуры, формам хозяйствования. Основное внимание Л.Н.Жеребцов уделил изучению традиционной народной пищи, утвари и различных сторон быта (материалы по поселениям, жилищам и одежде были достаточно полно собраны во время предшествовавших экспедиций в 1949–1950 гг.). Изучал Любомир Николаевич также современные этнические взаимоотношения, семейно-брачные связи, господствующий язык в семьях и т.п. Результаты экспедиции были обобщены в научном отчете, хранящемся в научном архиве Коми научного центра УрО РАН; к отчету приложены четыре альбома с иллюстрациями.

В 1962 г. Л.Н.Жеребцов возглавил этнографический отряд, выехавший на Печору. В экспедиции участвовали также Л.С.Грибова, Ю.В.Гагарин, П.А.Куратов и М.Л.Федосеева, побывавшие в Троицко-Печорском и Усть-Цилемском районах. Первоначально Л.Н.Жеребцов планировал провести стационарные исследования, собрать материалы по традиционному и современному культурно-бытовому укладу печорских жителей, в том числе и старообрядцев. Но затем ученым поручили, помимо собственно этнографических исследований, заняться также “изучением состояния религиозных пережитков и борьбы с ними” и “разработкой проблем Камо-Печорского водохозяйственного комплекса”.

Л.Н.Жеребцову пришлось разделить отряд на две части, одна из которых вела стационарный исследования, а вторая (сам Любомир Николаевич, Ю.В.Гагарин и П.А.Куратов) – маршрутные, стремясь охватить как можно большее количество населенных пунктов, выявить памятники народного быта и искусства, дабы спасти их от гибели: предполагалось соединить Печору и Каму, а при этом огромная территория должна была уйти под воду; в зоне затопления оказалось бы немало разбросанных по берегам Печоры коми селений... Ученые были в ужасе от такой перспективы. Они стремились обосновать необходимость спасения населенных пунктов, расположенных там жилищ, вывоза их в те места, которые были бы избавлены от грядущего “потопа”. К счастью, создавать гигантское водохранилище раздумали, и старинные коми селения и по сей день стоят там же, где в XVIII–XIX столетиях поселились их первые жители...

Во время экспедиции Л.Н.Жеребцов собрал материалы по этнической истории, материальной культуре (в первую очередь, по поселениям и жилищам), хозяйственным занятиям населения, много фотографировал. Научный отчет об итогах экспедиции, написанный Л.Н.Жеребцовым в соавторстве с Л.С.Грибовой и П.А.Куратовым, не был опубликован и хранится в научном архиве КНЦ УрО РАН.

В 1963 г. этнографическая экспедиция, возглавлявшаяся Л.Н.Жеребцовым, продолжалась целых три месяца, с конца мая до конца августа. Сам Любомир Николаевич, Ю.В.Гагарин, П.А.Куратов и художник Л.П.Немчинова работали на верхней Вычегде, В Усть-Куломском районе, а другая группа (Л.С.Грибова и художник А.В.Мошев) обследовала населенные пункты Коми-Пермяцкого округа. Л.Н.Жеребцов подчеркивал, что в 1963 г. этнографические исследования Коми филиала АН СССР впервые вышли за пределы Коми АССР, что очень важно, поскольку изучение этнографами культуры, быта, этнической истории населения соседних с республикой областей способствует углублению этих исследований, уточнению выводов и научных гипотез.

Вначале отряд этнографов направился в самые верховья Вычегды (на территорию Вольдинского сельсовета), а оттуда – где пешком, где на попутных машинах или на нанятых лодках – ученые двинулись вниз по реке. Регулярное транспортное сообщение между населенными пунктами в верховьях Вычегды (вплоть до Усть-Кулома) отсутствовало, и ученым приходилось много времени тратить на поиски лодочников. В конце мая-июне Л.Н.Жеребцов и его коллеги обследовали поселки Ягкодж, Ярашью, Нижний Ярашью, село Помоздино, деревни Вольдино, Выльгорт и Скородум, в июле – Пожег, Пожегдин, Шахсикт, Тимшер, Лопьювад, Мыелдино, Базовский, Смолянку, Немский, Усть-Нем, в августе – Усть-Кулом, Кужбу, Кебанъель, Ульяново, Керчомью, Подъельск, Подтыбок, Наволок, Макаркерос и Лабором. Этнографы собирали статистический и иной документальный материал в сельсоветах и правлениях колхозов, в конторах леспромхозов и лесопунктов и, конечно же, постоянно расспрашивали местных жителей.

Во время этой экспедиции ученые впервые сделали попытку подворного обхода деревень Наволок и Лабором. Они побывали во всех домах этих селений, беседовали с их обитателями, собрали очень много конкретного материала. Правда, как заметил Л.Н.Жеребцов, эти обходы проводились уже под конец сезона, времени оставалось мало, и некоторая спешка не лучшим образом отразилась на качестве работы (по крайней мере, будь у ученых больше времени, они могли бы получить более подробные сведения об особенностях культуры и быта, хозяйственных занятий населения). Кроме записей, этнографы привезли из экспедиции много зарисовок, фотографий, приобрели несколько экспонатов для

музея; во время той поездки они впервые взяли с собой кинокамеру и засняли на пленку некоторые объекты исследования. Итоги проделанной во время экспедиции большой работы были обобщены Л.Н.Жеребцовым, Л.С.Грибовой и П.А.Куратовым в обстоятельном отчете, переданном на хранение в научный архив Коми филиала АН СССР.

В 1964 г. Л.Н.Жеребцов провел в этнографической экспедиции два с половиной месяца. Он выезжал в Коми-Пермяцкий округ, собирал там материалы по культуре и быту коми-пермяков в пограничной с Коми АССР зоне, изучал фамильный состав населения, работал в Кудымкарском архиве с документами XIX – начала XX веков, в местном музее. Ему помогали художник И.М.Паршуков и лаборант Е.А.Бирюкова. Затем Л.Н.Жеребцов, И.М.Паршуков и Е.А.Бирюкова проводили этнографические исследования на Сысоле – в Койгородке, Вотче, Визинге. Любомир Николаевич, помимо бесед и опросов местных жителей и изучения похозяйственных книг сельсоветов, занимался фото- и киносъемкой. Кроме того, Л.Н.Жеребцов и И.М.Паршуков выезжали также в Усть-Кулом. Другие этнографы работали отдельно, в селениях Коми-Пермяцкого округа, Койгородского и Сысольского районов Коми АССР. По окончании полевого сезона Л.Н.Жеребцов, Л.С.Грибова и П.А.Куратов написали научный отчет, к которому были приложены альбомы с многочисленными фотографиями и рисунками.

Экспедиции и обработка их материалов заняли в первой половине шестидесятых годов очень много времени. Но Л.Н.Жеребцов в 1961–1965 гг. успел также опубликовать несколько научных статей в различных сборниках по самой разной тематике (“О русских заимствованиях в народном жилище коми”, “К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края”, “Этнографический очерк современного населения Удоры” и др.), небольшую брошюру «“Божьи люди” как они есть» (в соавторстве с Ю.В.Гагариным), доработал написанный Л.П.Лашуком для второго тома “Очерков по истории Коми АССР” раздел о развитии культуры в советское время. Кроме того, он подготовил к изданию брошюру “Расселение коми в XV–XIX веках”, монографию “Удорские коми” (значительно дополнив написанный еще в пятидесятые годы вариант), но обе они еще несколько лет пролежали в его столе, прежде чем были опубликованы.

Одновременно Л.Н.Жеребцов работал над монографией “Культура и быт сельского населения Коми АССР”. В 1965 г. к подготовке книги подключился Ю.В.Гагарин, и в следующем году объемистый труд (25 авторских листов, 612 машинописных страниц) был завершен. Авторы включили в него собранные ими в последние годы в Усть-Вымском, Княжпогостском, Удорском, Ижемском, Прилузском, Усть-Куломском и других районах материалы. К сожалению, опубликована была (в 1968

г.) только третья часть работы – под названием “Быт и культура села”. Основное место в публикации, в соответствии с тогдашними требованиями, было отведено “социалистическим преобразованиям” и современному состоянию культуры и быта сельского населения. Л.Н.Жеребцов написал только главу “Состояние культуры на селе во II половине XIX – в начале XX вв.”, а также – в соавторстве с Ю.В.Гагариным – главу “Общественный быт крестьянства в конце XIX – в начале XX вв.”. Наконец, в те же годы Л.Н.Жеребцов выступил с докладами на нескольких научных конференциях и совещаниях в Москве, Минске, Саранске, Йошкар-Оле, Сыктывкаре и других городах, отредактировал несколько монографий и сборников статей.

В 1966 г. Л.Н.Жеребцов, П.А.Куратов и художник И.М.Паршуков выехали в экспедицию в Прилузский район. Около двух месяцев (июль и август) Любомир Николаевич работал, проводя всестороннее этнографическое изучение населения, собирая материалы о современном состоянии культуры и быта населения, пополняя сведения о традиционной культуре коми, исследуя процессы этнического смешения и культурного взаимовлияния различных народов. Помимо сбора полевого материала, ученые изучали фонды районного и сельского архивов. Обследовав Объячево, Спаспоруб, Слудку, Верхолузье, Ношуль, Л.Н.Жеребцов продолжил работу в Афанасьевском районе Кировской области, побывал в селах Афанасьево и Кытманово, а также изучил архивные документы в Кирове и Мурашах.

Полученные им данные о хозяйстве, общественном быте, семейном быте, населенных пунктах и жилищах прилузских коми, об особенностях хозяйства, культуры, быта, фамильного состава своеобразной этнической группы зюздинских коми-пермяков вошли в научный отчет, хранящийся в архиве Коми научного центра, были использованы в докладе на Уральском археологическом совещании в 1967 г. (“К вопросу о южных контактах коми”), в статьях “расширение национальных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период” (1968 г.), “О расширении этнических контактов населения Прилузья в современный период” (1970 г.), “У зюздинских пермяков” (1969 г.) и некоторых других более поздних публикациях.

В 1968 г. Л.Н.Жеребцов побывал с экспедицией в Ненецком округе и в Пинежском и Лешуконском районах Архангельской области, изучая связи русского и ненецкого населения этих территорий с коми. В своем отчете он отметил: “Собранный материал показал глубокое и разностороннее культурное воздействие коми на ненцев, которые даже утратили (частично) свой язык и перешли на коми язык. Именно под влиянием коми ненцы стали переходить к оседлости”. Собранные Л.Н.Жеребцовым на Пинеге, Мезени и нижней Вашке сведения “показали наличие финского (т.е. относившегося к финским народам – *Авт.*)

компонента в составе современного русского населения Пинеги. Существовал широкий и разносторонний обмен достижениями” в хозяйстве и культуре между русскими жителями этих районов и коми, “имели место и смешанные браки”. “Особенно значительными контакты (между русскими и коми – *Авт.*) были в XIX – I четверти XX вв. ...Сейчас больше наблюдается переселение коми из Удорского района в Лешуконский”. Полученные во время экспедиции полевые материалы и собранные в архивах сведения были обобщены Л.Н.Жеребцовым в работах “Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.)” (1972 г.) и “Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами” (1974 г.).

В следующем году Л.Н.Жеребцов продолжил экспедиционные исследования за пределами Коми АССР. В течение двух месяцев (июль-август) отряд этнографов (в его состав входили также Г.П.Белорукова и Г.И.Цивунина) работал в Новосибирской и Томской областях и Алтайском крае (первоначально вместо двух последних ученые намеревались вести работу в Омской области, но затем изменили свои планы, сочтя, что Томская область и Алтай более перспективны в научном отношении). Этнографы собирали материалы в областных, краевом, городском, районных и сельских архивах, в различных учреждениях и на предприятиях, в отдельных населенных пунктах, среди разных слоев и групп населения, ища сведения о коми переселенцах.

Полученные учеными данные оказались чрезвычайно интересными. Оказалось, что в XVIII–XIX вв. довольно много коми переселилось в Западную Сибирь и на Алтай. В архиве Алтайского края было обнаружено много списков рабочих Колывано-Воскресенских заводов Демидова, в которых указывалось, что эти рабочие происходили из коми крестьян - выходцев из Жешарта, Усть-Кулома, Ношуля и других мест. В Томском архиве нашлись сведения о коми переселенцах конца XIX – начала XX вв.. Л.Н.Жеребцов обратил внимание на то, что в Сибири и на Алтае много населенных пунктов, названия которых можно связать с коми: Зыряновка, Новозыряновка, Паутово, Гилевское, Гутово в Алтайском крае, Туруновка, Сизево и др. в Новосибирской области, Зырянское и т.п. в Томской области, Зырянка, Новогутово и т.д. в Кемеровской области...

Большинство коми, переселившихся в Сибирь, ко времени приезда этнографов уже давно забыли о своем происхождении, и только их фамилии указывали, откуда они родом (Мезенцев, Лузин, Сысолятин, Зырянов и другие). Но некоторые группы коми сохранились в этих далеких краях и по сей день. В частности, Л.Н.Жеребцов побывал в селах Зыряновка и Новозыряновка на Алтае, где обнаружил потомков переселенцев из верхнесысольских селений (в Зыряновке) и из коми-пермяцких селений с Язьвы. Оказалось, что потомки коми до сих пор

сохранили свой язык (лишь последнее, молодое поколение уже не пользуется им), хотя считают себя русскими (до начала сороковых годов они записывались в официальных документах как “зыряне”). Национальная специфика материальной культуры и быта обитателей этих сел почти исчезла.

Эти и многие другие сведения вошли в написанный Л.Н.Жеребцовым научный отчет Сибирского этнографического отряда, в его публикации “В Сибирь в поисках хлебных земель”, “Коми издавна ходили в Сибирь”, “Коми в Западной Сибири”, “К вопросу о роли коми в открытии Сибири и Дальнего Востока” и другие. В 1970 г. Л.Н.Жеребцов участвовал в III Международном конгрессе финно-угроведов в Таллине, где выступил с докладом “Современное коми население Западной Сибири”, вызвавшим большой интерес ученых.

В ноябре 1969 г. Л.Н.Жеребцов выехал в новую экспедицию, посетив в течение двух месяцев Интинский район Коми АССР, Ненецкий округ Архангельской области и Ямало-Ненецкий округ Тюменской области. Собранный им материал подтвердил сделанный им ранее вывод о большом культурном влиянии коми на ненцев, выявил определенную специфику быта ижемских коми, живших за пределами республики.

Помимо экспедиций, подготовки статей и работы над фундаментальным научным отчетом “Этнокультурные связи народа коми с соседними народами”, в 1969 г. Л.Н.Жеребцов много времени уделил изучению вопроса о создании в Коми АССР музея-заповедника, в котором были бы собраны традиционные жилые и хозяйственные постройки коми и русского населения республики. Вместе с Я.Н.Безносиковым и Ю.В.Гагариным он разработал принципы и задачи организации музея под открытым небом, подчеркнул огромное значение такого музея для сохранения памятников народного зодчества, для просветительских целей, выдвинул свои предложения относительно состава экспонатов, подбора кадров для музея и т.д. Для изучения опыта организации подобных музеев Л.Н.Жеребцов побывал в музеях-заповедниках Таллина и Риги. После долгой, кропотливой работы, споров относительно возможного местонахождения музея под открытым небом ученые подготовили обстоятельный труд “К вопросу о создании в Коми АССР музея-заповедника”, в котором обосновали необходимость его организации. Наиболее подходящим местом для музея они признали местечко Красная Гора близ Сыктывкара и часть старого города, прилегающую к Вознесенской церкви в Кируле: “Здесь имеется возможность создания типичного пейзажа нашей северной деревни с церковью на видном месте”.

Сам музей, по их мнению, должен был состоять из коми и русского секторов. Коми сектор предполагалось разделить на пять частей, в каждой из которых были бы представлены традиционные постройки крупного этнографического района: Лузско-Летского, Сысольско-

Вычегодского, Вымско-Вычегодского, Удорского и Ижемского. Русский сектор планировали поделить на две части, посвященные русскому крестьянскому быту верховьев Печоры, нижней Печоры, нижней Лузы, низовьев Вычегды, и русскому заводскому быту (Серегово, Нювчим, Кажим). К сожалению, труд Л.Н.Жеребцова, Я.Н.Безносикова и Ю.В.Гагарина в конечном итоге оказался проделанным напрасно: прекрасная идея музея под открытым небом так и не была воплощена в жизнь. 17 лет спустя, будучи в замечательном музее-заповеднике Малые Карелы под Архангельском (он начал строиться как раз тогда, когда Л.Н.Жеребцов и его коллеги работали над своим проектом), мой отец с грустью вспоминал о своих усилиях, говорил, что такой же музей мог бы быть сейчас и в окрестностях Сыктывкара...

Во главе сектора этнографии.

1 апреля 1970 г. на основе отделов этнографии и археологии, истории, языка и литературы был образован Институт языка, литературы и истории. Его директором стал Н.Н.Рочев. Из числа наиболее авторитетных ученых был образован Ученый совет института, в состав которого вошел и Л.Н.Жеребцов (ранее он принимал участие в работе Ученого совета при Президиуме Коми филиала АН СССР, Ученого совета гуманитарных подразделений КФАН).

В июне-июле 1970 г. Л.Н.Жеребцов находился в этнографической экспедиции в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, собрал большой материал о коми-ненецких и коми-угорских этнокультурных связях. Руководимый им отряд (в него входили еще три человека) побывал в городах Салехарде и Ханты-Мансийске, поселке Березово и селах Мужи и Саранпауль. Л.Н.Жеребцов беседовал с жившими там коми, занимался кино- и фотосъемкой; художник И.М.Паршуков зарисовал более ста предметов народного быта. Большое внимание было уделено сбору статистических данных в окружных архивах, архивах ЗАГС и сельсоветов, характеризующих, в частности, процессы этнического смешения, распространения смешанных браков среди переселенцев. Работал Л.Н.Жеребцов и с фондами местных музеев.

По возвращении в Сыктывкар в течение двух месяцев он обрабатывал собранные данные, предварительный анализ которых позволил ученому говорить об устойчивости группы зауральских коми-ижемцев, сохранивших самосознание, язык, культурно-бытовую специфику, о значительном влиянии зауральских коми на местные народы. Полученные Л.Н.Жеребцовым сведения и выводы были позднее опубликованы в упоминавшейся работе “Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами”. В ноябре 1970 г. он вновь отправился в экспедицию - на этот раз в южные районы Тюменской области в

поисках следов коми переселенцев в деревнях, носивших коми названия, в старинных документах, хранившихся в архиве города Тобольска.

На следующий год Л.Н.Жеребцов отправился совсем в другую сторону – на Кольский полуостров. Вместе с художником И.М.Паршуковым и лаборантом Н.К.Зиновьевой он два месяца изучал расселение коми по Кольскому полуострову, этническое смешение их с саамами, хозяйственно-культурное влияние коми на саамов. Основную часть времени этнографы провели в селах Ловозеро и Краснощелье – главных центрах оленеводства, в которых сосредоточено коми население полуострова. Они изучали культуру и быт коми переселенцев, материалы местного музея и архива, похозяйственные книги сельсоветов, побывали также в Мурманске (в областных архиве и музее), собрали сведения об истории появления переселенцев на Кольском полуострове, об их современном состоянии, вошедшие в написанный Л.Н.Жеребцовым научный отчет. К отчету были приложены два альбома с фотографиями и два альбома с цветными рисунками, сделанными во время экспедиции. Кроме того, Л.Н.Жеребцову удалось побывать в Вологде, где он работал в архиве, изучая документы о переселениях коми в Сибирь.

В том же году вышла и упоминавшаяся уже его книга “Крестьянское жилище в Коми АССР”. Выступая по телевидению, Л.Н.Жеребцов сказал: “В книге “Крестьянское жилище...” я хотел на примере отдельных строений показать богатство народной архитектуры, через описание наиболее типичных памятников раскрыть перед читателями своеобразие местного зодчества, подчеркнуть особенности, характерные только для жилища коми народа”.

В 1972 г. Л.Н.Жеребцову удалось издать две чрезвычайно важные и интересные работы. Одна из них, монография “Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века”, была выпущена в Москве издательством “Наука”. Велика была радость Любомира Николаевича: во-первых, это была его первая книга, вышедшая в столь солидном издательстве, а во-вторых, он ждал ее публикации с середины пятидесятых годов. По словам Л.Н.Жеребцова, “основная цель этой работы состоит в том, чтобы разрешить некоторые вопросы, связанные с этнической историей народа, такие, например, как время и пути заселения Удорского края коми переселенцами, состав древнего населения, дать этнографическую характеристику этой специфической группы коми”. Видный коми ученый Э.А.Савельева дала высокую оценку монографии, подчеркнув, что “она является важным вкладом в изучение истории и культуры народа коми” (этот отзыв опубликован в данной книге).

Во второй работе “Расселение коми в XV–XIX веках” Л.Н.Жеребцов подвел первые итоги своих длительных исследований в области этнической истории коми. Характеризуя эту публикацию,

Э.А.Савельева отмечала, что в ней «Л.Н.Жеребцов дает довольно четкую картину постепенного расселения коми и русских». Сам Любомир Николаевич подчеркивал, что его брошюра “Расселение коми...” адресована не только ученым, но и всем, кто интересуется историей своего края, вопросом “когда возникло то или иное селение, откуда люди пришли в него, какие фамилии они носили, к какой национальности они принадлежали”. Написанная в научно-популярной форме брошюра действительно вызвала большой интерес у читателя и быстро исчезла с прилавков...

Осенью 1972 г. Л.Н.Жеребцов некоторое время исполнял обязанности заведующего отделом этнографии и археологии (Я.Н.Безносиков перешел на работу в Коми госпединститут). 14 сентября 1972 г. Президиум Коми филиала АН СССР принял решение об изменении структуры Института языка, литературы и истории. В частности, предполагалось разделить отдел этнографии и археологии на два самостоятельных сектора. Л.Н.Жеребцов поддерживал эту идею, полагая, что в отделе сложились достаточно авторитетные группы этнографов и археологов, которые вполне могут работать самостоятельно.

На должность заведующего сектором этнографии конкурсная комиссия Коми филиала АН СССР 24 октября 1972 г. рекомендовала избрать Л.Н.Жеребцова. Через неделю Ученый совет ИЯЛИ единогласно проголосовал за избрание Любомира Николаевича на эту должность. Поскольку отдел этнографии и археологии еще не был разделен на секторы, с 1 ноября 1972 г. Л.Н.Жеребцов был утвержден заведующим отделом (согласно приказу по Коми филиалу АН СССР от 14 ноября). Наконец, 8 января 1973 г. был образован самостоятельный сектор этнографии, и Л.Н.Жеребцов стал его заведующим. На этой должности он проработал свыше 16 лет. Именно благодаря его руководству сектор стал одним из наиболее авторитетных научных подразделений института.

В 1971–1980 гг. Л.Н.Жеребцов руководил этнографическими исследованиями по теме “Этническая история и вопросы традиционной культуры народа коми”. Сам он углублено исследовал вопросы этнокультурных связей коми с соседями. Первоначально Любомир Николаевич уделил основное внимание изучению коми-ненецких и коми-угорских взаимных связей, подготовив к 1974 г. первый вариант монографии “Этнические и культурно-исторические взаимосвязи коми с финно-уграми и самодийцами” объемом 10 авторских листов. В отзыве на рукопись научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР В.В.Политов писал, что эта работа «будет весьма интересна для всех историков, специалистов-этнографов, занимающихся изучением этнокультурных связей народов Севера» (отзыв опубликован в данной книге). Однако эта монография не была издана. Основные ее положения в краткой форме были изложены в уже упоминавшейся работе “Этнические и культурно-

исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами” (1974 год), в статьях “Взаимоотношения коми с хантами и манси” (1974 год), “Коми на Кольском полуострове” (1974 год), “Историко-культурные связи коми и саамов” (1976 год) и других. А сама рукопись была сдана в архив Коми филиала АН СССР в качестве научного отчета в 1975 г.

Но это не означало, что Л.Н.Жеребцов вовсе отказался от мысли издать работу, посвященную столь интересной и важной проблеме. Он решил продолжить исследование этой темы, углубить ее разработку, включив в книгу материалы о коми-русских контактах. С 1976 г. Л.Н.Жеребцов стал целенаправленно собирать материал о взаимосвязях коми и русского народов в экспедициях, архивах, а также в опубликованных документах и исследованиях. “Работа видится в плане монографии, – писал он в 1977 г. – Ее окончание намечено к 1980 г.”

Л.Н.Жеребцов неоднократно выезжал в низовья Вычегды, на р. Юг и в некоторые другие районы Архангельской и Вологодской областей “с целью выявления следов обитания предков коми”, изучал современный фамильный состав местного населения, топонимику, фонды архивов, встречался и беседовал с выходцами из Коми края, переселившимися в бассейн Юга в последней четверти XIX в. В одной из таких экспедиционных поездок летом 1977 г. довелось участвовать и мне. Навсегда запомнилось наше путешествие: то по реке, то по железной дороге, самолетом, автобусом, на попутных автомашинах, посещение Котласа, Устюга, Никольска, далеких деревенек с “пермянскими” названиями, где с удивлением глядели на невесть откуда взявшихся “ученых мужей” из Академии наук. “Ученые мужи” – представил нас в сельсовете секретарь Никольского райкома КПСС, решивший лично свозить нас в одно из сел; отец, улыбнувшись, уточнил: “Ученые и учащиеся” (я тогда еще учился в школе).

В 1979 г. Л.Н.Жеребцов закончил работу над монографией “Этническая история и историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами”. Издательство “Наука” включило ее в план редакционной подготовки на 1980 г. (порекомендовав, правда, сократить название и убрать “Этническую историю”). В январе 1980 г. рукопись следовало представить в издательство, но, к несчастью, как раз в это время Л.Н.Жеребцов заболел (в больнице обнаружилось, что у него сахарный диабет). Оформление рукописи задержалось, и ее отослали в Москву только в конце января. Как не представленную в срок (хотя запоздала она всего на неделю), работу возвратили автору назад... Но, в конце концов, рукопись монографии была принята (большую помощь в этом оказал Любомиру Николаевичу его товарищ и коллега, видный этнограф Р.Ф.Итс; не остался в стороне и возглавлявший тогда Президиум КФАН СССР В.П.Подоплелов, с которым у Л.Н.Жеребцова были до-

вольно тесные дружеские отношения), и издательство “Наука” опубликовало ее – хотя и несколько позже, чем предполагалось, в конце 1982 г.

Монография “Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X – начало XX вв.)” стала, пожалуй, главной работой Л.Н.Жеребцова, итогом его многолетних исследований, начатых еще в пятидесятые годы. На страницах своей книги Л.Н.Жеребцов осветил историю первоначального заселения бассейнов Вычегды и Печоры (разумеется, на основе доступного тогда материала), формирования здесь постоянного населения и появления предков коми-зырян, показал, как формировалась территория Коми края, как и когда он вошел в состав Русского государства, каким образом происходило переселение коми за пределы своей этнической территории, как складывались отношения между коми и соседними народами, что коми заимствовали у русских, ненцев и других и какие хозяйственное и культурное влияние сами оказывали на своих соседей по региону.

Этот фундаментальный труд вызвал живейший интерес отечественных и зарубежных ученых, что было вполне понятным: “У нас еще не появлялось исследования, в котором бы так убедительно освещалось такое количество важных и сложных проблем истории коми”, – подчеркивал вскоре после выхода книги этнограф Н.Д.Конаков.

Известная венгерская исследовательница Э.Сий в рецензии на монографию писала: “Книга Л.Н.Жеребцова верно отражает ту огромную работу, которую проделал лично автор, а также его предшественники и современники по выяснению почти беспредельного числа вопросов. Она является великолепным вместилищем всего, что можно знать сегодня об этнической истории коми, о характере их отношений с соседями. Книга является поучительным чтением для исследователей финно-угорских народов и языков”.

Еще во время подготовки монографии к изданию коллеги, друзья, руководство института высказывали мысль о возможности защиты на ее основе докторской диссертации. А после публикации книги это мнение еще более окрепло. Сам Л.Н.Жеребцов к получению степени доктора исторических наук особенно не стремился, полагая, что это уже не добавит ему ни известности, ни авторитета в научных кругах: и того, и другого у него было достаточно (показательно, например, что крупный отечественный этнограф член-корреспондент Академии наук СССР К.В.Чистов всегда адресовал свои письма “доктору наук” Л.Н.Жеребцову). Забот же с оформлением докторской диссертации было хоть отбавляй. Тем не менее, в начале восьмидесятых годов Л.Н.Жеребцов подготовил первый, черновой вариант диссертации, побывал в Москве, показал рукопись видному этнографу В.В.Пименову, Л.П.Лашуку и некоторым другим ученым. Л.П.Лашук отрецензировал предложенный вариант, высказал свои замечания и пожелания автору и

посоветовал не тянуть с подготовкой окончательного варианта. Любомир Николаевич тем не менее с доработкой диссертации не спешил. Но уговоры друзей и коллег (очень настаивал на подготовке диссертации на основе монографии В.В.Пименов), настояния руководства института и Коми филиала все же сделали свое дело, и Л.Н.Жеребцов решился отложить в сторону все прочие заботы и сесть за докторскую диссертацию.

Дел же было великое множество: руководство сектором, чтение, обсуждение, рецензирование и редактирование трудов этнографов, сотрудников других отделов и секторов института, работников музеев и других организаций, участие в заседаниях Ученого совета ИЯЛИ и прочая научно-организационная работа отнимала уйму времени ("работа заведующего – вредная", – частенько говорил в связи с этим Л.Н.Жеребцов). В 1972–1978 гг. Любомир Николаевич являлся ответственным редактором 13-го и 17-го выпусков "Трудов ИЯЛИ", заместителем редактора 16-го выпуска, ответственным редактором монографии Ю.В.Гагарина "История религии и атеизма народа коми", редактором "Известий Коми филиала Географического общества СССР", "Вопросов аграрной истории Европейского Севера" и т.д. В 1978–1982 гг. он являлся редактором монографий Л.С.Грибовой, Н.Д.Конакова, Г.Н.Климовой, В.С.Стоколоса и К.С.Королева, 20-го и 28-го выпусков "Трудов ИЯЛИ" и других изданий.

В 70-х гг. Л.Н.Жеребцов активно участвовал в различных конференциях (например, в 1972–1977 гг. он выступал с докладами на IV Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште, на Всесоюзных этнографических совещаниях в Нальчике, Таллине и Душанбе, на научных конференциях в Вологде, Тарту и т.д.). В 80-е гг. Любомир Николаевич стал ездить меньше ("В последние годы стараюсь направлять на конференции молодых научных сотрудников для приобретения опыта", – писал он в конце 1982 г.), однако продолжал готовить доклады для различных научных конференций и совещаний, особенно для проводившихся в Сыктывкаре (среди них VI Международный конгресс финно-угроведов, краеведческие конференции и т.п.). За пределы республики он в последний раз выезжал в 1986 г. – в Архангельск для участия в научной конференции "М.В.Ломоносов и север". Кроме того, Л.Н.Жеребцов читал лекции и спецкурсы в Коми пединституте и Сыктывкарском университете, возглавлял в этих вузах Государственные экзаменационные комиссии, разрабатывал программу занятий в Малой академии школьников и преподавал там, часто выступал по телевидению и радио, в печати, вел переписку с краеведами и заинтересовавшимися его публикациями и выступлениями читателями...

Заниматься всем этим и одновременно работать над докторской диссертацией было, конечно же, невозможно. Л.Н.Жеребцов взял твор-

ческий отпуск на три месяца, чтобы сосредоточиться на диссертации. Он думал даже уехать из города в Шошку, где находилась дача его тещи, Надежды Ивановны, дабы там в уединении спокойно заниматься делом, но, в конце концов, остался в Сыктывкаре. К маю 1985 г. работа была готова.

6 мая 1985 г. диссертация Л.Н.Жеребцова “Этно-культурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X – начало XX вв.)” обсуждалась на заседании сектора этнографии и была единодушно рекомендована к защите. В заключении сектора говорилось, что “автору удалось показать специфику этно-культурных взаимоотношений коми с каждым соседним народом. Работа показывает взаимоотношения соседствующих народов в развитии, в динамике. Ярко освещается процесс сложения их дружеских взаимосвязей”. Коллеги по сектору подчеркивали научную новизну исследования (отзыв опубликован в данной книге).

В последующее время диссертация была обсуждена на заседании Ученого Совета Института языка, литературы и истории КФАН СССР и также была рекомендована к защите. Были достигнуты предварительные договоренности с учеными Института этнографии в Москве относительно проведения там защиты, подготовлен автореферат, но... Увы, защита так и не состоялась: подвело здоровье. Подготовка диссертации отняла у Л.Н.Жеребцова много сил, да и возраст сказывался. И вот нежданно-негаданно – инфаркт. Врачам удалось спасти жизнь Л.Н.Жеребцова, он вернулся к работе, но защиту диссертации пришлось отложить – предполагалось, что лишь на время, но она так и не состоялась...

Последние годы жизни.

С 1987 г. Л.Н.Жеребцов сосредоточился на подготовке обстоятельнейшего труда – “Очерков этнографии коми”. Написание такой книги было его давнишней мечтой. 11 марта 1988 г. он ушел с должности заведующего сектором, стал работать старшим научным сотрудником, отдавая все силы работе над “Очерками”. Во многом благодаря его усилиям был заложен прочный фундамент для создания этой обобщающей работы, которая, по мысли Л.Н.Жеребцова, должна была подвести итог работе нескольких поколений этнографов. Был подготовлен обстоятельный план-проспект монографии, публикуемый в данной книге, написаны некоторые очерки, с которыми читатели этой книги также могут познакомиться. К сожалению, во второй половине 80-х гг. в дружном ранее коллективе этнографов по разным причинам начался некоторый разлад, что, естественно, не способствовало плодотворной совместной научной работе. Любомир Николаевич видел в этом и какие-то свои упущения, сильно переживал, беспокоился за дальнейшую судьбу отде-

ла (и, вероятно, не без оснований). Планировалось, что рукопись книги будет готова в январе 1990 г. Но завершить работу над «Очерками» в срок не удалось. 28 февраля 1990 г. Л.Н.Жеребцов вышел на пенсию.

Оставив институт, научной работы Любомир Николаевич не оставил. Мы вместе подготовили к проходившему в Венгрии в 1990 г. VII Международному конгрессу финно-угроведов работу “Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края”. Затем Л.Н.Жеребцов планировал заняться обобщением материала об этнографических группах коми, подготовив или серию научно-популярных брошюр (о каждой группе в отдельности), или общую обстоятельную книгу. Сохранился составленный им в 1990 г. план книги “Этнографические группы народа коми”: “Введение. Формирование этнографических групп коми. Очерк I. Удорские коми. Очерк II. Прилузские коми. Очерк III. Сысольские коми. Очерк IV. Вымские коми. Очерк V. Верхневычегодские коми. Очерк VI. Ижемские коми. Очерк VII. Верхнепечорские коми. Заключение. Иллюстрации». Объем книги должен был составлять от 15–17 до 26 авторских листов (сокращенный и более подробный варианты). Кроме того, Л.Н.Жеребцов намеревался написать книгу воспоминаний “Дороги этнографа” и некоторые другие работы. Он надеялся, что впереди у него еще много времени...

В конце 1990 г. Л.Н.Жеребцов вновь попал в больницу (пошаливало сердце), подлечился. Большого значения этому он не придал, и мы, видя его бодрое настроение, тоже считали, что ничего серьезного не происходит. Пожалуй, только моя сестра Людмила что-то предчувствовала – помнится, она строго выговаривала мне за то, что я не сразу сообщил ей о том, что отец в больнице. В феврале 1991 г. Л.Н.Жеребцов снова слег в больницу. Казалось, его состояние не вызывает особого беспокойства. Через неделю после начала лечения он, по его словам, чувствовал себя нормально, врачи тоже были настроены оптимистично и собирались вскорости выписать его.

Я побывал у него 11 февраля, сказал, что собираюсь в командировку – поработать в ленинградских архивах. Мы обсудили, где и как мне лучше работать, на какие источники обратить основное внимание, поговорили о новых книгах (отец был очень доволен, что стало издаваться довольно много художественной литературы) и расстались – думали, что на две недели, а оказалось, что навсегда... 14 февраля моя жена Лида посетила его в больнице: отец был бодр, жизнерадостен, сказал, что во вторник, 19 февраля, его выпишут. 19 февраля мы его похоронили... Соседи по палате потом сказали, что рано утром 17 февраля (было воскресенье) отцу внезапно стало плохо (новый инфаркт). Врачи, находившиеся в больнице, ничего не смогли сделать, и Л.Н.Жеребцов скоропостижно скончался, не прожив и года после ухода с работы, не завершив начатых трудов. Мама часто вспоминает слова, сказанные отцом в по-

следний год жизни: “Я достиг в жизни, чего хотел, сделал, что смог. Конечно, не все успел написать...” Он надеялся, что не законченное им звершат после него другие...

Отец не любил говорить о смерти, но как-то в разговоре с коллегами полушутя сказал, что предпочитает быть похороненным на тихом сельском кладбище в Шошке. Желание его было исполнено. Путь из Сыктывкара в Шошку оказался последним для этнографа Любомира Жеребцова. Теперь другие этнографы идут по тем дорогам, которые им проторены, делают научные открытия, публикуют новые интересные работы, продолжая и развивая начатые Л.Н.Жеребцовым и его современниками исследования. “Сколько нужно лет, чтобы изучить этнографию коми?” – вопрос этот остается открытым...

ТАКАЯ МАЛЕНЬКАЯ ВСЕЛЕННАЯ – НАШ ДОМ*

“Рубили предки сруб горючий...”
А.Блок

– По-моему, в гуманитарную науку никогда не было “массового наплыва” молодежи. Молодые всегда стремились к решению глобальных задач – на ударных стройках, целине, БАМе... И трудно однозначно ответить: хорошо ли, плохо ли это было для науки... Все-таки научная работа требует особого настроя. Тем более сейчас, когда, например, в этнографии сделано уже многое и трудно ожидать крупных, эпохальных открытий и обобщений, как в технике или естествознании...

Любомир Николаевич на секунду замолкает, потом неожиданно улыбается, словно что-то вспоминая.

– ...Очень важно помочь молодому ученому увидеть свое направление. Он хочет заниматься историей, куда ему идти? В археологию? Да, на первый взгляд, романтично. В “чистую” историю? А не скучно ли - с документами работать, пыльные бумажки, мол, переворачивать? Он сам не знает, что его привлекает, и здесь так необходимо ему помочь! Иначе... Самое страшное в жизни - разочароваться в своей работе. Или – потерять любимую работу...

Этнография... Ей он отдал всю свою жизнь. Иногда говорят: “Коми этнография – это Жеребцов”. В общем-то правильно и... неправильно. До Любомира Николаевича были, конечно, ученые, изучавшие быт, культуру, этническую историю коми народа. Но они разрабатывали отдельные вопросы коми этнографии, часто – вкупе с этнографией других народов. И еще. Все эти ученые – русские. Жеребцов был первым коми, который начал исследовать материальную и духовную культуру своего народа, его происхождение, взаимоотношения с другими этносами, то есть весь комплекс этнографических задач и проблем.

---

* Л.Н.Жеребцов был известным ученым, часто выступал в газетах, журналах, по телевидению и радио, рассказывая о разнообразных научных открытиях, но вот о нем самом – о его жизни, его взглядах на науку – публикаций в прессе почти не было. Пожалуй, единственным крупным материалом, посвященным Л.Н.Жеребцову, было интервью, взятое у него в 1986 году корреспондентом газеты “Молодежь Севера” А.Е.Зелинским. Мысли, высказанные ученым в этом интервью, интересны и сегодня, а тот номер газеты вряд ли кто сможет теперь найти... Текст печатается по газетной публикации (Зелинский А. “Такая маленькая вселенная – наш дом” // “Молодежь Севера”, 21 сентября 1986 года).

И все-таки коми этнография (пусть и не вся) – это Любомир Николаевич Жеребцов. Пожалуй, нет такого вопроса (от характерных типов крестьянского жилища до участия коми в освоении Сибири и Дальнего Востока), которые бы он не исследовал. А этнографом, между прочим, он стал случайно.

В 1943 году подал документы в коми пединститут. Хотел было пойти на исторический факультет, да отговорили знакомые: все парни идут на физмат! Он тоже пошел... Месяц ходил. Потом понял: нет, здесь он ничего не понимает. Перевелся на исторический и стал единственным (!) студентом этого курса. Время было такое: лишь позже к нему присоединились двое демобилизованных солдат.

А об этнографии впервые услыхал лишь через несколько лет, когда поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР. Места были только на эту специальность, да еще на археологию. И тут он встретился с Алексеем Семеновичем Сидоровым – исследователем языка, фольклора, музыкального творчества, верований древних коми. Тот и расшифровал Жеребцову, чем занимается наука, название которой переводится как “народоописание”...

– Важнейшая и необходимая черта этнографа – его коммуникабельность. Если ученый не сумеет найти общий язык с информантом, то материал собрать не сумеет. Ведь много, очень много сведений мы черпаем из людской памяти. Был однажды у нас такой случай. Молодой специалист изучал традиционные обряды. Составил вопросник, опросил людей, но почему-то преимущественно молодых. Скорее всего потому, что ему легче было с ними разговаривать. “Какие вы знаете родильные обряды?” – “В первый раз о них слышу!” – большинство ответов были примерно такими. Вывод поразил всех: коми народ вообще никогда не знал таких религиозных обрядов! Так неправильный адрес дал неверный результат...

– И, конечно же, очень хорошо бы этнографу уметь рисовать, чертить, фотографировать... Еще более важно – знать язык изучаемого народа.

Характерный штрих: предшественники Л.Н.Жеребцова в коми этнографии, даже такие мэтры, как, например, В.Н.Белицер, Л.П.Лашук, коми языка не знали и работали с переводчиками. Любомир Николаевич, кстати, и неплохо фотографирует: многие его книги по традиционной культуре иллюстрированы им самим.

– Вы более трех десятков лет в науке. Можно ли вести речь о “научной школе” Жеребцова?

– Пожалуй, нет. Школа – это когда крупный ученый открывает направление, а ученики развивают, углубляют исследования. Через мои руки прошло много молодых ученых. Но заниматься мне приходилось не одной какой-нибудь проблемой, а буквально всеми во-

просами этнографии. Здесь, в Сыктывкаре, на нас была возложена задача организации экспедиций, публикаций, а в головных институтах – Москвы и Ленинграда – научные руководители моих сотрудников обеспечивали уровень кандидатских диссертаций и их защиту. Честно скажу, готовили мы хороших молодых ученых: научные работы сотрудника сектора Михаила Рогачева, например, сейчас широко известны в Советском Союзе. Многие наши сотрудники работают в крупных научных центрах.

Жеребцов делает паузу и заканчивает с ноткой горечи:

– Многих готовили, да немногих сохранили...

Всю жизнь он отдал этнографии, строил здание коми науки почти на минимальном фундаменте. Понятна его горечь: долгие годы отдать подбору, воспитанию кадров, кропотливой подготовке ученых-единомышленников – и лишь с немногими работать сегодня. А ведь организаторская работа порой мешала собственным исследованиям. Он сейчас признается: да, многого не успел. Не написал еще как минимум трех больших трудов, в том числе об истории заселения территории Коми, об участии коми в освоении Сибири... Но надеется, что его работу продолжит сын Игорь, что он пройдет по жизни так же целенаправленно и упорно...

– Какие, на Ваш взгляд, существуют черты, характеризующие характер, "душу" коми народа? Чем отличается коми юноша, скажем, XVI века от молодого человека коми национальности нашего времени? Не утратили ли мы чего-либо, чего не следовало бы терять?

– Коми веками жили в суровых условиях тайги. Человек был тесно связан с природой, верил в окружавший его мир, знал – тот ему не враг, а помощник. Это формировало выдержку, хладнокровие, коллективизм. Замков в дверях не вешали: идет путник и видит – в дверное кольцо просунуто коромысло, значит – хозяев нет, заходить не надо. В охотничьих избушках – всегда запас пищи, дров: заходи, пользуйся, знаю – свое ты тоже оставишь.

– И современному молодому человеку важно выработать в себе такие качества, как моральная строгость, выдержка, упорство, продуманность цели. Очень важно быть убежденным и стойким... В жизни нельзя идти легонько, прыгая. Надо ступать твердо...

Да, сейчас модны (хотя, конечно, нужны!) разговоры о научно-техническом прогрессе, о компьютерах, урбанизации... Но, быть может, сегодняшнее поколение как никогда остро нуждается в правильных внутренних ориентирах, нравственных критериях... А может, забываем мы свои истоки? Ведь кто-то очень правильно сказал: народы, как и книги, имеют свою судьбу...

– Когда мы невнимательно относимся к своей истории, своим предкам и их жизни – это... Это страшно. Жизнь каждого человека

зависит от его корней, истоков его народа. Не может человек быть крепок и стоек, если не знает своих предшественников, которые дали и жизнь ему, и условия для жизни: всё вырабатывалось веками, огромным трудом. То, что наша лесная окраина завоевана, освоена, что здесь мы живем, – заслуга многих поколений, тут живших и работавших. Нет и не будет народа, который не внес бы свою долю в мировую культуру.

Жеребцов говорит неторопливо и просто, как-то размеренно и спокойно, как и обо всем, что пережито, вошло в плоть и кровь человека, перемолото годами жизненного опыта. И даже когда он говорит о необходимости учиться у предков бережному отношению к природе – это не звучит дидактически. Это произносится как выверенный научный факт, лишь иногда приобретающий эмоциональную окраску: “Знаете, ведь мы до сих пор не можем восстановить зерновые культуры, испокон веков выращивавшиеся на коми земле – рожь, районированные сорта ячменя!”

С ним можно говорить обо всем: о коми орнаменте, исторических романах, Питириме Сорокине или знаменитом советском разведчике Николае Кузнецове, том самом, кто сражался на Украине, исполнял над фашистскими главарями смертные приговоры, вынесенные подпольщиками. Он, Кузнецов, кстати, прекрасно знал коми язык, даже стихи писал на нем; работал лесничим в Коми-Пермяцком округе... Любомир Николаевич в свое время живо интересовался судьбой этого человека.

Французский ученый К.Леви-Строс однажды пошутил: “Этнографа, как и людоеда, тянет на человечину”. “Невкусно” звучит, но зато верно.

– Какой будет этнография через 15-20 лет? Изменится направление работ: большинство исследований будет посвящено современным этническим процессам. Как развиваются современные народы, куда? Идет сближение и слияние наций и народностей – какие процессы прогрессивны, что ускорить? Как строить политику, чтобы этот процесс шел безболезненно, без искривлений? На такие вопросы уже пытается отвечать этнографическая наука.

И... снова Любомир Николаевич возвращается к истории народа:

– Культура коми очень богата, и надо обязательно ее сохранить. Сколько лет ведутся разговоры о создании этнографического музея под открытым небом? Воз и ныне там. Появляются небольшие музеи в Усть-Выми, Ыбе – это хорошо, но этого так мало! А наши города – они хотя возникли не на месте старинных деревенек, горожане должны знать, как жили люди на севере раньше, чтобы глубже осознать, что достигнуто теперь. Думаю, что и в Сыктывкаре должен быть свой район, где был бы “законсервирован” старый Усть-Сысольск...

Развитие народа и его культуры идет непрерывным потоком, в котором неповторимо сочетаются элементы прошлого и зачатки будущего.

Пятнадцать лет назад в одной из своих книг Любомир Николаевич Жеребцов писал: “Необходимо изучать многовековое народное зодчество, надо понять его, выбрать отвечающее нашей эпохе и применить в нашей жизни. И поскольку мы не являемся Иванами, непомнящими родства, постольку надо беречь архитектурные достижения старых мастеров-строителей, надо сохранять памятники культуры и быта...”

Впрочем, дело не только в народном зодчестве. Этнография учит нас быть бережливыми к своим истокам, своему народу, а значит – и к сами себе.

Для древних людей родной дом был не просто жилищем, укрытием от непогоды. Он всегда был маленькой вселенной, отвоеванной у природы, и недаром повторял структуру мироздания: подпол – подземный мир, комнаты – земной, чердак – небесный свод. Дом – вселенная, которую человек строил для себя. И клали древние мастера умело, прочно – на века, причем, как правило, на том месте, где жили их деды, на родине предков.

Мы – их прямые потомки. Вышедшие из глубинных пластов истории, создавая будущее, мы возводим новый мир, который станет нашим светлым, единственным домом. Единственным, а потому родным и неповторимым.

ЭТНОГРАФИЯ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

1. ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ НАРОДА КОМИ

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОГРАФИЯ КОМИ*

Богатая в этническом и этнографическом отношениях история населения Европейского Северо-Востока, в том числе и народа коми, до середины XX в. регулярным научным исследованиям не подвергалась. Однако первоначальные краткие сведения этнографического профиля о коми исследователи находят в различных источниках, начиная с X в. н.э. В их числе – русские летописи, агиографическая литература, записки иностранцев и т.д. Но это всегда отрывочные и краткие сведения. О древних дохристианских культах, о некоторых видах занятий (охота, рыболовство), отдельных специфических чертах быта есть записи в Никоновской, Суздальской и Лаврентьевской летописях и в “Житии Стефана Пермского [I].

Об охоте, в том числе о лыжах, собачьих упряжках и о земледелии написал в XVI в. в своих записках о Московии С.Герберштейн. В том же XVI в. появилась записка посла английской королевы Елизаветы Дж.флетчера. В дальнейшем (XVII в.) И.Идес и А.Бранд отметили в своих записках наличие сходства в некоторых элементах материальной культуры коми и русских [2, с.122-124; 3, с.10-14; 4, с.55-56]. Имеется ряд других публикаций. Подробнее этот круг источников рассмотрен в книге Э.Савельевой “Пермь вычегодская” [5, с.5-21].

В этнографическом изучении коми первые шаги были сделаны во второй половине XVIII в. В 1771–1772 гг. по Европейскому Северу России совершил экспедиционную поездку российский академик И.Лепехин [6]. Собранный им этнографический материал не потерял своего значения и до сих пор. XIX век, и особенно его вторая половина, знаменуется усилением этнографической работы в вышеназванном регионе.

Повышение интереса к культуре и быту народов России выразилось в создании обществ любителей археологии, этнографии и антропологии, а также Русского географического и местных краеведческого типа обществ, в результате деятельности которых, начиная со второй половины

---

* Раздел для «Очерков этнографии народа коми (зырян)». Написан в 1989 г. Текст печатается по машинописной копии из личного архива составителя.

XIX в. были опубликованы масса мелких и крупных статей по этнографии народов европейского Севера России.

Довольно энергично происходили сбор и публикация этнографических материалов по коми. Во второй половине XIX в. в губернских и центральных периодических изданиях опубликованы десятки статей, написанных учителями, священниками и чиновниками-членами Обществ любителей этнографии и археологии. Эти публикации различаются по достоверности материала и качеству исполнения. Большинство этих публикаций содержит интересный материал и до настоящего времени не потеряло своей ценности как этнографический источник, ибо их авторы были людьми весьма наблюдательными и записали яркие и интересные детали, ныне уже исчезнувшие из живого быта народа. Представляет интерес также и идеологическая позиция авторов публикаций, их подход к описываемым явлениям, чтобы понять, как выразилось в них официально высказанное стремление глубже познакомиться "с духом и понятиями зырянского народа".

Большое количество статей и заметок было опубликовано в Вологодских губернских ведомостях, гораздо меньше – в вологодских епархиальных, вятских, архангельских и других подобных им газетах. Как правило, они освещают отдельные элементы культуры и быта, например, Е.Кочиев описывает зырянскую баню, И.Титов – ярмарку на Вашке, М.Истомин – село Ижму, Е.Кичин – с.Усть-Сысольск, с.Корткерос, обычай "братчины" и т.д. Есть зарисовки музыкального типа, описание отдельных инструментов, плясок, хороводов и т.п. [7].

Но наряду с такими статьями и заметками публиковались крупные работы с широким охватом этнографических сведений по какому-либо району или с более основательным описанием определенного комплекса народной культуры. Много ценных статей опубликовал устьсысольский учитель М.Михайлов. В середине XIX в. появились первые его работы "Описание Усть-Выми" и "Достопримечательности Усть-Выми", в которых он изложил историю христианизации коми и историю с.Усть-Вымь. В последующие годы он опубликовал несколько этнографических статей, в числе которых были "Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии", "Домашний и семейный быт зырян", "физические нравственные свойства зырян", "О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии" и др. [8]. Все статьи богаты интересным материалом, хотя в них заметна некоторая идеализация старины.

Очень добротно выполнена статья В.Аврамова "Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт" [9]. В ней собраны довольно подробные сведения по материальной и духовной культуре, в том числе по народным верованиям коми описываемого района. П.Протопопов собрал разнообразные сведения по состоянию земледелия в Яренском уезде, уста-

новил время распространения трехполья, выявил даже такую специфическую черту в сельском хозяйстве Удорского края, как то, что земледелием там в основном занимаются женщины, тогда как мужчины предпочитают охоту [10]. Статьи об охотничьей промысле у коми опубликовали, например, вологодский лесничий К.Сонни и Н.Иваненко, в которых достаточно основательно описаны состояние промысла, некоторые способы и орудия лова [11].

Очень богата разнообразными этнографическими сведениями статья И.Попова "Черты из быта, нравовои обычаев зырян Удорского края Яренского уезда", в которой охарактеризованы состояние земледелия в крае используемые орудия, применяемые в полеводстве культуры, уровень развития скотоводства и промыслов, в частности, роль появившихся в крае лесозаготовок и сплава, описаны многие элементы материальной культуры (жилища, пища, одежда), есть также сведения по семейному и общественному быту, свадебному и похоронному обрядам [12].

Столь же обстоятельной является статья Н.Волкова "Удорский край", в которой описаны расположение поселений, пути сообщения, состояние земледелия, скотоводства и промыслов (особенно охоты), жилище, одежда, – причем автор подчеркивает близость женского костюма на Удоре соседнему русскому, – пища, свадебный обряд и верования [13]. В статье, на наш взгляд, не все верно. Есть определенные неточности и даже ошибки, например, в описании типов жилищ Удорского края. Но в целом как эта так и статья И.Попова, сохраняет большую научную ценность.

Таким образом, в течение XIX в. в сфере этнографического изучения коми появилось в печати большое количество публикаций. В то же время значительная часть собранного материала не была опубликована и осела в различных архивах, особенно в архиве Русского географического общества, который собирался в течение всего XIX века. Одним из его руководителей был известный филолог П.Савваитов, который имел большой штат корреспондентов, присылавших в РГО свои рукописи из Коми края. В их числе были С.Мельников, Г.Попов и др. Их усилиями в архиве РГО собралось много разнообразных записей с этнографически, археографическим, фольклорным материалом. Есть там и рукописи М.Михайлова [14]. Ценность этих рукописей несомненна, хотя и в них, как и во многих опубликованных статьях, имеется определенные неточности и ошибки. Так, С.Мельников писал, что у коми (зырян) нет никаких своих музыкальных инструментов. И.Иваницкий утверждал, что у зырян нет "произведений народной словесности", нет ни народных песен, ни сказок [15, с.22].

В этот период характерно также появление значительного количества отчетов о результатах научных экспедиций по Европейскому Северо-Востоку. Во многих из них помещены интересные сведения по этно-

графии коми. Так, в упомянутых выше в “Дневных записках” И.Лепехина, посетившего Коми край в последней четверти XVIII в., имеются сведения о постройках (в частности, он отметил наличие крытого двора), об одежде (он указал на ее сходство с русской), о народной медицине, а также о некоторых промыслах, транспорте (отметил нераспространенность колесных повозок, строительство барок). Есть также записи фольклора. И.Лепехин не только описывает, но он дает свою оценку культуре и быту коми, делает исторические экскурсы, высказывает свои взгляды на историю коми и на открывшиеся ему условия жизни народа коми [6].

В первой половине XIX в. совершили свои поездки по Коми краю А.Шренк, Э.Гофман, И.Кастрен, А.М.Шегрен и многие другие. Последним собран в экспедициях большой материал по языку, фольклору и этнографии коми, значительная часть которого вошла в изданную в 1861 г. работу “Зыряне, историко-статистико-филологический опыт”. В частности, им впервые описаны коми народный музыкальный инструмент сигудӧк, народные игры и пляски, посиделки, фольклор. Как языковед, А.Шегрен был сторонником емской теории стремился интерпретировать лингвистические материалы с ее ошибочных позиций. Однако сам собранный материал продолжает служить науке [16]. Не потеряли значения сведения Э.Гофмана, А.Шренка и многих других. Э.Гофман не был гуманитарием, однако в его отчетах сохранился ценный материал по охотничьему промыслу. Им описаны охотничий инвентарь даже с рисунками орудий лова, приемы и объекты охоты, сам охотничий быт. Эти сведения остаются ценным этнографическим источником [17].

Важные этнографические материалы собрал на Печоре А.Шренк. Им открыты ижемские трудовые песни. Он обратил внимание на то, что их считают чисто женским репертуаром и что мужчины даже перевести на русский язык их не умеют, поэтому сам А.Шренк, описав их исполнение, отметил связь с трудовым актом, но тексты записать не смог. Им также охарактеризованы некоторые способы местного охотничьего промысла, частности, способ лова линных гусей [18].

Наряду с научными экспедициями по Коми краю совершали свои вояжи купцы, чиновники, писатели и др. Очень ценным этнографическим источником остается и по настоящее время дневник поездки на Печору купца В.Латкина. Хотя научной цели перед собой он не ставил, но как купец не думал о развитии предпринимательства, но острый глаз его заметил немало любопытных, интересных явлений. Так, он описывал игру на сигудке с пением народных песен, собрал материал об особенностях быта и нравов, основных занятиях, в частности, охарактеризовал орудия и способы рыболовства на Печоре, записал фольклор. В этом ценность его дневника [19].

Некоторые этнографические сведения стали включаться в книги по описанию губерний. Так, в книгах И.Брусилова и И.Пушкарева имеются краткие сведения о численности населения, о поселениях, путях сообщения, состоянию хозяйства [20].

Большое значение в развитии этнографических знаний о народе коми имели первые монографические исследования, появившиеся в печати с середины XIX века. Это книги уже упомянутого А.Шегрена, а также К.Попова и Г.Лыткина, за которыми последовали работы И.Смирнова, С.Максимова, А.Энгельгардта и других.

Важное место в изучении языка и истории коми занимает монография Г.С.Лыткина "Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык". В ней впервые на достаточно большом материале предпринята попытка осветить историю и язык народа коми в середине II тыс. н.э. В работе использован этнографический материал, включены фольклорные тексты [21]. Конечно, А.Шегрен и Г.С.Лыткин не этнографы, но они с большим вниманием и интересом изучали народную культуру коми.

Первой книгой по этнографии коми является работа К.А.Попова "Зыряне и зырянский край" [22]. В ней собрано много материала, но объясняется он автором с крайне ошибочных позиций. К.Попов считает неверным все предшествующие публикации по этнографии коми и выдвигает в качестве истинной свою концепцию, в которой утверждает, что у зырян нет своей культуры, а все, что есть, заимствовано у русских, и поэтому зырян даже самостоятельным народом считать нельзя. Концепция эта, конечно, ошибочная. Однако собранные как в работе, так и других его статьях этнографические сведения сохраняют свою ценность.

Неверной по своим рекомендациям была вышедшая почти в те годы книга В.Иславина "Самоеды в домашнем и общественном быту" [23]. Собрав и изложив в своей книге богатый ценный материал по быту и культуре европейских ненцев, показав бедственное положение рядовых общинников, В.Иславин не сумел разобраться в причинах их разорения и обнищания, поддержал распространенную тогда "гипотезу" об отрицательной роли ижемцев, предложил в качестве рецепта спасения полную изоляцию ненцев от соседей, закрытие тундр для других народов, чем обрекал ненцев на застой культуры и на отсталость.

Весьма ценной и богатой интересными данными является монография И.Смирнова "Пермяки" [24], хотя некоторые выводы автора ошибочны. В книге исследуются главным образом коми-пермяки, но в определенной мере приводимые сведения относятся и к коми-зырянам.

В этот же период начали публиковаться исследования, в которых рассматривались какие-либо отдельные элементы народной культуры коми. Так, Ф.А.Арсеньев издал солидные работы о рыболовстве и охоте

у зырян, которые не потеряли своей ценности и по настоящее время. При их подготовке автор широко использовал имеющиеся публикации и свои личные впечатления [25]. Историю развития народного жилища у финских народов попытался раскрыть этнограф Н.Харузин. Составленная им схема развития является умозрительной. Выстроенный им эволюционный ряд выглядит слишком прямолинейным. При этом срубные постройки у финских народов он считает полностью заимствованным у русских и тюрков [26]. В печати появилось также много новых ценных статей. Так, У.Т.Сирелиус опубликовал ряд исследований, в числе которых были работы о народном жилище коми, о примитивных постройках финских и обско-угорских народов, о рыболовстве, о влиянии коми на хантов и манси в области прикладного искусства и др. Все работы отличаются богатством оригинального, собранного лично автором материала, многие выводы заслуживают внимания, поскольку опираются на живой фактический материал и получены в результате его тщательного анализа, хотя, например, предложенная им схема развития жилища носит искусственный, надуманный характер [27]. Надо учитывать также поддержку им гипотезы об особой роли финской культуры на европейском русском Севере.

Появился ряд публикации, описывающих пережитки дохристианских верований коми, сохранившихся в различных обрядах, например, приношение в жертву скота (П.Сорокин), устройство братчин и различных других праздневств (П.Кокшаров, А.Фролов), народной демонологии (В.Кандинский) [28]. Большой материал по дохристианским верованиям опубликовал В.Налимов. Правда, основная часть его исследований по этнографии коми вышла в свет уже после 1917 г. [29]. Интересную работу по общине у коми выпустил М.Большаков [30]. А.Мартюшев исследовал кустарные промыслы. Ими же и особенно организацией артелей занимался исследователь В.А.Русанов [31]. К.Абрамов описал несколько народных музыкальных инструментов и их использование в охотничьем быту, а С.Сергель после своей поездки в 1906 г. по Коми краю описал не только сигудӧк, но также сярган (трещотку) и сюмӧд буксан (берестяной рожок) [32].

В конце XIX – начале XX в. появились различные литературные произведения и разнообразные публицистические очерки, описывающие жизнь коми народа. В их числе следует отметить книгу П.Засодимского, сборники рассказов А.В.Круглова и Ф.А.Арсеньева, рассказы и поэмы К.Ф.Жакова, очерки В.И.Немировича-Данченко и того же К.Ф.Жакова [33]. Писателей привлекают в изображаемом периоде жизни черты патриархальности, так сказать, показатели “доброго старого времени”. Они увлекаются ею, стараются выпятить. В то же время их работы отличает хорошее знание быта и нравов коми народа, хотя в их рассказах встречаются и неточности. Так, например,

П.Засодимский утверждает, что у коми в качестве музыкальных инструментов используются только русские гармошки и балалайки, а своих инструментов нет. Встреченные им свистульки и дудки он считает детскими игрушками.

Во второй половине XIX – начале XX в. появляются в печати многочисленные описания поездок по Коми краю губернаторов и чиновников, врачей, учителей и других деятелей. В их числе назовем поездки архангельского губернатора Н.Д.Голицына на Печору, чиновника при вологодском губернаторе Б.В.Бессонова на Ухту, экспедицию на Печору врача С.Мартынова, поездку литератора С.Максимова и т.п. Организуются и научные экспедиции, например, Ю.Вихмана и Д.Фокош-Фукса. Все публикации имеют определенный научный интерес, богаты описательным материалом, расширяющим этнографические знания. Например, в книге Н.Д.Голицына описано жилище печорских коми, распространенное в те годы, что позволяет нам уточнить время появления двухэтажных домов на Ижме [34]. Работы С.В.Мартынова “Печорский край” и С.Максимова “Год на Севере” отличает не только богатство материала, но и вдумчивая его подача [35].

Поездки Ю.Вихмана и Д.Фокош-Фукса принесли богатый “улов” различных фольклорных произведений [36]. Ю.Вихман издал около 600 текстов, распределив их по локальным культурам, которые он выделил не вполне точно. В сборнике Д.Фокош-Фукса помещены сказки, предания, былички и бытовые рассказы. Их публикация имеет несомненный научный интерес.

В конце XIX в. появляются этнографические публикации выходцев из коми этноса, например, упоминавшегося уже В.П.Налимова. Но наиболее заметными из них были К.Ф.Жаков и П.А.Сорокин. Оба эти автора стремились выделить в своих трудах на первый план патриархальные черты в быту коми. Для обоих характерна определенная тенденциозность в подборке материала. К.Ф.Жаков начинал свою научную деятельность диссертацией “Народная словесность у зырян и русские сказки”, в которой выдвинул утверждение о заимствованном происхождении большинства коми сказок, которые поэтому, по его мнению, не отражают душу коми крестьянина. Это утверждение, безусловно, ошибочно. Подобные высказывания для него типичны. К.Ф.Жаков опубликовал достаточно много работ по этнографии коми. В них, конечно, немало интересных наблюдений и выводов, как, например, в статье о дохристианских верованиях, в которой он показал наличие определенных различий в духовной культуре промысловой и земледельческой групп народа коми. В то же время для него характерна недооценка культурного развития народа. Так, например, народные духовные инструменты (дудки, свистульки и т.п.) он считал детскими игрушками, а всю песенно-музыкальную культуру считал заимствованной.

Он приписывал мистицизм создателям народного фольклора. Золотой век истории коми К.Ф.Жаков видел в далеком прошлом, в дохристианские времена жреца Пама, во времена Биармии, что нашло отражение в ряде его произведений, особенно литературных [37]. П.А.Сорокин не был специалистом-этнографом, но им опубликовано довольно много работ, в том числе по семейному быту, по духовной культуре, по дохристианским верованиям. В них собран интересный материал. Он стремился работать в стиле школы Э.Тейлора, но в подаче материала чувствуется его стремление отменить патриархальные стороны народного быта [38].

Более объективными и глубокими были исследования культуры и быта коми третьего выходца из коми народа В.П.Налимова, хотя и для него характерна некоторая идеализация старины.

Таким образом, в течение XIX в., прежде всего, шло накопление фактического материала. Он накапливался в архивах различных региональных и общероссийских обществ любителей этнографии и краеведов, публиковался по мере возможности в самом разнообразном виде в газетах и журналах. К концу этапа начали появляться даже специальные сборники статей. К этой же категории источников и накопителей новых фактов относятся и упомянутые отчеты о научных путешествиях и поездках чиновников, сочинения литераторов и т.п.

Параллельно с накоплением материала начала развертываться работа по его изучению, началось собственно этнографическое изучение народа коми. Свидетельством тому являются публикации итогов научных исследований отдельных элементов народной культуры и создание первых обобщений по этнографии коми.

Эта работа была продолжена и развита в советское время. С первых же лет Советской власти в стороне начинается подъем научной работы как в центре, так и на местах. В этнографические исследования включились краеведы-энтузиасты, объединившиеся в общества по изучению местного края, которым руководили ученые центральных, научных учреждений. В Усть-Сысольске работали профессора В.П.Налимов и А.Н.Грен. Они активно помогали вновь организовавшемуся Обществу изучения Коми края, которое издало пять выпусков своих “Записок”. В его рядах начали научную деятельность такие ныне известные ученые, как доктора филологических наук В.И.Лыткин и А.С.Сидоров. Последний был специалистом широкого профиля. Он занимался не только проблемами языкознания, но и многое сделал в области археологии и этнографии. В числе его работ не теряющая своей ценности монография “Знахарство, колдовство и порча у народа коми”. [39]. По богатству и оригинальности материала эта книга стоит на первом месте среди исследований традиционных форм духовной культуры коми. Заслуживают внимания и другие работы А.С.Сидорова. 20-30 годы XX в. явились

началом нового этапа в развитии этнографических исследований на Европейском Северо-Востоке.

В последующее десятилетие эта работа, правда, несколько ослабла в связи с отсутствием научных кадров и соответствующих учреждения на местах. Общество изучения Коми края прекратило свою деятельность. Республиканский краеведческий музей не имел достаточно квалифицированных кадров и ограничивался небольшими этнографическими экспедициями для сбора новых экспонатов.

Исследования по этнографии к этому времени сосредоточились в центральных научных учреждениях, которые сразу же после окончания Великой Отечественной войны начали свои экспедиционные отряды для сбора материалов в различные районы Советского государства. Уже в 1945 г. два отряда комплексной экспедиции, руководимые этнографом В.Н.Белицер и археологом А.В.Збруевой, прибыли для работы в Коми АССР. Результаты этой разведки, особенно в области этнографии, оказались весьма обнадеживающими [40]. В.Н.Белицер в последующие годы еще неоднократно приезжала в Коми республику. Собранный материал лег в основу ее докторской диссертации, а позднее вышел в свет в виде капитальной монографии [41]. Эта книга и по настоящее время является единственным обобщающим трудом по этнографии коми (зырян и пермяков). Главное внимание в ней уделено характеристике традиционных форм хозяйства и материальной культуры. Вопросы быта и духовной культуры освещены слабее. По количеству использованного материала в книге полнее представлены коми (зыряне), и их этнографическая характеристика получилась более яркой. Трудность задачи охарактеризовать в одной работе традиционное хозяйство, культуру и быт двух народов, которые, несмотря на близкое этническое родство, довольно заметно различаются в этнографическом плане, не могла не сказаться на глубине и тщательности освещения затронутых вопросов.

Следует отметить также появление в послевоенные годы исследований по вопросам этногенеза коми. Одной из наиболее глубоких работ, несомненно, была статья Н.Н.Чебоксарова “Этногенез коми по данным антропологии”, написанная на основе проведенного им антропологического изучения народов коми и привлечения нового архивного материала. Н.Н.Чебоксаров впервые выделил основные антропологические типы, распространенные среди коми (зырян) и коми-пермяков. Он показал, что наиболее характерным для пермско-финских народов был сублапоноидный вятско-камский тип. Остальные три явились следствием этнического смешения, включения в состав зырян и пермяков представителей соседних народов, носителей иных антропологических типов [42]. В последующие годы дальнейшие исследования в области антропологии были выполнены К.Ю.Марк и М.В.Витовым, которым внесли определенные уточнения в характеристики Н.Н.Чебоксарова и допол-

нили его высказывания по вопросам этногенеза пермско-финских народов [43].

Таким образом, отменные работы и прежде всего монография В.Н.Белицер как бы завершают этот этап этнографического изучения народа коми. Он характеризовался тем, что основные исследования на территории указанного региона выполнялись силами центральных научных учреждений, так как на периферии достаточно квалифицированных сил еще не имелось.

С середины XX в. вновь расширяются работы по этнографическому изучению народа коми. В эти годы в Коми филиале АН СССР складывается этнографическая группа, на которую легла задача дальнейшего развития и углубления начатых ранее исследований. В последующие годы на основе этой группы сложился отдел этнографии и археологии, а затем и самостоятельный сектор этнографии (1970).

Определенную положительную роль в стимуляции краеведческой и собирательской работы сыграло также создание этноархеологической секции при Коми филиале Географического общества СССР.

В результате координации научных сил в Коми АССР заметно оживилось краеведение, развернулась работа по сбору элементов традиционной культуры, в итоге которой увеличились фонды республиканского краеведческого музея, были открыты новые государственные музеи г.г. Воркуте и Инте и значительное число районных и школьных общественных музеев. В развитии этой массовой музейно-краеведческой деятельности особое место отводилось этнографам Коми филиала АН СССР. Именно они должны были дать научную базу и указать правильное направление для приложения сил как работников музея, так и энтузиастов краеведения. С этой целью были подготовлены и опубликованы методические разработки по организации этнографических сборов и фиксации памятников. Существенную роль сыграл выпуск “Историко-филологического сборника” (позднее “Труды Института языка, литературы и истории”), в котором регулярно помещались этнографические публикации. Широко использовались также местные периодические издания. Некоторые работы были помещены в центральных специализированных журналах и сборниках. Отдельными изданиями вышел рад монографий и брошюр.

За истекшие почти четверть века этнографами Коми филиала АН СССР проделана значительная работа. Осуществлено сплошное этнографическое обследование (крестьянского) населения Коми АССР, к которому принадлежала основная масса коренных жителей. Этим самым была пополнена база фактического материала, уточнены и углублены прежние выводы, выявлена конкретная местная специфика и открылся путь к широким обобщениям. Развернулось изучение в этногра-

фическом плане и других народов, обитающих в очерченном регионе, в частности ненцев, хантов, манси, коми-пермяков и русских.

Серьезные задачи стоят перед этнографами в области изучения традиционных форм хозяйства. К настоящему времени основательно и глубоко разработаны такие отрасли, как охота и рыболовство. В монографии и статьях Н.Д.Конакова [44] рассмотрены орудия производства, формы организации промысла, типы промысловых артелей, показаны особенности охоты по путику на дальних промыслах, раскрыты особенности промысловой морали, освещена специфика промысловых верований. В книге привлечен сравнительный материал по многим таежным народам. Л.П.Лашуком в одной из статей рассмотрены некоторые вопросы из истории земледельческо-скотоводческого хозяйства [45]. Г.Н.Романовой изучено состояние домашних производств коми: обработка кож и овчин, шерстобитие и валяние, портняжество, гончарство и изготовление изделий из дерева [44]. В статьях Л.П.Лашука и Л.Н.Жеребцова освещено значение отхожих промыслов, а в статье Н.Д.Конакова – брусяного промысла. Однако в целом вопрос о развитии и специфике промыслов в крестьянском хозяйстве коми еще не разработан. Так же как и вопрос о роли торговли, торгового обмена в развитии того же хозяйства, которые получили некоторое освещение в статьях М.А.Мацука и Л.Н.Жеребцова [47].

В области традиционной материальной культуры коренного населения Коми АССР одним из первых объектов, подвергнутых детальному изучению, было народное жилище. В ходе исследования были выявлены его характерные типы и их локальные границы, степень культурного влияния соседей и наличие заимствований, разработана история развития народного жилища коми. Своеобразие крестьянских жилых построек коми выражается в односкатности кровли избы, в шестиоконности переднего фасада, в наличии крытого высокого крыльца там же, на переднем фасаде, в отсутствии украшений; строгое однообразие темных бревенчатых стен нарушается ярко-белыми окнами, окрашенными белилами. Все это в сочетании с более мелкими деталями, как например, окна над печью (паччер ӧшинь), и в увязке со специфическими чертами, типичными для жилища таежного Русского Севера (объединение жилой части со скотным двором, высокий подклет и т.п.) и создает особый колорит и специфичность традиционных типов крестьянского жилища коми [48].

Степенью интенсивности русского культурного влияния объясняется различие типов жилища юго-западных районов от юго-восточных, а также и построек южных коми-зырян от домов среднепечорских коми-ижемцев и нижнепечорских русских усть-цилемов. Выявление типы жилища с их четкой локализацией позволили составить карты их распространения.

Проведено также исследование типов поселений коми, форм заселения и расселения, а также планировки населенных пунктов. Для коми были характерны прибрежный тип заселения, гнездовой тип расселения, беспорядочный, рядовой и (редко) концевой тип застройки поселка. Расположение жилищ в древних (селах), как правило, рядовое, в один или несколько порядков. Правильная улично-квартальная планировки не имела распространения. Крупные села, растянувшиеся на несколько километров (иногда на 10–15 км), состояли из двух-трех десятков мелких деревень, сохранивших свои названия. Давались они по именам первопоселенца (Захар-Вань), характерных черт местности (Иб, Керос), протекавших вблизи ручьев и рек (Веслянка), озер (Югыд-тыдор) и т.д. Центральная деревня с церковью называлась Погост или Вичкодор. Специфике местной топонимики делает ее ценным источником в разработке этногенетических проблем.

Для коми было типичным наличие большого количества различных по функциональному назначению построек. Но внутри каждого вида типовые различия невелики. Так, например, амбары были одно- и двухкамерные, крытые одно – или двускатной крышей. Районная этнографическая специфика несколько заметнее прослеживается в форме ножек-подставок по амбары. Располагались все эти постройки в основном возле дома, образуя единый, хозяйственный комплекс – крестьянский двор. Непосредственно с жилищем они обычно не были связаны (исключая хлев и сайник). Ближе к дому ставились амбар и погреб, несколько в сторону, ближе к воде, отодвигались бани. Весьма интересная форма открытого замкнутого двора имела распространение в юго-западных районах расселения коми. В ней прослеживаются древние черты двора – крепости, в который можно было проникнуть лишь посредством перекидных мостиков.

Исследовались и другие элементы материальной культуры народов коми. Изучена традиционная одежда, причем особое внимание было уделено выявление специфики одежды местного населения в XVI–XIX вв. С этой целью были широко использованы различные архивные источники. Они позволили восстановить полные комплексы костюмов мужчин, женщин и детей: повседневные, выходные, производственные, с учетом половых и возрастных различий [49]. Изучение народной одежды XVI–XVIII вв. по архивным источникам показало большую перспективность использования архивов в процессе разработки традиционных форм культуры.

Глубокому и целенаправленному исследованию подвергнуто народное прикладное искусство. Изучение началось с анализа исторических истоков традиционного искусства и, в частности, с пермского звериного стиля. Рассмотрен сложный образ пермского звериного стиля. А.С.Сидоров считал, что в пермских бляшках отражена мифология пер-

вобытного населения. По мнению Л.С.Грибовой, в них отразились тотемистические воззрения древних создателей этих изображений. Семантика пермского звериного стиля рассмотрена Л.С.Грибовой в специальной монографии. На основе разнообразного этнографического, фольклорного, языковедческого материала автор рассматривает как происхождение, так и практическое значение пермских бляшек в жизни древнего населения Приуралья, выдвигает гипотезу о связи изображений с тотемизмом, экзогамными нормами брака и родовой организацией обществ [50]. Исследование этого исключительно сложного и яркого явления в истории культуры народов североуральского региона еще далеко не закончено.

Одновременно развернулось изучение орнамента коми. Г.Н.Климовой исследованы и определены основные типы орнаментации коми, в частности также, как антисимметричные бордюры, диагонально-геометрические узоры и некоторые другие. Разработаны также вопросы орнаментации текстильных изделий коми и местные названия узоров и элементов орнамента. Этот материал дает большой выход в разработке вопросов этнокультурных связей народов и в целом проблемы этногенеза [51].

Изучена также меховая мозаика северных коми (ижемцев), выявлены черты сходства ее с первым звериным стилем, позволившие Л.С.Грибовой высказать мысль об их генетическом родстве, о сохранений в стиле меховой мозаики элементов пермского звериного стиля. Изучением искусства коми и родственных народов занималась также Н.С.Королева, опубликовавшая статью по искусству коми-ижемцев. На основе проделанной работы Л.С.Грибовой опубликован небольшой альбом “Народное искусство коми”. Итогом изучения прикладного искусства явилась монография Л.С.Грибовой “Декоративно-прикладное искусство народов коми”. В книге рассмотрены все виды прикладного искусства: резьба по дереву, ткачество, вязание, плетение, тиснение и т.д. Предложена своя гипотеза о происхождении коми орнамента, которая, однако, выглядит несколько умозрительной [52].

Выполнены первые шаги в исследовании традиционной пищи народа коми. Последние публикации добавили к уже имевшимся новые сведения. Например, показана специфика приготовления и употребления мясного супа хлебных изделий, торговля продовольственными товарами в XVII– XIX вв. и т.д. [53]. Начаты исследования по народной медицинской культуре [54].

Одновременно с изучением материальной культуры определенное внимание уделялось духовной культуре коми. Здесь работы велись в основном в двух направлениях: фольклор и религиозные верования. Фольклористы духовной культуры, что это синтез устно-поэтического творчества охватили своими исследованиями все жанры устного народ-

ного творчества. Большим достижением в этой области явилось открытие А.К.Микушевым ижмо-колвинского эпоса – исключительно важного явления в области двух народов (коми и ненцев [55]). Богатые результаты получены в ходе изучения музыкального творчества коми. Эту работу начал еще А.С.Сидоров, опубликованный две статьи о бытовых лирико-эпических песнях ижемцев и о плясовой народной музыке в Прилузье [56], и успешно продолжил П.И.Чисталев, который обнаружил несколько новых ранее неизвестных народных музыкальных инструментов. Его исследования существенно расширили представления о народных инструментах и инструментальной музыке коми [57].

Другой областью духовной культуры народа, также в течение ряда лет тщательно изучавшейся этнографии Коми филиала, была религия. В этой отрасли внимание исследователей привлекали различные вопросы. Одним из важнейших было изучение древних форм религиозных верований народов коми, в частности культа предков. Его проявлением является и культ “древних”, почитание стародавних людей, живших прежде на данной территории. Весьма интересны у коми представления о душе. По народным верованиям каждый коми имеет по две души: лов и орт. Первая дает жизнь человеку, вторая же является двойником и после смерти хозяина остается на земле, повторяя его жизненный путь. Изучены верования и обряды, характерные для коми охотников и рыболовов, верования, связанные с жилыми постройками, с огнем и т.п. [58].

К сожалению, дохристианские верования коми плохо зафиксированы в документах и изучение их – процесс трудоемкий и длительный. Сбор материала ведется буквально по крупицам. Именно поэтому особую ценность представляют элементы дохристианских верований, сохранившиеся в форме синкретизма с христианством. Специальное исследование по этому вопросу выполнено Ю.В.Гагариным. Несомненно, в дохристианских верованиях лежат истоки сохранившихся в традиционном быту элементов обрядов вредоносной и охотничьей магии, веры в существование особого вредоносного существа “шевы”, которая выращивается, сохраняется и посылается колдуном (тӧдысь) и т.д. [59]. Однако в данной проблеме еще много неясного. Целостной картины дохристианских верований коми пока еще нет, и работа по их изучению будет продолжена.

Наряду с дохристианскими верованиями изучалось также и христианство во всех проявлениях, имевшихся на территории Коми АССР и соседних областей. Наиболее распространены были православие и старообрядчество. Другие христианские течения, например, баптизм, иеговизм и некоторые иные, появились в изучаемом регионе поздно, в XX в., и широкого распространения не получили [60]. Изучение христианских вероучений облегается наличием хорошей документации и богатым материалом социологических вопросов. Группа этнографов, зани-

мавшаяся вопросами религии, успешно использовала в своей работе социологические методы, которые особенно полезны при анализе современного состояния религиозных верований.

Пристальное внимание исследователей привлек период христианизации коми. Выявились различные точки зрения на ход этого процесса и отношение к христианству разных социальных групп коми. Отдельные исследователи (Ф.В.Плесовский, Ю.В.Гагарин) [61] считают, что новую религию легко восприняли народные массы, видя в московском князе и пермском епископе защитников от местных угнетателей и грабительских набегов соседей, а социальная верхушка была против новой религии, боясь потерять свои преимущества. Мы полагаем, что народные массы как раз с трудом отказывались от своей традиционной веры, поэтому многие вслед за своим жречеством бежали на новые места, что и вызвало начало расселения коми в XIII–XIV вв., а нарождающаяся феодальняя верхушка легче приняла новую религию, тем более, что в первое время московские великие князья не посягали на власть местных владетелей.

Изучались этнографами не только история религии, но и ее влияние на народ, ее проявление в семейном и общественном быту, выявлялась роль того или иного религиозного течения в формировании культурно-бытовой специфики конкретной этнографической группы. Так, например, старообрядчество оказало весьма заметное воздействие на культуру и быт верхне-печорских коми. Оно резко усиливало их самоизоляцию. Последствия ее наблюдаются еще в настоящее время. Результаты этих исследований нашли отражение в ряде работ, в частности в монографиях Ю.В.Гагарина “Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление”, в которой проанализирован обширный материал конкретно социологических анкет (охвачено более 14 тысяч человек в 47 населенных пунктах) и “История религии и атеизма народа коми”.

Изучение религии было односторонним, если бы не была исследована проблема развития атеизма. Проявления стихийного атеизма народа достаточно ярко обнаруживаются при рассмотрении культуры и быта коми дореволюционного времени. Несмотря на его неразвитость, в нем отчетливо прослеживается и присущий народу дух сомнения в религиозных догмах и его скептическое отношение к служителям культа. Особенно ярко это проявляется в произведениях устного народного творчества.

Пока мало изучены вопросы семейного и общественного быта. Первой попыткой разработки данной проблемы является монография Ю.В.Гагарина и Л.Н.Жеребцова “Быт и культура села”. Основное внимание в ней уделено общественному быту преимущественно советского периода [62]. Некоторые стороны традиционного семейного быта коми рассмотрены в упомянутых выше монографиях, а также ряде статей.

Так, статьи В.В.Соловьева посвящены характеристике крестьянской семьи коми в XVIII–XIX вв., традициям трудового воспитания в семье [63]. Требует дальнейшей разработки проблема семьи и патронимии. Слабо изучен быт (да и культура тоже) рабочего класса в Коми крае. К настоящему времени мы имеем несколько статей, освещающих быт и культуру лесозаготовителей и горнозаводских рабочих Коми края [64].

В связи с тем, что изучение этих вопросов имеет важное значение, в планах этнографов Коми филиала АН СССР появилась тематика и по данным проблемам. Исследование проводится на основе новейших методических разработок. Первой попыткой в этом направлении следует считать работу Г.П.Белоруковой по изучению культуры и быта рабочих лесной промышленности Коми АССР. В результате проведенного ею этносоциологического обследования получены интересные выводы [65]. Появился в печати ряд статей, освещающих современную культуру и быт рабочего класса и городского населения в целом или их отдельные аспекты. Так, М.Б.Рогачевым исследовано влияние городского образа жизни на отход от религии [66].

Исследовались также традиционные праздники и обряды. Начало эти исследованиям было положено еще А.С.Сидоровым. Им был подготовлен большой материал по свадебной и похоронно-поминальной обрядности коми, оставшийся неопубликованным. Материал по свадьбе использован Ф.В.Плесовским в его монографии. Недостатком данной книги является то, что обрядам дана очень краткая обобщенная характеристика и поэтому специфика их осталась не выявленной [67]. Необходима дальнейшая работа в данном направлении. Материалы по похоронным обрядам все еще не опубликованы. Можно отметить статью А.И.Терюкова, который ведет исследования по данному вопросу [68]. Есть также некоторые сведения по этому обряду в публикациях других исследователей.

И.В.Ильиной рассмотрены обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка [69]. Имеются публикации, освещающие обряды и праздники календарного цикла, например, весенне-летнего периода как в целом по Коми краю, так и по некоторым районам, также семейные праздники и обряды [70]. Особое внимание современных исследователей уделяется сложению новой советской обрядности. Ряд публикаций по этой проблеме сделан Ю.В.Гагариным и Н.И.Дукарт. Ими освещены семейные праздники и обряды сельского населения Коми АССР, гражданские праздники и обряды на Удоре, современные производственные праздники и т.д. [71]. Предприняты попытки показать изменения, происходящие в быту и культуре современного села [72]. Ю.П.Шабаев опубликовал статью, раскрывающую процесс развития современного сельского жилища [73].

Изучение традиционных форм хозяйства, материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта позволило решить проблему этнографического районирования Коми АССР и Коми-Пермяцкого автономного округа. Впервые эта задача была предпринята Л.П.Лащуком. Он выделил семь основных этнографических районов: прилузкий, сысольский, удорский, вымский, ижемский, верхнепечорский и вычегодский. Дальнейшее изучение этого вопроса позволило выявить внутри больших районов более мелкие подрайоны. Например, в удорском районе выделены вашский и верхнемезенский микрорайоны, в вычегодском – локчимский микрорайон и т.д. Уточнены границы основных районов. В частности, бассейны Сысолы и верхней Вычегды нам представляется более целесообразным объединить в один район – сысольско-вычегодский. Предварительное этнографическое районирование Коми-Пермяцкого автономного округа было выполнено Л.С.Грибовой. На основе этих разработок составлена карта этнографического районирования Коми АССР и Коми-Пермяцкого автономного округа. Условием выделения районов был учет наиболее важных и характерных факторов, например, особенностей в развитии отраслей хозяйства, промыслов и ремесел, таких важнейших элементов материальной культуры, как жилище, одежда, специфика семейного и общественного быта, разнообразия искусства и т.п. [74].

На основе изучения элементов материальной культуры предпринята работа по составлению соответствующих разделов “Свобода памятников истории и культуры Коми АССР”, идет отбор экспонатов для этнографического музея под открытым небом. Разработан проект для этого музея, в котором имеются перечень главных экспонатов, объединенных по этнографическим районам, методические рекомендации по комплектованию музея и размещению экспонатов на местности.

Этнографическое изучение населения Европейского Северо-Востока выполнялось одновременно с разработкой этнической истории коми. Данной проблема в предшествующие годы достаточно внимания не уделялось. В планах же научно-исследовательской работы этнографов Коми филиала АН СССР ей, наоборот, всегда придавалось большое значение. В первые годы внимание этнографов было сосредоточено на разработке частных вопросов этногенеза и этнической истории коми, таких, как время появления коми в бассейнах Вашки и Мезени, заселение верхней Вычегды и ее притоков Локчима и Вишеры и т.д. [75]. В последующем были проведены более объемные исследования по остальным этнографическим районам. К наиболее удачным следует отнести разработку этнической истории Печорского и Удорского краев, а также Прилузья [76].

Ценным исследованием, посвященным вопросам образования народности коми, является монография Л.П.Лашука “Формирование на-

родности коми” [77]. На богатом архивном материале автор доказывает, что процесс сложения народности коми прошел, через образование территориальных общин-волостей, существовавших в XV–XVI вв., после распада родо-племенных объединений. Временем сложения народности коми Л.П.Лашук считает XVII–XVIII вв. Свои утверждения доказывает достаточно убедительно.

На основе широкого использования разнообразных архивных источников исследован процесс формирования этнической территории и этнических границ коми. Их изучение раскрыло процесс постепенного формирования этнической территории и этнических границ. Существующие ныне рубежи на юго-западе, западе и северо-западе оформились к началу XVII в., восточные и южные установились к XVIII в., северные – вследствие того, что коми-ижемцы начали заниматься оленеводством и вышли в тундру, – четкого выражения не получили. Там процесс расселения и смешения ижемцев и ненцев широко продолжался еще и в начале XX в. Полученные результаты были вынесены на ряд карт, наглядно показывающих процесс расселения народа коми и формирования его этнических границ [78].

Был подвергнут рассмотрению вопрос о переселении коми за пределы своей этнической территории на Урал, в Зауралье, в Сибирь и на Дальний Восток. Обнаружено активное участие коми в открытии, заселении и освоении Сибири и Дальнего Востока [79]. Данный аспект в проблеме этнической истории коми заслуживает самого пристального внимания.

Большое значение в разработке проблем этнической истории имеет исследование этнокультурных взаимоотношений с соседними народами. Ближайшими соседями коми являются на западе и юге – русские, там же на юге – коми-пермяки, на востоке – ханты и манси, на севере и северо-востоке – ненцы. Со всеми этими народами у коми сложились глубокие и разносторонние этнические и историко-культурные взаимосвязи. Сравнивая контакты коми с соседними угро-самодийскими народами, устанавливаем, что коми особенно тесно сблизились с ненцами. Это сближение охватило также и их культуру. Ни с одним другим народом у коми не сложилось единого эпоса, который возник в среде колвинцев. В то же время следует отметить и то, что по сравнению с другими финно-угорскими соседями, именно у ненцев коми сделали больше всего заимствований. Это также подчеркивает большую близость двух соседствующих народов.

Еще более глубокие и разносторонние взаимосвязи установились у коми с русскими. В археологических материалах они прослеживаются начиная с начала II тыс. н.э., но особенно усиливаются с XII в. н.э. Охотники и рыболовы коми очень много восприняли у славян в хозяйственной области, в особенности по части земледелия. Большие заимст-

вования сделали коми в области культуры и быта. Хорошим примером данного утверждения является исследование русских заимствований в народном жилище, в народной одежде коми и т.д. Довольно значительным было и этническое смещение. Выходцы из русских районов принимали непосредственное участие в формировании некоторых этнографических групп коми (например, ижемцев). В свою очередь, многие коми, особенно в районе этнических границ полностью слились с русскими, восприняв их язык и культуру [80].

Но особенно близки северным коми (зырянам) их южные соседи коми-пермяки. В первой половине II тыс. н.э. оба народа в русских летописях были известны под одним названием “пермь” (Пермь Вычегодская и Пермь Великая на Каме). До середины II тыс. н. э. оба они имели практически единый язык. Древнепермский алфавит, созданный в конце XIV в., и написанные на нем книги были поняты и тем, и другим. Однако, несмотря на единство происхождения, длительную общность жизни и наличие значительного количества общих черт в культуре и быте, в настоящее время коми (зыряне) и коми-пермяки являются двумя самостоятельными народами, каждый со своим родным языком и национальной культурой.

Изучение взаимосвязей коми с соседними народами еще далеко от завершения. Эта работа только разворачивается. В плане этнографов Коми филиала четко сформулирована задача – изучить все разнообразие взаимосвязей коми со всеми их соседями, широко используя в разработке этой проблемы достижения смежных наук.

Незаконченным представляется также вопрос о времени вхождения коми в состав русского централизованного государства. Высказано уже немало различных точек зрения. Время первых контактов коми с Новгородом в XI–XII вв. не может приниматься в расчет, так как взаимоотношения практически ограничивались эпизодическими военно-торговыми экспедициями новгородцев. Предлагался 1333 год, с которого московский князь Иван Данилович Калита предпринял попытку взимать дань с пермских (коми) людей в свою пользу, и ряд других, но все они не могут получить достаточно серьезного обоснования. Более весомо выглядит предположение о связи этого момента с христианизацией коми, начало которой было положено в 1380 г. Действительно, деятельность Стефана Пермского привела к созданию Пермской епархии под эгидой московского митрополита. Однако земли коми практически остались под новгородским влиянием. Еще почти 100 лет продолжалась борьба московских великих князей с Новгородом за пермские земли. Наконец, в 1471 г. Новгород отказался от них в пользу Москвы, а в 1478 г. вынужден был признать факт окончательной утраты этих территорий. Эти годы также выдвигаются в качестве рубежа.

Однако, по нашему мнению, эти договоры еще не свидетельствовали о действительном вхождении Коми в состав русского государства, так как продолжали сохраняться прежние даннические отношения. Датой официального вхождения Коми края в состав русского централизованного государства следует считать 1481 год. В этом году была проведена первая перепись перского населения, которое теперь уже официально вошло в состав граждан русского государства и было подвергнуто обложению определенными податями и повинностями. На нее ссылались местные жители, доказывая свое право владения землей и угодьями; на ее же основе выносило свои решения и правительство, разбирая спорные земельные вопросы.

Большое внимание этнографов привлекла проблема современных этнических процессов в Коми АССР. К настоящему времени разработано несколько вопросов, касающихся или отдельных этнографических районов, например, о расширении этнических контактов населения Прилузья, о современном населении Удоры, или всей Коми АССР, например, о межнациональных семейно-брачных контактах, об определении национальной принадлежности детей в смешанных семьях и другие. Начато исследование развития этнических процессов в определенной социальной среде [81]. М.Б.Рогачевым и Ю.П.Шабаевым сделан краткий историографический обзор по итогам изучения межнациональных отношений в Коми АССР [82].

Особый интерес привлекает процесс бытования изолированных групп коми, обитающих за пределами Коми АССР, выявление причин их устойчивости и слияния с окружающими соседями. Разработка вопроса о степени устойчивости элементов традиционной культуры коми в инонациональной среде показала, что наиболее устойчивым является народа, на втором месте – элементы духовной культуры [83].

Итак, подводя общий итог изложенному следует сказать, что систематические исследования по этнографии на Европейском Северо-Востоке развернулись лишь в последнюю четверть века с созданием соответствующих отдела и сектора в Коми филиале АН СССР. В первой половине XX в., преимущественно в 1925–1950 гг., имели место эпизодические экспедиции. В XIX в. археологические исследования в очерченном регионе практически отсутствовали, зато этнографические публикации появились в значительном количестве. В их числе имелись и серьезные монографические исследования.

Результатом планомерных исследований в области этнографии являются этнографические районирования Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа, разработка этнографических карт, опубликование рада монографических исследований сборников статей этнографии коми, отдельным элементам традиционной материальной и духовной культуры, быту, искусству, и в частности по вопросам этниче-

ской истории и этно-культурным связям, формированию народности коми, истории религии, свадебной обрядности, народного фольклора, пермского звериного стиля, истории народного жилища и т.д.

Наряду с продолжением изучения традиционных форм культуры и быта коренного населения необходимо расширить исследования современных этнических процессов, а также проблемы перестройки культуры и быта населения Коми АССР.

Литература и источники.

1. Епифаний Премудрый. Житие святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1897.

2. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866.

3. Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1905.

4. Идес И. и Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

5. Савельева Э.К. Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1981.

6. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб., 1805. Ч. Ш, IV.

7. Кочиев Е. Зырянские обычаи // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1848. № 49; Титов И. Ярмарка на Вашке // ВГВ. 1840. № 38; Истомин М. Ижма // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 24; Кичин Е. Поездка в Усть-Сысольск // ВГВ. 1866. № 6; Он же. Заметки о городе Усть-Сысольске // Северная пчела. 1852. № 83, 84; Он же. Братчина // ВГВ. 1852; Он же. Кортке-рос. Зырянское селение // Северная пчела. 1852. № 108; Ежов Ф. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах // Вятские губернские ведомости. 1857. № 30, 41.

8. Михайлов М. Домашний и семейный быт зырян // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). 1852. № 11; Он же. Физические и нравственные свойства зырян // ЖМВД. 1852. № 1; Он же. О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // ЖМВД. 1851. № 8; Он же. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии // ЖМВД. 1851. Т.XXXIV.

9. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // ВГВ. 1859. № 28-45.

10. Протопопов П. Статистическое описание Яренского уезда // ВГВ. 1849. № 20, 21.

11. Сонни К. Об охоте у зырян // Лесной журнал. 1840. Ч.4; Иваненко Н. Охота как промысел в Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. // Лесной журнал. 1877. Кн. 5.

12. Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края // ВГВ. 1875. № 89, 90, 91.

13. Волков Н.Д. Удорский край // Вологодский сборник. Вологда, 1879. Т.1.

14. Михайлов М. Заметки о зырянах // Архив Императорского русского географического общества (ИРГО). Разр.53, оп.1, № 8; Попов Г. Зырянские предания // Архив ИРГО. Разр. 53, оп.1, № 9, Мельников С. Хозяйственные и этнографические сведения о зырянах // Российская национальная библиотека. Рук. отд., ф. XVII, № 111; Иваницкий Н. Из Вологды на Печору // Архив ИРГО. Разр.7, оп.1, № 50.

15. История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. I.

16. Шегрен А. Зыряне, историко-статистико-филологический опыт // Gesammelte schriften. SPb., 1861. Bd.1.

17. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-хой. СПб., 1853-1856. Т. I, II.

18. Шренк А. Путешествия на северо-восток Европы через тундры самоедов к Северным Уральским горам в 1837 г. СПб., 1855; _____1854, Bd. II.

19. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. СПб.,1853.

20. Брусилов И. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833; Пушкарев И. Описание Вологодской губернии. СПб., 1846.

21. Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.

22. Попов К. Зыряне и зырянский край // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1874. Т. III, вып. 2.

23. Иславин В. Самоеды в домашнем, общественном быту. СПб., 1847.

24. Смирнов И. Пермяки // Известия Общества археологии, история и этнографии при Казанском университете, 1891. Т. IX, вып.2.

25. Арсеньев Ф.А. Рыбная ловля у зырян. Нижний Новгород, 1875: Он же. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873.

26. Харузин Н. Очерк развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. М., 1895. Т. XXIV, XXV.

27.

1906-1911.

1928,В.58.

28. Сорокин П. Пережитки анимизма у зырян // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (ИОАИРС). 1910, № 20, 21, 22; Фролов А. Свадебные и похоронные обычаи жителей села Усть-Нем Усть-Сысольского уезда // ВГВ. 1885, № 21; Кандинский В. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян // Этнографическое обозрение. М., 1889, № 5.

29. Налимов В. Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. М., 1907. Т.72, № 12; Он же. К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му. 1925, № 2,3,4,5.

30. Большаков М. Община у зырян // Живая старина. 1906. Вып. 1-4.

31. Мартюшев А. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904; Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. Л., 1945.

32. Абрамов К. В зырянском краю. М., 1914; Сергель С.В. В зырянском крае. М.-Л., 1928.

33. Засодимский П. Лесное царство. СПб, 1908; Круглов А.В. Лесные люди. СПб., 1887: Он же. В северных лесах. СПб., 1895; Он же. Зыряне и их домашний мир. 1879, № 20. Арсеньев Ф.А. Охотничьи рассказы. М., 1885; Жаков К.Ф. На Север, в поисках за Памом Бурмортом. СПб., 1905; Он же. Под шум северного ветра. СПб., 1913; Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышанное. Племена глухого угла. СПб., 1893; Жаков К.Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб., 1906: Он же. Сквозь строй жизни. СПб., 1912. Ч.I, II; 1914. Ч. III, IV.

34. Голицын Н.Д. Записка по обозрению Печорского края летом 1887 г. Архангельск, 1888.

35. Мартынов С.В. Печорский край. СПб., 1905; Максимов С. Год на Севере. М., 1890.

36.

1916, 38;

1913.

37. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Живая старина. 1901. Т. XI, вып.1; Он же. Языческое мировоззрение у зырян // Научное обозрение. 1901, № 3.

38. Сорокин П.А. Современные зыряне // ИАОИРС. 1911, № 18, 22, 23, 24; Он же. Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС. 1910, № 20, 21, 22.

39. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.

40. Белицер В.Н. Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР // Краткие сообщения Института этнографии, 1947. Вып. 3. С. 3–12.

41. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). М., 1958. (Труды Института этнографии. Новая серия, т. 45)

42. Чебоксаров Н.Н. Этногенез народа коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946, № 2.

43. Марк К. Этногенез финно-угорских народов в свете данных антропологии // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970, вып. V. С. 267-272.

44. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX века. М., 1983; Он же. Охотничье право собственности и охотничья мораль у коми // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 3-15. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР, вып.20); Он же. Охотничьи артели у коми // Там же. С.16-28.

45. Лашук Л.П. Из истории земледельческо-скотоводческого хозяйства коми // Труды Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1959. № 8. С.119-132.

46. Романова Г.Н. Развитие домашних производств сысольских коми // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.). Сыктывкар, 1975. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 16); Она же. Берестяные изделия коми // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. С. 96-106 (Тр. Ин-та яз., лит. и истории коми фил. АН СССР; Вып. 17.)

47. Жеребцов Л.Н., Мацук М.А. Торговля продовольственными товарами в XVII – начале XX вв. // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С.89-95 (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 28).

48. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище; Сыктывкар, 1971: Он же. К истории развития народного жилища коми // Историко-филологический сборник (ИФС), 1980. Вып. 6. С. 68–88; Он же. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С.129–140.

49. Жеребцов Л.Н. Народная одежда коми в XVII–XVIII вв. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера. Вологда, 1970. Вып. IV. С. 352–360. Конаков Н.Д. Водные средства сообщения народа коми. Сыктывкар, 1979. (Сер. препринтов “Науч. докл.” / Коми фил. АН СССР; Вып.45).

50. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблема семантики). М., 1975.

51. Климова Г.Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978; Она же. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1985; Она же. Орнаментация текстиль-

ных изделий вычегодских коми // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып.13) и др. работы.

52. Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980, Королева Н.С. Искусство меховой мозаики финно-угорских народов северного Урала // Сборник трудов НИИХП. М., ___ С. 266-284.

53. Жеребцов Л.Н. Этнографическое изучение традиционной пищи народа коми // Традиционная культура … С. 38-48; и др. работы.

54. Ильина И.В. Лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения в народной медицине коми // Традиции и новации… С.52-64.

55. Микушев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.

56. Сидоров А.С. Плясовая народная музыка в Прилузком районе у коми (с зарчипсанами) // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества (ВГО). Сыктывкар, 1951. Вып.1; Он же. Бытовые лирико-эпические ижемские песни // Лингвистический сборник. Сыктывкар, 1952. Вып.2.

57. Чисталев П.И. История собирания и изучения коми народных музыкальных инструментов народной инструментальной музыки // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 144-155, Он же. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.

58. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы… С. 182-213; Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище… С.75-85.

59. Гагарин Ю.В. История религии и атеизм народа коми. М., 1978. С. 28-42; Он же. Поговорим о суевериях. Сыктывкар, 1968; Он же. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1977. С.18-22.

60. Гагарин Ю.В. Старообрядчество. Сыктывкар, 1973; Гагарин Ю.В., Жеребцов Л.Н. “Божьи люди”, как они есть. Сыктывкар, 1963, Гагарин Ю.В. Евангельские христиане-баптисты. Сыктывкар, 1966.

61. Плесовский Ф.В. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историеко-филологический сборник (ИФС). Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С.129-144; Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки… С.23.

62. Гагарин Ю.В., Жеребцов Л.Н. Быт и культура села. Сыктывкар, 1968.

63. Соловьев В.В. Структура и численность крестьянской семьи летсколузских коми в первой половине XIX в. (по материалам ревизских сказок) // Вопросы социально-экономической истории Коми Края. Сыктывкар, 1980. С. 34-44. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории; Вып. 23); Он же. Традиции трудового воспитания детей у коми крестьян в XIX – начале XX в. // Традиции и новации… С.45-51.

64. Куратов П.А. Изменение быта лесозаготовителей // Социалистические преобразования в Коми АССР. Сыктывкар, 1965. С. 115-126. (ИФС; Вып. 9); Белорукова Г.П. Из истории быта лесорубов Коми Края в конце XIX – начале XX в. // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С.114-121; Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) // ИФС. Сыктывкар, ____ Вып.7. С.121-138.

65. Белорукова Г.П. Современные этнокультурные процессы в лесных рабочих поселках Коми АССР. Сыктывкар, 1973. (Сер. препринтов “Науч. докл.” / Коми фил. АН СССР; Вып.8).

66. Рогачев М.Б. Влияние городского образа жизни на процесс упадка религиозности верующего // Традиционная культура… С.118–128; Он же. Характеристика группы бывших верующих в условиях города // Там же. С.129–138; Он же. Городской образ жизни при социализме как объективный фактор секуляризации // История становления социалистического образа жизни. Сыктывкар, 1980. С.149-159.

67. Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.

68. Терюков А.И. Погребальный обряд вымских и вишерских коми // Традиции и новации… С. 25–31.

69. Ильина И.В. Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка у коми // Традиции и новации… С.14–24.

70. Дукарт Н.И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начала XX в. // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). Сыктывкар, 1975. С.141–152; Она же. Праздники календарного цикла в Троиико-Печорском районе // Материалы III Коми республиканской молодежной научной конференции. Сыктывкар, 1969. С.16–17; Гагарин Ю.В., Дукарт Н.И. Семейные праздники и обряды сельского населения в Коми АССР // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. С.75–90; Конаков Н.Д. Не забывать хорошие обычаи // Охота и охотничье хозяйство. 1978, № 12. С. 63.

71. Гагарин Ю.В. Изживание религиозных традиций и формирование новых праздничных обычаев в Коми АССР // Советская этнография. 1965, № 4. С.148–159; Денисенко В.Н. Бытование традиционных семейных обрядов у современного коми сельского населения // Традиции и новации… С. 32–37; Шиловский А.П., Котов О.В. Религиозная обрядность и современная молодежь // Традиции и новации… С. 38–44.

72. Безносиков Я.Н., Гагарин Ю.В., Дукарт Н.И. Культура современного села // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С.122–143; Дукарт Н.И. Культура современного села (на примере сел Прилузкого района) // Тезисы докладов V Коми респ. молодежной науч. конф. Сыктывкар, 1972. С.9–10.

73. Шабаев Ю.П. Развитие современного жилища сельских коми // Традиции и новации … С.107–118.

74. Лашук Л.П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1966. Вып.6. С.97–105. Жеребцов Л.Н. Локчимский этнографический микрорайон // Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1967. Т.2, вып.1. С.146–149.

75. Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Старая Вишера // ИФС. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.83–127; Они же. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды // ИФС. Сыктывкар, 1960. Вып.5. С.53–98; Жеребцов Л.Н. Формирование населения Верхней Вычегды // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965. С.143–146; Он же. О времени появления коми на Верхней Мезени // Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1955. Вып.3. С.78–85.

76. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958; Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми; Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Научный отчет Прилузского этнографического отряда, 1959 // Научный архив Коми филиала АН СССР. Ф. 1, оп.13, д. 48.

77. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.

78. Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977. (Сер. препринтов “Науч. докл.” / АН СССР, Коми фил., вып.31).

79. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории коми в XVII – начале XX вв. Сыктывкар, 1975. С.3–16; Он же. Коми на Кольском полуострове // Войвыв кодзув. 1974, № 1. С.41-42; Он же. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974. (Сер. препринтов “Науч. докл.”/АН СССР, Коми фил., вып.14).

80. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982; Он же. О русских заимствованиях в традиционной материальной культуре коми // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980. С.3–35.

81. Рогачев М.Б. Этнографические характеристики современной сельской семьи Коми АССР // Традиции и новации … С.118–130; Белорукова Г.П. Управление этническими общностями // Проблемы управления социальными системами. Сыктывкар, 1976. Вып.1. С.152–161; Она же. Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы) // Советская этнография. 1973, № 5. С.29-39; Жеребцов Л.Н. К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях (на примере Коми АССР) // Ленинская национальная политика в действии. Сыктывкар, 1971; Он же. Расширение межнациональных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период // К истории осуществления ленинской национальной политики в Коми АССР. Сыктывкар, 1968. (ИФС; Вып.11).

82. Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Изучение национальных отношений в Коми АССР (60-70-е годы) // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С.109–124. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып.37).

83. Жеребцов Л.Н. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в национальной культурной среде // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 70–76; Он же Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами; Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г. Ижемские коми на Кольском полуострове. Сыктывкар, 1984. (Сер. препринтов “Науч. докл.” / АН СССР, Коми фил., вып.99).

ПОСЕЛЕНИЯ*

Большинство современных поселений коми возникло в исторически сравнительно недавнее время и история их может быть прослежена по документам почти с самых истоков. Однако до их возникновения в более ранние века на той же территории и в ее окрестностях существовали многочисленные поселения предков коми. Упоминания о них встречаются в писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв., в народных преданиях, в местной топонимике под названием «чудские города» (чуд кар). Так, в переписной книге 1608 г. по Яренскому уезду указана возле погоста Вотча «пустошь, что было деревня городок Чюцкой», возле погоста Вездынь «деревня Новоселец, что было чюдцкое городище» [1]. Археологическими раскопками подтверждена реальность этих древних поселений, установлено время их функционирования, охватывавшего XI-XIV вв. Несколько позднее в XV-XVI вв. получают некоторое распространение так называемые городки-убежища (Лоемский, Спаспорубский, Объячевский, Котен на Бубе и др.). Это были небольшие укрепления, имевшие целью защиту окрестного населения от вооруженных грабительских набегов, очень не редких в эпоху феодальной раздробленности на Руси.

Как конкретно выглядели чудские города и городки-убежища, неизвестно, ибо сами они не сохранились. Уже к началу XVII в. городки-убежища разрушились, поскольку надобность в них отпала с образованием централизованного государства. В документах сохранилось описание Усть-Вымского городка, основанного в 1380 г. проповедником Стефаном Пермским. Он представлял собой небольшую крепость на возвышенном берегу в устье р. Выми. Согласно летописи, Стефан потребовал от пермян «гору ону, на ней же келья его и окопати, – и осыпати, и нагорных мест рвы делати, и строити его, яко же угодно Стефану», и пермяне «начате гору того устрояти, осыпати делающе и три рвы ископаша и устроиша гору того вельми красну…» [2], т.е. городок стоял на холме с крутыми приглаженными, подравненными склонами, был окружен рвами и насыпью. Вероятно имелись и деревянные стены, которые были типичны для древнерусских укрепленных городков. Стены обычно были срубного типа, рубленные из бревен в два ряда с земляной засыпкой между ними. За укреплениями располагались храмы, дома церковнослужителей и несколько осадных крестьянских дворов. «В Устьвымском городке внутри города двор владычен болшой, да двор Устиновской владычня брат Ионы, а живет в нем дьякон владычен благовещенской Гаврило, … да двор Ибовских крестьян осадной Помосов с

---

* Раздел для «Очерков этнографии народа коми (зырян)». Написан в 1989 г. Текст печатается по машинописной копии из личного архива составителя.

товарищи, да двор Оквадских крестьян Петрушки, да Гаврило… с товарищи, двор Сенкин Лынов осадной с Коквицкими крестьяны, двор Федкин Зажганов, двор Попов Костентинов благовещенский, двор Помасов, Толмачев да брата его Чиряков…» [3] и др. Кроме перечисленных построек в городке имелись две деревенские церкви Благовещенская и Архангела Михаила.

В городках-убежищах важное место занимали амбары, в которых хранились оружие и боеприпасы. Все эти городки устраивались на излучинах реки, главной в ту эпоху транспортной артерии, на высоком мысу, откуда далеко просматривались окрестности. Как выбор места для укрепления, так и его устройство в течение 500 лет (XI–XV вв.) было весьма сходным. Обязательны были крутые склоны глубоких оврагов с боков и со стороны реки. С напольной стороны площадка ограждалась рвом с валом.

Однако ни городища XI–XIV вв., ни тем более городки-убежища XV–XVI вв. не являлись основными местами обитания местного населения. Местные коми, относившиеся к категории черносошных, а позднее государственных крестьян, жили в различных сельских поселениях, главным образом в деревнях: сиктах и грездах. В XV–XVII вв. деревни были небольшими, состояли из трех-пяти дворов. Впрочем, в XV в. деревни могли состоять и из одного-двух дворов. Так, в грамоте 1490 г. при описании погоста Аквад (Оквад) указано, что «в том же погосте деревни во дворе Петруши да Якуня Володины дети, во дворе Ивашка Чажох, во дворе Володинской да в Егорьевской Гаврило сын его Ананко, во дворе в Демяновском Максимко Ивашков сын Ляпова, во дворе Помас Толмач да дети ево Сидорко да Остапко, да брат Помасов Чирак, да сын Чираков-Пахомко, да Гришка Кед»… [4].

Однако если деревня и состояла из одного (двух) дворов, то это вовсе не означало, что во дворе стоял всего один жилой дом. Крестьяне в те времена нередко жили большими неразделенными семьями, ибо так легче было вести многопрофильное крестьянское хозяйство. Поэтому от количества членов семьи зависело и число жилых помещений. В вышеприведенном примере во дворе Помаса Толмача несомненно, жила большая семья, объединявшая хозяина, его брата, их детей и неизвестно в каких (родственных или неродственных) отношениях находившегося к ним Гришки Кеда. Надо ведь учесть еще их жен и дочерей, поскольку женщин тогдашние переписи не учитывали.

В последующие века деревни разрослись, число дворов в них увеличилось. И в конце XIX в. для коми стали типичными многодворные поселения. Число жителей в одном дворе в среднем было от 15-20 до 25-30 человек. Дворы с большим числом людей были очень редки. В переписи 1720 г. в д.Озел описан двор А.А.Лыткина, в котором обитало 42 чел.: «…во дворе крестьянин Алексей Артемьев сын Лыткин 72 лет;

у него братья родные: Еремей 60 лет, Иван 59 лет, Семен 57 лет. У Алексея жена Евдокея 68 лет; у них дети: Макар 30 лет, Родион 28 лет; у Макара жена Матрена 29 лет, у них дочь Марина 2 лет; у Еремея жена Марфа 62 лет; у них дети: Иван 27 лет, Семен 22 лет, у Ивана жена Агафья 29 лет, у них сын Яков полугодовой; у Ивана жена Акилина 40 лет, у них дети: Яков 30 лет, Артемий 28 лет, Устин 7 лет; у Якова жена Пелагея 25 лет; у Семена жена Евдокия 52 лет, у них сын Михайло 24 лет, жена его Анна 20 лет; у Семеан дочерь Васса 12 лет, у Семена же племянники родные Антипа Афанасьев 50 лет, Венедикт 40 лет, Гаврило 25 лет; у Антипа жена Марина 40 лет, у них дети Федор 9 лет, Анисим 6 лет, дочь Татьяна 15 лет; у Венедикта жена Гликерья 30 лет, у них дочери Марья 5 лет, Ирина 2 лет; у Гаврилы жена Федосья 23 лет. Оный крестьянин опричь земледелия ничего не имеет». В том же документе имеются в погосте Слобода двор Якова Юркина, в котором живут 21 человек, в погосте Корткерос – двор Луки Казакова (19 чел.), в погосте Зеленец – двор Ивана Цивилева (22 чел.), в погосте Часово – двор Никиты Болотова (20 чел.), в погосте Усть-Сысола – двор Михаила Елькина (24 чел.) [5].

В таких дворах стояли многоизбные дома. Еще в начале XX в. они были довольно распространены в южных районах Коми края. П.Щукин писал, что «часто три, даже четыре дома (избы – Л.Ж.) соединены вместе: это постройки многочисленных, еще не разделившихся семей» [6]. Эти дома вероятно были похожи на те, которые описал в 1934 году А.К.Супинский в с.Ношуль нынешнего Прилузского района Коми АССР (например, большой дом Вахниных). Эти дома состоят из четырех отдельных изб, связанных между собой двумя длинными, перекрещивающимися коридорами. Двери изб открывались в главный центральный коридор. С переднего фасада в него попадали через низкое крыльцо. С задней стороны коридор выходил на мост, связывавший жилье с двором, который представлял собой отдельную двухъярусную постройку. Жили в этих домах родственники, в частности, в большом доме Вахниных жили семьи двух дядей и двух племянников. В описываемое время (I четверть XX в.) они уже не вели общего хозяйства. Дом окружала глухая бревенчатая (из тонкомерных бревен) ограда с воротами для прохода скота и провоза груза с калиткой (или лесенкой из ступенчатых бревен) для прохода людей. Такие дворы обычно стояли отдельно, несколько в стороне от других дворов. В XV–XVII в. типичным было разбросанное расположение дворов в деревне – поближе к своим полям. Поэтому в переписях нередко встречалась запись «дворы врозни». В 1608 г. отмечена «деревня Коквица, дворы врозни: двор Васька Яковлев средний, двор Пархачка Ондреев средний, двор Ивашка Андреев молотчий, двор Семенка Миков да брат ево Левка молотчие…» и т.д. [7].

С увеличением населения деревень дворы начали строить компактнее и деревни постепенно стали приобретать более традиционный вид.

Наряду с деревнями, распространенными сельскими поселениями были починки, представлявшие собой небольшую деревушку из 1 (редко 2) двора. Это были недавно возникшие поселения обычно между двумя переписями и впервые попадавшие в очередную перепись под названием «починок» («Починок на Мезени Усть Пысы реки дворы врозни, стал внове после письма Ивана Огарева») [8]. При последующих переписях его автоматически именовали уже деревней.

Кроме деревень и починков некоторое распространение в крае (особенно в Прилузье) имели выставки. Это, собственно, были те же починки, т.е. очень недавно основанные населенные пункты, но в отличие от починков, как правило, основывавшихся на новых (или давно заброшенных) землях, довольно далеко от существующих поселений, выставок всегда появлялся недалеко от старой деревни, откуда и были его основатели. В XIX в. вместо выставков распространилось в качестве названия для новых поселений слово «выселок». Он также возникал недалеко от старого поселения (в той же волости). Наибольшее распространение этот термин получил на Печоре на вновь осваиваемых землях. Починок, выставок и выселок являлись поселения одного типа, т.е. относились к категории вновь построенных населенных пунктов и отличались лишь по месту постройки, району распространения и количеству дворов, выселок нередко имел до 5 дворов (в одном случае даже 25 – выселок Нерица). В XIX в. появился также термин поселок (два на р. Печоре и один на верхней Мезени), также употребленный видимо вместо слова починок. Эти поселки были обычными, недавно основанными сельскими поселениями и ничего общего с позднейшими рабочими поселками не имели [9].

По распространенности в XVII в., да и в последующие века наибольшее число всех выше перечисленных сельских поселений насчитывалось в бассейнах Сысолы, Выми и средней Вычегды и верхней Лузы. В бассейне Печоры и верхней Вычегды поселений в XVII в. было мало и лишь в XVIII-XIX вв. их число существенно возросло. При этом происходит рост населения и числа дворов в поселениях. Однако еще в середине XIX в. 75% деревень имело не более 25 дворов в каждой, 22% деревень насчитывали до ста дворов в каждой, и только 3% деревень было свыше ста дворов. Относительно людности поселений, имевших до 100 жителей, насчитывалось 43,3%, а свыше 100 жителей – 41,5%. Малолюдных поселений в крае было около 15,2%, т.е. малолюдность для коми поселения не была характерна. При уездном сравнении выявляется преобладание среднелюдных поселений (более 50%) в Яренском уезде, и многолюдных в Усть-Сысольском [10].

В деревнях, починках, выселках и выставках имелись только крестьянские жилые и хозяйственные постройки. Каких-либо иных административных и культовых зданий, торговых помещений, жилищ священнослужителей или администрации в них не имелось. Они все находились в погостах, которые являлись административными и культовыми центрами группы селений, а иногда и всей волости. Так, Косланская волость в 1608 г. состояла из погоста Кослан и шести деревень – Буткан, Екъшера, Варыба, Ручей, Разварга и Вылюб. Погосты могли быть очень значительными. Ношульский погост, например, в 1645 г. объединял 42 деревни и починка, хотя жилых среди них было только 16, а остальные в год переписи пустовали, брошенные жителями, сбежавшими в Верхокамье и Сибирь [11].

Кроме церкви (обычно деревянной, каменные появились в Коми крае в основном во II пол. XIX в.) в погосте имелись дворы церковного причта (служителей), разные административные постройки, торговые лавки и амбары, а также дворы непашенных крестьян и бобылей, занимавшихся каким-либо ремеслом (портняжеством или пимокатанием, например, в п. Кослан жил «портной-мастеришко) [12] и нищих. В упомянутом уже Ношульском погосте в 1645 г. было «…на погосте церковь Степана Великопермского чудотворца деревянна клецки, … да на том же погосте церковных дворов: во дворе поп Евтифий Яковлев, во дворе дьячок Ивашко Елизаров, во дворе пономарь Васька Аникеев, во дворе проскурница Агафьица. На погосте же бобыльских дворов: во дворе Алешка Иванов, двор пуст вдовы Анютки нищие, двор пуст бобыля Якунки Дмитриева, … На той же церковной земле на берегу реки Лузы амбары для хлебные покупки, а приежая в них торгуют и тамгу платят с жилых с осьми амбаров 16 алтын да пустых амбаров развозили» [13].

Крестьянские дворы в погостах появлялись, как правило, лишь в том случае, если деревня после постройки в ней церкви и размещения сельской администрации становились погостом, центром для окружающих ближайших деревень. В 1608 г. в Кослане, именно так превратившемся в погост, кроме четырех дворов священнослужителей и трех бобыльских, имелись еще семь крестьянских дворов. В последующее время в XVIII–XIX в. вследствие роста населения в погостах и деревнях они разрастались, количество дворов увеличивалось, и погосты сливались с близлежащими деревнями в большое село. Хотя определенные границы, опиравшиеся в основном на особенности рельефа, еще долго сохранялись. В памяти народа погост сохранился как такая деревня, главной отличительной чертой которой была церковь. Именно поэтому равнозначным погосту термином у коми был вичкосикт (буквально деревня с церковью). Хотя в XIX в. церковь перестала быть характерным признаком села, ибо их стали строить во всех крупных деревнях. Для

села главным характерным признаком стало наличие в нем волостных (административных) учреждений.

В середине XIX в. в крае было всего 77 сел, в которых обитало всего 11% крестьянского населения. Большая часть сел находилась в южной части края. (51 село), а из них 31 на Вычегде, на севере, на Печоре и Ижме было по 7 сел. Количество дворов в селах было довольно различным. Наиболее крупными были Сизябск (211 крестьянских дворов) и Вильгорт на Сысоле (220 дворов). Если сравнить количество погостов в старожельческих селах с количеством сел, то они почти совпадают. Так, например, на Сысоле было 13 погостов, а сел в XIX в. стало 15. На верхней Мезени к двум селам из погостов Кослан и Глотова Слобода присоединилось третье – Пысское. Но на Выми сел по сравнению с числом погостов оказалось вдвое меньше, что объясняется массовым отливом вымских жителей в XVII в. А в районах позднего освоения, где погостов почти не было, естественно их оказалось гораздо больше, например, на Печоре и верхней Вычегде.

Помимо перечисленных типов поселений в крае встречались также слободы и посады. В XVII в. в крае записаны 5 слобод, из которых два: Ижемская и Усть-Цилемская были на нижней Печоре, одна – Глотовская – на верхней Мезени и две: Слободка Шульгина и слободка Харлова – на нижней Вычегде. Слободка отличалась тем, что их основатели имели специальные жалованные грамоты, позволявшие им созывать к себе поселенцев, которые на определенный срок освобождались от уплаты налогов, как это видно по сохранившимся жалованным грамотам, выданным основателю Усть-Цильмы Ивашке Ластке [14]. По форме слободы должны были быть промысловыми поселениями, но в условиях Коми края их поселенцы занимались также и сельским хозяйством. В XIX в. слободы превратились в обычные сельские населенные пункты – села, сохранив в некоторых случаях слово слобода в своем названии (село Слобода).

Еще более редкими поселениями в крае были посады. В XVII в. был только один посад на Выми – Турья. Кроме него имелись небольшие посады возле городов Яренск и Усть-Вымь. В документах 1608 г. написано: «Усть-Вымь Яренского уезда на Усть-Выми реки Вологодского и великопермского епископи городище… Да на городище владычне дворовое место, что был двор прежних епископов, да место осадное и бовских крестьян, да иных места владычных крестьян, и имен им не помнят». Следовательно сам городок уже запустел, обезлюдел. Все население обитало в Усть-вымском посаде, где располагались пять дворов церковного причта, три кельи нищих и двадцать семь крестьянских дворов. В середине XVII в. в Турье было семь лавок и один амбар, в Яренске – десять лавок [15].

К началу XX в. в Коми крае основными типами поселений были села и деревни. Исчезли, как уже отмечалось, починки, выселки и выставки, также слободы, посады и городки. Появились новые типы поселений, а именно – четыре рабочих поселка: Кажим, Нювчим, Нючпас и Серегово при чугунолитейных и железноделательных и солеваренном заводах. С 1780 г. погост (позже село) Усть-Сысольское было преобразовано в г. Усть-Сысольск. Вторым городом, включавшим в орбиту своего влияния часть западных районов Коми края, был г. Яренск. Города и поселки отличались от сел и деревень прежде всего планировкой и своими постройками, всем внешним видом, но поскольку часть их жителей не порывала с сельским хозяйством, то поэтому в городах и поселках сохранялось много черт сходства с сельскими поселениями.

Особой группой поселений в Коми крае были монастыри и пустыни. Их было немного. Самыми ранними, возникшими еще в XIV–XV в., были Усть-Вымский, Вотчинский и Вендинский. Затем в XVII в. появился Ульяновский. Это были очень мелкие монастырьки или пустыни с малым числом монахов и служителей и большая часть из них постепенно закрылась. Дольше продержался Усть-Вымский, почти до конца XVIII в. Во второй половине XIX в. в крае были вновь открыты Ульяновский и Кылтовский монастыри. В отличие от прежних это были крупные организации, хорошо обустроенные: каменные храмы, и помещения для монахов, каменные стены вокруг, значительное число монахов и послужников, солидное хозяйство с различными пристройками. Так, в 1913 г. в Ульяновском монастыре имелось семь церквей, трехэтажная гостиница, два жилых дома для монахов, больница и школа. Все постройки были каменные [16].

Города и городки, монастыри и пустыни, слободы и посады в крае были поселениями единичными. Основная масса населения (крестьяне) обитала в селах и деревнях, также починках и выселках (пока они возникали в ходе освоения территории заселения).

Тип заселения у народа коми определялся природными условиями, хозяйственной деятельностью, сложившимися культурно-бытовыми традициями. Территория края была покрыта лесом, который прорезали в разных направлениях большие и малые реки. Они были основными источниками связи, транспортными и торговыми путями. Поэтому населенные пункты прежде всего основывались по берегам рек. Для коми был характерен речной тип заселения. Но поскольку река одновременно была и главным источником опасности: грабительские набеги, вражеские нашествия и т.п. люди выбрали для своего поселения наиболее безопасные места. Учитывалась также и пригодность местности для развития домашнего хозяйства, так как у коми важную роль играли рыболовство и охота. Само селение располагалось на высоком берегу, но на более низкой террасе. Выше деревни обычно находились поля на

солнечных склонах. На противоположном низком, заливаемом в половодье берегу устраивались луга и пастбища. А для безопасности в XI–XV вв. дома предпочитали ставить на мысу, образовавшемся при впадении в большую реку малой или ручья. Такой мыс с двух, а то и с трех сторон окружался водой, имел крутые склоны, что было определенной гарантией безопасности.

В последующие века использовались для поселения высокие береговые террасы и холмы. С течением времени река нередко меняла русло, и прежние прибрежные селения оказывались далеко от реки. Так, сс. Бакур и Сизябск в XX в. оказались на расстоянии 3-5 км. от современного берега. Как правило, поселения XVI–XVIII вв. основывались на нижней береговой террасе, а выше расчищались пашни. А еще выше начинались леса. В языке коми до сих пор сохранились выражения «ыбö кайны» (подниматься в поле) и «вöрö кайны» (подниматься в лес), свидетельствующие о том времени, когда и поля, и лес располагались выше деревни на верхних боровых террасах. Полеводство, которое постепенно стало играть важнейшую роль в крестьянском хозяйстве коми, можно было развивать только на южных склонах, лучше прогреваемых солнцем и которые по берегам рек легче было отвоевать у леса.

При строительстве деревень и крестьянских дворов строители принимали во внимание не только экологическую целесообразность, но и свои эстетические потребности. Для размещения поселения выбирался берег, более освещающийся солнцем. Избы, как правило, строились фасадом на юг, юго-запад или юго-восток в сторону реки, так что из окон открывался вид на речную гладь, на даль лесов, синеву неба. Все постройки стояли открыто. У коми не имели распространения зеленые насаждения возле домов. Крестьяне считали, что деревья заслоняют солнце, задерживают лишнюю влагу и зря занимают такую нужную для посадок землю. В этом отношении к озеленению сказывалась вечная борьба за пашни, луга и пастбища, которую веками вел с лесом коми крестьянин.

Древнейшим типом застройки деревни у коми был беспорядочный, ранее еще и разбросанный, когда жители ставили свои дворы, кому где заблагорассудится, обычно поближе к своим полям. В XVI–XVII вв. переписчики подчеркивали, что в деревне дворы «врозни». Еще и в I половине XIX в. такое расположение построек сохранялось в очень многих селениях. И.Кашперов, приезжавший по нижней Вычегде и Ыми, писал, что «деревни зырян, по большей части, не составляют сплошной постройки, а дома разбросаны по полям в разных направлениях и каждый крестьянин живет особо» [17].

В XVIII в., когда плотность расположения построек в деревне увеличилась, исчезла разбросанность, но сохранилась беспорядочность. Расположение двора крестьянина Н.Ф.Огибина (с.Палевицы) в доку-

менте описано следующим образом: «В межах двор и преддворный выход и подоконные улицы со востоку с И.Прокушевым до с Е.Федоровым, с полдни и с западу с Г.Осиповым по огороду, куды ныне стоит, с сиверу с Е.Федоровым да по старому богдановскому дворовому месту, а водочерпные колодцы и баня по западную сторону вышеописанного двора на преддворном выходе и на подоконной улице» [18]. Данное описание очень четко показывает отсутствие сколько-нибудь четкой планировки. В середине XIX. это положение мало изменилось. М.И.Михайлов подчеркивал, что они (т.е. жилища – Л.Ж.) примыкают друг к другу очень тесно, так, что один дом упирается в другой углом, или стоит боком, или будто отвернулся, построясь к нему задней стороной» [19]. Очень характерны в этом плане ижемские сс. Бакур и Сизябск, дд. Нижний Удор на Вашке, Картасикт на Сысоле, Луг на Выми и др. Село Сизябск расположено на высоком увале старого берега р. Ижмы. Река отошла на несколько км. и сейчас под берегом сохранилась старица. Постройки разбросаны без всякого порядка. Даже центральная улица (дорога) очень извилиста. Дома стоят группами и между ними вьются узкие улочки (проходы). Ориентировка домов не имеет единого направления, но прослеживается ее стремление повернуть фасад в солнечную сторону, к реке, в южном направлении. Строители старались добиться лучшего освещения, поставить дома так, чтобы они не мешали друг другу, не заслоняли горизонт. На самом высоком месте стояла церковь.

Вследствие роста населения и увеличения количества жилых и хозяйственных построек в деревне складывается прибрежно-рядовой тип застройки, при котором жилые дворы ставились друг подле друга на некотором расстоянии вдоль берега реки в один, два и более рядов. Против дома на противоположной стороне улицы (проезда) ставились (вне двора) амбары, погреба и бани. П.Щукин в начале XX в. писал, что «главная деревенская улица по одной стороне заставлена банями, по другой – хорошими бревенчатыми домами» [20]. Прибрежно-рядовой тип у коми был самым распространенным. Он почти полностью заменил беспорядочный, который сохранился в основном в мелких деревеньках и в старинных частях некоторых больших селений. Типичной деревней данного типа является д. Муфтюга на р. Вашке, хотя нынче она стоит на берегу старицы, так как река изменила русло. Дома в Муфтюге вытянулись в два (местами в три) порядка. Ряды домов весьма четкие, тянутся вдоль береговой полосы. Амбары и овины собраны в группы несколько в стороне от жилья. Бани построены ближе к воде перед домами по склону берега.

При рядовом типе застройки дома второго ряда стоят фасадами на зады первого. Между порядками есть проезд. Амбары и погреба второго

третьего рядов стоят тут же против домов или в стороне за деревней, а бани чаще тоже под берегом, но иногда и возле дома, даже на участке.

В начале XX в. в крае появляется уличный тип застройки, который отличается двусторонней расстановкой домов фасадами друг против друга вдоль улицы. Этот тип не получил широкого распространения и встречается лишь в крупных селениях (административных центрах), в наиболее новых участках застройки. Пример – с.Ношуль на р.Лузе. Правильный улично-квартальный тип застройки у коми почти не встречается. В тех редких случаях, когда после большого пожара в начале XX в. происходило восстановление села по утвержденному плану, в ней появились участки с улично-квартальной расстановкой домов (напр., в с. Палевицы). А сами улицы чаще встречаются в центральной части селения, по концам его сохраняется рядовая планировка. «По характеру планировки, – пишет В.Н.Белицер, – поселения коми можно подразделить на следующие группы: беспорядочные деревни с подразделением на кучевые и разбросанные, рядовые деревни с подразделением на однорядные и многорядные, уличные и квартальные деревни и, наконец, различные смешанные беспорядочно-рядовые, беспорядочно-уличные, улично-рядовые и т.д.» [21]. Наибольшее распространение имеют, конечно, разнообразные смешанные формы.

Для коми издавна было характерным гнездовое расселение селений. Деревни и починки тянулись к своему центру-погосту. К началу XX в. значительная часть ближайших деревень слилась с погостом в единое крупное село. Обычно деревни сохраняли свои названия и границы, подчеркнутые местным ландшафтом. Такие села имели как сплошную застройку, иногда на несколько км, так и прерывистую, когда деревни отделялись друг от друга ручьями, оврагами и другими особенностями ландшафта. Гнездовое расселение наиболее характерно для южных районов обитания коми, в которых они обосновались относительно давно, заселили более плотно, и где земледелие заняло важнейшее место в хозяйстве крестьянина. В северных районах, особенно на Печоре, гнезд поселений нет. Там сложилось линейное расселение, когда одно селение за другим стоят на берегу реки на расстоянии 20-30 км. друг от друга. Объясняется эта особенность тем, что села на Печоре основывались в основном с промысловыми целями, а основатели их присматривали места, наиболее пригодные для этого, не скапливаясь в одном месте, лишь со временем эти пункты разрослись и превратились в солидные села. Особенно те, в которых распространялось оленеводство. Плотность заселения в крае осталась неравномерной. В южной части поселений сосредоточено значительно больше, чем в северной. Наследием разбросанного расположения построек является большая растянутость многих поселков коми. Скучивание поселков у коми практикуется мало, хотя встречается в отдельных районах обитания коми.

К началу XX в. происходит уплотнение построек в поселениях. Дома ставятся гораздо более близко друг к другу, чем прежде. Иногда даже приусадебные участки выделяются уже не за двором, а за селом. Однако чаще дом выходит фасадом прямо на улицу, а участок отгорожен сзади за двором. Так, вместо старого разбросанного типа распространился компактный тип заселения, когда все жилые и хозяйственные постройки располагались на небольшом пространстве, но этот тип встречался лишь в небольших деревнях. Основным типом заселения становится растянутый, когда дома в селении вытягиваются вдоль берега (редко дороги), иногда на несколько км. Обычно они тянутся рядами, но встречается скучивание беспорядочными группами. Редким для коми является концевой тип заселения, в котором постройки расходятся от единого центра (обычно бывшего погоста) в разных направлениях в зависимости от окружающего рельефа.

В целом же для селений коми характерна смешанность планировки. Наряду с рядовой встречаются участки или отдельные деревни (сикты) с беспорядочной, уличная может сочетаться как с рядовой, так и с беспорядочной где-либо по концам большого села. Планировка селений отражает также существовавший в давнее время обычай селиться родственными группами, ставить свои дворы поближе к родичам. Именно поэтому в коми деревнях традиционно наличие больших групп однофамильцев, в прошлом родственников, дома которых стоят компактно. Обычно это остатки прежних родственных объединений, называвшихся в разных районах по разному: котыр, чукӧр и став. В относительно мелких деревнях нередко можно видеть две-три основные фамилии (в д. Тойма на р.Вашке – основные жители Матевы и Палевы). В крупных селах фамилий больше, но и там зачастую можно обнаружить такие объединений по отдельным сиктам или концам селения. В поселениях, возникших относительно недавно, как правило, много различных фамилий, ибо в это село переселились люди из соседних, а также и из дальних селений. Это явление более типично для районов позднего заселения, а также тех мест, где произошла значительная передвижка населения: уход старожилов на новые земли, бегство в Сибирь и т.п., а на месте выбывших появились новые поселенцы с другими фамилиями.

Интересный материал по истории поселений дает также изучение их названий. В частности, он дает сведения на вопрос, где и как они возникли. Новые поселения часто основывались одним человеком или группой лиц (чаще родственников). Это прослеживается в документах, в названиях поселений, в народных легендах. Как уже отмечалось выше, на Печоре основателями поселений были промысловики, поселившиеся на понравившемся им угодьях. Отсюда и название населенных пунктов по именам и прозвищам первопоселенцев: Захар-Вань (Иван Захарович), Антон, Соколово, Родь (Родион), Петрунь, Ванегрезд (деревня

Ивана), Ветев грезд (деревня Ветева), Маргопи (сын Маргариты), Пашкин сикт (деревня Павла), Ваньпи (сын Ивана) и т.п. Иногда в названии выступает целая родственная группа: Китö-став (все семейство Тита), Грише став (все семейство Григория), Сила пиян (дети Силы),Э Мальцев грезд (деревня Мальцевых) и др. Очень распространено было название селения по месту расположения: деревня возле реки, ручья, озера (Вадор, Шорсай, Визинга, Дон), ниже по течению (Кывтыдпом), выше по течению (Катыдпом, Катыд сикт), в истоке ручья (Шорйыл) на другом берегу (Шормöдар), в устье реки (Емдин, Кулöмдин, т.е. Усть-Вымь, Усть-Кулом), по отношению к другим деревням: выше (Вылысгрезд), посредине (Шöрсикт), в глубине (Пыдигрезд), ниже (Улысгрезд), с церковью (Вичкосикт), вокруг церкви (Вичкодор), на возвышенности (Кöрткерöс, Позтыкерос, т.е. железная гора, на горе у озера Поз – гнезда), у подошвы горы (Кырув), возле леса (Ягдор), Яг сикт, Ягпом – конец леса) и т.д. Названия могли быть связаны с хозяйственной деятельностью человека, поле (Иб, Макариб, Куниб), межа (Межог, Межадор), сенокос, пожня (Выльвидз, Марколаста – пожня Марка), расчистка для полеводства (Кулига, Тылавидз, Тылашор), рыболовства (Ваньвисдин, Кулöмдин), животноводства (Картасикт), и т.п. Время возникновения поселения (Важгорт, Выльгорт, т.е. старая и новая деревни). Надо отметить, что в названиях поселений чаще используются мужские имена. Но обнаруживаются и женские: Маргопи (сын Маргариты), Аныб (женское поле), однако достаточно редко.

Из анализа названий поселений коми следуют следующие выводы: а) поселения основывались одним человеком или группой родственников, б) причиной возникновения нового населенного пункта были поиски в земледельческом районе новых мест, пригодных для занятия сельским хозяйством, в промысловом районе – мест с хорошими промысловыми угодьями, в) место для поселения выбиралось удобное для ведения хозяйства, обычно на берегу реки или озера, предпочтительно на мысу, в устье впадающей речки или ручья на более высоком незаливаемом в половодье месте, на холме, террасе. Поэтому названия селению давались по имени или прозвищу первооснователя или его семьи, по местности, где оно было основано, или по реке или озеру, или другому характерному признаку. Например, название Керчомья по легенде происходит от первой постройки: шалаша из бревен (керчом). Однако вышесказанное не исключает наличия названий, происходящих не из коми языка, нередко их даже трудно объяснить. Так, слово Гам лингвисты считают вепским. названия Зеленец, Великополье, Черныш, Ловля, несомненно русского происхождения. Возможно их первопоселенцы были русскими приходцами, позднее растворившимися в этнической коми среде. Именно так произошло с частью населения сс. Усть-Выми и Серегово, где первопоселенцы были довольно разнонациональны, с преоб-

ладанием русских, но в ходе времени многие смешались с коми соседями. Изучение названий помогает определить, где в прошлые века находился центр волости или гнезда поселений. На это указывают такие слова как «погост» и «вичкосикт». Названия могут подчеркнуть давность заселения данного места, указать на связи с древним дохристианским местным населением («деревня Новоселец, что было чюдцкое городище» или «пустошь, что была деревня городок Чюцкой»).

Довольно распространено у коми одновременное бытование для одного селения двух названий на коми и русском языках. При этом официально употребляется русское, а в бытовой речи – местное. Чаще эти названия являются калькой друг друга, практически дословным переводом (Усть-Кулом – Кулӧмдин, Усть-Вымь – Емдин), но нередко они не совпадают (Сторожевск – Шойнаты, Коквицы – От, Троицко-Печорск – Мыелдин, Мутный Материк – Сим Андрей). Иногда эти совпадения довольно приблизительные (Объячево –Абъячой), но иногда отличие только в разном произношении названия (Ижма – Изьва). Практикуется также простая добавка русского окончания к коми названию (Помӧсдин – Помоздино, Ваньвисдин – Ванвиздино). В этом случае сдвоенность практически отсутствует. Встречается, что и коми в разговорной практике сокращают, перестраивают русские (Палевицы – Паль) и непонятные названия из других языков (Визинга – Визин, Ляли – Ляй).

Очень типично для коми включение в состав названия поселения уточняющих слов сикт, грезд, горт, керӧс, дин, дор и т.п. Сикт и грезд употребляются со значением деревня. Сикт очень древнее местное название. Грезд, как полагают лингвисты, произошло от русского слова гроздь и вероятно, объясняется тем, что беспорядочная застройка деревни напоминает ягодную гроздь. Слово горт в настоящее время означает дом или жилище, но, видимо, раньше оно употреблялось в значении поселок, двор, поскольку в XV-XVI вв., как уже говорилось, нередко деревни состояли из одного двора. Слово горт употребляется и в значении «гроб». Видимо в этом случае имеется в виду, что он является жилищем, домом покойника. Керӧс переводится как террасовидная возвышенность и в названии подчеркивает месторасположение поселения. Такое же значение имеют слова дин и дор, переводящиеся как около, вблизи, возле, край. Первое понимается как устье реки (сейчас в этом значении применяется слово «вом» – рот: устье Вычегды – Эжвавом). Отсюда Усть-Кулом – Кулӧмдин, и видимо раньше дин имел именно это значение. А второе дор сохраняет указанный смысл: Вадор – деревня у воды, на берегу реки, на краю берега.

Все вышеупомянутое указывает на то, что поселения коми по своему виду, планировке, расположению на местности весьма близки посе-

лениям оседлых соседей, особенно русских. Именно поэтому многие исследователи, особенно современные, отказывают поселениям коми в какой-либо самобытности, в какой-либо специфике и объединяют их в единый круг севернорусского народного зодчества. Так, И.В.Маковецкий в качестве типично севернорусской деревни описывает д. Кони Княжпогостского района Коми АССР, являющуюся чисто коми поселением [22]. Подобные утверждения несправедливы. Несмотря на сходство поселений, на Европейском севере России, у разных народов выявляются определенные различия, и это отмечается многими наблюдениями. Так, чиновник по особым поручениям при вологодском губернаторе В.Бессонов, проехавший в начале XX в. по Коми краю, отмечал, что «среди лесов… попадаются большие деревни, совершенно отличного вида от русских: с первого же взгляда бросается в глаза особый вид постройки: основанием зырянского дома является изба на один скат с очень плоской крышей, конечно, тесовой, два таких дома, составленных высокими сторонами, составляют большой дом и это общий тип зырянских построек» [23]. Можно отметить также и ряд других особенностей коми селений. Это и отсутствие бревенчатых стенок, укрепляющих берег, так называемый обруб, и нелюбовь к зеленым насаждениям в деревне возле домов и обязательные группы бань у источников воды, обычно на берегу. И еще больше специфики обнаруживается при изучении усадьбы и самих построек крестьянского двора, о чем будет сказано дальше.

Однако что представляет собой крестьянский двор, вся крестьянская усадьба. Она объединяет целую группу разнообразных построек жилого и хозяйственного назначения. Они часть. связаны в единое целое, частью стоят самостоятельно, отдельно, на определенном участке, обычно огражденном изгородью. В их числе жилой дом из одной, двух и более изб (керка), вплотную связан со скотным двором (карта). В этой же связи находится клеть (кум). Остальные постройки самостоятельны. В их числе погреб (кöбрег), амбар (турыш, житник) и баня (пывсян). Их место или возле дома, обычно против окон чаще на противоположной стороне улицы (проезда), а иногда на огражденном участке. Баня нередко выносится в сторону, ближе к источнику (ручью, ключу, реке) и там образуются группы бань нескольких хозяев. Возле домов, часто прямо на улице, стоят колодцы (иногда они индивидуального пользования, и расположены на участке). Там же на участке стоят и дровяники и навесы для хранения сельскохозяйственного инвентаря.

Важное значение играли в хозяйстве овины (рыныш) с гумнами (гумла), но они обычно стояли в стороне от селения из-за своей пожароопасности. С целью оберега от пожара в некоторых районах амбары также выносили за деревни, где они стояли отдельной группой.

В селениях с плотной застройкой возле домов нет полного приусадебного участка. Он за селом. Изгородь ограждает небольшое пространство вокруг дома или за домом, на котором размещена часть хозяйственных построек. Если плотность размещения невысока, то возле дома отгораживается приусадебный участок. Дом может стоять и в передней части участка (на грани изгороди) и в глубине его, отделенный от дороги посадками.

В южных районах края встречаются более замкнутые формы усадьбы. В верхнесысольских селениях сохраняется форма открытого замкнутого двора. В этом случае дом с двором в одной связи стоят на одной стороне, на другой вытягиваются друг подле друга погреб, амбар, дровяник. С передней стороны от дома до погреба или амбара тянется плотная изгородь, имеющая калитку и широкие ворота. С задней стороны также отгорожено. Иногда в углу двора стоит также и колодец (юкмöс). Эта расстановка построек и создает открытый замкнутый двор.

Более развитые формы подобного двора имеет распространение в Прилузье, особенно на Летке. Здесь в дополнение к обычному двухъярусному двору пристраивают крытое помещение (сайник или улич). Это обычно пристройка из тонкомерных бревен, закрытая тесовой крышей на один скат. пристраивают ее сбоку к двору или, если дом с двором имеют глаголеобразную форму, во внутреннем углу этой г-образной структуры. Улич удобен тем, что прикрывает от снега и дождя вход в погреб и амбар, подход к колодцу и дровянику, где сохнут дрова. Там же летом стоит скот.

Думается, что обе эти формы являются переходными от древнего открытого двора к современному замкнутому, примыкающему к жилью закрытому двору, который сложился у коми во II половине XVIII в. [24].

Трудно сказать, какому народу принадлежит изобретение этого объединения в единый комплекс жилой и хозяйственной частей крестьянского двора, но, несомненно, следует признать это открытие выдающимся изобретением северного зодчества. Оно избавляло людей от необходимости часто выходить на холод, держать запасы в доступном и удобном для хранения месте.

Литература и источники.

1. Акты времени появления царя Василия Шуйского. М., 1914. С.334, 289.
2. Документы по истории коми // Историко-филологичексий сборник. Сыктывкар. 1958. Вып. 4. С.259.
3. Там же. С.248-249.
4. Там же. С.249.
5. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1, оп.11, д.36.
6. Щукин П. У зырян // Русское богатство. 1907, № 7.
7. Акты времени появления… С.294.
8. Там же. С.327.

9. Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р. Эволюция сельских поселений Коми края с начала XVII до середины XIX века // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С.13. (Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 37).

10. Там же. С.14-16.

11. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971. С.22.

12. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX в. М., 1972. С. 41.

13. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1, оп.11, д.31.

14. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т.1. С.77–78.

15. Там же. С.125.

16. Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971. С.27- 28.

17. Кашперов И. По Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости, 1865. № 11.

18. Жеребцов Л.Н. К истории народного жилища коми // Историко-филологичексий сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 72–73.

19. Михайлов М.И. Домашний и семейный быт зырян. Журнал министерства внутренних дел. 1852. Кн.III. С.320.

20. Щукин П. Указ. соч.

21. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958. С.154.

22. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. С.115–117.

23. Бессонов В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным богатствам на реку Ухту. СПб., 1908. С.28.

24. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище… С.39.

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА И УТВАРЬ*

Из чего складывался пищевой рацион коми? Основную часть продуктов питания давало домашнее хозяйство. Земледелие давало ячменную и ржаную муку (ид пызь, рудзег пызь), крупу (шыдöс), солод (юм), картофель (картов), некоторые овощи: репу (сёркни), редьку (кушман), брюкву (галан), лук и чеснок, конопляное и льняное семя. Животноводство обеспечивало молоком (йöв) и молочными продуктами: сметана (нöк), творог (рысь), масло (вый), также мясом (яй). Последнее больше давала охота, во время которой добывали как боровую – тетерев (тар), рябчик (села), куропатка (байдöг), так и водоплавающую – утка (чöж), гусь (дзодзöг) – птицу. Большое место занимало рыболовство, потому что его добыча, в отличие от охоты, продукт которой в значительной части шел на рынок, в основном использовалась в семье. Кроме охоты и рыболовства коми занимались сбором дикорастущих грибов (тшак) и ягод (вотöс). Использовали в пищу также некоторые травы, лишайники, мхи и древесную (чаще пихтовую) кору (кач). Последняя применялась в смеси с мукой для выпечки хлеба, поскольку многим семьям своей муки на весь год не хватало, а в северных районах она вообще была покупной и дорогой.

Способы хранения и заготовки впрок особо от соседей не отличались. Мясо солили, а также сушили и вялили на воздухе, особенно птичьи тушки на промысле. Они висели под навесом крыши дома и снимались по мере надобности. Куски говяжьего мяса отваривались в соленой воде и сушились в русской печи или же также вывешивались под крышей. Иногда так же готовили и птичьи тушки. Рыбу сушили (обычно мелкую) и солили. Отличием в солении рыбы у коми была засолка с малым количеством соли. Способ, типичный для северных приморских народов, когда рыба не столько солится, сколько квасится, размякает, сохраняя свой природный вкус, но приобретая своеобразный резкий запах (нюк) – способ, называемый у нас «печорский засол».

Овощи и картофель хранили в свежем виде в подполье. Кроме того, капусту (кöчан) солили и квасили. Для этого кочан резали пополам или

---

* Раздел для «Очерков этнографии народа коми (зырян)». Написан в 1989 г. на основе ранее (по косвенным данным, в 1988 г.) подготовленного текста, озаглавленного «Информационный материал по теме: Традиционная пища народа коми». В первоначальный машинописный текст автором внесена рукописная правка. Кроме того, данный текст был дополнен другим фрагментом, который, к сожалению, не сохранился; осталась лишь пометка автора относительно имеющегшося продолжения. Текст печатается по копии из личного архива составителя.

на четыре части, отваривали и солили. После закваски хранили на холоде. Репу и брюкву парили в закрытой посуде в русской печи, а затем сушили (использовали для приготовления сладких блюд типа компота).

Грибы запасали и в сушеном, и соленом виде. Можно отметить, что коми собирали очень ограниченный круг грибов. Многие вполне съедобные грибы считались непригодными в пищу и не собирались, например, опенки, лисички, чернушки, свинушки и т.п.

Многие виды ягод сушили или же хранили в воде или в замороженном виде, особенно клюкву (турипув) и бруснику (пув). Очень ценили морошку (мырпом). Эти ягоды в массовом количестве собирали поздно осенью и складывали в деревянные кадки (пельса) на краю болота, где они стояли до морозов. Вывозили их домой по замерзшей, но еще малозаснеженной земле, чтобы не мешало бездорожье.

Посуда и утварь почти полностью была самодельной. Обычно глиняную посуду лепили женщины примитивным способом налепа: кринки (крынча), латки, горшки (гырнич) и др. Мужчины изготовляли различную деревянную посуду: резали ложки (пань), ковши (кӧш), чашки (тасьти), крупные чаши (кумли), плели из корней бересты, виц и дранки короба, лукошки (куд), корзины (кӧрзин), пестери (пестер), берестяные коробки (чуман), долбили ступы и корыта (вор), сбивали кадки (пельса), ведра, подойники и т.д. Покупной была только стеклянная и металлическая посуда.

Зерно мололи на муку и крупу, в основном, на домашних жерновах (изки), реже возили на водяные мельницы (ветряных у коми вообще не было).

Однако нельзя отрицать наличие связей крестьянского хозяйства с рынком. Крестьяне издавна, не позднее XVII в., продавали часть своих продуктов, особенно рыбу (чери), мясо (яй), дичь (пӧтка) и покупали те продукты, что не производили сами: чай, сахар, хмель, растительное масло, толокно, крупы (кроме ячной, которую изготовляли сами), зерно (особенно рожь, также пшеницу, овес).

С XVIII в. большое распространение получила морская рыба, особенно треска, также сельдь и сайда. Некоторое распространение получили такие специи, как перец и горчица. Но обычно использовали в качестве приправы лук и чеснок.

Нормой питания было трехразовое (редко четырехразовое): завтрак (ӧбед), обед (пажин, павжин) и ужин (ужын). Завтракали и ужинали плотно и основательно: сначала подавали рыбный пирог (черинянь), затем щи (шыд) с мясом или без мяса, или уху (юква), затем на второе кашу (рок) или жареный картофель и под конец молоко (йӧв) или квас (ырӧш). Чтобы приготовить еду, хозяйка встала в три-четыре часа утра. Ей надо было истопить русскую печь, приготовить пищу и поставить ее в печь, где она и находилась до вечера.

Богатым и разнообразным был праздничный, особенно свадебный, стол. Крестьяне могли питаться в обычные дни впроголодь, но на торжество выкладывали все запасы, приготовляли всяческие блюда, которые знали и умели готовить сами хозяйки или даже приглашенные специалистки. Правила подачи блюд в разных районах были различны. Так, на Вычегде гостей усаживали за стол, в средней части которого горкой лежали шаньги, пироги, ярушники и ломти ржаного хлеба. Подавать начинали с рыбных пирогов: пирог с лещом, затем со щукой и т.д. Затем несли щи из соленого мяса, следом из свежего мяса. Потом шли вторые блюда: жаркое из дичи (например, утки, или тетерева, или рябчиков), жареное легкое, жаренный картофель и т.п. и на третье сладкий пирог и молоко. А на Удоре вначале подавали мясной бульон, затем тот же суп с мелко нарезанным мясом, следом суп из дичи и мясо из него, затем шла рыба: сперва соленая мелкая, следом крупная, по вкусовым ценностям каждая отдельно – щука (сир), хариус (ком) и др. Затем шла свежая рыба, тоже начиная с мелкой. За рыбой подавали кашу из ячневой или пшенной крупы с молоком. Затем на третье (последняя подача рӧзгона – разгон) приносили сусло (сюва) с солодовым же киселем (ас кисель). Блюда сопровождались обильным возлиянием пива (сур), которое передавалось по кругу в деревянном или медном большом ковше (ендова).

Самым распространенным первым блюдом были разнообразные щи. В литературе можно встретить описание различных кислых щей (азя шыд), различавшихся по составу продуктов. В основном, они готовились из перловой или ячневой крупы на сыворотке или простокваше. Дополнительно в них клали квашенную капусту или борщевик, особенно в тех случаях, когда щи готовили на воде. Для азя шыд (или шома шыд), например, разваренную крупу разбавляли водой, добавляли кислой закваски и немного разваренного гороха, кипятили, а перед подачей на стол поливали конопляным маслом.

Среди прочих видов горячих супов-похлебок, изготовленных на основе той же ячневой или перловой крупы, можно назвать гороховый (анькытша шыд), из мятого конспляного семени (кӧнтуся шыд), из тех же семян с добавлением соленых грибов (кӧнтуся тшака шыд) или картофеля (кӧнтуся картовкаа шыд). Для примера опишем приготовление супа под названием “кутья” на основе конопляного семени: растолченное в ступе семя разводится водой, и полученной жидкостью белого цвета заливают разваренную перловую крупу (растолченное семя пропускается в трех водах, скорлупа выбрасывается), затем доваривают в русской печке. Если в щи добавлялась капуста, получались капустные щи (капуста или кӧчана шыд). Способ приготовления йӧвва шыд на сыворотке или пахте следующий: перловую крупу распаривали в русской печи, затем разводили ее сывороткой пополам с водой и кипятили до готовности. При подаче на стол сдабривали сметаной. Несколько отли-

чался от вышеперечисленных “нурья шыд”, основой которого была ячневая мука; но здесь, возможно, проявлялось этническое своеобразие, так этот суп был более распространен среди удорцев.

Мясные супы варили из свежего, сушеного (вяленого) или соленого мяса. Использовались мясо домашнего скота и добыча охотничьего промысла. Приправами служили тоже крупа или мука, особенно ячневая, и, конечно, лук. В летнее время были популярными холодные первые блюдца, такие как тертая редька с квасом (ырöша кушман), квашенная капуста с квасом (ырöша кöчан), нарезанная тонкими ломтиками редька в соленой воде с конопляным маслом, редька с вареным картофелем, разведенные молоком и т.п.

Очень важно отметить, что способы приготовления, подачи на стол и еда в различных этнографических районах коми были различными. Не будучи в состоянии осветить все это разнообразие, приведем в качестве примера приготовление и употребление мясного супа. Нижневычегодская коми хозяйка, вымыв кусок мяса, клала его в глиняный горшок, солила и, залив водой, ставила в русскую печь. Готовый суп подавался на стол в общей деревянной чашке. Причем в первый раз только бульон, в который хозяин крошил черствый ярушник. Кроме того, он же отрезал каждому члену семьи ломоть свежего ржаного хлеба. Хлебали суп все одновременно деревянными ложками из общей чашки и обязательно зачерпывали только прямо перед собой. Хозяйка в это время резала вынутое из горшка мясо на мелкие кусочки двумя ножами, держа их крест-накрест, в большой деревянной миске (яй кумли), затем ссыпала в обеденную чашку и, снова залив бульоном, вторично подавала на стол. Теперь полагалось хлебать суп уже с мясом (шыдсö паняв – суп-то хлебай).

У верхневычегодских коми сваренный таким же образом суп обязательно заправляли мелкой ячневой крупой. Перед подачей на стол хозяйка на специальной дощечке ножом мелко резала вынутое из горшка мясо и высыпала его в чашку с бульоном. Ели все также из общей посуды, но вначале хлебали лишь бульон; когда в чашке оставалось одно мясо, хозяин своей ложкой слегка стукал по краю посуды, что и являлось сигналом, разрешавшим брать мясо, которое ели с ржаным хлебом.

Вернепечорские коми мясом (дичью) были снабжены лучше вычегодских, зато хлебом гораздо хуже. Это накладывало отпечаток на употребление супа, который также заправляли ячневой мукой или крупой. Правила подачи на стол были несколько иные. Бульон приносили дважды, заедая его чаще репой вместо хлеба. Вынутое из горшка мясо крупными кусками клали в специальное небольшое еловое корытце, которое ставили на стол. Каждый отрывал руками себе кусок мяса и ел его без хлеба.

Удорские коми варили суп, также заправляя его ячневой мукой. Перед подачей на стол мясо мелко нарезалось в чашку с бульоном. Хлебали вначале также один суп, и когда его съедали, хозяин дополнительно солил мясо, после чего его разрешалось есть. Каждый отламывал небольшой кусок хлеба, обычно ярушника, и, макая им в чашку, прихватывал, прижимая большим пальцем столько мяса, сколько мог вложить в рот (шыдсö рузи – суп-то ешь).

Наиболее обеспечены мясом были ижемцы. Главным образом, они использовали оленину и дичь. Приготовление супа не отличалось от других. Варили его в той же русской печи и заправляли ячневой крупой. Но употребляли суп в иной последовательности. Хозяйка, вынув мясо из горшка, мелко резала его и подавала на стол в общей чашке, так что в начале все ели мясо без хлеба. Затем она разливала бульон по отдельным деревянным чашечкам, и каждый выпивал свою порцию с хлебом (шыдсö ю – суп-то пей).

Во второй четверти XX в. в сысольских селениях в обед подавались мясной суп, заправленный перловой крупой, на второе – картофель, жареный на молоке или сметане, затем каша и молоко. При отсутствии мяса ели различные щи из той же перловой крупы: в постные дни вместо молока – “компот” из пареной репы.

Холодные закуски у коми широкого распространения не имели. Однако у ижемцев было принято угощение мороженым оленьим мясом – строганиной (айбарч). Повсеместно подавали соленые грибы, обычно со сметаной и часто без картофеля, а также соленую капусту, отличавшуюся способом приготовления; ее отваривали, разрезав кочан на несколько частей, и несильно посолив, хранили в замороженом или квашеном виде. Из грибов же в отдельных районах делался так называемый студень (тшака студен: сьöд тшакысь шабди выйöн). Но особенно любили подавать на закуску рыбу в различных вариантах. Повсеместно было распространено запекание в тесте: рыбник (черинянь, курник, кулебака). В отдельных этнографических районах имелись и свои специфические рыбные блюда. На Ижме свежемороженная рыба подавалась в виде строганины. Слабо соленая сырая, так называемого печорского засола, использовалась почти повсеместно, но особенно в северных районах. На Удоре лакомством считались соленые мальки (ёс) и очищенные соленые внутренности крупной рыбы, чаще щуки (чоля). Последние, поданные на стол, хозяин нарезал ножом или ножницами на кусочки, как лапшу. Лакомством считались также семга и ее икра. К этой же группе праздничных блюд относятся и пельмени, которые у коми имели только мясную начинку.

На второе горячее блюдо мясо использовалось редко. Чаще на второе блюдо шло вареное мясо, вынутое из супа. Более распространено было приготовление вторых горячих блюд из рыбы. Ее жарили в особой

глиняной посуде (чери латка) обычно на молоке, соленую треску готовили и картофелем и луком. Нередко в качестве второго блюда подавалась отварная рыба, вынутая из ухи. Делали жаркое из соленых грибов с картофелем и луком; при подаче на стол его поливали сметаной.

Но главным продуктом, из которого готовили второе блюдо, была крупа – ячневая, перловая. Каша – одно из самых распространенных традиционных кушаний. Для примера опишем молочную (йöвва рок): обычно не крутая, сваренная на молоке в русской печи, при подаче на стол она сдабривалась топленным маслом. Каша на сале (горса рок) – более крутая, рассыпчатая: в разопревшую крупу добавляли топленое сало или мелконарезанный шпиг, затем снова ставили в печь до готовности на два-три часа.

Для приготовления каши применялась и мука. Например, “кыз рок” изготовлялась из ячной муки на воде, “дзижья рок” из той же муки, но на молоке. На Удоре подобной же была “пызя рок”. Эта крутая каша делалась быстро: в кипяток засыпали муку, ставили ненадолго в печь, затем еще раз добавляли муку, не менее трех раз, и в этой же посуде горячую подавали на стол. Хозяйка в центре горшка выдавливала ямку, в которую наливала масло, топленое или конопляное. Эту кашу можно было есть только горячей: брали с краю и, обмакнув в масло, ели. Вареный и мятый картофель, разведенный молоком, запекали в латке (картупеля рок).

Близкими к кашам по способу приготовления, но употреблявшимися уже в качестве третьего (сладкого) блюда, были юм и ляз. Первое представляет собой кашу из солода, второе – из размолотых ягод черемухи. И если юм ели в горячем виде, то ляз предпочитали холодным. На Удоре делали опары (азьгум öпар, пувья öпар) – ржаную муку разводили водой до состояния жидкой каши, добавляли бруснику или борщевик и упаривали в печи до вечера.

Много различных блюд изготовлялось из молока и молочных продуктов. Например, на Выми любили сметану, топленую в русской печи в специальном горшочке (нöк кашник). Из молока с мукой или горохом варили кисель, который подавался на стол охлажденным и залитым холодным молоком. В нем же размешивали толокно. Назовем еще вареный творог с молоком (ясьник).

Главное место в питании коми занимали хлебные изделия, изготовленные из ржаной и ячменной муки. Они отличаются большим разнообразием. Хлебом повседневного питания были ржаной подовый круглый хлеб (рудзöг нянь), называвшийся тупöсь, и ячменный ярушник – ясьник или ид нянь (ид тупöсь). Ковриги ржаного хлеба были крупные, ярушники – более мелкие. Последний стряпался так: с вечера заготовлялось из ячменной муки тесто (опара) на дрожжах или закваске в глиняной квашне и становилось на ночь на русскую печь. Утром тесто за-

гущали добавкой муки, затем вновь ставили на русскую печь, чтобы оно поднялось. Готовое тесто формовали в ярушники. Для этого, отделив нужный кусок, клали его в специальную деревянную двуручную чашку и многократно встряхивали для придания ему шарообразной формы. Полученные заготовки раскладывали на хлебной доске, покрытой полотенцем и, подняв на брусья (сёр), давали им дойти, после чего сажали на чисто выметенный пихтовой метелкой разогретый под печи. Поскольку ячменный хлеб быстро черствеет, то ярушники принято было печь ежедневно. На Удоре имели распространение ярушники с начинкой, например, из картофеля (картупеля маккей) или солода (юмья маккей).

В праздничные и воскресные дни стряпали различные пироги, колобки, шаньги, сочни, блины, оладьи и калачи. Начинкой для пирогов прежде всего служила рыба, как свежая, так и соленая. Тушка заворачивалась в толстый сочень из крутого пресного теста и выпекалась на медленном жару. Таким же образом пекли пироги с нарезанной ломтиками редькой, луком (чаще зеленым). Очень часто начинкой служила разваренная крупа или жидкое тесто. Последнее ставили также с вечера. Замес делался на сыворотке или молоке. Утром заготовка несколько сгущалась добавкой муки, но не слишком густо. Затем раскатывались тонкие сочни овальной формы из пресного крутого, обычно ржаного теста. Размеры сочней в разных этнографических районах были различными: в Прилузье они были крупнее, чем на Сысоле, на Удоре им придавалась несколько иная форма. На сочни клали приготовленную начинку, а чтобы она не растекалась, их с боков подгибали кверху. Разложенным на доске пирогам давали взойти, подняв доски на сёр, затем смазывали сверху сметаной и пекли также на поду. Готовые смазывали топленым маслом. Та же начинка использовалась для стряпания колобков (кӧвдум). Тесто раскладывалось в жестяные сковородки, смазанные салом или конопляным маслом, покрывалось сверху сметаной и выпекалось.

Широкое распространение имели пироги с начинкой из мяса (мелко-рубленных потрохов), ягод, грибов (соленых и сушеных, которые предварительно размачивались и дробились сечкой – тшака курник), капусты, солода (чужья пирӧг), картофеля (картофеля курник) и т.п. Для них готовилось кислое тесто обычным способом. Сами пироги делались небольших размеров. Начинка заворачивалась в раскатанный кусок теста и полностью защипывалась.

Наряду с пирогами повсеместно стряпались шаньги. Они делались двух видов: на тонком сочне из пресного теста или на толстой основе из кислого теста (кызку шаньга). Заливка шанег, как и у пирожков, была весьма разнообразная: пресное тесто на простокваше, ячневая крупа являлись наиболее распространенными. Кроме них, широко использо-

вались творог (рыська шаньга), ягоды, картофельное пюре (картошкаа шаньга), реже конопляное семя (кöнтуся шаньга) и т.п.

Шаньги котировались выше, чем пироги или колобки. Стряпались также блины, обычно из пшеничной муки. встречались блины в смеси с конопляным семенем (кöнтуся блин, кöнтуся идъя блин). Широко известны оладьи, просто из кислого текста (öладдья) и картофельные (картупеля оладья). Специфическим блюдом являлись сдобные сочни (сöчöн и дрöчöн). Эти довольно толстые лепешки изготовлялись из ячменной муки, круто замешанной на сметане или вытопках масла, и выпекались на жестяном противне или сковородке. Известны традиционные напитки коми: хлебный квас (ырöш, сюкöсь), квас из пареной репы (сёркниа ырöш), сусло (чужва, сюва), солодовое пиво (сур), березлвый сок (зарава), чай. вместо дорогого чая в качестве заварки многие употребляли брусничный лист, березовый гриб (чага), цветы и ягоды шиповника*.

* Последний абзац при редактировании очерка вычеркнут автором из первоначального текста.

РАССЕЛЕНИЕ КОМИ ПО УРАЛУ, СЕВЕРУ И СИБИРИ В XVI – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Середина II тыс. н.э. является тем рубежом, с которого начинается расселение коми не только в границах его нынешней этнической территории, но и далеко за ее пределы. П.А.Колесников, рассматривая процесс освоения земель Европейского Севера, выделяет период с конца XV – начала XVI вв. до середины XVII в. как особый этап, характеризующийся более “интенсивным заселением восточных уездов Поморья, в которых удельный вес новых поселения достигал 40-50%” [1]. В этом колонизационном потоке активное участие принимали и коми, которые переселялись в более южные земли, в район Среднего Урала и Прикамья.

Весьма интересную подборку, освещающую места расселения коми (зырян) в XVI-XVII вв. и их хозяйственную деятельность дал в своей статье В.А.Оборин, который писал, что “в XVI в. в поток русских переселенцев включается коми-зыряне. Они осваивают незаселенные места, основывают новые населенные пункты рядом с русскими. В 1579 г. в Соликамском уезде были д.Зыряново и д.Зырянка по речке с одноименным названием. Кроме того, они поселяются небольшими группами в селениях со смешанным русским и коми-пермяцким населением…

В первой четверти XVII в. коми-зыряне по-прежнему переселялись в Чердынский и Соликамский уезды и в вотчины Строгановых и впервые “появляются в плодородном Сылвенско-Иренском поречье” [2]. Далее он приводит несколько конкретных примеров, показывающих расселение коми в Зауралье, в частности в Верхотурском уезде. В.А.Оборин подчеркивает, что “в отдельные годы приток коми-зырян в Верхотурский уезд был довольно велик. Например, в 1668-1669 гг. их пришло более 50 человек” [3].

На новом месте жительства коми, в основном, оставались крестьянами земледельцами. Но в то же время многие перешли в ремесленники, в частности стали мастерами-солеварами, некоторые вошли в число служилого и посадского городского населения: казаков, ямщиков и т.д.

В районе Соликамска коми появились, очевидно, с основания промыслов. Недаром же одним из важнейших районов добычи соли были участки на р. Зырянке. Несомненно, что речка свое название получила от первопоселенцев-выходцев из края коми. “Первым по времени, - писал Н.В.Устюгов, - крупным промыслом в Соликамском уезде, за ис-

---

* Соавтор И.Л.Жеребцов. Раздел для «Очерков этнографии народа коми (зырян)». Написан в 1989 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

ключением промыслов Строгановых, был соляной промысел гостя Г.П.Никитникова на р.Зырянке” [4].

Имеются основания полагать, что Строгановы, получив в 1558 г. земли по Каме, для скорейшего развертывания соляных промыслов привезли с собой группу солеваров из Сольвычегодска. В их числе были и коми [5]. Л.П.Лашук пишет, что “согласно переписной книге 1647 г., в прикамских вотчинах Строгановых скопилось много крестьян с характерными прозвищами – Южанин, Двинянин, Мезенец, Вычегжанин, Ужгинец, Лузянин, Сысолетин. Крестьяне целыми семьями приходили сюда также из Кибры, с Усть-Сысолы, с Усть-Выми. Наиболее часто упоминаются выходцы с Лузы, Вычегды и Мезени, вероятно, Верхней” [6].

По подсчетам Н.В.Устюгова, “всего в Стргогановских промышленных вотчинах, принадлежащих трем владельцам, зарегистрировано по переписным книгам 1678-79 гг. 257 пришлых людей”. В их числе из Соли Вчегодской – 51 человек (19,8%), из Чердыни – 24 (9,3%), из Яренска – 9 (3,5%), а всего следовательно около 39% от общего количества [7]. Поскольку Н.В.Устюговым учитывались выходцы не только из города, но и из всего уезда, то в числе названных 99 человек несомненно были коми. Среди холопов Г.Д.Строганова, например, был записан Л.Дмитрев из Лузской Пермцы. Вероятно, коми был бобыль С.Кочев, живший в одном дворе с племянником И.Кочевым [8].

В бассейн верхней Камы в XVII в. перебралось значительное количество коми. Среди первопоселенцев погоста Обва по переписям 1579 и 1623-24 гг. названы Зыряновы, также Нечаевы, Кузнецовы и некоторые другие [9]. Немало коми было и среди поселенцев Зюздинского края. По имеющимся данным самые верховья Камы начали заселяться лишь в конце XVI в. В 1607 г. верхокамцы жаловались, что “живут де они Пермских городов, от Кайгородка, верст за двести и больше, и в писцовых де книгах написаны себе опричь кайгородцов, а дворишки де они ставили на диком на черном лесу, а людишки все пришлые” [10]. Л.П.Лашук пишет, что в их числе были выходцы с Сысолы и Ужги [11]. В этой связи весьма интересно отметить, что и в настоящее время среди зюздинцев распространенными являются такие фамилии, как Носковы, Першины, Харины, Череневы, Ичетовкины и т.д. [12]. Почти все они являются сысольскими. При этом надо учитывать и то, что сохранились далеко не все фамилии переселенцев. Но приведенный факт подкрепляет мнение о давних и устойчивых связях Сысолы и верхней Камы. Предки носителей этих фамилий когда-то в XVI-XVIII вв. переселились на Каму в поисках лучшей доли.

Исторические документы, подтверждающие уход прилузцев и сысольцев с прежних мест в Прикамье в поисках хлебных районов, известны в довольно большом количестве. “Так, в 1579 г. прозвище Зырян

(Зыран) встречалось в деревне Воцкой Чердынского уезда (Сенка Зырян), в погосте Искор (Ермак Зырян), в Япидоре (Никитка Зырян), в Кулчуге (Олешка Зыран). В Соликамском уезде была речка Зырянка (о ней мы упоминали выше – *Авт.*), а на ней деревня Зыряново (ныне район г.Березников). Позднее деревни с названиями Зырянка, Зыряново, Зыряна (Зыряны) известны в Усольском, Кочевском, Кудымкарском, Ильинском и Сивинском районах. Почти во всех районах Пермской области изредка стала попадаться фамилия Зырянов (редко Зырянин)" [13]. В упомянутом 1579 г. этноним зырян встречается в восьми русских населенных пунктах Чердынского уезда. Зырянские переселенцы в это же время встречаются в поселениях вотчины Строгановых (Орел-городок) и в басейнах Иньвы и Обвы [14].

Необходимо отметить, что притоки Камы близки к верховьям Сысолы. Очень возможно, что тут проходил один из древних путей переселения из Камского бассейна в Вычегодский, которым и пользовались население вплоть до XIX в., переселясь из Прилузья и Сысолы на Каму.

Указывая на сходство топо- и гидронимов Зюздинского края с таковыми же коми-пермяцкой и коми-зырянской областей А.Ф.Теплоухов видит в этих местах прародину зюздинцев. Касаясь их фамилий, он также отмечает их сходство с фамилиями, распространенными в соседних коми и коми-пермяцких волостях [15].

Немало переселенцев шло также в более благоприятный для занятия земледелием бассейн р.Вятки. Писцовая книга 1646 г. по Вымскому уезду дает следующие сведения: за 1643-45 гг., на которые падает около 41% всех крестьян побегов крестьян за 14 лет перед проведением переписи, более 99% беглых ушло на Вятку [16]. В писцовой книге 1678 г. переписаны в Орловском и Котельническом уездах Вятской губернии несколько коми (и коми-пермяцких) фамилия: Пуртов, Одегов, Зонов в первом и Кочев, Ежегов, Куимов во втором [17].

В статьях А.Ф.Теплоухова можно встретить весьма богатые материалы и очень интересные сопоставления, доказывающие значительное переселение коми-зырян на юго-восток (в особенности в Прикамье). А.Ф.Теплоухов сделал совершенно верные наблюдения, в результате которых выявил сходство гидро – и топонимов, а также фамилий коми-зырянского и коми-пермяцкого населения. Однако выводы из своих материалов он сделал явно ошибочные. Он писал: "Можно с уверенностью сказать, что в северо-западной части Пермской губернии Пермское население образовалось главным образом из зырян-пришельцев из бывшей Вологодской и Вятской губернии, смешавшихся с остатками угров и пришедшими с ними или несколько позднее русскими колонистами. За это говорят группы названий, например, возле самого гор. Чердыни, где в 1472 г. был сосредоточен административный центр княжества Пермского или Великопермского, совершенно сходные с таковыми в

бывших Усть-сысольском и Яренском уездах, но в то время, как во втором из них упоминается Усть-Вымь или Пермь-Старая здесь мы находим Чердынь или Пермь-Великую. Ясно, из какой Перми в какую пришли Пермяки" [18].

На основе собранных материалов А.Ф.Теплоухов пришел к выводу, что коми-пермяки не коренное население Камского бассейна, а пришлое, что они сложились совсем недавно в результате массового переселения коми-зырян на юго-восток в Прикамье и смешения их с русскими и остатками угров (манси).

Данное утверждение ошибочно. А.Ф.Теплоухов чрезмерно преувеличил роль и значение переселения коми-зырян в Прикамье. Однако для нас важными являются приведенные им примеры и заключение о значительном переселении коми-зырян в бассейн Камы и ее притоков. Этот его вывод убедительно подтверждается новыми материалами, собранными современными исследователями.

Переселение коми в XVI–XVII и последующие века не ограничивалось районами Вятки, Верхнего Прикамья и Среднего Урала. Движение на юго-восток было гораздо более массовым, чем в других направлениях. Но в то же время нельзя отбросить и факты переселения коми в более западные районы. В писцовых книгах можно встретить примечания: "Збежал на Двину". Такие записи чаще попадаются в описаниях западных волостей края Коми. Так, например, в писцовой книге 1608 г. имеются такие записи: "двор пуст Павлика Иванова, збежал на Двину во 110-м году" [19].

Однако наибольшее количество переселенцев по сравнению даже с Камским бассейном и Средним Уралом шло дальше на восток в Зауралье, в Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток (особенно же в Западную Сибирь). Расселение по Северу развернулось позднее в XIX в. Историческими исследованиями выявлено активное участие жителей Поморье в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока. Этот вывод, безусловно, правильный. Но обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех без исключения исследованиях как дореволюционных, так и современных, жители Поморья выступают как этнически однородная масса, как представители одного и, конкретно говоря, русскогонарода [20]. Подобный подход к делу не верен по существу. Под термином "Поморье" в изучаемое время понималась весьма обширная территория русского европейского Севера, на которой обитало значительное количество различных народов, в том числе и коми (зыряне и пермяки). И все эти народы принимали участие в открытии и заселения Сибири и Дальнего Востока, особенно в XVI–XVII вв.

Применение собирательных терминов "русские люди", "выходцы из Русского Поморья", "русские служилые казаки" и т.п. к этнически разнородной среде землепроходцев и первооткрывателей, а также и перво-

поселенцев сибирских и дальневосточных земель является неверным, так как не позволяет выявить роль нерусских народов Европейской части России в этом великом историческом событии.

Следует отметить также и то, что у ряда исследователей, даже современных, нет ясного понимания этнической картины Русского Поморья в XV–XVII вв. Правда, многих эта сторона исследуемого вопроса просто не интересует. Изучая проблему открытия и заселения Сибири в масштабе России в целом, они вполне удовлетворяются термином “выходцы из Русского Поморья” также как и подобными ему терминами: “выходцы из центральной России” и т.д. То же, кто пытается уточнить содержание понятия “жители Поморья”, обычно идут по линии выделения административно-территориальных групп, не внося в них конкретного этнического содержания. Поэтому у них в одном списке идут устюжане, холмогорцы, архангельцы, вымичи, сысоличи, сольвычегодцы, чусовитины, яренчане, пермичи, зюздинцы, усольцы и т.д. Хотя несомненно, что среди вышеперечисленных групп имеются представители минимум четырех народов: русского, коми-зырянского, коми-пермяцкого и вепсского.

В тех случаях, когда авторы как-то осветить этнический состав выходцев из Поморья, они не в силах определить, какой конкретный этнос входит в ту или иную административно-территориальную единицу. Так, И.С.Гурвич, определив, что основная волна переселенцев шла из Поморья, пишет, что “среди них были очень сильные инородческие финские элементы в лице зырян, вымичей, сысоличей и других племен” [21], то есть он считает как выше перечисленные, так и некоторые другие неназванные им административно-территориальные объединения различными финскими (правильней сказать финского происхождения) племенами. Однако в исследуемый период племен у коми уже не было, так как родо-племенной строй у них уже распался, и вместо них существовали соседские территориальные объединения – общины-волости. В течение XVI–XVII вв. происходит сближение этих волостей. Начинает складываться народность коми (XVII–XVIII вв. по Л.П.Лашуку – время сложения народности коми) [22]. В связи с этим волостные названия постоянно исчезают одно общее название. Северные коми начали официально именоваться зырянами, а камские коми – пермяками. В XV–XVII вв. в источниках встречаются и волостные названия и общее (в более поздних): в 1465 г. вымичи и вычегжаны, в 1483 г. вымичи, сысоличи и чердынцы [23], в 1600 г. – вымичи и зыряне [24] и т.д.

Выходцы из Поморья в XVI–XVII вв. в документах встречаются под довольно широким кругом территориальных (волостных и городских) названий. К коми этносу, т.е. к зырянам и пермякам, из них можно отнести а) полностью или почти полностью вымичей, сысоличей, зюздинцев, пермяков, чусовитинов, чердынцев, косьвинцев и обвинцев; б) в

значительной части яренчан, сольвычегодцев, выжегжан, вилежан, кайгородцев, соликамцев и усольцев. Во второй группе несомненно включение русского этнического элемента, поскольку в этих волостях и уездах по соседству обитали коми и русские.

Таежные просторы, лежавшие за Каменным поясом (Уральскими горами), издавна были ведомы коми. В поисках пушнины коми охотники надолго покидали родные места и уходили в Западную Сибирь, живя там в поставленных среди тайги зимовьях (несколько таких зимовий обнаружили в начале XVII столетия служилые люди, назвавшие их "зырянскими городками"). Там, за Уральскими горами в Нижнем Приобье были известны Уркар (беличий город) и Войкар (северный город) – центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси.

Первоначальные контакты между коми, ханты и манси можно датировать началом II-го тысячелетия н. э. Несомненно, через коми попало в русские летописи слово "югра" (коми называли манси – йӧгра) [25]. "Наименоваие югра производят из языка коми или зырян, у которых егра было названием ляпинских "остяков" или северных вогулов" [26]. В указанное время до середины II тыс. н. э. манси (вогулы) жили не только за Уралом, но и в бассейне верхней Печоры и возможно, верхней Вычегды [27]. Взаимоотношения между коми и манси в первой половине II тыс. были далеко не всегда мирными. Вогулы переживали в это время период военной демократии. У них создаются племена и союзы, характерной чертой деятельности которых являлись военные грабительские набеги. Они не раз нападали на земли коми. Об этом имеются сведения и в вычегодско-вымской летописи ("Лета 6900 (1392 г.) пришедшу на владычный город на Устьвымь погаными вогуличи…", "тово лета (1455 г.) шли на Пермь безвернии вогулечи, Великую Пермь воевали, владыку Питерима идуще с Перми поймали и убили") [28] и т.д.

Одной из основных забот первых пермских епископов была оборона северо-восточных границ Московского государства от набегов немирных вогулов. Коми принимали активное участие в военных походах русских князей против манси. В 1465 г. "повели князь великий Иван Скрябе воеводе с устюжаны и вычегжаны Югорскую землю воевати, а шедшю с устюжаны хотячие люди да с ними же ходил князь Василей Вымской с вымичи и с вычегжаны" [29].

В 1467 г. вятчане вместе с пермяками сами воевали вогуличей и даже захватили в плен их князя Асыку, руководителя набега 1465 г., но он сумел как-то освободиться из плена. В 1481 г. манси снова совершили набег, но на этот раз на Пермь Великую и проникли до Чердыни, где и были разбиты устюжанами под начальством А.Мишнева.

В свою очередь, великий князь Иван III организовал большой поход против вогуличей в 1483 г. Основную силу русских войск составляли устюжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Этот отряд под руководством

Федора Курбского-Черного и Салтыка-Травина в 1484 г. разбил войска мансийских и татарских князей под Пелымом. Их князь Молдан попал в плен. Воеводы прникли глубоко в центр мансийских земель и дошли до р.Оби. Князь Юшман вынужден был покориться [30]. В 1485 г. в Усть-Выми был заключен мир между мансийскими князьями (в том числе и отпущенным из плена Молданом) и вымичами и вычегодцами. “Того же лета князи кодские Молдан с детьми, да Пыткой, да Сонта да Пынзей имели мир под владычным городом под Усть-Вымь за свои земли, с князьями с вымскими с Петром да Федором с Васильевыми да с владычным слугою Левашем да с сотники вычегодские земли пермскими с Сидорко Онкудинов да Алексей Козак да Кироска Устинов да Сенка Микитин на том: им лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермскими людие, к князю великому правити во всем, да крепость их со злота воду пили и идущие в землю свою” [31]. Полный текст шерти 1485 г. приведен в вышеупомянутой работе С.В.Бахрушина. Этот договор, скрепленный клятвой, был утвержден епископом Филофеем.

“В результате грандиозных походов 1483 и 1500 гг., предпринятых при Иване III, югорские и пелымские князьки вынуждены были признать номинальную власть Москвы и обязались “дань давати” и не воевать поданных великого князя-вымичей и вычегодцев” [32]. С.В.Бахрушин подчеркивал, что “крупную роль в деле подчинения русскому влиянию хантских и мансийских племен Сибири играл пермский владыка в качестве крупного маркграфа, выступающего посредником между Москвою и зауральскими племенами”. В 1483 г. владыка Филофей выхлопотал для пелымского князя Юшмана великокняжскую “опасную” грамоту для приезда в Москву. И в 1485 г. после заключения мира епископ сам сопровождал князя в столицу. Эти контакты пермских епископов с мансийскими князьями сохранялись длительное время. В 1586 г ляпинский князь Лугуй, признав власть Московского князя, выговорил себе право доставлять, как и прежде, дань непосредственно в Вымскую землю, минуя русские города за Уралом [33]. В XV–XVI вв. (до постройки г.Березова) манси платили ясак на Выми. Это говорит и об определенной зависимости манси от Вымской земли и о довольно регулярных контактах между обоими народами.

Военные экспедиции против ханты и манси продолжались и в шестнадцатом веке, особенно после похода Ермака. И во всех активными участниками были коми. Так, в походе на пелымского князя Аблегерима в 1591-92 гг. участвовали “земские ратные люди пермичи и вымичи и усольцы” [34].

Однако нельзя считать, что коми с манси и ханты находились в состоянии постоянной вражды. Наоборот, в основном эти отношения были построены на мирной основе взаимного торгового обмена. Не только коми ездили в Сибирь, но и манси бывали на территории коми. Извест-

но, что в XVI в. кодскому князю Игичею Алачеву была пожалована в пожизненное владение волость Лена на нижней Вычегде [35], которая после его смерти перешла к его матери княгине Анастасии и сыну Петру. А после них в 1646 г. она передана в поместье Дмитрию Алачеву, тогда уже просто стольнику московского князя. Для того, чтобы посетить свое поместье, мансийские князья неоднократно проезжали по землям коми, как сам Игичей, так и его родичи и наследники. “И ехати ему водяным путем на Вымь и в нашем жалованье, а в своем поместье, побывать” [36].

С этими событиями очевидно и можно связывать отмеченные Б.А.Серебрянниковым мансийские топонимы в районе Яренска: Матлуг, Мартолуг, Казлуг, Вазлуг. Он предполагает наличие в данной местности какой-то мансийской колонии [37]. Это предположение хорошо увязывается с вышеприведенными документами о передаче Ленской волости в поместное владение Алачевых. Л.П.Лашук высказывает мысль о возможности пожалования угодьями с указанными гидронимами военноплеменных и слуг пермского епископа. Конечно, пленные и крещенные манси вполне могли быть при дворе епископа, но едва ли им выделялись угодья в собственное пользование. А вот то, что целая группа вогулов (манси) постоянно проживала в поместье Алачевых и, естественно, занималась своими традиционными занятиями (в особенности рыболовством), пожалуй, сомнений не вызывает.

В том же XVI в. группы коми крестьян из волостей попавших под власть Строгановых не раз вступали в союз с манси для совместной борьбы со Строгановыми. В конце XVI в. на строгановскую вотчину “на Чусовую и на Курье с вогуличами приходил разбоем и грабежом” Офонько Шешуков. Манси действовали, как сказано в документе “сговорясь с воры, стакався с Максимовыми (Строганова – *Авт.*) крестьяны” [38]. А фамилия вожака – Шешуков – весьма распространена среди коми. Следовательно, коми и манси находили общий язык, умели договориться о совместных действиях против угнетателей.

Когда коми начали переселяться на север Западной Сибири точно пока сказать нельзя. Но как уже говорилось выше, коми издавна знали пути в Зауралье и поддерживали постоянные торговые связи с местным населением, сами ходили туда промышлять пушнину и т.п. Однако постоянные поселения коми на севере были очень редки. Это были торговые или промысловые поселки.

По мнению В.Штейница, “русские узнали Обь сначала в ее северной части, в низовье. Первое известное мне (В.Штейницу – *Авт.*) упоминание о ней в русских летописях относится к 1364 г. Несколько позже (1499) появляется имя Обдора, Обдория, в котором дор-страна, местность несомненно слово языка коми …”

Далее он пишет, что “следы языка коми проводников налицо во многих русских географических названиях на Севере, напоминающих не о местных языках, хантыйском и мансийском, а коми. Сюда относятся: а) многочисленные названия на – кар (коми кар – город); б) многие гидронимы на – ва (коми ва – “вода-река”); в) местные названия на – дин – устье”. В качестве примера он приводит следующие топонимы: 1) Вежакарские юрты (священный город), 2) г.Шеркар (средний город) в XVII в. Шеркал, 3) Искар (XVII в.), Искарские юрты (1960) (каменный город), 4) город Кельчикар (XVII в.) на Казыме, 5) Уркар или Белой (XVII в.), современные Лангивожские юрты (беличий город), 6) Сускар или Роговой (кедровый город), 7) Шурышкар (озерный город) и 8) Войкар или Ночной (XVII в.) Одновременно В.Штейниц приводит параллельные мансийские названия. Основной вывод автора таков, что “исторически не только возможно, а прямо вероятно, что название Оби (в ее северной части!) родилось не из обь-угорских языков, а перенято из языка коми. Ранняя связь Оби с коми-дор в Обдора и т.п. устраняет всякие сомнения в происхождения из коми” [39].

Изучение западно-сибирских топонимов было в последующие годы продолжено Е.И.Овчинниковой, которая подтвердила “общность топонимических типов на -ва ,-вок, -ень, -горт, -кар, -мыльк, -ты, -ю (юг) для Европейского Севера и Западной Сибири”. Ею проанализировано 60 топонимов “полностью раскрывающихся из пермских языков”. Она указывает, что “формы коми-топонимов в структурно семантическом плане ничем не отличаются от современных коми-зырянских топонимов на территории Коми АССР”. На основе своего изучения автор сделала очень интересный вывод, что “нанесенные на карту коми-зырянские топонимы на территории Западной Сибири не составляют плотного и однородного ареала, повсюду они вкраплены в топонимику других насельников Сибири. Но они и многочисленные Зыряновки и Зырянки дают яркое представление о путях проникновения и передвижения зырян в Западной Сибири” [40].

В конце XVI столетия под ударами “государевых ратей” рухнуло Сибирское ханство (один из последних осколков некогда могущественной Золотой Орды), загораживавшие путь на восток. Начался великий процесс освоения “сибирской украйны” (окраины), в котором самое непосредственное участие приняли жители Коми края – лучшие знатоки путей, ведущих “за Камень”. Не случайно отряд Ермака, со знаменитого похода которого началось присоединение Сибири, вели через Урал сорок проводников-коми: “И вожи ему были зыряне”, - говорится в летописи [41].

Историк Г.Ф.Миллер в XVIII в. писал: “Когда Ермак жил у Строгановых, от тамошних жителей и особенно от …зырян, которые ходили на звериный промысел по всем окрестным землям, он получил сведения о

соседней Сибири и об удобном пути туда…” [42]. Вслед за Ермаком в Сибирь были посланы другие казаки и служилые люди, а за ними устремился торговый и промышленный люд, беглые крестьяне…

Люди бежали в Сибирь не от хорошей жизни. На рубеже 70-80-х гг. XVI в. Российское государство оказалось в трудном положении. Страна была изнурена 25-летней Ливонской войной. Тысячи людей погибли во время террора, развязанного опричниками Ивана Грозного. В довершение всего на Россию обрушились неслыханное ранее стихийные бедствия: чума и голод (из-за тяжелых неурожаев), унесшие уже не тысячи, а сотни тысяч жизней. Страшные неурожаи и “смутное время” начала XVII в. еще более ухудшили положение населения. Летописи рассказывают: “И бысть глад велик по три лета вряд. И от того глада изомроша много множество людей, инии же тогда ядуще псину и мертвечину и ино скаредно скверное” [43]. Спасаясь от голодной смерти, жители Коми края переселялись за Урал, надеясь найти там избавление от нужды и бедствий: “Пермяки (т.е. коми) многие в голод тот разбрелись (по) вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения…” [44]. Документы XVII столетия, содержащие сведения о населении Прилузья, Сысольских, Мезенских и других волостей Коми края, пестрят сообщениями о том, что тот или иной житель “сбежал в Сибирь”, “сшел в Сибирские городы с женою и с детьми” и т.п. Часть беглецов занималась в Сибири земледелием, другие становились “промышленными людьми” (т.е. “промышляли”, охотились на пушного зверя), третьи поступали на военную службу в казаки или “служилые люди”, становились ямщиками или ремесленниками. Имена и судьбы большинства переселенцев скрыты от нас завесой прошедших веков, но все же кое-что удалось выяснить.

Продвижение переселенцев по огромным просторам Сибири с ее непролазными лесами и необозримой тундрой было многотрудным делом. Небольшие отряды шли “встречь солнцу”, увязая в топких болотах, переливая через заснеженные горы, плывя по полярным морям и неведомым рекам, то торгуя, то сражаясь с редким, но воинственным населением. Отважные землепроходцы, ориентируясь не по картам (их, неточных, нарисованных на глазок – почти не было), а по с трудом понятым, с бивчивым и путаным пояснениям случайно встреченных местных жителей, шаг за шагом продвигались в “дальние, от века неслыханные земли”, действуя на свой страх и риск, но от имени “государя”. Далеко не всем удавалось благополучно достичь “не проведенных землиц” с “соболиными местами”. Как пишет историк Н.И.Никитин, “весь путь от Урала до Тихого океана отмечен безвестными могилами землепроходцев и мореходов” [45].

Несмотря на все тяготы сибирской жизни, выходцы из Европейской России обживали неведомые земли по Оби, Иртышу и другим рекам.

Раньше в Зауралье существовал лишь один город-столица Сибирского ханства Кашлык. В конце XVI – начале XVII столетий здесь поднялось множество новых городов, и среди основателей каждого из них были коми. Раньше других, в 1586 г. возникла Тюмень, со строительством которой и началось прочное освоение Сибири. В числе обитателей города в I четверти XVII в. были стрелец Семейка Зырян, посадские люди Федоска Иванов Вычегжанин и Якунька Сысолич, крестьяне Васька Иванов Зырянин, Прошка Елистратов Вымич и другие выходцы из Коми края [46].

В 1587 г. был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: “Лета 7095 (1587 год) князь великий Федор повелел взяти в новый городок Тобольск из вычегодские и вымские пермяки (коми) в служилые казаки пять десят и с жоны и детми…” [47]. В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название “Зырянская”. На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске находились стрелецкий пятидесятник Васька Зырян, служилые люди Марк Зырян, Савка Зырян, Семейка Юркин, посадские люди Якушко Вычегжанин, Васька Пуртов, Тимошка Лузенин, Федька Сысолетин, Василий Выметин, Федор Чупров и другие [48].

Вслед за постройкой Тюмени и Тобольска появились города на путях, связывавших Сибирь с Европейской частью страны. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок. По царскому указу из Коми края “на Лозву городок” отправили шесть “судоделавцов” строить суда для плаваний по сибирским рекам [49]. В 1593 г. возникли Пелым и Березов. “Лета 7101 (1593 год), - рассказывает летопись, - поведе князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пелынь и Березов городки строити” [50]. “Пермичи и вымичи” упомянуты в царском наказе князю П.Горчакову, посланному строить Пелым, среди участников его похода [51]. В их числе, вероятно, находился Андрей Енгрирев из вымского погоста Шошки – в одном из документов говорится, что он “взят на Березов в казаки во 7101 (1593) году” [52]. Через год, “лета 7102 повеле князь великий Феодор взяти от вымичей и вычегжаны 10 человек лутчих людей с жоны и с детьми в Сибирь на Березов город и тамо жити” [53]. Знавшие дороги к новым городам, коми служили проводниками в отрядах ратных людей, направлявшихся туда. Например, вымич Василий Тарабукин был проводником в отряде воеводы Дьякова, посланном в Березов в 1598 г. [54]. Немало выходцев из разных селений Коми края было среди жителей Березова в начале XVII столетия. Так, Нечайка Петров был “взят на Березов в казаки в 7108 (1600) году” из Турьи, Митька Алексеев “збежал на Березов во 7109 (1601) году” из Коней [55]. В 1595 г. в низовьях Оби был основан город Обдорск, само

название которого (как и реки Обь, как отмечено выше) имеет коми происхождение.

В самом конце XVI в., в 1597 г. была открыта новая, более удобная дорога в Сибирь. Она вела с Камы на Верховья реки Туры. На том месте, где эта дорога выходила к Туре, в 1598 г. построили город Верхотурье. Расположенный на бойком месте, Верхотурский край заселялся очень быстро. Среди переселенцев имелось немало выходцев из разных районов Коми края. В 1635-1636 гг. среди "гулящих людей" Верхотурского уезда было 242 коми – с Вычегды, Выми, Лузы, Сысолы… В 1672-1673 гг. здесь жили 36 семей, пришедших сюда из 18 волостей Коми края (из Жешарта, Турьи, Шошки и др.) [56].

После закрепления на ведущих "за Камень" дорогах началось продвижение переселенцев вглубь Сибири. На рубеже XVI и XVII столетий на реке Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан восточнее Оби, появился город Мангазея, основанный служилыми людьми… и зыряны в результате плавания по морю от устья Оби отряда под руководством воевод М.Шаховского и Д.Хрипунова. Летопись рассказывает: "Пославшу государь Борис Федорович князя Мирона Шехеовского с русаками, устюжаны, вымичи на Мангазею остроги строити и города крепити". Поскольку коми бывали в этих местах еще до основания города (на месте Мангазеи находился их торговый пункт) и лучше других знали ведущие туда дороги, то в царском наказе воеводам особо указывалось: "Взять … в вожи зырян торговых людей и вымич на все суда, сколько человек пригоже, которые б Мангазейский ход знали и толмачить умели" (т.е. знали язык местного населения) [57]. Мангазея стала крупнейшим торговым центром Сибири I половины XVII века. Здесь продавалось столько драгоценной пушнины, что современники называли город не иначе как "златокипящая государства вотчина". Среди приезжих сюда торговцев было немало коми: "Приходили в Мангазею.. с Руси многие торговые люди, пермичи, и вятчане, и вымичи, и пустозерцы, и …торговали по всей Мангазее", - говорится в одном из документов [58].

Среди промышленных и "гулящих" людей Мангазейского уезда в 1631 г. насчитывалось 59 выходцев из Коми края (из Прилузья, Усть-Цильмы, с Вычегды, Выми, Сысолы). В 1642 г. здесь находилось 68 промышленных людей, пришедших в Мангазейский уезд с Вашки, Сысолы и других районов Коми края. Выходцы из Коми края имелись и в числе постоянных жителей города. Например, в 1650 г. в Мангазее жил посадский человек Никита Онуфриев Зырян. Мангазея была одним из самых северных городов Сибири [59].

Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. города Сургут. В числе его первых жителей был Нефед Савельев из погоста Вездень (современная деревня Вездино). Через два года, в 1596-м был основан Нарымский острог, а около 1602 – Кет-

ский острог. В отписке кетского воеводы 1612 г. упоминаются жившие в Кетске коми: “Я со служивыми людьми и зыряны хоромы перенес”. В Нарыме в 1620-х гг. жили два вымича и один сысолец [60].

И в числе обитателей населенных пунктов, возникших в это время на южной окраине российских владений, тоже были коми. Для защиты южных границ на Иртыше в 1594 г. построили город Тару. Среди тех, кто оборонял его от набегов татар, были пеший казак Петрушка Васильев Зырян. В 1604 г. Борис Годунов отправил воевод строить Томск и дал им наказ: “В новом Томском городе... пашню устроити, ... а пашенные люди прибрати из зырян ...” В 1680 г. в Томске находились 83 служилых человека, которые (или родители которых) пришли в Томск из Коми края, среди них 27 вычегжан, 16 вымичей, 16 сысольцев, 3 лузянина и др. [61].

В 1610 г. был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет, в 1629 г., среди 300 промышленных людей Енисейского уезда было 249 человек (более двух третей), пришедших сюда из Коми края – с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В 1630 г., например, в Енисейском уезде охотились на пушного зверя сысольцы Семен и Иван Колеговы, а в 1647-м – Иван, Андрей, Родион и Михаил Колеговы. Коми были не только среди промышленных людей Енисейского уезда. Они имелись и в числе посадских жителей (например, в 1644 г. в г. Енисейске жил посадский человек Савва Зырянин) и в числе торговцев (в 1645-1646 гг. среди них было восемь вычежан, пять сысоличей и четыре вымича). В 1667-1673 гг. в Енисейске поселился сысолетин Родион Фотиев Зонко. В 1669-м здесь появились братья Анцыфер и Родион Кондратьевы Устьцелемцевы (из Усть-Цильмы) [62].

В Иркутске во II половине XVII – начале XVIII века жили С.Кириллов из Усть-Выми, А.Чупров из Усть-Цильмы, И.Кушманов, Е.Зырян, Л.П.Лузин, вычегжане А.Зотов, И.В.Кочюров, М.Лукьянов и др. В Нерчинском остроге в конце XVII века находились С.Чукмасов, В.И.Чупров, Н.Чупров, И.Г.Пермяк, в Селенгинске – С.Сысолетин и П.Зырян [63].

Крупный историк С.В.Вахрушин, изучая историю г.Красноярска, писал, что “частое повторение среди служилых людей и крестьян прозвищ “Зырян”, “Зырянов” дает повод предполагать значительный приток поселенцев коми-зырянского происхождения”. И действительно, по данным переписи 1671 г. в составе конной сотни из 150 человек 14 носят фамилии, характерные для коми. В составе 200 пеших военнослужащих таких было 27 человек. Были они и среди посадского и крестьянского населения. В переписи перечислены 15 Зыряновых, Давыдов, Кочергин, Шарыгин, Старцев, Логинов, Калинин, Шахов, Юшков, Коновалов, Мартюшев, Завьялов, Юдин, также Боталов, Пермяков, Песегов (эти три очевидно коми-пермяки) и др. [64].

Многие коми переселенцы занимались крестьянским хозяйством в новых деревнях возле городов. Так, в 1639-1640 гг. вдоль берегов р.Туры возле города Верхотурье имелись деревни Зырянская, Мальцева, Первушки Букина, братьев Букиных, Семейки Ошкокова, Митьки Зырянова, братьев Шешуковых, Семейки Зырянова, Семейки Гилева, Костьки Шешукова и др. [65]. Некоторые переселенцы поселялись вдоль государевой дороги в качестве ямщиков, так в 1601 г. из района того же Верхотурья подали царю челобитную “ямские охотники Ондрюша Мокеев сын Зырянов и в товарищей своих место” [66].

К концу XVII – началу XVIII в. только в южной части Западной Сибири в 69 из 120 переписанных деревень встречены коми фамилии, такие, как Гутов, Айкин, Гуляев, Паршуков, Момотов, Кынев, Гилев, Бараксанов, Сысолетин, Выметников, Мезенцев (всего более 40), и кроме них до 120 распространенных как у коми, так и у русских: Нехорошев, Сажин, Протопопов, Суров, Коновалов, Туголуков, Приезжаев и т.п. Сами деревни нередко носили также коми названия: Зырянка, Зырянская, Пермитина, Гутова, Тарабукина, Ботева, Таскаева, Бобкова, Полева, Рубцовская, Мамонтовская, Тырышкинская, Гилева и др. [67].

Надо сказать также, что выходцы из Коми края занимались также и торговлей, причем достаточно активно, перебегая дорогу русским купцам и даже правительственным агентам, особенно в начале XVII в. Так, в царской грамоте 1601 г. сообщается, что торговые люди вымичи приходили к мангазейским ненцам и государству “дань с них имели воровством на себя”. Царь приказал провести дознание “кто с кого дани взял” [68].

Крупные торговцы из Коми края ездили с товарами не только в Сибирь, но даже в Китай. Много раз отправляли обозы с товарами в Сибирь усть-сысольские Сухановы. Усть-Немский крестьянин М.М.Габов скупал меха у крестьян 5 волостей: Усть-Немской, Мыелдинской, Пожегодской, Деревянской и Керчемской для торговли с Китаем. Яренский купец Г.Осколков ездил в Китай “по указу великого государря” [69]. И таких примеров много.

Жизнь основателей сибирских городов и уездов была очень беспокойной. Местные “князьцы”, властвовавшие над коренным населением и недовольные ослаблением своей власти, организовали соплеменников совершать вооруженные нападения на переселенцев. Многие люди гибли… Так, выходец из Лялей Семен Федоров погиб в Березове в 1597 г., Сеньку Яковлева из деревни Карса “убили в Тобольске в 7106 (1598) году”. В Сургуте был убит Нефедко Савельев из Вездино. В Мангазее погибли Ондрюшко и Некраско Петровы и Ивашка Васильев из Коней. Этот перечень можно продолжить. По данным дозорной книги 1608 г. в Сибири из отправленных туда 48 жителей, Вымской и Яренской волостей 37 были убиты во время походов в Мангазею, Тобольск и Березов

[70]. В 1612 г., когда “вогуличи пелынские … промышляли измену супротив русские земли, пермские места пограбити”, против них было послано войско, в составе которого были и ратники из Коми края: “И шедшу на Пелынь люди ратные вычегжаны, чердынцы с воеводою верхотурских, вогульских зачинных смутьянов переимали и перевешали” [71].

Однако мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей с их притоками и лежавшие между ними территории и вышли к реке Лене. В 1632 г. был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на Северо-Восток. Возможно, в числе его основателей были коми. (Во всяком случае, известно, что в середине и второй половине XVII столетия среди служилых людей Якутска были Е.С.Вычегжанин, М.С.Сысолетин, Н.Л.Колегов, Н.Габышев, И.Тарабукин. Несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермяков) [72]. Впереди было самое трудное изучение и включение в состав Российского государства наиболее отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока. Среди многих сотен участников этого великого дела документы сохранили и имена выходцев из Коми края. Правда, о большинстве из них известно очень мало – лишь имя да один-два факта из жизни. Вот некоторые из скудных, отрывочных сообщений, дошедших до нас через три века.

Промышленный человек Вижемец (Вижемцев), выходец из Ижемской слободски, летом 1641 г. пытался пройти морем от устья р.Лены до р.Индигирки. Его коч (парусное судно, специально предназначенное для плаваний по северным морям) попал в бурю и был выброшен на камни. Вижемец и его товарищи пытались добраться до Индигирки, но безуспешно. Все они погибли … Казак Федор Емельянов Лузении (из Прилузья) побывал на Лене, Индигирке, Колыме. В 1658 г. при возвращении в Якутск во время шторма его коч разбило. Ф.Е.Лузенину повезло больше, чем Вижемцеву. Казаки построили зимовье и “у моря зимовали”. Весной им удалось дойти до Якутска [73].

С трудом избежали крушения промышленный человек Терентий Нестеров Вымитин (родом с Выми) и его спутники, посланные в 1660 г. с Колыми в Якутск с “государевой соболиной казной”. Их коч был уже изрядно потрепан бурями (“наш кочишко худо и гнило, - писали они сами, - и, мол, по нужде ради на том кичишке …пошли, …купити негде иного коча”) и к тому же сильно перегружен. С большим трудом Вымитянину удалось доставить “казну” в Якутск [74]. В походе Ерофея Хабарова на Амур 1649-1653 годов, в результате которого за Россией было закреплено Приамурье, участвовали Тренька Зырянин и Калинка Зыренин [75]. На реке Яне побывал выходец с Сысолы Кирилл Никитин Сысолетин, на Индигирке – Федор Аникиев Устьцелемец (из Усть-

Цильмы) на реке Чендон, впадающей в Охотское море – Евдоким Григорьев Курсов Вычегжанин. На Камчатке погиб казак Г.Куимов [76].

Перечень наших земляков, осваивавших сибирские “дебри непроходимые”, можно продолжать, но особо следует рассказать о двух выходцах из Коми края, ставших известными землепроходцами, первоисследователями северо-востока Азии – Дмитрии Михайловиче Зыряне и Федоре Алексеевиче Чукичеве (последний был родом из Шежама), с деятельностью которых непосредственно связано включение в состав России бассейнов рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колыми и Пенжины. Оба они начинали службу на Енисее рядовыми казаками. Потом, когда на очередь дня стало освоение Лены и других северо-восточных рек, их в числе других енисейских казаков перевели в Якутск.

В 1638 г. Ф.А.Чукичев и трое его товарищей, которым приелась однообразная гарнизонная служба, обратилась с челобитной к казачьему атаману Ивану Галину. Они просили отпустить их на “государеву службу на Янгу (Яну) реку”, чтобы “якутских и тунгусских и иной какой язык князцов, и их … людей на Янге реке и по иным сторонним рекам привести под …цареву руку”. Согласие было получено, и Федор Чукичев присоединился к отряду Посника Иванова. В отряде насчитывалось 30 человек. Перейдя через Верхоянский хребет, казаки вышли к Яне. Остановившись в выстроенном среднем ее течении зимовье, они совершили походы вниз и вверх по реке. Местные якутские “князцы” обязались “государство служить” и платить ясак (подати мехами).

В начале 1639 г. якуты, жившие в верховьях Яны, обратились к Ф.А.Чукичеву и его товарищам за помощью: юкагиры заняли их охотничьи угодья. Казаки откликнулись на призыв и, подойдя к кочевьям юкагиров, потребовали возвратить якутам отнятые у них земли. Юкагиры отказались удовлетворить это требование, не стали они платить и ясак. Произошло сражение, в результате которого “тех юкагиров многих побили, а иные израненные ушли”. Среди пленных, захваченных казаками, оказался один, говорящий по-якутски. Знали этот язык и казаки. Пленник сообщил, что знает дорогу на р.Индигирку, где, по его словам, было много соболей. Предприняв еще одну экспедицию против юкагирского князька Ендирки, притеснявшего якутов, в том же 1639 г. П.Иванов, взяв с собой 27 человек, среди них Ф.А.Чукичева, отправился с Яны на Индигирку “через Камень (т.е. горный хребет) коньми” (на коленях).

Первая схватка с многочисленными индигирскими юкагирами закончилась не слишком удачно для казаков. Но, построив укрепленное зимовье с острогом, они перезимовали там, а на следующий год, построив струги, поднялись на них по реке к стойбищу юкагиров, разгромили их и заставили принять российское подданство. После этого, как сообщали участники похода в Якутск, “то место стало прочно и стоя-

тельно” в составе Русского государства. П.Иванов с “государевой казной” (соболями) отправился в Якутск, а Федор Чукичев и еще 15 казаков остались зимовать на Индигирке [77]. На Яну, на смену им, во главе небольшого отряда служилых людей и казаков был послан “зимним путем через “Камень” (т.е. горы) Д.М.Зырян (в его отряде находился С.И.Дежнев, впоследствии – один из руководителей знаменитого похода вокруг Чукотки). Документы сообщают, что Зырян “пришел в Юганду (Яну) реку здорово” (т.е. благополучно), но оставался там недолго. Он собрал ясак, оставил его в Янском зимовье под охраной “немногих людей” и … исчез.

Только через два года стало якутскому воеводе о судьбе землепроходца. Воевода сурово выговаривал Д.М.Зыряну в своем послании: “И то ты сделал не гораздо, што … казны (податей) не выслав, пошол в ыную реку, и то ты сделал глупостью своего или по … изменничью наущению …” [78]. Но дело, конечно, было не в этом. Зыряну не хотелось сидеть на более или менее освоенной Яне, его, как и других казаков, привлекали более отдаленные от Якутска, еще неизведанные места, где можно было добыть больше пушнины, соболей. А от этого непосредственно зависало существование сибирского казасчества, и бо жалования, которое получали казаки, на жизнь не хватало. За свой нелегкий труд казаку труд казаку причиталось лишь 5 рублей в год, да сверх того небольшое хлебное и соляное довольствие. А простая рубаха стоила в Сибири 1 рубль, лыжи – 2 рубля, шуба – 4 рубля, рыболовная сеть – 15 рублей, лошадь – 20-30 рублей. Все это казаки покупали на свои собственные деньги… Деньги же можно было получить только охотой на пушного зверя за добычей “рыбьей кости” (моржовых клыков).

Выступив – на свой страх и риск – в поход с Яны, Дмитрий Зырян вначале отправился на соседнюю реку Индигирку “коньми” (т.е. на конях). С ним было 11 человек … Малочисленность казаков может вызвать удивление, но в те годы это было обычным явлением. В отряде Петра Бекетова, основателя Якутска, насчитывалось 20 человек. Семен Дежнев, зимовавший на Анадыре: собирал ясак с двенадцатью казаками. Первый осторг на побережье Охотского моря поставили в 1639 г. 20 казаков. В только что присоединенном к Российскому государству районе на реке Киренге были поставлены для сбора ясака с местного населения 4 казака, а на реке Кути – всего двое … Весь огромный бассейн Лены предполагалось освоить отрядом в 200 казаков.

Придя на Индигирку, Дмитрий Зырян отпустил служивших там казаков с собранной пушниной в Якутск, оставив на Индигирке лишь Ф.А.Чукичева и еще двоих – ему нужны были знающие тот район люди. Расспросив аманатов (заложников из числа местных жителей, которых содержали в остроге, чтобы их сородичи платили ясак), “где есть ли не мирные (т.е. не включенные в состав Российского государства) земли-

цы, которые государю ясаку не плачивали”, Зырян, Чукичев и еще 13 казаков отправились вниз по Индигирке. В низовьях реки жили юкагиры. Их “князцы” били челом Дмитрию Михайлову (Зыряну) с товарищами о своей вере” (т.е. о согласии признать власть русского царя и платить ясак). Казаки поставили там Олюбенское зимовье с острогом, оставили в нем несколько человек и вернулись в верховья Индигирки зимовать.

На следующий год (1642) Дмитрий Зырян приказал казаку Лаврушке Григорьеву Кайгородцу, родом из Кай-городка на Каме, оставаться в остроге, стеречь собранный на Индигирке ясак (“9 сороков соболей”, т.е. 300 соболиных шкурок) и ждать “перемены” из Якутска. Сам он с остальными людьми решил отправиться в еще неизведанные земли на востоке, на поиски реки Алазеи, с которой Зыряну рассказали юкагиры. Для путешествия казаки сделали 2 коча и “пошли на тех кочах вниз тою Индигирскою рекою до моря и шли 2 недели”. Когда суда вышли в Северный Ледовитый океан, Зырян приказал повернуть на восток. Вскоре, через два с половиной дня морского плавания кочи вошли в устье Алазеи. Жившие в низовьях реки юкагиры встретили путешественников враждебно: “…в ясаке отказали и по обе стороны Алазейские реки обошли, и учили … с обоих сторон стрелять”. Несколько казаков было ранено. Из-за малочисленности своего отряда (15 человек) Дмитрий Зырян решил направиться в более спокойные места, казаки поплыли вверх по реке. Добравшись до леса, они построили острог и зазимовали в нем. Это было первое российское поселение на Алазее…

Собрав с алазейских юкагиров ясак, Д.М.Зырян отправил его в Якутск с тремя казаками. Не забывал он и об Индигирском зимовье. Еще двое казаков были посланы “через горы зимнею порою на оленях… назад на Индигирку реку”, чтобы выяснить, пришли на смену оставленному там Л.Г.Кайгородцу служилые люди из Якутского острога, цела ли “соболиная казна”. Во время зимовки на Алазее к ним “приезжали на оленях” чукчи, кочевавшие между Алазеей и неведомой дотоле Колымой. Тогда-то землепроходцы впервые услышали о ее существовании. С чукчами казаки тоже столкнулись впервые – те заявили, что до того “нихто русских людей у них не бывал”. Кто знает, может быть, и название “чукчи” дал встреченным “иноземцам” Дмитрий Зырян от слова “чукчи”, означавшего “глухарь” – после долгих и поначалу, естественно, безуспешных попыток объясниться с неведомым народом (сходным образом русские назвали жителей Западной Европы, не понимавших их язык, “немыми”, “немцами”). Впрочем, это, конечно, не более чем предположение. Однако заметим, что первое известие о встреченном землепроходцами новом народе (чукчах) доставил в Якутск тоже коми – Федор Чукичев.

В 1643 г., собрав с окрестных юкагиров ясак, землепрходцы разделились. Весной, когда вскрылся лед, Ф.А.Чукичев с тремя казаками повез морем пушнину в Якутск. Дорога была долгой, тем более что пришлось посетить и зимовья на Индигирке. Пока Чукичев и его спутники добрались до реки Лены, наступила зима, водный путь оказался закрытым, Перезимовав в Жиганске – небольшом остроге в низовьях Лены, – в 1644 г. Федор Чукичев прибыл в Якутск, привезя "семь сороков соболей" (280 штук), так ценившихся за границей, и сообщил важные сведения о северо-восточных реках – Яне, Индигирке, Колыме и Алазее и о народах, живущих там.

Дмитрий Зырян, раззадоренный рассказами чукчей о богатствах Колымского края ("соболей де у них и всякого зверья иного, и рыбы… много", как волос на голове), взяв с собой 11 человек; выступил в поход на Колыму. С ним были Семен Дежнев и другой известный первопроходец Михаил Стадухин.

Спустя некоторое время казак И.К.Белян рассказывал об этом путешествии: "Зделая коч…, поплыли вниз по Алазейке и вышли на море, и морем шли две недели, и пришед… на Ковыму (Колыму) реку, и по Ковыме шли вверх 12 ден… и острог и зимовье на Ковыме поставили …" [79]. Другой казак сообщил, что "Дмитрий (Зырян) дошел здорово до Ковымы реки и аманатов ковымских поимал, и многих побил, и государев ясак взял" [80].

Несмотря на то, что их было мало, Зырян и его товарищи добились того, что "князцы" местных чукотских и юкагирских родов признали себя подданными России, дали Зыряну "аманатов" (заложников) и согласились платить ясак. Так далеко на восток российские землепроходцы еще не заходили… Успех казаков объяснялся просто: местное население страдало от беспрестанных военных стычек между соперничавшими друг с другом "князцами", а Дмитрий Зырян и его спутники обещали всем жителям защиту московского государя, мир и спокойствие. Неведомое населению Колыми огнестрельное оружие, силу которого не преминули продемонстрировать казаки в одной из стычек, вызвало к пришельцам немалое уважение…

Воевода, наконец-то получивший сведения о походе Д.М.Зыряна, сменил гнев на милость и, назначив Зыряна главой колымских казаков, приказал ему: "Тебе бы тотчас от себя отпустить двух человек в Якутский острог, ково доведется. А с ними про все доподлинно отписать – в которую ты реку пошел и хто у тебя вож (проводник), и сколько людей с тобою пошло …, и какие в той реке люди, и много ли их, и какая в той реке угода, и много ли соболей…" Всякая информация о новых, неведомых землях ценилась тогда поистине дороже золота… Кроме того, воевода официально назначил зыряна главой колымской администрации: "…ему, Дмитрию, велено быть на Ковыме реке приказчиком… -

новые реки приискивать …” Д.М.Зырян получил этот документ – на нем имеется подпись, сделанная рукою первопроходца: “Справлен. Митька Зыряна” [81]. Но Д.М.Зырян недолго пробыл на посту, на который был назначен, и “новые реки приикивать” не успел. В начале 1646 г. он скончался от ран, полученных в бою с юкагирами.

В дальнейшем освоение бассейна Колыми и соседних районов было продолжено под руководством Ф.А.Чукичева. После возвращения с Алазеи в Якутск он наравне с другими казаками стоял в караулах, исполнял другие воинские обязанности. Жили казаки скудно. Ко всем тяготам службы добавлялось еще жестокое обращение начальства, особенно воеводы П.П.Головина. Служилые люди, недовольные условиями жизни, с прохладцей относились к караульной службе. 3 июля 1645 г. Федор Чукичев и еще два служилых человек самовольно ушли с караула. На следующий день воевода, узнав об этом, вызвал их к себе и приказал “тех караульщиков …бить батоги”. Однако никто из казаков не стал исполнять его указание – все они сочувствовали Чукичеву и остальным “провинившимся”. Когда же воевода принялся ругать собравшихся служилых людей за их потакательство караульным и набросился на них с кулаками, вспыхнул бунт. Воеводу выволокли из дома. Казаки “кричали великим шумом”, предлагая “побить” воеводу и его людей: “А буде …до смерти не убить, ино… ноги да руки обломаем людем ево…” Однако призывы наиболее отчаянной части собравшихся не были поддержаны большинством. В конце концов побившись воеводы обещания не наказывать Ф.А.Чукичева и его товарищей за уход с поста и впредь не применять к служилым людям физических наказаний, казаки отпустили сравнительно легко отделавшегося П.П.Головина и, пошумев еще, разошлись по домам [82].

Напуганный выступлением служилых людей, воевода постарался удалить из Якутска наиболее беспокойных казаков. Так Федор Чукичев вновь оказался на Индигирке, где находился до лета 1647 г. В конце бассейн Индигирки, уже достаточно изученный к тому времени, прискучил землепроходцу. 20 июня 1647 г. он на свои деньги приобрел карбас (небольшое судно) и отправился на Алазею, в открытии которой участвовал 5 лет назад. Его опыт и знание этого района высоко ценились, и Ф.А.Чукичева назначают приказчиком – главой местной администрации. Чукичев возглавил освоение бассейна Алазеи. При нем было выстроено новое Алазейское зимовье.

В 1650 г. Ф.А.Чукичев вернулся в Якутск, но в июне 1652 г. по его просьбе, вновь был отпущен с отрядом на Алазею. В общей сложности Чукичев плавал между Леной, Алазеей, а позднее и Колымой не менее шести раз. Это были длительные плавания в суровых полярных водах. Немало мореходов погибало, но Федор Чукичев с честью вышел из всех испытаний. На Алазее он служил до середины 1650-х гг., затем отпра-

вился морем дальше на Восток. Дойдя до устья Колыми, открытой Д.М.Зыряном, Чукичева со своими казаками поднялся вверх по реке до ее притока – реки Омолон. Обследуя верхнее течение Омолона, Федор Чукичев узнал о близости реки Чендон (Пенжина), впадающей в Охотское море. Зимой 1657 г. он выступил в поход и через горы вышел к Чендону. Кочевавшие там коряки встретили его враждебно, но казаки Чукичева захватили два острожка и заставили местных князьков прекратить сопротивление и междуусобные стычки и выплатить ясак. На Пенжине Ф.А.Чукичева ждала удача: он обнаружил здесь жемчуг. Сообщение об этом он тут же отправил в Якутск. Казаки выстроили здесь острог, где содержали взятых “аманатов” из числа корякской родовой знати. Земли по Пенжине вошли в состав России. В последующие несколько лет, вплоть до своей гибели в одном из сражений с напавшими на казаков омолонцами (это произошло в 1661 г.), Чукичев руководил служилыми людьми Омолона и Пенжины [83].

Одним из самых выдающихся достижений землепроходцев стало путешествие из Северного Ледовитого океана в Тихий вокруг Чукотки, предпринятое в 1648 г. группой казаков и промышленных людей и под руководством Ф.А.Попова и С.И.Дежнева, в результате которого был открыт пролив между Азией и Америкой. В этом походе принимали участие и выходцы из Коми края. Сколько всего их было, не выяснено. Известны только два имени: Фома Семенов Пермяк и Иван Зырянин. Ф.С.Пермяк пришел в Сибирь с Мезени. Из какого района был родом И.Зырянин, неизвестно. Вот что сообщают нам документы. Летом 1646 г. Ф.С.Пермяк, Алексей Маслов Вычегжанин и еще несколько промышленных людей, выходцев из Устюга, Сольвычегодска и других северных городов отправились из Якутска “вниз по Лене реке морем на Яну и на Индигирскую реку (Индигирку) и на Ковыму (Колыму) и в ыные реки на соболиный промысел и для торгу”. В течение 1646-1547 гг. они промышляли соболей, выменивали у местных жителей “рыбий зуб” (моржовые клыки, изделия из которых высоко ценились в Европе). Лето 1648 г. застало их на Колыме – крайнем восточном рубеже, который к тому времени был достигнут землепроходцами. Узнав о том, что Федот Попов и Семен Дежнев готовят экспедицию на реку Анадырь, где ранее не бывал никто из промышленных людей иди казаков, Ф.С.Пермяк и, вероятно, его спутники, решили принять в ней участие.

20 июня 1648 г. отряд, в котором насчитывалось 90 человек, выступил из Нижнеколымского острога. Среди участников экспедиции были казаки, промышленные и торговые люди. В обязанности руководителя экспедиции входил сбор пошлин на землях, которые должны были войти в состав Российского государства. Люди размещались на семи кочах. Ф.С.Пермяк и И.Зырянин плыли на том же коче, что и Семен Дежнев.

Путь был опасным и долгим, по неизвестным местам. Ранее, в 1646 и 1647 гг. уже предпринимались попытки совершить подобный поход, но обе они закончились неудачей. Караван двинулся вниз по Колыме до океана, а затем повернул на восток, вдоль побережья. Во время плавания у берегов Чукотского полуострова кочи попали в бурю. Два судна разбило, остальные продолжили свой путь. 1 сентября 1648 г. экспедиция подошла к самой восточной оконечности Азиатского материка – мысу, который Семен Дежнев в своей отписке воеводе в Якутск назвал “Большим каменным носом”. Теперь этот мыс носит имя Дежнева. В 80 километрах восточнее, за проливом, находился другой материк – Америка.

Знай об этом путешественники, они могли бы первыми из российских мореходов ступить на землю Аляски. Но Дежнев и не подозревал о сделанном им открытии (в истории это бывает не так редко – вспомните Колумба, умершего в неведении о том, что он открыл новый Американский материк). Выполняя поставленные перед экспедицией задачи – дойти до реки Анадырь и привести тамощних жителей в подданство России, - кочи обогнули мыс, который “вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чукчи добре много”, и поплыли на юг. В Чукотском море экспедиция попала в шторм и потеряла еще один коч. Когда четыре оставшихся судна уже дошли до Анадырского залива, на них обрушилась новая жестокая буря, разметавшаяся кочи в разные стороны.

Федот Алексеев Попов и его спутники оказались у берегов Камчатки, где в конце концов все они погибли. Через столетие исследователь Степан Крашенинников, побывав на Камчатке, записал там легенду, рассказывающую о Ф.А.Попове; в ней упомянут друг Попова Фома Промышленный. Возможно, этот легендарный Фома Промышленный – некто иной как промышленный человек фома Семенов Пермяк.

Коч Семена Дежнева тоже был отнесен на юг (правда, не так далеко) и потерпел крушение. Людям (на коче их было 25 человек) удалось спастись, но они оказались в совершенно незнакомой местности. Приближалась зима. Решено было идти на север, на поиски реки Анадырь. Путешественники голодали, страдали от холода. Силы были на исходе. Настал день, когда отряд разделился. Как позднее писал сам Дежнев, “з голоду мы, бедные, врознь розбрелись”. 12 человек, в том числе Фома Семенов Пермяк и Иван Зырянин, отправились дальше на поиски местного населения, а Дежнев с остальными людьми остался ожидать их возвращения.

Посланцы ходили 20 дней, но так никого и не встретили. Пришлось повернуть назад. За время поисков люди порвали одежду, мерзли. Кончилось продовольствие. Когда до стана, где их ждал Дежнев, оставалось 3 дня пути, силы большинства путников иссякли. Идти дальше они не могли и “почали в снегу ямы копать”, чтобы укрыться в них от холода.

Крепче других оказался наш земляк Фома Пермяк. “А с ними был промышленный человек Фома Семенов Пермяк, - говорится в документе, учал (стал) им говорить, что де тут нам ночевать нечего, пойдем де к стану к товарищам”. Немногие оказались способными поддержать его: “И с ним только пошел промышленный человек Сидорко Емельянов да Ивашка Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что з голоду идти не могут”. Оставшиеся попросили Ф.С.Пермяка и ушедших с ним товарищей, чтобы те, если смогут добраться до стана, принесли им оттуда какой-нибудь теплой одежды и еды, “чем бы де нам напитатися и к стану добрести”.

Пермяку и его мужественным спутникам удалось вернуться к Дежневу и передать просьбу остальных участников похода. С.Дежнев собрал все, что можно, отправил казаков на выручку товарищам. Повел их, несмотря на усталость после тяжелого перехода, Ф.С.Пермяк. Но когда казаки прибыли на место, где их должны были ждать оставшиеся люди, то никто в живых уже не застали…

Семен Дежнев и остатки его отряда продолжали путь. Они нашли реку Анадырь, поднялись вверх по течению и в 1649 г. построили на небольшом островке в верховьях укрепленное зимовье. Возле зимовья имелся лес, редкий, но все же достаточный для того, чтобы путешественники смогли построить два коча, так необходимые им [84].

Переход Семена Дежнева с Колымы на Анадырь вписал славную страницу в историю географических открытий, и мы вправе гордиться тем, что среди его участников были и наши предки. Сами землепроходцы, однако, даже не подозревали, что своим путешествием опровергли существовавшие тогда взгляды о том, что Америка и Азия на севере соединены сушей. Сведения о проливе между материками достигли Европы лишь в XVII в., после плавания Беринга и Чирикова. А подлинное значение похода Семена Дежнева и его товарищей, задолго до Беринга открывших Берингов пролив, долгое время оставалось неизвестными.

В 1650 г. на Анадырь к Дежневу по суше, через горы, пришел с отрядом Михаил Стадухин. Вероятно, с ним на Чукотку пришли промышленные люди Томил Елфимов Сысолетин, Кузьма Иванов Вычегжанин и Тит Семенов Вычегжанин. В 1650-х гг. все они жили в Анадырском остроге.

Условия жизни были трудными, анадырцы бедствовали. “А на Анадыре реке …живут с великой нужею (нуждой) и кормятца рыбою, делают сетища из крапивы… А обувь носят кожь моржовую, а лопотишко парки оленьи и ровдуги (замшу) покупают у иноземцев (чукчей) дорогою ценою на жедезо …И они, промышленные люди, в том обдолжали…” Для того, чтобы охотиться, приходилось брать в долг порох, свинец для пуль. Возвращать долги соболями. За Кузьмой Вычегжанином значилось долгу 38 соболей, за Титом Вычегжанином – 31 соболь

…Промышленные люди жаловались в Якутск, что из-за малочисленности анадырского гарнизона им приходится нести военную службу наравне со служилыми людьми, но, в отличие от последних, промышленным людям приходилось выплачивать налоги. “Оттого мы, писал Фома Пермяк и другие анадырцы, - обнищали и погибли до конца”, а “приказные люди (администрация) нас с Анадыря реки не выпускают для ради безлюдства” [85].

Наконец в 1659 г. пришла “перемена” из Якутска. Семен Дежнев с небольшим отрядом передав власть новому начальнику, отправился в Якутск. С ним ушли Томил Сысолетин, Тит Вычегжанин и Иван Зырянин. Фома Пермяк и Кузьма Вычегжанин остались в Анадыре. Ф.С.Пермяк обзавелся семьей, женившись на чукчанке (“чухочьей девке”), добывал “рыбью кость”, охотился. Здесь, на Анадыре, он и умер. Сходной была, вероятно, и судьба Вычегжанина.

Дорога в Якутск лежала через Колыму. Здесь путники надолго задержались. Лишь в 1661 г. отряд продолжал путь и “с соболиною и рыбы кости моржового зубу казной” направился “с Ковымы реки морем на коче … в Якутский острог” – но уже без Т.С.Вычегжанина (он погиб на Колыме). Только в 1662 г. путешественники добрались до цели.

Из Якутска весь собранный ясак (пушнину и моржовую кость) отправили дальше, в Москву, в сопровождении служилых людей и казаков. “Костяную казну” перед отправкой тщательно взвешивали, а безмен, с помощью которого производилось взвешивание, “запечатав печатью”, посылали вместе с “казной”, поручив его доверенным людям – целовальникам. Одним из таких целовальников в отряд, руководимый Семеном Дежневым и Иваном Ерастовым, в 1662 г. был назначен Томил Сысолетин.

“Казну” предстояло везти по рекам: вначале по Лене и ее притокам, затем через волок на проводах до Енисея, с Енисея на Обь, далее на Иртыш, Тобол и Туру, а потом через Урал и “русскими городами” до Москвы. Путь по Сибири был опасен, так как вооруженные стычки с “немирными иноземцами” были достаточно частым явлением. Якутский воевода дал сопровождавшим “казну” казакам строгий наказ: “Идти … днем и ночью наспех, не приставая к берегу ни на один час … А оружие б … заряжено было наготове… А буде какие воровские … люди …каким воровским умыслом напуск (нападение) учинят, с теми … битца, не щадя головы свои, до смерти” [86]. Кроме того, следовало заботиться о сохранности пушнины: “Досматривать почасту, чтоб …соболиной казны сысподу (снизу) грязью, а сверху дождем не подмочило и порухи (порчи) не учинилось”. Т.Е.Сысолетин и другие сопровождавшие ценный груз, люди справились с порученным заданием. Несмотря на все опасности, отряд успешно преодолел долгий путь. “Казна” была в целости доставлена в Москву. Как в дальнейшем сложилась

жизнь Томила Ефимова Сысолетина – вернулся ли он в родные края или вновь отправился в Сибирь – пока выяснить не удалось …

Чукотка и Камчатка вошли в состав России к концу XVII в. В начале XVIII в. российские мореходцы начали присоединять близлежащие острова. В походе на Новосибирские острова участвовал В.Пермяков. В 1745-1746 гг. на ближних Алеутских островах зимовали Я.Чупров и М.Неводчиков. В 1759-60 гг. на островах Уналашке и Уманке два года прожил Яренский посадский человек С.Глотов. Он первый нанес эти острова на карту [87].

Присоединение Сибири к Российскому государству явилось событием огромного исторического значения. Великий русский ученый М.В.Ломоносов писал: “Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном…” [88]. А его современник, историк Г.Ф.Миллер, изучая освоение Сибири, заметил, что в этом “особенно отличились зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми” [89]. Справедливости ради скажем, что не только вычегжане и вымичи, но и жители всех остальных районов Коми края отличились в этом деле. Только в конце XVI – начале XVIII столетий в Сибирь из Коми края, по далеко не полным данным, ушло 1800 человек. Еще почти тысяча людей ушла “безвестно” – большинство из них, несомненно, тоже переселилось за Урал. И это при том, что средняя численность населения Коми края в это время составляла всего 35 тысяч человек…

В последующем XVIII, а затем и XIX веках переселение коми в Сибирь продолжалось. Особенно облюбовали коми переселенцы Алтайский край. Очень многие из них приписывались на Колыванские заводы купцов Демидовых, которые крепко обосновались не только на Урале, но и на Алтае. В барнаульском окружном архиве сохранились десятки списков приписных переселенцев. В просмотренных нами 18 списках приписанных к заводу в течение XVIII в. крестьян и ремесленников разных специальностей нашлось сотни семей, выходцев из Яренского и Усть-Сысольского уездов, причем у многих точно указано место выхода. Так, в одном из списков от 1749 г. среди 200 семейств из Яренского, Сольвычегодского и Усть-Сысольского уездов названы Лазарь Попзасев из Усть-Куломской волости, Лука Опарин из Княжпогостской трети, Феодосей Кузнецов из Жешартской волости, Степан Вахнин из Ношульской волости, Мирон Леканов из Объячевской волости и много других.

В списках начала XIX в. находим 185 переселенцев из Коми края. В одном из списков (1820 г.) перечислены Иван Гичев из Керчемской волости, Арефий Трегоев из Важгортского погоста, Никифор Ванеев из Венденгской волости, Иван Уродов из Пыелдинского селения, Петр Осипов из Палевицкой волости и другие. В I половине XIX в. на Алтай только по одному списку из Коми края переселились 650 человек.

Полный состав семей переселенцев установить удается далеко не всегда, потому что часто занесены лишь главы семейств. Документы показывают также, что переселенцы неоднократно меняли места поселения, искали лучшие, более подходящие. На тот же Алтай посадские люди и цеховые ремесленники нередко попадали не прямо из Коми края, а через города Тобольск, Енисейск, Иркутск и др.

В связи с большим числом коми на Алтае можно объяснить возникновение названия города Барнаула с помощью коми языка. Город расположен в низовьях речки Барнаулки. Возможно, что речка прежде называлась по местному Барна и поэтому поселок в ее низовьях коми и назвали Барнаул. Местные барнаульские краеведы предполагают, что в давние времена на тех местах жил будто бы хан Барна, а его поселение называлось Барнаул. От него и пошло название города и реки. Мы думаем, что наша гипотеза более убедительна.

Во II половине XIX – начале XX в. коми большими группами расселяются по всей Сибири. Устойчивые их группы возникают в нижнем Приобье (это коми с Ижмы), на средней Оби, в нынешних Свердловской, Тюменской, Омской областях и в ряде других мест.

Это движение тоже было стихийным процессом. В Зауралье в поисках лучшей доли начали перебриться коми-ижемцы. Первая ижемская семья обосновалась на берегу р.Ляпин в 1842 г. И затем почти ежегодно туда прибывало по одной-две семьи (иногда и больше), пока не образовалась самостоятельная деревня Саранпауль (Зырянская деревня в переводе с языка манси). В г.Березове коми семьи обосновались в 1863 г., а в с.Мужи первые 4 семьи ижемцев появились в 1875 г. А затем почти ежегодно прибывало по нескольку (от одной до девяти) семей. В Салехарде (Обдорске) первое коми семейство появилось в 1853 г., второе – в 1859 г. и в 1859 г. – еще четыре. В последующие годы переселение шло ускоренными темпами.

Таким образом, в начале XX в. согласно имеющимся данным в Мужах обитало 88 семейств ижемцев, и в Салехарде – 101 семья. Известно не только общее количество, но также и то, кто именно, в какие годы и откуда переселился. Для примера можно отметить, что в числе первых переселенцев в с. Мужи были Каневы и Чупровы из Сизябска, Дьячковы и Хозяиновы – из Мохчи, Поповы, Каневы, Истомины, Терентьевы и Артеевы из Ижмы, Семяшкины из Бакура, Филипповы из Мошьюги и Ануфриевы из Усть-Ижмы [90].

Переселение ижемцев в Зауралье встречало определение трудности, но несмотря на эти затруднения, коми упорно и настойчиво расселялись по Приобью. Недаром в одном из докладных губернатора прямо указывалось, что “наплыв этой народности в здешний край мы не в силах остановит даже принудительными мерами, так как это движение обуславливается экономическим неблагополучием переселенцев на Родине… С

другой стороны является положительно необходимым присутствие в здешнем крае этого элемента, безусловно, полезного в деле культуры" [91].

Еще более убедительно о полезности переселения коми в Зауралье написано в докладе тобольского губернатора, направленном в Сенат. Он писал: "по моему мнению, самый подходящий элемент будущих переселенцев в этом крае соседние зауральские выходцы, условия быта которых более или менее тождественны с условиями быта в здешней местности. В настоящее время зыряне-ижемцы пока единственное связующее звено северных окраин Европы и Азии и как никто другой пригодны для выполнения этой миссии. Теснимые бедностью вследствие усложнения условий жизни на родине, зыряне, как свободные переселенцы в этот край, являются вполне подготовленными для поселения в новых местностях, так как предшествовавшая жизнь научила их бороться за существование и таким образом могут служить самыми лучшими акклиматизированными колонистами здешнего края" [92]. Переселение коми-ижемцев в Зауралье продолжалось и в I четверти XX в. К 1913 г. в Березовском уезде обитало около 500 человек ижемцев. К 1924 г. их число возросло до 959 человек, а к концу 1925 г. по относительно точным подсчетам в Березовском районе имелось 250 хозяйств, в которых обитало 1140 жителей, в том числе в Сартынье – 46, в Саранпауле – 582, в Казыме – 34, в Няксимволе – 86, в Подгорном – 146 и в самом г.Березове – 246 человек. В с.Мужи в это время насчитывалось 1305 в человек в 215 хозяйствах, а во всем Обдорском районе – 3810 человек, что составляло 2,66% населения округа (ханты числилось 18308 чел., то есть 9,19%) [93].

Коми прекрасно прижились в Зауралье, установили дружеские контакты со своими новыми соседями и внесли свой вклад в дело освоения богатств Сибири и подъема культурного уровня сибирских народов, хотя вселение их происходило с большими трудностями. В начале XX в. исследователь Севера А.А.Дунин-Горкавич писал, что "хуже всех – это положение зырян, которых здесь в настоящее время свыше тысячи душ, при чем каждый год численность их возрастает, благодаря переселению новых выходцев из-за Урала" [94]. Вследствие того, что не все переселенцы могли сразу же твердо обосноваться на месте и, "не имея пока особых прав на заселение и полную оседлость, зыряне принуждены вести жизнь бивачную, временно поселяясь в домах тех счастливых земляков, которым удалось обостриться" [95]. Кроме того, даже предпринимались попытки их обратного выселения. Так, например, в 1895 г. местной администрацией было издано распоряжение о выселении всех коми из с. Саранпауль в течение двух-трех месяцев. Как сказано в одной из докладных Сибирского губернатора "полицейское управление неоднократно делало постановления о выселении зырян, проживающих без

инородцев, мерами полиции, но зыряне все таки оставались на занятых ими местах, надо полагать, ввиду наличности согласия инородцев и отсутствии законных поводов к выселению” [96].

В конце XIX в. началось также переселение коми ижемцев на Кольский полуостров. По имеющимся у нас данным первые стада оленей, принадлежавшие оленеводам-ижемцам, появились в Кольской тундре в 1887 г., когда четыре ижемских семейства поселились в саамском с. Ловозеро. С тех пор почти ежегодно на Кольский полуостров прибывало по нескольку семей ижемцев со своими стадами оленей. Это переселение было вызвано распространением массовых эпизоотий в Печорской тундре. Беглецы пытались спасти своих оленей, уводя их в незараженные районы. Как правило, все это были владельцы относительно небольших стад. Эпизоотии для них были особенно страшны, ибо грозили полным разорением в результате потери единственного стада. В с. Ловозеро к концу I четверти XX в. их собралось уже достаточно много. Д.А.Золотарев писал, что “из 745 человек жителей приходится на долю лопарей (саамов – *Авт.*) третья часть, в то время как больше половины ижемцев-зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов (ненцев – *Авт.*) и 30 человек русских” [97].

Первоначально саамские и русские сельские общества не давали согласия на вселение пришлых ижемцев. Поэтому они не имели права основать свои деревни, а по мере возможности, по степени уступчивости того или иного сельского общества поселились в уже имевшихся погостах, главным образом в Ловозере.

Однако с годами это сопротивление саамских сельских обществ ослабло. Ижемцы получили разрешение на прописку и стали основывать свои самостоятельные поселения.

В I четверти XX в. коми ижемцы обитали уже не только в одном Ловозере, но довольно широко расселились по Кольской тундре, как по многим другим населенным пунктам саамов (например, в Сосновском погосте) так и, главным образом, во вновь основанных ими самими новых поселениях. Так, невдалеке от саамского Каменского погоста в 1917 г. Иван Рочев основал д.Ивановку. В 1926 г. в ней обитало уже 113 человек. Она даже переросла соседний Каменский погост, где в тот год был всего 61 житель. Вместе с коми в Ивановке поселились несколько ненецких, саамских и две русских семьи.

Около 1920 (1921?) г. недалеко от Ивановки почти в центре Кольского полуострова возникли еще две коми деревни Краснощелье и Оксино. В первой из них в 1925 г. было 37 жителей, а во второй – всего 9. Все новые деревни ижемцами основывались вдоль берега реки Поной, которая протекает в средней части Кольского полуострова примерно с северо-запада на юго-восток. На этой же реке в 1923 г. вблизи берега моря Ф.В.Канев основал д.Каневку. В 1926 г. в ней было четыре доб-

ротных дома братьев Каневых. Там же намерены были основаться еще несколько семей, в том числе и саамских [98].

В русских селениях, расположенных в основном на приморском берегу, ижемцев нет. Некоторое количество их обосновалось в саамских погостах. Большинство же коми оленеводов расселилось в деревнях, основанных ими в тундре Кольского полуострова. Ненцы почти везде живут совместно с коми. Количество же саамов в собственно коми деревнях незначительно, но очень важно, что они появились. Этот факт тем более важен, что он показывает не переселение коми к саамам, а наоборот, приход аборигенов в коми деревни. Данный пример говорит об укреплении доверия и дружбы между обоими народами. Коми ижемцы и прибывшие вместе с ними частично в качестве их пастухов, частично в качестве владельцев собственных стад, ненцы совместно с коренными обитателями этих мест саамами составляют основную массу сельского населения Мурманской области, занимающейся оленеводством на обширных пространствах Кольских тундр. По данным переписи 1926 г. коми в Мурманской области было всего 3,1%, а ненцев 0,5%, саамов 7,5% от общего количества населения [99].

В I четверти XX в. продолжалось переселение коми в различные регионы Сибири и из более южных районов Коми края. Так, например, в 1922-1923 гг. несколько переселенцев уехало с Выми в Минусинский край. В 1925 г. свыше 30 семей из Турьи, Коней, Куавицы, Кыркоча, Верхней Отлы и других вымских сел и деревень поселилось на реке Чулым в Ачинском округе. Через два года к ним присоединились еще более 50 семей. Практически из каждого селения, расположенного на Выми, хотя бы одна семья в 1920-х гг. уехала в Сибирь [100].

К настоящему времени, обитая в инонациональном окружении, не связанная с землей отцов и дедов, большая часть переселенцев утратила этническое самосознание. У алтайских коми этот процесс в настоящее время близок к завершению. Несколько медленнее он проходит у омских коми, и довольно устойчиво сопротивляются, сохраняя свое этническое лицо, нижнеобские икольские коми-ижемцы. Этот процесс слияния – объективный и неизбежный. Как он протекает, можно проследить на примере алтайских групп коми. В с.Зыряновка, например, обитают сейчас Турубановы, Истомины, Ушаковы, Турышевы, Даниловы, Кармановы, Матвеевы, Тороповы, Костины, Шараповы, Чесноковы, Киршины, Кузевановы, Тебеньковы, Ивашевы и Кузнецовы. Все они потомки переселенцев с верхней Сысолы из сел Ужга, Грива, Койгородок. Кроме них, есть еще пришельцы из других коми сел: Лодыгины, Каневы, Габовы, Шевелевы, Мелехины, Тарасовы и Бабченковы. В похозяйственных книгах сельсовета 1935-38 гг. все они числятся зырянами, хотя у некоторых из них уже появляются русские однофамильцы (Турубанов, Торопов, Кузеванов, Гутов, Киршин, Тебеньков, Костин). В совре-

менных похозяйственных книгах ни коми, ни зырян в числе жителей уже нет: уже все русские, хотя сами они пока еще прекрасно знают, какая семья какого происхождения.

С начала переселения этой группы коми прошло 100 лет. Первопоселенцев уже нет в живых. Представители второго и третьего поколения владеют коми языком и не отрицают своей принадлежности к зырянам. А вот молодое четвертое поколение языка уже не знает и причисляет себя к русской нации, к сибирским русским, как они говорят, причем они знают, что их родители не русские по происхождению: “Знаем, что у отца с матерью свой язык, но мы его не знаем, мы говорим только по-русски, мы самые сибирские русские”. И в то же время многие из них разговорный коми язык еще понимают, но дети их, формирующееся пятое поколение, уже совсем его утрачивают. Вот и получается, что в д.Койново (от слова кӧин = волк) все Мадуковы, Куимовы и Калинины – русские, в д.Лаврентьево – Утевы, Кайгородовы, Кривощековы, Баяндины, Баталовы, Климовы, Шмаковы, Куимовы, Ивановы, Инюшины, Каркавины, Гусельниковы тоже уже не коми-пермяки, а русские. На ст. Копылово русскими стали Золотаревы, Ширяевы, Черновы, Пальшины, Габовы, Мальцевы, Кудиновы; в с.Новозыряновка Петуховы, Мезенцевы, Поляковы, Чуклевы, Мальцевы, Габовы тоже русские. И этот список можно продолжить. В с.Мамонтовка еще в начале XX в. был зырянский конец, но сейчас уже все живущие в нем считают себя русскими.

Итак, вначале изменилось хозяйство, затем материальная культура, потом духовная культура, далее был утрачен родной язык и произошла смена национального самосознания. Этот процесс неизбежен и поэтому расселившиеся по всей Сибири. Потомки первых коми переселенцев стали истинными сибиряками, в большинстве своем приняли русский язык и русскую культуру и влились в состав русской нации. Но на Колыме, например, память о переселенцах из далекого коми-зырянсого края, вместе с русскими осваивавших обширные пространства Сибири и Дальнего Востока несколько столетий назад, жива до сих пор. Так, колымские старожилы Чикачевы утверждают, что ведут свой род “из зырян”, от Ф.А.Чукичева.

Таким представляется нам процесс расселения коми по Уралу, Северу и Сибири в XVI – в начале XX вв.

Литература и источники.

1. Колесников П.А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР, Вологда, 1970. С. 79–80.

2. Оборин В.А. Миграции местного населения и их роль в освоении Урала в XVI–XVII веках // История СССР. 1974, № 4. С.63-77.

3. Оборин В.А. Указ соч. С. 73.

4. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С.208.

5. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Печорского края // Пермский сборник. М., 1859. Кн. I. С.15.

6. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С.214.

7. Устюгов Н.В. Указ. соч. С.185.

8. Там же. С.177–178.

9. Володин А. Село Ильинское, Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. II. С. 68.

10. Акты археологической экспедиции. СПб, 1837. Т. II, № 69.

11. Лашук Л.П. Указ соч. С.129.

12. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар, 1972. С. 28.

13. Кривощекова-Гантман А. Откуда эти названия? Пермь, 1973. С.37.

14. Оборин В.А. Указ. соч. С. 71.

15. Теплоухов А.Ф. Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми му. Усть-Сысольск, 1925. № 9–11.

16. Очерки по истории Коми АССР. Т.1. С.117.

17. Теплоухов А.Ф. Указ. соч. // Коми му. 1925. № 10-11. С. 91–92.

18. Там же. С. 92–93.

19. Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми. М., 1972. С. 51.

20. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII вв. М., 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. II; История Сибири. Л., 1968. Т. II; Народы Сибири. Этнографические очерки. М.-Л., 1956; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.-Л., 1946; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М.,1972, и др.

21. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири // Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1966. Т. 89. С. 74.

22. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.,1972.

23. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4. С. 262–263.

24. Русская историческая библиотека. СПб, 1875. Т.II, № 188. С.824.

25. Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. II. С.18.

26. Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962. С.59.

27. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С.60.

28. Документы по истории коми. С. 260–262.

29. Там же. С. 262.

30. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края. // Пермский сборник, М., 1859. Кн.1. С.37–38.

31. Документы по истории коми. С.263.

32. Бахрушин С.В. Указ.соч. С.114.

33. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т.1. С.267.

34. Там же. С.349.

35. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II, № 68. С.152.
36. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т.II. С. 154–155.
37. Серебренников Б.А. Историко-лингвистические заметки. В кн.: Историко-филологический сборник, Сыктывкар, 1962, вып.7, с.5.
38. Миллер Г.Ф. Указ соч. Т.1.
39. Штейниц В. Из топонимики северного Пообья // Вопросы географии. 1962. № 58. С.109–110.
40. Овчинникова Е.И. К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С.16–17.
41. Сибирские летописи. СПб, 1907. С. 314.
42. Миллер Г.Ф. Указ соч. Т.1.
43. Вологодская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С.174.
44. Документы по истории коми. С. 268.
45. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987; Тюмень в XVII столетии. М., 1903. С. 24–52.
46. Красильникова Э.Д.Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). Сыктывкар, 1975. С. 30–31.
47. Документы по истории коми. С.267.
48. Тобольск. Материалы по истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С. 6–10.
49. Документы по истории коми. С.267.
50. Там же.
51. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С.357.
52. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С.317.
53. Документы по истории коми. С. 267.
54. Белов М.М. Мангазея. Л., 1969. с.15.
55. Акты времени правления… С. 289, 311, 314, 320.
56. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С.112; Красильникова Э.Д. Указ. соч. С. 23.
57. Документы по истории коми. С. 268; Миллер Г.Ф. Указ.соч. Т. I. С. 396.
58. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С.16.
59. Белов М.И., Овсянников О.В, Старков В.Ф. Мангазея. Л., 1980. Ч.1. С. 89; М., 1981. Ч.2. С.7
60. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т.1. С. 440; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С.60.
61. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в XVII в. Томск, 1950. С. 122; Томск в XVII в. СПб, 1912. С. 54–135.
62. Копылов А.Н. Русские на Нисее в XVII веке. – Новосибирск, 1965, с.55,150-151,172,182,244.
63. Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1883, с.6-29; Красильникова Э.Д. Указ.соч.,с.34.
64. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. В кн.: Научные труды. М., 1959. т.IV, с.93.

65. Буцинский П.И. Заседание Сибири и быт первых ее насельников. – Харьков, 1889, с.94-96.
66. Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т.1, с.392.
67. ГАТО. Ф.321, оп.1, д.1а.
68. РИБ, т.П, № 188. с.820-823.
69. Красильникова Э.Д. Так охотились коми в прошлом. В кн.: Войвыв кодзув. 1971. №4. с.33.
70. Акты времени правления…, с.267-311.
71. Документы по истории коми, с.269.
72. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края…, с.34.
73. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. М., 1951, с.186,345; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. – М. – Л., 1952, с.40.
74. Открытия русских землепроходцев… с.318-319.
75. Красильникова Э.Д. Так охотились коми в прошлом. В кн.: Войвыв кодзув. 1971, № 4, с.52.
76. Она же. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI-XVII вв. В кн.: Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.) – Сыктывкар, 1975, с.35.
77. Открытие русских землепроходцев…, с.129-131, 142-143.
78. Там же, с.123-125; Русские мореходы…, с.44-46.
79. Русские мореходы…, с.77.
80. Там же, с.16.
81. Открытия русских землепроходцев…, с.123-125.
82. Открытия русских землепроходцев…, с.201-203.
83. Русские мореходы…, с.74, 266, 292-293; Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.,1966. с.47; ДАИ, т.IV, с.120.
84. Русские мореходы …, с.131.
85. Русские мореходы …, с.165.
86. Русские мореходы…, с.140-142; Открытие русских землепроходцев …, с.503.
87. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. – Л., 1946.
88. Морозов А. Ломоносов. – М, 1961.
89. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., - Л., 1937. т.1. с.202.
90. РГИА, ф.391, оп.1, л.259, л.39-41 об.
91. Там же, л.174.
92. Там же, л.173.
93. Старцев Г. О зауральских зырянах. “Коми му”, Усть-Сысольск, 1926, 1-2, с.46-48.
94. Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского севера. В кн.:Известия русского географического общ-ва, 1904, т.Х, с.77.
95. РГИА, ф.391, оп.1, д.259, л.173 об.
96. РГИА, ф.391, оп.1, д.219, л.24 об.
97. Микушев А.К. Эпос северных коми-зырян. В кн: Тезисы международного конгресса финно-угроведов, Таллин, 1970, т.П, с.103.
98. Золотарев Д.А. Указ.соч., с.21-22, 25.
99. Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928, с.124-126.
100. Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 50-51.

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ НАРОДА КОМИ (ЗЫРЯН)
План-проспект коллективной монографии*

Объем 40 п.л.

Тираж – 15 тыс. экз.

Отв. редактор – к.и.н. А.Д.Напалков

Срок сдачи рукописи – январь 1990 г.

Коллектив авторов: Л.Н.Жеребцов, Н.Д.Конаков, Г.Н.Климова, М.Б.Рогачев, О.В.Котов, Ю.П.Шабаев, И.В.Ильина, В.В.Соловьев, Д.А.Несанелис, Э.А.Савельева, А.А.Попов, И.Л.Жеребцов, А.И.Терюков, Ю.Г.Рочев, Т.С.Кольчурина, М.В.Таскаев, Е.А.Айбабина

Технические исполнители: Т.С.Кольчурина, Л.Я.Канева, З.С.Юшка, В.Ю.Косолапова.

Предисловие (объем 0,2 а.л., автор Н.Д.Конаков).

Коми народ, как и любой народ мира, обладает богатой и разнообразной культурой, имеющей свои специфические особенности. К настоящему времени в результате более чем 30-летних работ этнографов Коми филиала собран и изучен богатейший новый материал, частично опубликованный в сборниках трудов ИЯЛИ и других изданиях.

Традиционные хозяйственные занятия, культура и быт, этногенез и этническая история народа коми исследований история народа коми, современные этнокультурные процессы в Коми АССР вызывают устойчивый интерес массового читателя. Несчастные публикации результатов научных исследований по отдельным вопросам этнографической проблематики читателя не удовлетворяют, ибо не дают ему целостной традиционной культуры и быта народа. Да и издаются они небольшими тиражами.

На основе проведенных исследований, а также использования трудов этнографов предшествующего времени становится реальной задачей создания для массового читателя обобщающей монографии.

Подобных по этнографии коми пока не было. В 1958 г. издательством «Наука» была издана единственная в советское время научная работа В.Н.Белицер «Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков)» . Она вышла очень ограниченным тиражом, давно стала библиографической редкостью. Кроме того она не отвечала требованиям массового читателя.

Предложенная коллективная монография будет существенно отличаться от книги В.Н.Белицер, так как имеет иные цели и задачи, в ней будут освещены все стороны хозяйственной жизни, материальной и

---

* План-проспект разработан в 1987 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

духовной культуры, общественного и семейного быта, этногез и этническая история, а также современные этнокультурные процессы, но в отличие от книги В.Н.Белицер предложенная монография освещает этнографию только народов коми (зырян). Учитывая интересы массового читателя, книга богато иллюстрирована.

Введение (объем 1,3 а.л., авторы Л.Н.Жеребцов, Н.Д.Конаков).

Предполагаемая книга является первой обобщающей работой по этнографии народа коми (зыряне. Авторы стремятся показать все многообразие ныне известного этнографического материала, подчеркнуть его специфику, выявить этнокультурные связи коми с соседними народами.

Намечается всесторонне осветить традиционное хозяйство, культуру и быт народа, его происхождение этническую историю, расселение по России, формирование этнической территории и возникновение этнографических и этноареальных групп коми.

Предлагаемая монография должна дать читателю обширный научно-доступный разносторонний материал, позволяющий читателю составить правильное представление о уровне культурно-бытового развития народа коми, его успехах в области развития хозяйства и культуры, о его национальных особенностях и специфических чертах быта и т.п.

Одновременно в монографии будет раскрыт процесс этнокультурных изменений, происходящий в народе коми в советское время, в том числе изменения в расселении коми, развитие межэтнических контактов, особенности этнолингвистических процессов, распространение межэтнических браков, изменения в материальной и духовной культуре, в семейном и общественном быту.

Источники.

Основными источниками, на основе которых создается данная монография, являются материалы, собранные в результате многочисленных экспедиций сотрудников сектора этнографии, выполнявшихся практически ежегодно в течение последних 40 лет. В результате этих сборов сконцентрирован и исследован обширный новый материал по весьма широкой программе.

Изучались как традиционные культура и быт коми, так и этнокультурные процессы, происходящие в Коми АССР в современное время. Собран материал по этноареальным группам коми.

Наряду с собственными полевыми сборами основательно изучены этнографические коллекции музеев и этнографов-предшественников. Исследованы известные рукописные фонды библиотек, музеев и архивов, которые пополнили и уточнили материалы современных сборов.

Богатые материалы по этнической истории коми найдены в различных архивах страны. В разработке проблемы происхождения коми широко использованы археологические и лингвистические материалы.

Очень важным источником богатым материалом ныне часто уже исчезнувшими являются многочисленные публикации ученых, краеведов-любителей истории и этнографии (учителей, врачей, чиновников, купцов и т.д.), печатавших свои впечатления о культуре коми в различных периодических изданиях. Эти публикации весьма различаются по глубине и достоверности описываемого материала, однако остаются чрезвычайно важным источником.

Большое значение имеют этнографические исследования, проводившиеся специалистами в досоветское время. Они помогают критичнее подходить к собранному материалу, заставляют глубже его анализировать, чтобы избегнуть ошибок и усилить авторитетность и убедительность выводов.

Историография этнографии.

Первые этнографические исследования появились в последней четверти XIX в. Это прежде всего работы К.Попова «Зыряне и зырянский край» и И.Смирнова «Пермяки». Следует отметить много обобщающих статей (И.Волков, И.Попов и др.) по отдельным регионам или отдельным элементам народной культуры.

Первые оценки культуры и быта коми появились в трудах ученых XVIII в. (И.Лепехин).

В конце XIX – начале XX в. появились этнографические работы ученых-выходцев из коми этноса. Ведущим лейтмотивом их исследований являлась идеализация старины (К.Ф.Жанов, П.А.Сорокин). Впрочем уклон в эту сторону был характерен и для многих русских авторов. Следует также отметить очень типичное для многих из них увлечение экзотикой. Многие публикации были вызваны именно этой причиной. Поражала необычность, неизвестность, а иногда и непонятность обычая, обряда, правила поведения и т.д. В то же время последняя причина вызывала особую дотошность в описании заинтересовавшего автора элемента культуры или быта, что сохраняет для современных последователей ценнейшее фактические материалы, записанные очевидцем.

Широкое развитие краеведения вызвало к жизни создание местных краеведческих обществ, что особенно типично было в конце XIX- начале XX в.

Местное краеведение в Коми области развилось в первое десятилетие советской власти. Образовалось местное «Общество изучения Коми края», работавшее с большим энтузиазмом. Члены его проделали очень большую и разнообразную работу по изучению археологии, этнографии, истории и языке народа коми.

Особо следует отметить работы А.С.Сидорова, В.П.Налимова.

Большинство публикаций тех лет сохранило свое научное и познавательное значение благодаря изложенным в них ценным фактом. Критические обзоры тех времен потеряли свою значимость и представляют лишь историографический интерес.

В последующее десятилетие этнографические исследования в Коми области резко сократились.

В послевоенные годы начался новый этап развертывания этнографических исследований. Начало ему было положено экспедициями Института этнографии АН СССР. Руководитель экспедиционных отрядов В.Н.Белицер опубликовала ряд статей и большую обобщающую монографию, единственную в советское время. Работа давно стала библиографической редкостью. Несмотря на ряд существенных огрехов, это единственное исследование по этнографии зырян и пермяков, написанное советским учеными с марксистских позиций.

В третьей четверти XX в. появляется значительное количество этнографических публикаций местных исследователей, а также несколько статей работников центральных научных учреждений. Эти публикации ввели в научный оборот много нового материала, уточнили и углубили многие выводы, обогатили фактические сведения, советовали процессы перестройки культуры и быта, создали условия к написанию обобщающих трудов.

Раздел I. Этногенез и этническая история народа коми. (Объем 4 а.л., авторы Э.А.Савельева, Л.Н.Жеребцов).

Заселение человеком Европейского Северо-Востока палеолита до средневековья. Археологические культуры. Смена исторических эпох.. Генезис и смена археологических культур. Проблема этнической идентификации археологических культур. Проблема финно-угорской прародины и появление предков финно-угров на Европейском Севере. Ананьинская культура. Гляденовская культура. Ванвиздинская культура и финно-угорское этническое смешение. Возникновение финно-пермской этнической группы. Вопрос о прародине коми. Камская теория. Миграции носителей древнекоми языка. Расселение древних пермян. Древнепермские этнические объединения. Вымская археологическая культура. Этнокультурные и хозяйственные связи. Взаимоотношения с соседями. Коми-русские контакты. Вхождение древних коми в состав Русского государства. Формирование народности коми. Волостные образования. Расселение коми в XV-XIX вв. Формирование этнической территории коми. Этнографические группы коми и диалекты. Этническая консолидации коми.

Раздел II. Традиционная культура и быт коми. (Объем 14 а.л.).

Глава I. Хозяйственные занятия. (Объем 2,5 а.л., автор Н.Д.Конаков).

Земледелие. Пашенное земледелие. Система обработки земли. Трехполье. Подсека. Орудия землеобработки. Культуры: яровые, озимые, овощи. Орудия уборки урожая и трав. Культурное влияние соседей. Скотоводство. Крупный рогатый скот, лошади, овцы. Оленеводство. Содержание скота, организация пастьбы. Заготовка кормов.

Промыслы и ремесла. Ткачество, вязание, гончарство, валяние, набойка, изделия из дерева, обработка кожи. Орудия труда. Отходничество, лесозаготовка, сплав, изготовление барок, брусяной промысел. Охота. Организация промысла. Орудия труда. Организации быта. Артели. Распределение добычи.

Рыболовство. Орудия труда. Рыболовные артели. Распределение добычи.

Глава II. Материальная культура. (Объем 6 а.л., авторы Л.Н.Жеребцов, Ю.П.Шабаев, Т.С.Кольчурина).

Поселения. Типы поселений. Типы расселения. Типы планировки. Крестьянский двор. Материалы и техника строительства. Жилые и хозяйственные постройки. Изба, ее внешний вид, внутренняя планировка. Типы жилых домов. Одноэтажность и двухэтажность. Украшение жилища. Использование подполья. Меблировка жилья. Сени. Специфика жилища коми.

Хозяйственные постройки. Крытый двор, сарай, хлев, стая и стайка, амбар, погреб, баня, сайник.

Временные и промысловые постройки, шалаши вöр-керка, му-керка и др.

Утварь из дерева, металлические предметы, изделия из глины.

Одежда, материал, его изготовление и приобретение. Холст, сукно, сукменина, пестрядь, набойка, фабричные ткани.

Мужская одежда: повседневная и праздничная рубаха, штаны, шапка , пояс, кафтан и шабур, сукман, шуба, малица, дукöс.

Промысловая одежда: лузан.

Женская одежда: повседневная и праздничная рубаха, сарафан, передник, головные уборы (женские, девичьи), пояса; шабуры, сукманы, шубы, малицы, дукöсы.

Детская одежда: Обувь мужская, женская, промысловая, повседневная и праздничная, домашняя и выходная, коты, лапти, бахилы, лызякöм, тюпи, пимы, бурки, тобоки и др.

Пища повседневная и праздничная, продукты питания, их источники , заготовка и хранение, способы приготовления блюд, подача блюд, очередность, мясные блюда, рыбные, молочные, мучные и крупяные,

картофельные и овощные, хлебные изделия, жидкие блюда, кисели, обрядовые блюда, напитки, соки, квас и пиво.

Средства передвижения; сани, телега, лодки, волокуши, плоты, лыжи, нарты. Их изготовление и использование. Местная специфика.

Глава III. Общественный и семейный быт. (Объем 2,5 а.л., авторы Л.Н.Жеребцов, В.В.Соловьев, Д.А.Несанелис, А.И.Терюков).

Общественный быт. Организация сельского общества, мирские организации. Права и обязанности членов общины. Деятельность общины. Общественные праздники, артели. Развлечения молодежи: игры, гуляния, вечеринки, гадания.

Семейный быт. Крестьянская семья. Большая семья, малая семья. Родственные связи. Права и обязанности членов семьи. Взаимоотношения в семье. Имущественные права.Брак, свадьба, рождение ребенка. Семейные обряды и праздники. Религиозные праздники. Обряды..

Глава IV. Прикладное искусство и духовная культура. (Объем 3 а.л., авторы Г.Н.Климов, Ю.Г.Рочев, Н.Д.Конаков, М.Б.Рогачев, И.В.Ильина, М.В.Таскаев, Л.Н.Жеребцов).

Прикладное искусство. Узорное ткачество, плетение узорное вязание, обработка дерева, крашение, роспись, набойка, изделия из меха. Орнамент. Контакты, влияние, заимствования.

Фольклор: сказки, песни, плачи, предания, былички. Танцы, пляски, музыка, музыкальные инструменты.

Дохристианские верования. Бытовые суеверия. Приметы. Колдуны.

Медицинская культура. Лекарственные средства. Представления о болезнях. Шева. Способы и методы лечения. Знахари. Лекари.

Народные знания о природе и человеке.

Календарь. Счет. Денежный счет. Пасы. Компас.

Раздел III. Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Коми АССР. (Объем 11 а.л., авторы М.Б.Рогачев, О.В.Котов, Ю.П.Шабаев, А.А.Попов, Е.А.Айбабина, Л.Н.Жеребцов, Н.Д.Конаков, Ю.Г.Рочев).

Глава I. Изменения в расселении и межэтнические контакты, (Объем 2 а.л., авторы М.Б.Рогачев, О.В.Котов).

Динамика национального состава, поселенческой структуры, системы расселения как факторы этнических и этнокультурных процессов. Личностные межэтнические контакты (на работе, в быту) и их влияние на этническую культуру. Межнациональная брачность и ее этнические последствия.

Глава II. Изменения в материальной и духовной культуре. (Объем 6 а.л., авторы Ю.П.Шабаев, А.А.Попов).

В главе рассматриваются различные компоненты материальной культуры с точки зрения сочетания традиций и инноваций, анализируется эволюция материальной организации семейного быта, показывается смещение акцентов в ориентациях различных групп населения на те или иные вещевые комплексы или отдельные их элементы. Изменения в материальной культуре увязываются с переменами в духовной. Дается краткий анализ развития материальной базы культуры, показаны изменения в образовательном уровне населения, функционировании системы массовой информации. Значительное место отводится становлению и развитию различных жанров профессиональной художественной культуре, анализу того, в какой мере на тех или иных этапах развития в художественной культуре сочетались характер и профессионализм, общественное и национальное. Серьезное внимание уделено функционированию фольклорного слоя культуры, особенности его проявления в современных условиях. Серьезно анализируется культурное потребление и культурные ориентации различных групп коми населения.

Глава III. Этнолингвистические процессы. (Объем 1 а.л., авторы М.Б.Рогачев, Е.А.Айбабина).

Языковое развитие. Изменения социальных функций языка. Развитие двуязычия.

Глава IV. Изменения в семейном и общественном быте. (Объем 3 а.л., авторы М.Б.Рогачев, О.В.Котов).

Структура и хозяйство семьи: основные тенденции изменения. Изменения в семейном досуге (в т.ч. семейные обрядности). Развитие общественного быта, новые его формы.

Раздел IV. Этноареальные группы коми. (Объем 4 а.л.).

Глава I. Расселение коми за пределы своей этнической территории. (Объем 2 а.л., авторы Л.Н.Жеребцов, И.Л.Жеребцов).

Переселение коми на Урал и в Сибирь. Расселение коми по Сибири. Участие коми в освоении Сибири. Переселение коми-ижемцев на Кольский полуостров и в Зауралье. Причины переселения, пути переселения, время переселения, взаимоотношения с коренным населением.

Глава II. Этноареальные группы коми. (Объем 2 а.л., авторы Н.Д.Конаков, О.В.Котов, Ю.Г.Рочев, Л.Н.Жеребцов).

Условия сохранения изолированных групп коми. Степень устойчивости элементов национальной культуры коми в инонациональном окружении.

Этноареальные группы коми на Севере и в Сибири в современных условиях.

Заключение. (Объем 0,5 а.л., автор Н.Д.Конаков).

Общий итог изложенному. Проблемы культурного развития коми, современного состояния. Коми народ – социалистическая нация.

Иллюстрации – 5 а.л.

ЭТНОГРАФИЯ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

2. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КОМИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДА КОМИ (X–НАЧАЛО XX ВВ.)*

Актуальность темы. Перед советскими этнографами стоит задача углубленного исследования различных аспектов этнических процессов, их особенностей и темпов факторов их оптимизации и факторов, тормозящих развитие народностей и наций. Изучение конкретных этнических общностей, специфики их исторического развития помогает определить и конкретизировать общие тенденции протекания этнических процессов на тех или иных этапах истории человеческого общества.

Происхождение и историческое развитие каждого конкретного этноса является весьма важной и в то же время чрезвычайно сложной проблемой в изучении истории человечества. Проблема усложняется еще и тем, что исследователями до сих пор не выработана единая терминология. По разному понимается даже такие основные термины как этногенез и этническая история. Автор настоящей работы присоединяется к той точке зрения, которая видит в этногенезе и этнической истории два последовательных периода. Первый из них – этногенез – является этапом формирования этноса, времени его возникновения и сложения из различных составных частей. Второй – этническая история – охватывает последующее время исторического развития уже сложившегося этноса. Оба периода имеют значительную протяженность в историческом времени.

Надо, однако, иметь в виду, что многие составляющие названных двух периодов этнического процесса присутствуют в каждом из них, что как раз свидетельствует о взаимосвязанности обоих этапов. Для

---

* Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография. Защиту планировалось провести в специализированном совете Д-00.2.76.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при институте этнографии АН СССР. Автореферат подготовлен в 1986 г. , первоначальный вариант после обсуждения в секторе и на Ученом совете был исправлен. Окончательная версия публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя. Имевшиеся в оригинале постраничные сноски даны в тексте в квадратных скобках.

примера можно назвать включение и растворение в данной среде групп и единичных представителей других этносов, переселение своих отдельных лиц и целых групп на чужие этнические территории с сохранением (при вполне определенных условиях) или постепенной (и полной) утратой своего этнического самосознания и культурно-бытовой специфики, продолжение консолидации данного этноса и т.п. Конечно, роль и значение их (этих составляющих факторов) в названных двух периодах неодинаково, и проявляются они различно.

Сложность изучения процессов этногенеза и этнической истории, наличие при их взаимосвязанности специфических особенностей в каждом этапе, рекомендует проведение исследования каждого из названных этапов порознь.

Изучение этнической истории неразрывно связано с выявлением этнической специфики, этнических функций в самых различных сферах жизнедеятельности людей. Этническая история любого известного науке народа – процесс сложный и многоплановый. Каждый народ, за очень редким исключением, живет в окружении других, с которыми вступает в самые разнообразные контакты. Последние, наряду с другими причинами, способствуют развитию его экономики и культуры, обогащают его язык, проявляются в самых различных сторонах его жизни.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является исследование этно-культурных взаимоотношений коми с соседними народами, определение их роли и значения в этнической истории коми в период с X по XX вв., выявление основных закономерностей их проявления.

В ходе исследования автор стремится решить следующие задачи:

- Проследить процесс расселения прямых предков коми-древних пермян в X-XV вв., определить территорию их расселения.
- Проследить этно-культурные связи перми вычегодской в X-XV вв.
- Определить время и характер присоединения коми к русскому централизованному государству
- Проследить формирование этнической территории и этнических границ (зырян) в X VI- начале XX вв.
- Проследить процесс сложения этнографических групп коми
- Исследовать взаимоотношения коми с русскими, ненцами, хантами, манси и саамами, выявив как типичное, так и особенное.
- Выявить специфику миграций коми
- Определить степень устойчивости народной культуры коми в инонациональном окружении.

Источники данной работы довольно разнообразны.

Много ценного дали фонды обследованных нами архивов. Нами изучены, правда, далеко не полностью, фонды семи государственных архивов. В их числе такие, как Центральные государственные исторический архив (ЦГИА) и архив древних актов (ЦГАДА)*, Государственные архивы Алтайского края (ГААК), Томской области (ГАТО), Вологодской области (ГАВО), Архангельской области (ГААО) и Центральный государственный архив Коми АССР (ЦГА Коми АССР)**. Во всех этих архивах найден весьма ценный материал, особенно по расселению в районах переселения, о правительственной политике в области взаимоотношений этих народов. В частности, можно упомянуть о попытке разработать ряд мероприятий по закрытию тундр для всех, кроме ненцев, выработке специального устава, долженствующего увековечить культурно-бытовую изоляцию ненцев и т.д. Ряд подобных же мероприятий намечался относительно ограждения хантов и манси. Однако все эти проекты остались на бумаге. Во-первых, они практически были невыполнимы, а во-вторых, осуществление их завоевало интересы определенных групп господствующих классов и на это правительство пойти было не в силах. В этом отношении особенно интересные данные получены в ЦГИА. В нем изучены десятки лет, в которых обсуждается именно такой способ «спасения» северных народов. И очень редкие из чиновников и работников различных ведомств оказались настолько подготовленными, чтобы понять, что путь спасения малых народов не в изоляции их от достижений культуры, а наоборот, в скорейшем приобщении к ним.

В этом же архиве изучались переселенческие фонды, давшие большой материал по переселению коми в Сибирь в последней четверти XIX – начале XX вв. Много таких списков, но главным образом, по более раннему периоду, исследованы в ГААК. Правда, в них сведения касаются лишь заселения Алтайского края и особенно заводов и рудников, но списки хороши тем, что в них указано место выхода поселенцев, его специальность и место поселения. Естественно, записана и его фамилия. К сожалению, в списках XVIII в. нет состава семьи переселенца. В этом отношении гораздо полнее материалы переселенческих фондов. В них, кроме фамилии и места выхода, всегда указан состав семьи переселенца.

В архиве Томской области небольшой интерес для нас представили материалы переписи 1720 г., а также списки населенных мест и фамилий. Такие же материалы дали нам Вологодский и Архангельский архивы, кроме того из их фондов использованы данные о коми-русских и

---

* Ныне Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив дрених актов. (Прим. составителя).

** Ныне Национальный архив Республики Коми. (Прим. составителя).

коми-ненецких связях в различных областях: в хозяйстве, торговле, культуре.

ЦГА Коми АССР не богат материалами по интересующим нас тематике. Однако в нем сохранились сведения по составу населения заводских поселков, его контактах с местным крестьянством, т.е. об одном из вариантов коми-русских взаимосвязей. Там же, а также в Научном архиве Коми филиала АН СССР сохранились копии, правда, часто неполные, нескольких писцовых и переписных книг. Последние (т.е. книги) изучались в ЦГАДА.

В архивах Вологды, Архангельска и Коми АССР собран большой материал по традиционной культуре: жилищу, одежде, некоторым обрядам (похоронному) как коми, так и русского населения, который позволил углубить этнографические сравнения коми и русской культуры до XVII–XVIII вв. Мы с 1955 г. широко пользуемся этим источником для усиления документальности собственно этнографического материала. В настоящее время использование архивов стало распространенным и признанным методом этнографического исследования.

Были изучены рукописные фонды Коми республиканского краеведческого музея, научного фонда Коми филиала АН СССР*, где особое внимание было обращено, кроме собственно этнографических, на отчеты лингвистических, фольклорных и археологических экспедиций, а также на рукописи диссертаций и научных трудов. Однако остались почти неизученными рукописные фонды архива ГО СССР и ряда других научных учреждений.

Некоторый материал, особенно по более поздним историческим периодам, собран и в местных окружных и районных архивах. В их числе упомянуть можно окружные архивы в гг. Наръян-Мар, Салехард и Ханты-Мансийск. Из районных архивов наиболее богаты материалами по нашей проблеме оказались архивы ЗАГС, в частности, Березовского (Ханты-Мансийский автономный округ) и Ловозерского (Мурманская область). Окружные и районные архивы дали факты по расширению процесса этнического смешения и увеличения числа смешанных браков с участием представителей коренной национальности.

С целью уточнения и пополнения имеющегося этнографического материала автором в 1968–75 гг. были осуществлены специальные экспедиции к коми-пермякам в Коми-Пермяцкий автономный округ и к пермякам-зюздинцам в Афанасьевский район Кировской области, к ненцам в Ненецкий автономный округ, к хантам в Ямало-Ненецкий и манси в Ханты-Мансийский автономные округа. к саамам в Мурманскую область. Русское население обследовано в восточных районах Ар-

---

* Ныне Национальный музей Республики Коми, Коми научный центр УрО РАН. (Прим. составителя).

хангельской и Вологодской и в северных районах Кировской и Пермской областей. Изолированные группы коми изучались в Сорокинском районе Алтайского края, в Березовском и Шурышкарском районах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов и в Ловозерском районе Мурманской области. Собирался самый разнообразный материал, но особенно по проблеме этнических и культурно-бытовых взаимоотношений коми с вышеперечисленными народами. Большое внимание уделялось сбору материалов по развитию культуры и подъему культурного уровня местного населения. Собранный материал лишь частично вошел в данную работу. Основное внимание автора было сосредоточено на досоветском периоде взаимоотношений коми с соседями.

Кроме того, автором с 1950 по 1957 г. совершено 15 экспедиционных поездок по всем районам Коми АССР, где был собран большой материал практически по всем вопросам этнической истории и этнографии народа коми. Эти материалы широко использованы в предшествующих публикациях автора и привлечены для сравнения в настоящей работе.

Изученность темы. Первые шаги в этнографическом изучении территории Европейского Северо-Востока были сделаны еще во второй половине XVIII в. (экспедиции И.Лепехина, И.Георги).

XIX в., и особенно его вторая половина, в связи с организацией Русского географического общества (1845) знаменуется некоторым оживлением этнографической работы в вышеназванном регионе. Довольно энергично происходили сбор и публикация этнографических материалов.

В конце XIX – начале XX вв, появляются первые научные исследования по этнографии коми и ненцев. Опубликовал свою монографию о самоедах В.Иславин (1847 г.), появились книги о зырянах К.Попова (1874), Г.С.Лыткина (1889), А.Шёгрена (1861).

Наряду с исследовательскими работами встречается много описательных этнографических публикаций отдельных элементов традиционных культуры и быта одного и нескольких народов. Эти работы являются хорошим источником для получения сравнительного материала.

Следует отметить также, что в XIX – начале XX вв. появилось в печати много путевых очерков, бытовых зарисовок, литературных опусов и т.п. публикаций. Некоторые из них написаны весьма наблюдательными авторами и сообщают яркие и интересные детали, но их авторы не вникают глубоко в существо вопроса и выносят свои суждения, основываясь на своих очень дилетантских представлениях. Многие из этих изданий полны сентиментальных жалоб на несчастную судьбу инородцев, на грозящее им вырождение, однако настоящего выхода из тяжелого положения авторы не видят, сваливают вину на зырян (коми), особенно ижемцев, которых кое-то даже «величает» «евреями Севера», и предлагают изолировать малые народы от «пагубного» воздействия коми.

По поставленной нами проблеме «Этнические и историко-культурные связи коми с соседними народами» во всей дореволюционной литературе специального исследования нет, хотя во многих работах эта проблема затрагивается и на доступном уровне разбирается.

Оценивая изученную досоветскую литературу, следует сказать, что в ней ценен всего фактический материал, часто очень богатый, однако представляет интерес также и идеологическая позиция автора, его подход к изучаемой проблеме.

Новый подъем этнографического изучения малых народов Севера начался с установления Советской власти. Исключительно важно было изучить состояние их хозяйства, культуры и быта с тем, чтобы разработать программу развития этих народов, которая должна была ликвидировать их всякую отсталость, поднять их экономический и культурный уровень, перевести их хозяйство на современные рельсы, осуществив на деле принцип дружбы и взаимопомощи народов нашей страны. Задача осуществления этих грандиозных планов вызвала появление целого ряда научных исследований, были осуществлены сотни экспедиций по обследованию народов Севера, появились многочисленные работы научно-теоретического и практического значения. Подобные работы выполняются и в настоящее время.

Большое внимание советские этнографы уделяли и уделяют разработке вопросов этнической истории народов. Появился ряд ценных работ по интересующей нас проблеме (Л.П.Лашук, И.С.Гурвич, Б.О.Долгих, В.В.Пименов и т.д.).

Много ценного атериала дают и такие работы, которые посвящены исследованию материальной и духовной культуры конкретного народа в целом или отдельных ее элементов (С.В.Иванов, Т.В.Лукъянченко, З.П.Соколова и др.). Более того можно отметить и такой отрадный факт, что в последние годы начинают появляться статьи, в которых авторы, правда, на локальном материале, но уже ставят проблему этно-культурных и историко-культурных связей, интересующих нас народов (С.В.Иванов, Т.А.Крюкова и др.). Подобные работы для нашего исследования, безусловно, имеет первостепенное значение.

Большой и ценный материал сосредоточен в общих этнографических трудах, из которых можно упомянуть тома серии «Народы мира», сборники статей «Одежда народов Сибири», «Общественный строй у народов Северной Сибири» и т.д. Эти общие труды интересны тем, что собранный в них материал удобен для проведения сравнительных исследований.

Однако этих этнографических данных далеко недостаточно для раскрытия взаимосвязей народа по всей полноте. Поэтому нами привлечены исследования по истории этих народов, особенно те, которые освещают XV–XIX вв. В их числе общие труды советского времени типа

«Очерков истории СССР» и специальные работы, как например, исследования С.В.Бахрушина, и досоветского периода: Г.Ф.Миллера, В.Н.Татищева и т.д. Эти работы дополняют наши источники и, что особенно важно, показывают на историческом материале период первоначальных контактов этих народов, который не освещается этнографическими данными. А для того, чтобы понять специфику историко-культурных связей коми с конкретным народом, исключительное значение имеет как раз этот первоначальный период.

В ходе работы мы широко привлекали исследования по смежным дисциплинам: фольклористике, языкознанию и археологии. Исследования по этим наукам в изучении культурных связей имеют весьма важное значение, так как освещают, во-первых, сферу духовной жизни, а, во-вторых, пополняют этнографический материал.

Из работ языковедов очень ценными для нас были труды В.И.Лыткина и К.Редэи. Существенное значение имеют работы диалектологов, изучающих коми и коми-пермяцкие диалекты. Весьма полезны были также работы по топонимике.

Археологические исследования, особенно археологов Коми филиала, послужили основой для освещения этно-культурных связей древнего населения Коми края и прямых предков коми пермян вычегодских (Э.А.Савельева, К.С.Королев, А.М.Мурыгин).

Говоря о развитии этнографии в Коми АССР, надо сказать, что с первых же лет Советской власти в стране начинается подъем научной работы не только в центре, но и на местах. В этнографические исследования заключились краеведы-энтуазисты, объединяющиеся в общества по изучению местного края, которым помогали и руководители ученые центральных научных учреждений. В Усть-Сысольске работали профессора В.П.Налимов* и А.Н.Грен. Они активно помогали вновь организовавшемуся Обществу изучения Коми края. В его рядах начали научную деятельность такие ныне известные ученые, как доктора филологических наук В.И.Лыткин и А.С.Сидоров. Последний был специалистом широкого профиля. Он занимался не только проблемами языкознания, но и многое сделал в области археологии и этнографии.

20-30-е годы явились первым этапом в развитии этнографических исследований на Европейском Северо-Востоке. В эти годы в различных местных изданиях было опубликовано большое количество статей. Встречаются работы, имеющие непосредственное отношение к исследуемой нами проблем6е. В некоторых публикациях того времени про-

---

* В.П.Налимов активно сотрудничал с усть-сысольским Обществом изучения коми края, бывал в Усть-Сысольске, публиковался в выходивших здесь печатных изданиях, но на постоянной основе в Усть-Сысольске не работал. (Прим. составителя).

поведовались откровенно националистические взгляды; например, И.Можегов (Мöсшег) полностью отрицал какое-либо положительное значение присоединения коми и русскому государству, утверждая, что оно принесло только разрушение и упадок национальной культуры коми.

В последующее десятилетие этнографическая работа несколько ослабла в связи с отсутствием научных кадров и соответствующих учреждений на местах. Общество изучения Коми края прекратило свою деятельность. Республиканский краеведческий музей ограничился небольшими этнографическими экспедициями для сбора новых экспонатов.

Исследования по этнографии к этому времени сосредоточились в центральных научных учреждениях, которые сразу же после окончания Велкой Отечественной войны начали направлять свои экспедиционные отряды для сбора материалов в различные районы Советского государства. Уже в 1945 г. два отряда комплексной экспедиции, руководимые этнографом В.Н.Белицер и археологом А.В.Збруевой, прибыли для работы в Коми АССР. Результаты этой разведки, особенно в области этнографии, оказались весьма обнадеживающими.

В.Н.Белицер в последующие годы еще неоднократно приезжала как в Коми республику, так и в Коми-Пермяцкий автономный округ. Собранный материал лег в основу ее докторской диссертации, а позднее вышел в свет в виде капитальной монографии «Очерки по этнографии народов коми». Эта книга и по настоящее время является единственным обобщающим трудом по этнографии коми (зырян и пермяков).

Следует отметить также появление в послевоенные годы новых исследований по вопросам этногенеза коми. Одной из наиболее глубоких работ, несомненно, была статья Н.Н.Чебоксарова «Этногенез коми по данным антропологии». В последующие годы дальнейшие исследования в области антропологии были выполнены К.Ю.Марк и М.В.Витовым.

В середине XX в. в Коми филиале АН СССР складывается этнографическая группа, на которую легла задача дальнейшего развития и углубления начатых ранее исследований. Важное место отводилось этнографам Коми филиала АН СССР и в развитии массовой музейно-краеведческой деятельности.

За истекшие тридцать лет этнографами Коми филиала АН СССР проделана значительная работа. Результаты ее охарактеризованы нами в брошюре «Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке» и в статье «Этнографическое изучение народа коми».

Научная новизна исследования. Вводится в научный оборот большой новый полевой этнографический и архивный материал, добытый автором в период многочисленных экспедиций и командировок и прежде почти неизвестный науке. Впервые широко использованы материалы

и методики смежных наук. В настоящей работе впервые проведено комплексное исследование взаимоотношений народа коми с соседними народами за II тыс. н.э. на основе широкого использования различных источников и данных смежных наук, показана специфика этих взаимоотношений, раскрыты ее причины, освещена роль коми в истории культуры народов севера, прослежен процесс формирования этнической территории и сложения этнических границ коми, выявлена специфика вхождения малых народов, а конкретно, коми в состав русского централизованного государства, предпринята попытка показать роль нерусских народов европейской части России (на примере коми) в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока, выявлены условия образования и сохранения этнических и этнографических групп коми, и степень устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональном окружении.

Практическая значимость работы состоит в том, что исследованы важный элемент этнической истории коми, раскрыт ряд сложных в историческом плане вопросов. Полученные результаты вносят уточнения и исправления в некоторые существующие взгляды по истории народа коми, углубляют их и имеют значение для разработки курса истории Коми АССР, в особенности проблемы этногенеза и этнической истории, а также этнографии коми. Они будут полезны для археологов и лингвистов, найдут применение при разработке этнической истории ряда финно-угорских и самодийских народов.

Апробация работы. По теме исследования автором опубликованы 58 работ, в том числе 4 монографии «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (1982 г.), «Хозяйство, культура и быт удорских коми» (1972 г.), «Крестьянское жилище в Коми АССР» (1971 г.), «Из жизни древних коми» (1985 г.) и 4 брошюры «Расселение коми в XV-XIX вв.» (1972 г.), «Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами» (1974 г.), «Формирование этнической территории коми (зырян) (1977 г.), «Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке» (1975 г.). Работы имеют положительные отзывы, опубликованные в журналах «Советская этнография» и венгерском «Nyelvtudományi Közlemények» (1984, 86.köt.,1.szám, 265-267.1.) и газетах «Красное знамя», «Югыд туй» и «Молодежь Севера». Монографии «Историко-культурные взаимоотношения коми...» присуждено I место на конкурсе лучших работ Института языка, литературы и истории за 1983 г.

Многие положения данного исследования неоднократно излагались автором в докладах и сообщениях на различных конференциях, сессиях и конгрессах. В их числе важнейшими выступления на III, IV, V и VI Международных конгрессах финно-угроведов (Таллин 1970, Будапешт

1975, Турку 1980, Сыктывкар 1985 гг.) на нескольких Всесоюзных этнографических сессиях (Москва, Минск, Йошкар-Ола, Нальчик, Душанбе, Ереван, Саранск), на XI и XVI Всесоюзных конференциях финно-угроведов – в Сыктывкаре (1965, 1979 гг.), на V Уральском археологическом совещании в Сыктывкаре (1967 г.), на региональных конференциях в Вологде (1980 г.), в Сыктывкаре (1981 г.) , на нескольких республиканских и других научных и научно-практических конференциях.

Основные итоги исследований автора вошли в научный оборот, на них ссылаются не только этнографы, но также археологи и лингвисты.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, семи глав и заключения. В качестве приложения даны карты формирования этнической территории коми. Ссылки на литературу и источники даны в конце каждой главы.

Содержание работы.

Во введении обосновываются актуальность темы, цели и задачи исследования, методы исследования. Кратко излагается историография вопроса, характеризуются основные источники, дается оценка используемым материалам, кратко освещены этнографические вопросы, исследованные автором. Подчеркивается комплексность исследования, ставшая возможной благодаря широкому использованию данных и методик смежных дисциплин.

Первая глава «Пермь вычегодская и ее взаимоотношения с соседями (X–XV вв.) показывает пути и территорию расселения древних пермян – прямых предков коми в X–XII и XII–XIV и XV вв. Полученные результаты показаны на двух картах. Четко выявились два направления миграций пермян: в X–XII вв. в западном–юго-западном направлении и в конце XII–XIV вв. в северном-северно-западном направлении.

Одновременно во избежание односторонности в исследовании сложного процесса взаимоотношений народов и стремления показать не только влияние коми на других, но и обратное взаимодействие этих народов на коми, необходимо было выявить наличие заимствований в хозяйстве, культуре и быте коми из хозяйства, культуры и быта соседних народов, подчеркнуть имеющуюся в этих заимствованиях определенную специфику и объяснить причины ее возникновения.

Формирование этнической территории коми непосредственно связано с процессом сложения самого народа, с его расселением, с его взаимоотношениями с соседями. На основе археологических материалов и данных жалованных грамот, писцовых и переписных книг были определены районы обитания коми в X–XIV вв, прослежены пути переселения, уточнены границы их расселения в указанные века и нанесены на карты, показывающие расселение коми в X–XII, XII–XIV и XV вв.

В научной литературе утвердилась точка зрения на относительную устойчивость этнической территории коми. Поэтому границы их расселения даже в XIV–XV вв. на картах показывают приближенными к современным. Имеющиеся материалы не согласуются с данным утверждением. В течение веков территория обитания коми существенно менялась, что подтверждается составленными картами.

В XII–XIV вв. достаточно четко выявляются территориально-племенные объединения древних пермян, показанные на карте. Названный термин применительно к общественному устройству пермян в указанные века впервые применил Л.П.Лашук [Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972, с.55-56], который считал, что в это время происходил переход от племен к территориальным общинам. В главе дана характеристика наиболее изученных объединений, таких как лузская пермца, сысольские зыряне, нижневычегодские пермяне (эжватас), вымские пермяне (емватас).

Существует несколько точек зрения на формирование вычегодских пермян. Одни (большей частью лингвисты) считают их пришлым населением, переселенцами из Прикамья – носителями древнекоми (общекоми) языка. Другие (больше археологи) считают вычегодских пермян автохтонами и отрицают серьезную роль верхнекамских переселенцев. По нашему мнению, переселение носителей древнекоми языка из Прикамья несомненно, и в результате их смешения с местным ванвиздинским населением возникла культура вычегодских пермян, при определенном включении прибалтийско-финского, поволжско-финского, угорского и, особенно на поздних этапах, славяно-русского компонента.

Весьма широкими были хозяйственные и культурные связи вычегодских пермян. Через славян и булгар они тянулись далеко на европейский запад и азиатский юг. В обмен на ценную пушнину пермяне получили изделия из металла (в частности украшения), особенно из драгоценного металла. От соседей они позаимствовали также начатки земледелия и скотоводства.

Весьма важную роль в развитии культуры коми сыграла просветительская деятельность Стефана Пермского в процессе христианизации коми.

Очень важным для исследования представляется вопрос о взаимоотношения коми с русскими феодальными княжествами и централизованным государством, о времени и путях присоединения коми.

Традиционно считается, что присоединение или вхождение того или иного народа в состав многонационального русского государства является кратковременным актом военного и морового характера, дающим какой-то существенный сдвиг в судьбе данного народа. Отсюда упорные поиски соответствующей даты, и обычно она действительно находится. Нам представляется, что в большинстве случаев присоеди-

нение или вхождение было процессом длительным. И в каждом конкретном случае оно имело свою специфику, определенное своеобразие. Примером этого может считаться процесс присоединения коми, растянувшийся с XII по XV вв., причем коми попали в орбиту русского влияние уже в XII в. Однако до середины XII в. не было реальных попыток присоединить земли коми ни со стороны Новгорода, ни других княжеств.

В ходе событий можно достаточно четко выделить какую-то начальную дату, так сказать первый этап. В частности у коми этим событием является основание г. Великий Устюг (1178) благодаря которому ростово-суздальским князьям удалось закрепить за собой «пермские мосты устюгские», т.е. какую-то часть территории, заселенной пермянами (древними коми).

Всегда отлично выделятся дата окончания процесса присоединения (воссоединения, вхождения). Длительность процесса во времени весьма различна, и далеко не всегда она столь растянута, как у коми. Но всегда наступает момент, когда независимо или полузависимо племенное, территориально-племенное или государственное образование теряет свою самостоятельность и становится составной частью ведущего государства.

Все земли коми в течение названных столетий постепенно частями оказались в составе русского государства, но окончательная точка была поставлена тогда, когда с целью уточнить территорию своего государства, определить границы своих владений Иван III провел детальное, тщательное описание людей, земель и угодий, рек и озер. На землях древних коми эта работа была проведена в 1481 г. Она окончательно закрепила их в составе единого русского централизованного государства. На этом процесс присоединения (феодального закрепления) коми завершился.

Следовательно, как нам представляется, во всех случаях – будет ли это завоевание, воссоединение или добровольное вхождение в состав русского государства – мы имеем дело с процессом, вызванным определенными причинами, длящимся какое-то время и имеющим четкое завершение, свидетельствующим об определенном сдвиге в истории данного народа.

Вторая глава «Формирование этнической территории народности коми (XVI–XIX вв.)» раскрывает процесс дальнейшего расселения коми и освоения новых земель на Северо-Востоке Европы (на верхней Вычегде и Печоре). Одновременно показано растворение пермян (коми) на западе и юге-западе в XVI–XVIII вв. в русской этнической среде.

В главе рассмотрены все виды миграций (внутриволостные, внутрирайонные, межрайонные) в пределах всего складывающегося края Коми, определено количество коми в крае и по районам, уровень ста-

бильности и подвижности населения, выявлен процент участвующих в миграциях и направление миграций, характерное для отдельных волостей и регионов, установлены причины, вызвавшие дальнейшее расселение коми и перемены территории его обитания.

Изложение дано по волостям и землям, прослежено возникновение поселений (деревень и погостов), проанализирован фамильный состав. Наличие значительного количества (10-20%) типично коми фамилий (производных от коми слов) и включенных в писцовые и переписные книги конца XVI–XVII вв. существенно помогает в проведении исследования. Для примера несколько чисто коми фамилий: Канев (кань – кошка). Изъюров (из юр – каменная голова), Кузькоков (кузь кок – длинные ноги), Панев (пань –ложка), Маегов (маег – кол) и т.п.

В разных волостях и районах процент коми фамилий различен. Наибольшее распространение они имеют на Сысоле, а наибольшее в соседней Лузской Пермце, и вообще фамильный состав этой волости очень своеобразен. Последняя отличается наибольшим спектром специфических черт. В главе рассмотрены причины, вызывавшие появление местной специфики в отдельных регионах. Имеет значение в нашем исследовании и топонимия. Существующие в низовьях Вычегды и на Малой Северной Двине поселения с типично коми названием Ошлапье (Ошлапа – медвежья лапа), Пырас (вход), Куимиха (куим – три) и т.п. и сохраняющиеся достаточно типичные для коми фамилии Куимов (куим – три), Кушев (куш – голый), Тупысев (тупӧсь – коврига хлеба), Дозморов (дозмӧр – глухарь) и т.п. подтверждают расчеты о наличии значительного числа коми в названном районе еще и в XVII в.

Фамилии Вишератин, Сысолятин, Удоратин и т.п. прямо указывают район выхода их носителя.

Поскольку для коми весьма типично сложение особых комбинаций фамильного состава не только для каждой земли и волости, но и практически каждого погоста, причем в отдельном населенном пункте обычно не более двух-трех основных фамилий (в д.Тойма основные жители Матевы и Палевы). Причины этого явления зачастую лежат в истоках истории селения: первопоселенцами с. Пысса были «Логинко да Андрейко Максимовы дети» (1608 г.), и Логиновы и Андреевы в селе поныне основные фамилии.

Наличие своих комбинаций и, что еще важнее, чисто местных фамилий дает возможность проследить не только миграции, но и связи между волостями, землями, районами, степень участия той или другой волости в заселении новых территорий и каких именно. Так, например, выявилось весьма актуальное участие сысоличей в заселении Вычегды и верхней Печоры.

В главе показаны как общие, так и специфические черты, характерные для отдельной волости, земли и района, в ходе заселения и освоения современной этнической территории коми.

Результаты исследования показали, что современные западные границы расселения коми в основных чертах возникли уже в концу XVI в., точнее нынешние пограничные селения к этому времени уже существовали (погост Спаспоруб на Лузе, погост Межог на нижней Вычегде), но еще и в XVII в. ниже этих поселений по-прежнему жили коми, поэтому реальная этническая граница по сс. Межог и Спаспоруб, существующая в XX в., в тот период еще не оформилась. Она стабилизировалась лишь к концу XVIII в. По остальным трем сторонам света и таких приблизительных границ в XVI–XVII вв. еще не было. Фактическое состояние отражено на карте «Административное деление края Коми в XVI–XVII вв.».

К концу XVIII в. происходят заметные изменения границ в бассейнах рр. Вашки, Мезени и верховьях Камы, исчезает как этническая группа коми население на нижней Вычегде и Виледи, на Пинеге, на нижней Лузе. Одновременно происходит заселение верхней Вычегды и Печоры, где также начинает оформляться этническая граница, причем если восточная складывается к концу XVIII в., то северная – только к концу XIX в. Следует подчеркнуть, что на севере сложилась специфическая обстановка. Все постоянные поселения коми-ижемцев и оседлых колвинцев (колва-яран) расположены по берегам Печоры и Усы, но они не стали этнической границей, так как наличие оленеводства у ижемцев и ненцев, выпасающих стада на единой тундровой территории, привело к созданию зоны смешанного обитания двух соседних народов.

Освоение современной этнической территории коми и оформление ее теперешних этнических границ происходило в XVI–XIX вв. Районами раннего заселения являются бассейны рек Сысолы, Лузы, Виляди, Выми и нижней Вычегды. Этнические границы в этих районах оформлялись в XVI–XVII вв. (завершился к концу XVII в.). Именно в этот период в ряде мест древнее коми население исчезло, частично растворившись в русской этнической среде, частично переселившись в другие районы.

Районами позднего заселения, как выше сказано, были бассейны верхней Вычегды и Печоры.

На этнической территории коми население практически было одноэтничным. Незначительные инонациональные вкрапления быстро рассасывались в подавляющей местной среде. Исключением явились лишь заводские поселки при Сереговском солеваренном, Нювчимском железоделательном и Кажимском чугунолитейном заводах, в которых устойчиво сохранялось русское население. Выходцы из местных сосед-

них сел, поселявшиеся в этих поселках, в третьем поколении причисляли себя уже к русской нации.

Сформировавшаяся этническая территория коми отличалась своей целостностью и этническим единством населения. Характерными особенностями ее формирования были: а) расширение в северо-восточном направлении при сокращении в западном; б) узкость контактной зоны между коми оседлыми соседями; в) «размытость» ее между коми и неоседлыми соседями (ненцами).

В ходе формирования этнической территории коми протекало четыре параллельных процесса: а) расселение и освоение земель в пределах этнических границ, б) раселение за пределы этих рубежей, в) этническое смешение и сближение с соседями и, как следствие, усиление культурного обмена, г) этническое смешение внутри самого народа коми, между его этнографическими группами. Все эти процессы были между собой взаимосвязан и взаимозависимы.

Сложение этнографических групп в составе народа коми происходило в XVI–XVIII вв., при этом основная часть, а именно нижневычегодцы (эжватас), вымичи (емватас), удорцы (удораса), сысоличи (сыктылса, возможно зыряне), прилузцы (пермяки, позднее лузсаяс) сформировались в XVI–XVII вв. Остальные: верхневычегодцы (эжваса, в их числе висераса, лӧкчимса и др.), верхнепечорцы (печораса) и ижемцы (изьватас) сложились в XVII–XVIII вв.

Местная специфика этнографических групп складывалась в результате действия ряда причин, в том числе и природных условий среды обитания. Для нижневычегодцев и вымичей характерно наличие устойчивого постоянного ядра местных коми и прилива смешанных (русско-пермяцкие, вепсско-пермские и иные сочетания) и русских пришельцев. Результатом этого является большая европеидность представителей этих двух групп и большее число заимствований в языке и культуре.

Подобным же образом происходило формирование прилузцев и сысольцев, но у них к устойчивому ядру коренного населения произошел прилив других соседей. У прилузцев прослеживаются контакты, кроме вятских и вологодских русских, с удмуртами и марийцами. У сысоличей же, кроме русских, выявляются связи с коми-пермяками и пермяками-зюздинцами. Все они (сысольцы, прилузцы, удмурты и коми-пермяки) относятся к одному вятско-камскому сублапоноидному антропологическому типу.

Как отмечалось выше, для коми характерно наличие определенного фонда местных фамилий, сочетания которых различны для каждой этнографической группы. Эта специфика облегчает изучение миграций не только в пределах края Коми, но и за его пределами, а также помогает раскрыть процесс формирования поздних этнографических групп, где переселение имело весьма существенное значение. Так удорцы образо-

вались в результате смешения переселенцев и нижневычегодских и вымских волостей коми между собой и с представителями соседних прибалтийско-финских народов, включения смешанных выходцев с Пинеги, определенного русского и незначительного ненецкого компонентов. Именно в этом одна и основных причин возникновения этнокультурной и языковой специфики удорцев. Только среди них имеет распространение яркий европеоидный беломорский антропологический тип.

Таким же путем шло сложение других поздних этнографических групп, а именно верхневычегодцев, верхнепечорцев и ижемцев. Поскольку процесс их сложения происходил в XVII–XVIII вв., он достаточно хорошо отразился в документах.

К концу XVIII в. завершилось сложение всех этнографических групп ком. В последующем столетии происходило постепенное сближение и слияние мелких групп и подгрупп с основными. Начинается сближение этнографических групп между собой.

Сложение этнографических групп длилось несколько веков и происходило в процессе расселения коми и формирования их этнической территории.

Заселенность края в целом в XV–XIX вв. была весьма низкой. В конце XIX в., по данным первой всероссийской переписи 1897 года, всех коми в России насчитывалось 153618 человек.

В целом население края было достаточно стабильным: в различных формах миграции в середине XVII в. в крае участвовало до 8,5 % жителей, хотя по отдельным районам эти показатели очень различны. Из старожильческих районов большая подвижность населения выявлена в Выми и в Прилузье (до 14 % жителей). Очень подвижны были поселенцы вновь осваиваемых районов: на верхней Вычегде в миграциях участвовало 63 % жителей.

Однако основная масса населения в большинстве районов устойчиво обитала на освоенных местах.

Глава III «Расселение коми за пределы своей энтической территории» рассматривает процесс расселения коми по Уралу и Сибири в XVI – начале XX вв. и связанный с этим расселением вопрос о степени устойчивости элементов традиционной народной культуры коми в инонациональном окружении.

Середина II тыс. н.э. явилась тем рубежом, с которого начался процесс расселения коми не только в границах ее нынешней этнической территории, но и далеко за ее пределы.

Это явление было характерно не только для коми, но и для всего Померья. О причинах его писали в своих трудах А.А.Преображенский, П.А.Колесников и др. Исследование подтверждает значительное переселение коми (зырян) в Прикамье, на Вятку, в Приуралье. Много коми

(зырян) поселилось в поместьях Строгановых, на соляных промыслах, в городах.

Вопросом переселения зырян в Прикамье и на Урал занимались В.А.Оборин, Л.П.Лашук, А.Ф.Теплоухов. Последний в 1925 г., чрезмерно преувеличив роль коми переселенцев, выдвинул гипотезу о том, что само коми-пермяцкое «население северо-западной части Пермской губернии» образовалось в результате смешения переселившихся зырян с остатками живших там угров (манси) и тоже пришлыми русскими.

Важно, что исследования показали значительный прилив коми (зырян) в Прикамье и Приуралье. Однако переселение коми не ограничилось названными регионами. Движение на юго-восток и восток было гораздо более массовым, чем в других направлениях (на юг и на запад). Многие переселенцы не останавливались в Прикамье и на Среднем Урале, а шли дальше в Зауралье, в Западную и Восточную Сибирь, на Дальний Восток.

Историческими исследованиями установлено активное участие жителей Поморья в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока. Это действительно так. Однако обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех исследованиях, и дореволюционных, и современных, население Поморья рассматривается как этнически однородный массив. А это не верно. На обширной территории Русского Поморья обитали, кроме русских, несколько других народов, которые в той или иной мере принимали участие в открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока, особенно в XVI–XVII вв.

У ряда исследователей нет ясного понимания этнической картины Русского Поморья в XVI–XVII вв. Правда, многих из них эта сторона исследуемого вопроса просто не интересует. Их вполне устраивает общий термин «выходцы из Русского Поморья» и подобные ему. Другие, пытаясь уточнить содержание понятия «жители Поморья», идут по линии выделения административно-территориальных групп, не внося в них конкретного этнического содержания. Поэтому у них в одном списке идут архангельцы, холмогорцы, устюжане, сольвычегодцы, яренчане, пермичи, чусовитины, вымичи, сысоличи, зюздинцы, усольцы и т.д. Хотя несомненно, что среди вышеперечисленных групп имеются представители минимут трех (русского, коми (зырянского) и коми (пермяцкого), а может быть в четырех (вепсского) народов.

В тех случаях, когда авторы пытаются разобраться в этническом составе поморских переселенцев, они иногда подчеркивают, что в них есть «очень сильные инородческие финские элементы в лице зырян, вымичей, сысоличей и других племен» [Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибри. ТИЭ, Новая серия, М., 1966, т.89, с.74]. В данном случае И.С.Гурвич прав, говоря о финском элементе, хотя правильнее было бы говорить о представителях финно-пермской языковой

группы, ибо вымичи и сысоличи – это просто волостные объединения, складывающейся в XVII–XVIII вв. феодальной народности коми (зырян).

Применение собирательных терминов «выходцы из Русского Поморья», русские служилые казаки» и т.п. к этнически разнородной среде землепроходцев и первооткрывателей, а также и первопоселенцев сибирских и дальневосточных земель не верно само по себе, так как не позволяет выявить роль народов Европейской части России в этом великом историческом событии.

С какого времени коми начали осваивать Сибирь, пока не установлено. Однако в конце XV в. в Зауралье они бывали неоднократно в составе войск московского великого князя, ходивших походом на Югру. Были у коми и прямые контакты с манси. Известен мирный договор мансийских князей с вымскими, заключенный под Усть-Вымью под эгидой пермского епископа.

В XVI коми считались лучшими проводниками и переводчиками. В некоторых Сибирских летописях утверждается, что проводниками в отряде Ермака были зыряне («И вожи ему зыряне») [Сибирские летописи. СПб, 1907, с.314]. В 1598 г. экспедицию Дьякова на Березов вел вымич Василий Тарабукин. В наказе Бориса Годунова (1600 г.) воеводам Масальскому и Пушкину указывалось взять в Березове «в вожи зырян торговых людей и вымич на все суды, сколько человек пригоже, которые бы Мангазейский и Енисейский ход знали и толмачить умели» [Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937, т.1, с.396]. В составе царских войск и в отрядах первопроходцев участвовало не мало коми (зырян и пермяков). В числе руководителей отрядов были Дмитрий Зырян, Богдан Зырянов, Федор Чукичев и др. В составе отрядов – Сысолятин, Вычугжанин, Зырянов, Пермяков, Падерин, Лыткин и др. В числе оставшихся в живых поле окончания похода С.Дежнева 12 участников был Иван Зырянин и Фома Пермяк. В составе отряда Е.Хабарова имелись Тренька Зырянин и Калинка Зырянин.

По данным переписи 1671 г. Красноярска и его уезда в составе конной сотни из 150 человек 14 можно отнести и коми, особенно 5 Зыряновых, из 200 служилых людей 27 человек имели фамилии, которые могли иметь выходцы из коми, в их числе 6 Зыряновых и 5 Песеговых. Среди посадского населения записаны 4 Зыряна, а также Баталов, Пермяков, Юшков, Мартюшев, Юдин и ряд других фамилий, очень типичных для зырян и пермяков.

Кроме участников военных походов, много коми приходили в Сибирь с торговыми и промышленными целями, поселялись в качестве крестьян, ямщиков, ремесленников.

В середине XVII в., по данным переписи 1646 г., из края Коми уходило в Сибирь около 10 % мужского населения. Особенно высок был

отход из вымских сел – около 36,5 %. Большое количество вымичей в Сибири, видимо, было причиной того, что во всех царских грамотах они упоминаются отдельно от зырян. Кроме того, вероятно, вымичи лучше знали пути в Зауралье, ибо древний путь в Югру шел по Выми на Ижму и Печору.

Промышленники и торговцы для большей гарантии успеха строили укрепленные гордки. В Зауралье кроме Обдорска известны еще Войкар (северный город) и Уркар (беличий город). Первый осторожек на месте будущей Мангазеи был построен «служилыми людьми... зыряны и пустозерцы» [Русская историческая библиотека. Т.II, № 188, с.828]. В 1601 г. сургутские служилые люди обнаружили в тайге безымянный «зырянский городок».

Активно участвовали коми и при строительстве новых городов в Сибири. Так, в 1594 г.в царском наказе князю П.Горчакову было указано при постройке города и острога Пелым «выкатить на рать на всю служилые казаки по пяти бревен на человека и на Пермичь, и на Вымичь, и на Усольцев по пятнадцати бревен или по 10 бревен как будет пригоже» [Миллер Г.Ф. Указ.соч., т.I, с.346-348, 401-402].

Одним из самых первых вслед за отрядами первопроходцев шли промышленники и торговцы. По данным сибирских таможенных книг четверти XVII в. в Сибирь постоянно ходили около 30 торговцев коми. Кроме них в торговле участвовали еще 83 промышленника. Много раз отправлял обозы с товарами усть-сысольские купцы Сухановы. Однако большая часть промышленников шла в Сибирь за пушниной, причем выбивали зверя безжалостно. Не зря в конце XVI в.сургутские ханты жаловались на то,что зыряне и вымичи «по их вотчинам и угожим местам и по лесам и по речкам, зверуют, бьют соболи и бобры, и лисицы и зверь выбили» [Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1958, т.1, с.85.]. Известны челобитные хантов от 1600,1622, 1623 гг., в которых они просят освободить их от зырянского засилья.

Торговцы и промышленники скупали у местного населения меха за бесценок, при случае даже государеву дань присваивая себе. так в 1601 г. торговые люди вымичи и пустозерцы присвоили себе дань в мангазейских ненцев. Более того, торговцы коми пытались помешать проникновению русских торговцев и правительственных агентов, подговаривая местное население нападать на них, да и сами, вероятно, участвовали в набегах. Недаром в 1600 г. , когда военный отряд кн.Шаховского, шедший в Мангазею, был разбит «самоядью», у правительства сразу возникло подозрение: «... русских торговых людей вымич и зырян не были ли» [Русская библиотека, т.II, № 188, с.824.].

Основная масса коми переселенцев и на новом месте оставалась крестьянами. коми основали в Сибири много деревень. Если в XVII в. они селились в основном в Зауралье, то в последующем главным обра-

зом в Алтайском крае. Много коми работало на заводах Демидовых. В 18 списках приписанных к Колыванским горным заводам ремесленников и крестьян в середине XVIII в. насчитывается 381 семья выходцев из Яренского и Усть-Сысольского уездов. В начале XIX в. положение не изменилось. В нескольких списках находим 285 выходцев из названных уездов.

Деревни с коми названиями и местные жители с фамилиями характерными для коми довольно широко распространены в Западной Сибири. По данным переписи 1720 г. существую деревни Зырянская, Пермитина, Гутова, Тарабукина, Ботева и рчд других, а фамилий записано значительнео больше: Гутов, Айкин, Паршуков, Момотов, Кынев, Бараксанов, Пырсиков, Порскоков и т.д., а также топонимические Сысоленин, Сысолетин, Еренской, Мезенцев.

Коми поселенцы оседали также в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, особенно в XVII-XVIII в. основным направлением становится юг Западной Сибири и Зауралье, куда особенно во II половине века переселяется значительная группа ижемцев. Они же в конце XIX- начале XX вв. перебираются и на Кольский полуостров.

Обитание коми переселенцев относительно немногочисленными группами в окружении многоэтнического массива привело к постепенной утрате ими своего этнического самосознания и культуры. Исследование показало, что наиболее устойчивыми элементами оказались язык и фольклор, но и он утрачивались к четвертому поколению, которое и на уровне этнического сознания причисляло себе к сибирским русским, не отрицая однако принадлежность своих родителей к иной нации с другим языком. Для длительного сохранения в такой группе этнического самосознания и традиционной культуры требуется определенная критическая масса.

Глава IV «Коми-русские этнокультурные связи» освещает роль русского этнического компонента в формировании народа коми, а также взаимозаимствования и хозяйственных занятий, материальной и духовной культуре.

Массовая русская крестьянская колонизация явилась причиной серьезных изменений этнической карты европейского русского севера. В ходе этой колонизации преобладает процесс ассимиляции прежнего финно-пермского населения, в бассейнах рр.Лузы, Юга, Сухоны, Северной Двины нижней Вычегды, Пинеги и Мезени, которое постепенно там исчезало частью растворившись в преобладающей русской среде, частью переселившись в другие районы. В ходе этого процесса произошло отмеченное выше изменение территории расселения предков коми на западе и установление западных этнических границ. А в составе населения Вологодской и Архангельской областей обнаруживаются следы ассимилированных предшественников.

В XVII-XIX вв. в связи со стабилизацией этнических границ приток русских крестьян на территорию обитания коми резко сократился и процесс ассимиляци здесь принял как бы обратное направление: отдельные русские переселенцы стали растворяться в преобладающей коми среде. И в зависимости от количества этих переселенцев различной была и степень их воздействия на местных жителей, внося определенную специфику в фамильный состав, в хозяйство, культуру и быт, а иногда и антропологический тип. В определенной мере это обнаруживается у прилузцев и ижемцев.

Последней с преобладанием русских жителей в крае Коми было всего четыре, не считая уездного города. И сохранились они лишь за счет постоянного притока русских рабочих из-за пределов края. Прекращение притока приводило и смешению жителей с соседями коми и даже к утрате этнического самосознания. Так, с.Усть-Вымь, бывшая столица пермских епископов, после переноса кафедры в г.Вологду перестало пополняться новоприходцами, и в XIX вв. русские усть-вымичи,, перемешавшись с коми соседями, уже сами стали коми (Л.П.Лашук).

Заводские поселки действовавшись заводов избежали этой участи, так как заводчики постоянно вначале покупки, а позднее нанимали русских рабочих. Смешение происходило и здесь. Поэтому возле сереговского солеваренного завода появились причисляющие себя к русским Космортовы (кос морт – сухой человек), Кызъюровы (кыз юр – толстая голова) и т.п. Так же было и в поселках других заводов.

Места выхода первых русских переселенцев заводских поселков пока не установлено. Заводчики скупали их по всей России. В XIX в. большинство наемных рабочих было из соседней Вятской губернии. Постоянное коми население в заводских поселках стало значительным лишь к началу XX в.

Между заводским русским и крестьянским коми населением установились широкие брачные связи, носившие, правда, односторонний характер: заводские парни женились на деревенских коми девушках.

Таким образом, этнические контакты между русскими и коми в XVIII-XIX вв. в основном развивались в полосе этнической границы и вокруг заводских поселков. на периферии этнической территории коми русских новоприходцев практически не было.

Однако взаимоконтакты в области хозяйственной и культурной жизни продолжали развиваться по-прежнему.

Край коми рано вошел в разнообразные хозяйственные т торговые связи с соседями. Затем он включился в систему всероссийского рынка. В нем и по соседству появилось много торжков и ярмарок. Местное население стало привыкать к рынку для продажи своих и приобретения нужных товаров. Широкое проникновение и крестьянское хозяйство

коми различных покупных предметов и орудий труда, одежды и обуви, продуктов питания и т.д. свидетельсвует о том, что замкнутость хозяйства северного крестьянства была весьма относительной.

Через торговлю и прямые контакты к коми приходила масса заимствований во всей области хозяйства и культуры. Этот процесс проходил постоянно в течение многих веков, начиная с XI в.

В бассейн Северной Двины прямые предки коми пришли, уже владея основами земледелия, вероятно, в подсечно-огневой форме. Все последующее развитие земледелия проходило под влиянием русского крестьянства. Появились и трехпольная система землеобработки, и русская соха (гöр), и новые огородные и полевые культуры.

Точно также древние коми до прихода в бассейн Северной Двины были знакомы со скотоводством и имели кое-какой домашний скот, но на новом месте в новых условиях развитие скотоводства получило дополнительный стимул, так как заливных лугов на берегах рек было достаточно для разведения скота, а вот отвоевывать пашню у леса было весьма трудно. Поэтому земледелие у коми долгое время развивалось медленнее, чем скотоводство. На новом месте коми пришлось заново осваивать систему содержания скота в таежных условиях и соответственно позаимствовать, вначале у своих западно-финских соседей, а затем у русских, под влиянием которых и пошло потом развитие и усовершенствование животноводства у коми, естественно по мере развития такового же у самих русских.

Следует подчеркнуть, что медленнее внедрялось лишь использование лошади в качестве рабочей силы. Только развитие извоза в зимнее время и привело к разведению лошадей. Поэтому в хозяйстве коми крестьянина преобладали разные сани и волокуши. Телеги же не получили распространения.

Рассмотрение развития крестьянского ремесла создает такую же картину. Древние пермяне были знакомы с металлообработкой, ткачеством, прядением, изготовлением одежды и обуви, утвари, посуды и т.п. Все эти виды ремесла и ряд новых, а также некоторые промыслы в дальнейшем развивались и усовершенствовались под русским влиянием, что подтверждают соответствующие заимствования. Не будем утверждать, что каждое заимствованное слово означает появление в бытовой практике коми чего-то нового ранее им неизвестного, но несомненно, что воспринятое чем-то импонировало, чем-то отличалось в лучшую сторону от имевшегося до него. Так, для подсечно-огневого земледелия была необходима борона и таковая имелась. Эта была суковатка под названием пиня, но она не была пригодна для работы на пашне и вместо нее была воспринята другая – агас. Так было и во многих случаях.

Развитие торговли и обмена привело к распространению русских мер и весов, денег и денежные счета. Однако надо отметить сохранение

в денежном счете коми очень старых счетных единиц, вошедших практику еще тогда, когда и на Руси металлические деньги не были в массовом употреблении. Имеются ввиду денежные термины «ур» и «шайт», употребляющиеся в последнее столетие в значении копейка и рубль: ур- в переводе белка, шайт- прут, т.. связка беличьих шкурок, количество которых точно не известно (сейчас по аналогии 1 рубль –100 копеек, считают, что шайт – 100 руб.), но возможно (по старорусской традиции) ур в шайт было сорок. Известно также, что ур в средние века не равнялась копейке: еще в конце XIX в, на верхней Вычегде сохранялось значение 1 копейки – 3 руб.).

Господствующая роль пушнины в коми-русской торговле в период феодолизма явилось причиной появления двойных названий на пушных зверей и некоторых птиц и рыб, причем со временем русские названия совсем оттеснили местные (коми) на роль диалектных.

Изменение самой охоты, превращение ее из средства добычи продовольствия и сырья для домашних производств в источник уплаты налогов и торговли привело к распространению нового термина. Вместо слова «вöравны» (лесовать) стало применяться слово прöмышляйтны. Результат такой охоты – это прöмыс, а итог его реализации- докод.

Собственными орудиями охоты у коми были лук и стрелы, копья и рогатины, различные ловушки из дерева, силки, петли и сети. Знакомство с русскими дало коми ружье (пищаль), железные капканы, компас (матка), порох (порок), дробь (дрöб), а позднее капсули, пистоны, патроны и др. Все это снаряжение называется общим термином вöралан завод (в смысле обзаведение) или вöралан кöлуй (охотничье снаряжение).

Приведенные примеры свидетельствуют о больших заимствованиях в области охотничьего промысла. То же самое можно сказать и о другом исконном занятии коми, о рыболовстве, где в большом разнообразии собственных орудий лова, таких, как гымга, сырп, ботан, кулöм и др., имеются и явно заимствованные: трегубеч, пöплавни и др.

В.Н.Беллицер, отмечая больше сходство орудий лова коми с таковыми же их многих родственных и неродственных соседей, полагает наличие конвергентности. Однако последнее не исключает заимствований.

Все вышеизложенное показывает, что в области хозяственной жизни коми сделали из русской культуры весьма значительные заимствования во всех видах занятий, которые способствовали дальнейшему прогрессу в экономической области и имели несомненно положительное значение.

Изучение материальной культуры коми обнаруживает в ней, так же как и в хозяйственной сфере немало русских заимствований в языке и культуре не уничтожили, а развивали и обогащали ту основу, на кото-

рой формировалась культурно-бытовая общность коми-зырянской народности» [Лашук Л.П.Формирование народности коми. М., 1972, с.258].

Поселения и жилища коми исследованы нами в ряде работ. русским заимствованиям в народном жилище коми посвящена специальная статья. исследования показывают, что при наличии большой общности у коми и северных русских сохраняются определенные особенности в расположении построек, крестьянского двора, в устройстве жилых и хозяйственных построек, их оформлении, деталях и т.д.

Поэтому совершенно не правы те исследователи (И.В.Маковецкий, А.А.Шенников), которые считают поселения, усадьбы и жилища коми типично русскими, хотя внимательные краеведы конца XIX-начале XX века видели различия (С.Серогель, Б.Бессонов). Специфика более заметка в восточных районах расселения коми. В западных же более отчетливо выявляются русские заимствования.

Для XV-XVII вв. для коми было очень типично гнездовое расположение поселений: мелкие деревни и починки группировались вокруг погоста. Это явление освещено М.В.Витовым по данным новгородских переписей. С укрупнением поселений постройки в них располагались беспорядочно. Позднее получило распространение рядовое расположение по берегу реки в один, затем в два и три порядка. Уличная планировка поселений у коми распространения не имела, за исключением Прилузья.

Первичные самостоятельные срубные постройки изба (керка), клеть (кум), дверь с хлевом (карта) объединились в единый комплекс в XVII-XVIII вв. под русским влиянием и сохранили русское название коромина (хоромы). До этого типичным было свободное расположение строений на открытом замкнутом дворе. Сложилась трехраздельность жилища. При этом в западных районах жилая часть стояла под двускатной крышей, которая продолжалась и над повитью. В восточных районах жилье покрыто одним скатом кровли, а повить другим и на улицу дом обращен навесом крыши. Тогда как на западе фронтоном.

Внутренняя планировка избы западных районах северо-великоруссая, а восточных еще в I половине XX в. широко сохранчлась древняя форма планирования с расположением кухонной печи в углу, в глубине помещения с устьем, обращенным в сторону двери. Там же в глубине помещения находились полати. Вплотную к печи- вход в голбец через невысокую пристройку. На ней в стене – небольшое оконце для освещения (паччер öшинь). Вероятно, в период применеия черных печей оно служило дымоходом. В зимнее время на голбце обитали старики, висела люлька, у окошка женщины пряли.

В восточных районах летняя и зимняя избы имели одинаковую планировку. В западных же летняя горница могла вместо русской печи от-

папливатьсч голландкой (встречались холодные горницы). Она не имела полатей и голбца. Но редкая летняя часть состояла из кухни и комнаты. Поскольку заимствования попадали из разных соседних районов: с Вятки, с ЮгаЗаимствованич органически сливаются с местной традицией. Большое распрстране–Сухоны, Пинеги, Мезени, Низовой Печоры и более дальних мест жилые и хозяйственные постройки в западных районах ком отличаются большим разнообразием. Особый интерес представляет встречающаяся на Удоре боковая зимовка, которая бывает и на низком и на высоком подклете. Истоки ее, видимо, надо искать в мезенской скотной избе (М.Б.Едемский). Здесь же был распространен обычай содержать коров в подполье под зимней избой.

Традиционные постройки коми одноэтажные. Двухэтажность народному зодчеству коми не характерна. Единственным исключением из этого правила являются двухэтажные строения коми ижемцев. Их массовое распространение на нижней Печоре в конце XIX – начале XX вв. не свидетельствовало об экономическом расцвете, ибо основная масса ижемцев жила как бы «в кредит» (С.В.Мартынов). Ижемский тип жилища близок померским типам. Фактически это единый многокомнатный дом без деления на зимнюю и летнюю половины, со специфичной внутренней планировкой.

Таким образом, в народном жилище коми выявляются многочисленные русские заимствования, однако в нем сохраняется и своя специфика. Заимствования органически сливаются с местной традицией.

Большое распространение влияние русской культуры выявляются при изучении и других элементов материальной культуры коми. Очень убедительные примеры можно привести при рассмотрении народной одежды коми. Предметы одежды и обуви стали объектом торговли уже в XVII в. и местное население приобрело на ярмарках, а затем и в лавках самые различные товары. Таможенные книги и другие архивные источники позволяют не только восстановить весь комплекс одежды в XVII- XIX вв., но и проследить его особенности по сезонам, по полу и по возрасту, существненно пополнив тем самым этнографические данныею

Кроме торговли, культурный взаимообмен осуществлялся и путем взаимопосещений мастеров-ремесленников. Портные, пимокаты, набойщики и др. из коми селений ежегодно ходили в поисках заработка чуть не по всей России. особенно многие отправлялись в Сибирь. Отходничество сыграло весьма важную роль в распространении взаимозаимствований. В частности, они весьма отчетливо проявляются в сближении орнаментальных схем и систем. И не столько путем приобретения готовых изделий, сколько путем введения чужих элементов, отдельных фигур и т.д. в свою схему.

В.Н.Белицер, говоря о искусстве коми, указывала, что «развиваясь в основном во взаимодеймствии с русским народным искусством, оно сохраняло в то же время свои национальные формы (вязанные изделия, тканевые пояса), по-новому перерабатывая попавшие в его среду образцы» [Белицер В.Н. Народное изобразительное искусство коми// Краткие сообщения Института этнографии. М., 1950. вып. X. С. 28].

В одежде соседних русских влияние коми, в основном, прослеживается в элементах прикладного искусства, особенно в орнаменте, ибо красоту искусства, язык орнамента можно понять и воспринять, не зная разговорного языка другого народа.

Ярким примером взаимовлияния коми и русского народов друг на друга является возникновение мезенской росписи. Она единственная среди русских рукописей плодотворно развивала геометрический орнамент. Несомненно, что мезенская роспись является синтезом культур обоих народов.

Русские заимствования выявляются также при изучении мебилировки, утвари и посуды. Богата ими и народная пища коми. Здесь прежде всего следует подчеркнуть распространение новых продуктов через торговлю, а также введение в обиход новых культур и способов их заготовки и хранения, обогащение ассортимента питания. Обратных заимствований существенно меньше.

В общественном и семейном коми также вполне отчетливо выявляются широкие заимствования. И причины здесь не только в стихийном проникновении, но и в результате активного воздействия государства и церкви. Общественный быт государственных крестьян и категории которых принадлежали коми, регламентировался и направлялся правительством и администрацией. Семейный быт регламентировался и контролировался церковью. Поэтому естественно большая близость в организации быта, празднеств и различных ритуалов у коми и русских. Однако полной идентичности в организации семейного и общественного быта не было. Сохранялась определенная специфика в деталях и нюансах, как например, в двойной терминологии для членов семьи и родственников: муж (верӧс и мужик), жена (гӧтыр и баба), отец (ай и бать), тетя (ичинь и тьӧт), свекор (айка и батюшка) и т.д.

Важные факты дает анализ коми фольклора. выявлены две песенные традиции в похоронных причитаниях. И если в вычегодской преобладают образы типичные для коми, то в удорской существует сплав северно-русской и коми традиций с сильным русским воздействием. В фольклоре коми не сложилось былинного богатырского эпоса, но широко распространены русские былины, особенно об Илье Муромце, правда не редко в прозаическом пересказе на коми языке. Однако отдельные эпические сказания о богатырях-охотниках (Пера-богатырь), эпические песни и баллады (Педӧр Кирон), предания на историческую тематику и

о деятельности выдающихся колдунов и Стефана Пермского были широко известны.

Рассмотрение жанров и образов коми фольклора показывает наличие русского влияния. Так, сказочный медведь Гундыр – то ли волшебный медведь, то ли хозяин леса в образе медведя – стал представляться в виде многоголового змея Горыныча, а хозяйка лесных зверей Ема приобрела черты русской Бабы-Яги. Хотя и Гундыр, и Ема – реликты дохристианских верований коми.

Широкое распространение среди коми имели русская народная песня и частушка, иногда в переводе на коми язык, исполнявшиеся под аккомпанемент гармонии и балалайки. некоторые мастера этих инструментов получили мировую известность (С.И.Налимов). Распространенными местными инструментами были различные дудки и струнный сигудӧк. Последний исследователи сравнивают с древнерусским гудком (П.И.Чисталев).

Изучение семейного и общественного быта, а также и духовной культуры коми показывает наличие глубокого и разностороннего воздействия русской народной культуры. Прослеживается также влияние русской профессиональной культуры на народную культуру коми.

Глава V «Историко-культурные связи коми и ненцев» утверждает, что первые контакты коми с ненцами произошли в XII–XV вв. в период походов новгородцев, а затем московских воевод в Печору и Югру. В ходе этих военных походов появились первые русские поселения в низовьях Печоры, в которых обосновались также и коми. Книга платежница «Поморские Пустозерские волости» 1574–75 гг. сообщает, что в городе проживают «пермяки крещеные на тяглой земле», всего 52 двора, «а людей в них» 89 человек. Это было весьма значительное население, если учесть наличие жен и детей у большинства дворовладельцев.

Первоначальные контакты вследствие вторжения пустозерцев в родовые промысловые угодья ненцев не были мирными. Между коми и ненцами отношения стали улучшаться с заимствованием оленеводства. В языке коми закрепилось более ста слов, связанных с ним. Исследователи, как правило выпячивают отрицательную сторону прихода коми оленеводов в тундру. безусловно, эти отрицательные явления существовали (захват пастбищ и их истощение, эксплуатации и разорение экономически слабых ненцев и т.п.), но, во-первых, эти факты достаточно поздние; они относятся ко времени вторжения в тундру капитализма и являются результатом хищнической деятельности крупных оленеводов, заинтересованных в обогащении любым способом. Во-вторых, они не свидетельствуют об отношениях народных масс друг к другу. Первые оленеводы коми были неопытны, их стада малочисленны. Поэтому они нуждались в помощи опытных оленеводов-ненцев, учились у них, вместе пасли стада. И если в летнее время стада шлик морю в ненецкие

тундры, то на эту зиму они перегонялись в леса на территории коми (южнее Печоры в район верховьев Мезени, выми, Ижмы, Вычегды). Группа нижнепечорских коми, включая ижемцев и остатки пустозерцев, в середине XVII в. была весьма малочисленной и не могла нанести ущерба ненцам.

Формирование ижемской группы коми происходит в основном в XVIII в., и, очевидно, это прочно связано с глубоким освоением оленеводства как необходимым элементом процесса приспособления к новым условиям обитания. В этот период создаются ижемский тип оленеводства (он завершается в XIX в.), и коми выходят в тундру уже как знатоки, специалисты своего особого типа оленеводства. Усовершенствования коснулись всех сторон оленеводческого хозяйства и быта. именно поэтому, осознав преимущества нововведений ижемцев, ненцы начали вводить их и у себя.

Для этнокультурных отношений коми и ненцев характерен широкий взаимообмен, существенно сблизивший оба народа. Ни с каким иным северным соседним народом у коми подобных отношений не сложилось. И оленеводство сыграло в этом важнейшую роль. Выход ижемцев в тундру увеличил этническое смешение и сближение. Результатом его является появление в среде ижемцев чисто ненецких фамилий (Хатанзейский, Валейский и т.п.), ненецких антропологических серт в некоторых семьях ижемцев, и особенно сложение особой смешанной коми-ненецкой группы колвинцев или колвинских ненцев (самоназвание колва-яран).

На распространение смешанных браков оказал влияние и более высокий хозяйственно-культурный уровень коми, вызвавший у ненцев желание приобщиться к ижемцам. Отсюда восприятие многих элементов культуры и быта, переход на коми язык и в некоторых случаях даже причисление себя в коми-ижемцы, женитьба на ижемках, переход к оседлости. И если само оседание вызвалось чисто экономическими причинами, то формировался этот быт, по возможности, по ижемскому образцу.

Свидетельством большой близости коми и ненцев в области духовной культуры является уникальный ижмо-колвинский эпос. Научный анализ убедительно доказывает его совместное создание двумя народами [Микушев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973. С. 62–80].

Культурное воздействие коми на европейских ненцев было весьма разносторонним, особенно на оседлых. Безусловно на ненцев оказывало большое влияние и русская культура, но рассмотрение ее влияния не входит в наши задачи.

Подчеркнем также, что несмотря на широкие взаимозаимствования оба народа (и коми и ненцев) сохранили свою культурно-бытовую спе-

цифику. У них осталось много чисто своего и в большом, и в малом. Хотя у них сложились весьма тесные контакты и ни одного другого северного народа коми не сделали столь много заимствований.

Глава VI рассматривает «Культурно-исторические взаимоотношения коми с ханты и манси», в которых выявляются свои особенности. В отличие от взаимосвязей с ненцами коми у ханты и манси не сделали больших заимствований, тогда как в культуре обских угров их много. Лингвисты (Тойвонен, Редэи) находят 350–380 относительно бесспорных заимствований из коми языка, относящихся к области как материальной, так и духовной культуры, сфере быта и другим сторонам жизни и деятельности человека, явлениям природы и т.д. Причем древнейшие заимствования они относят к X–XIII вв. (К.Редэи, Д.Фокош-Фукс). В связи с этим выдвинута гипотеза (П.Хайду) о возможности существования в какое-то раннее время коми-обско-угорского единства. Эта гипотеза в определенной мере объясняет специфику древнейших заимствований ханты и манси, ибо они могут оказаться не заимствованиями, а общим пластом, особенно в сфере духовной культуры. Однако это явление должно было иметь место достаточно давно в общекоми период, что исторически пока не выявляется. Возможен другой вариант: длительное сосуществование на общей территории, которое кажется, прослежено археологами в Прикамье. Данный вариант, представляется более вероятным.

Поздние заимствования лингвисты (К.Редэи) относят с XVIII–XIX вв. Исследование исторического процесса не подтверждает эту позицию. Достаточно широкий фронт контактов коми с ханты и манси существовал до XVII в. включительно, только в XVI–XVII вв. они контактированы уже за Уралом (а раньше в Приуралье).

Затем в XVIII – I половине XIX вв. во взаимосвязях произошел несомненный резерв, который исчез в результате переселения коми ижемцев в Зауралье на земли ханты и манси.

Конкретное изучение заимствований показывает, что основы земледелия и животноводства были восприняты от коми, а в охоте и рыболовстве – исконных занятиях обских угров заимствований мало. Под влиянием коми была усовершенствована металлообработка и некоторые другие ремесла.

В области материальной культуры заимствования выявляются в жилых и хозяйственных постройках: некоторые типы жилищ (З.П.Соколова), устройство жилищ особенно внутреннее (К.Редэи); в элементах одежды и обуви, их деталях (Т.А.Крюкова, З.П.Соколова, К.Редэи); в орнаменте (С.В.Иванов, У.Т.Сирелиус) и т.д. Одновременно следует отметить, что коми сделали существенно меньше заимствований у у ханты и манси, в основном в области рыболовства, между ними не возникло этнического сближения, не получили распространения

смешанные браки. При больших заимствованиях ханты и манси в области духовной культуры каких-либо совместных произведений фольклора коми и обских угров не возникло. Возможно, в этом случае сыграла отрицательную роль приверженность обских угров своей древней религии, соблюдение ее обрядов и запретов.

Подводя общий итог, можно сказать, что между коми, ханты и манси издавна установилась разнообразные устойчивые взаимосвязи. Коми народ и его культура оказали значительное и разностороннее культурное влияние на обских угров. Это влияние особенно заметным был в середине II тыс. н.э. Однако широкие хозяйственные и культурно-бытовые взаимосвязи не вызвали развития этнического сближения и процесс смешения среди этих трех народов распространения не получил.

В главе VII «Взаимоотношения коми и саамов» рассматриваются контакты этих двух народов, при этом главное внимание уделяется развитию этих отношений после переселения коми ижемцев на Кольский полуостров в конце XIX в. Расселились они в тундровой зоне, в основном во вновь основанных поселениях.

На Кольском полуострове оказалось три оленеводческих народа, причем саамская система качественно отличалась от ижемской. Это привело к определенным трудностям во взаимоотношения коми и саамов. Обе системы сосуществовать не могли. Но поскольку ижемская система была более прогрессивной, она должна была выиграть и поэтому постепенно саамы вынуждены были перейти на нее. Вслед за этим были восприняты и многие элементы материальной культуры, прежде всего связанные с оленеводством. Оказал воздействие и сам образ жизни коми оленеводов. Несомненно, что их появление наряду с русскими повлиял на ускорение процесса оседлости у саамов.

Культурное влияние коми прослеживается во внутреннем убранстве, меблировке бревенчатых домов саамов. Вплоть до недавнего времени основным типом костюма оленевода в тундре были меховые изделия ижемского типа. Однако заимствование у саамов не было механическим. Во многих случаях они вносили свои изменения.

Ввиду относительно небольшого периода совместной жизни коми и саамов в духовной культуре он отражения не получил. Не получили развитие и семейно-брачные контакты.

Коми сыграли определенную положительную роль в развитии хозяйства, культуры и быта саамов Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в.

В заключении излагаются общие тоги, полученные в результате проведенного изучения этнической истории и историко-культурных связей коми. Показан процесс расселения коми и формирования их этнической территории, время и этапы этого процесса, а также особенно-

сти оформления этнических границ. В X–XII вв. основное направление расселения предков коми – западное, в XIII–XIV вв. главный поток идет на северо-запад, на юго-западе начинается сокращение территории занятой пермянами. В XV. завершается процесс вхождения коми в состав русского централизованного государства. Крайняя дата –1481 г.

XVI–XVIII вв. – время сложения феодальной народности коми, формирования этнографических групп, активного участия коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока.

Все перечисленные события происходили в процессе разнообразных взаимоконтактов коми с различными, в основном соседними народами. Важнейшее значение среди них имели коми-русские этнокультурные взаимоотношения. Эта проблема рассматривается в первых четырех главах работы, при этом четвертая глава специально посвящена ей. В ней показано, что русские заимствования обнаруживаются во всех сторонах хозяйства, культуры и быта коми. Встречных же коми заимствований в русской культуре существенно меньше.

И, наоборот, изучение взаимосвязей коми с ненцами, обскими уграми и саамами показало наличие большого влияния коми на них. Однако осуществлялось это влияние с каждым народом иначе. Коми много восприняли у ненцев и передали им в свою очередь, среди них распространился процесс этнического смешения, у них сложились совместные эпические сказания.

Во взаимоотношениях с обскими уграми при наличии весьма широкого диапазона заимствований, сделанных ханты и манси, этнического сближения не произошло, и коми, в свою очередь, сделали гораздо меньше заимствований, да и те в период после переселения ижемцев в Зауралье.

Гораздо более кратковременными и соответственно менее эффективными были взаимоотношения коми с саамами.

Исследование показало, что взаимоотношения коми с соседями развивались не всегда мирно, фвлялись сложным процессом, весьма по разному развивались и проявлялись. В наиболее ярком виде они выступают во взаимоотношениях коми и русских, а также коми и ненцев.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. О времени появления коми на Верхней Мезени // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1955. Вып.3. 0,5 п.л.

2. Опыт изучения крестьянского жилища народа коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1956. Вып. 3. 1,5 п.л.

3. Положение крестьян Глотовской слободки во половине XVI в. // Труды Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1957. № 5. 05 п.л.

4. Старая Вишера // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. 3 п.л. Соавтор Л.П.Лашук.

5. К вопросу о заселении Вашки // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. 0,5 п.л.

6. Этнографический уклад населения верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. 3 п.л. Соавтор Л.П.Лашук.

7. К истории народного жилища коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. 1,5 п.л.

8. О русских заимствованиях в народном жилище коми // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1962. Вып.7. 0,5 п.л.

9. К изучению культуры и быта горно-заводского населения Коми края // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. 1 п.л.

10. Занятия крестьян Локчимских селений в конце XIX – начале XX вв. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1963. Вып. 8. 0,87 п.л.

11. Формирование населения Верхней Вычеглы // Всесоюзная конференця по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965. 0,2 п.л.

12. Локчимский этнографический микрорайон // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1967. Вып. 11. 0,3 п.л.

13. К вопросу о южных контактах коми // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967. 0,15 п.л.

14. Быт и культура села. Коми кн. изд-во. Сыктывкар, 1968. 8,81 п.л. Соавтор Ю.В.Гагарин

15. У зюздинских пермяков // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1969. № 6. 0,12 п.л. (На коми языке).

16. В Сибирь в поисках хлебных земель // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1970. № 2. 0,3 п.л. (На коми языке).

17. Современное коми население Западной Сибири // III Международный конгресс финно-угроведов. Таллин, 1970. Ч. II. 0,1 п.л.

18. Крестьянское жилище Коми АССР. Коми кн. изд-во. Сыктывкар, 1971. 7,2 п.л.

19. Коми издавна ходили в Сибирь // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1971. № 11. 0,3 п.л. (На коми языке).

20. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX вв.) // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. 0,4 п.л. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып.13).

21. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в многонациональной культурной среде // Там же. 0,4 п.л.

22. Хозяйство, культура и быт удорских коми. М.: Наука, 1972. 8,0 п.л.

23. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 2,72 п.л.

24. Народная одежда коми в XVII–XVIII вв. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера. Вологда, 1973. Вып. IV. 0,5 п.л.

25. Коми на Кольском полуострове // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1974. № 1. 0,3 п.л. (На коми языке).

26. Коми в Западной Сибири // Войвыв кодзув. Сыктывкар, 1974. № 6. 0,3 п.л. (На коми языке).

27. Взаимоотношения коми с хантами и манси (на коми языке). – «Войвыв кодзув» ,Сыктывкар, 1974, № 10. 0,3 п.л.

28. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. – КФАН, Сыктывкар, 1974. 3 п.л. Препринт.

29. К вопросу о роли коми в открытии Сибири и дальнего Востока. – Сборник «Вопросы истории коми в XVIII-XX вв.» (Труды ИЯЛИ), Сыктывкар, 1975, в.16. 0,9 п.л.

30. Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке СССР. – КФАН, Сыктывкар, 1975. 1,3 п.л. Препринт

31. Заселение коми верховьев р.Сысолы. – Москва, «Наука», 1975. 0,4 п.л. В книге Т.И.Жилиной «Верхнесысольский диалект».

32. Археолого-этнографические аспекты исследования Европейского Северо-Востока. – «Географические исследования в Коми АССР», Ленинград, 1976. 0,3 п.л. Соавтор- В.С.Стоколос.

33. Историко-культурные связи коми и саамов. – «Фольклор и этнография коми» (Труды ИЯЛИ), 1976, в.17. 0,7 п.л.

34. Формирование этнической территории коми (зырян) – КФАН, Сыктывкар, 1977. 1.2 п.л. Препринт.

35. Культура и быт коми в феодальную эпоху. – Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1977. 1 п.л. Глава VII монографии «История Коми АССР».

36. Расселение коми в X-XV вв. (тезисы). – «Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1976-1977 г.», Ереван, 1978. 0,1 п.л.

37. Этнографическое изучение традиционной пищи коми. – «Традиционная культура и быт коми» (Труды ИЯЛИ), 1978, № 20. 0,75 п.л.

38. Как коми женщины стряпали хлеб (на коми языке_.- «Войвыв кодзув», 1978, № 12. 0,4 п.л.

39. Взаимосвязи коми с древнерусскими княжествами в X-XV вв. (тезисы). – «XVI Всесоюзная конференция финно-угроведов», Сыктывкар, 1979, ч.II. 0,1 п.л.

40. Историко-культурные взаимосвязи коми и русских (тезисы на немецком языке). – V Международный конгресс финно-угров, Турку, 1980, ч.II. 0,1 п.л.

41. О русских заимствованиях в хозяйственных занятиях коми.- (Труды ИЯЛИ), 1980 , № 22. 0,4 п.л.

42. О русских заимствованиях в традиционной материальной культуре коми (тезисы).- Вклад северного крестьянства в развитии материальной и духовной культуры, Вологда, 1980. 0,11 п.л

43. Культура и быт коми в феодальную эпоху. – Коми издательство, Сыктывкар, 1981. 0,9 п.л. Глава VII в монографии «История коми» (изд.II).

44. Дифференциация и интеграция традиционной материальной культуры народа коми. – Сборник «Дифференциация и интеграция в материальной культуре финно-угорских народов» (материалы IV конгресса финно-угров), Будапешт, 1981, ч.IV. 0,4 п.л.

45. Расселение древних коми в IX-XIV вв. – Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.), Сборник трудов, Сыктывкар, 1981. 0,86 п.л.

46. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – Москва., «Наука», 1982, 16,9 п.л.

47. Формирование этнографических групп коми (зырян) .- Финно-угорский сборник.- Москва, «Наука», 1982. 1,0 п.л.

48. Пища др.коми (на коми языке) .- «Войвыв кодзув», 1982, № 11. 0,3 п.л.

49. Обзор источников Европейского Северо-Востока. Сборник тезисов, 1982. 0,5 п.л.

50. Торговля продовольственными товарами в Коми крае в XVII-XIX вв. – Традиции и новации в народной культуре коми (Труды ИЯЛИ, № 28), Сыктывкар, 1983. 0,5 п.л. Соавтор – М.А.Мацук

51. Численность населения Коми края в XVI-XVII вв. – археолого-этнологические аспекты изучения Северного Приуралья (Труды ИЯЛИ, № 33), Сыктывкар, 1984. I п.л. Соавтор – И.Л.Жеребцов

52. Этнографическое изучение народа коми. – Вопросы этнографии народа коми (Труды ИЯЛИ, № 32), Сыктывкар, 1985. 0,7 п.л.

53. Проблемы этнической истории коми. – Проблемы этногенеза народа коми (Труды ИЯЛИ, № 36), Сыктывкар, 1985. 0,7 п.л.

54. Коми-зыряне. – Народы Поволжья и Приуралья, Москва, «наука, 1985. 2,2 п.л.

55. Из жизни древних коми. – Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1985. 11,5 п.л. Соавторы – Н.Д.Конаков, К.С.Королев

56. Проблемы этнической истории коми (тезисы к VI МКФУ на немецком языке. – КФАН, Сыктывкар, 1985. 0,1 п.л.

57. Документы по истории народа коми (введение 0,2 п.л. – КФАН, Сыктывкар, 1985. 25 п.л.

58. Этно-культурная специфика прилузских коми. – Крестьяне Коми края (досоветский период) (Труды ИЯЛИ, в.38), Сыктывкар, 1986, 0,6 п.л.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ КОМИ*

Процесс формирования этнической территории коми специально не исследовался, хотя отдельные стороны его получили освещение в работах Л.П.Лашука, Н.Чебоксарова, В.И.Белицер и некоторых других исследователей.

В настоящем сообщении предпринимается попытка на основе археологического материала и данных жалованных грамот, писцевых и переписных книг определить работы обитания коми с XVв. н.э. до начала XX в. и нанести их на карту. Это позволяет проследить процесс формирования этнической территории коми, которая на протяжении указанных веков не оставалась неизменной.

Наше исследование начинается с племен перми-вычегодской – прямых и непосредственных предков коми. Археологические культуры перми вычегодской прослеживаются с IX до XV в. и состыковываются с первыми жалованными грамотами великих князей московских от 1485 и 1490 гг. Данные археологии и исторических источников не только достаточно четко определяют границы расселения древних пермян, но и позволяют положить их на карту. Материалы разведок и раскопок Э.А.Савельевой показывают, что древние пермяне обитатели в основном в бассейне нижней Вычегды и ее притоков Выми, Сысолы, Виледи, а также в бассейне Лузы. Выявляются следующие:

Пермские племена: I- пермяки пинежские, 2 – пермяки удорские (Вашские), 3 – пермяки вымские (вымская археологическая культура), 4 – пермяне нбижневычегодские, 5 - вилегодская перца, 6- лузская пермца (на карте очерчены красным цветом). Данные жалованных грамот, особенно грамоты 1485 г. позволят четко очертить границы перечисленных пермских племен или союзов племен.

Материалы показывают, что в IX-XV вв. границы расселения древних коми проходили гораздо западнее современных. В то де время обширные районы верхней Вычегды, Мезени и Печоры с притоками не были освоены древними коми.

---

* Работа написана в середине 1970-х гг. и представляет собой текст сообщения на научной конференции. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Сохранился сокращенный (полторы страницы) вариант этого же текста, озаглавленный «Формирование этнической территории коми (тезисы доклада)», а также написанный в научно-популярной форме другой текст с аналогичным названием «Формирование этнической территории коми», относящийся к тому же периоду и предназначавшийся, вероятно, для публикации в периодической печати.

В течение XVI-XVII вв. границы расселения Коми существенно изменились. Характерно сокращение территории расселения в западных пределах. Происходит исчезновение коми на нижней Вычегде и Виляди, Пинеге, в нижнем течении Мезени и Вашки, на нижней Лузе. Одновременно идет процесс расселения коми в северо-восточном направлении. В XVI в. заселяются верховья Мезени и Вычегды появляются коми в низовьях Ижмы, на Ниджней Печоре и в ее верховьях.

В XVII в. этот процесс продолжается. К концу столетия южная и западные границы стабилизируются и в последующие века существенных изменений не протерпевают.

Причинами, вызвавшими изменения в расселении коми, являлись: 1) христианизация коми, от которой не желавшие ее принимать родовые коллективы во главе со своими жрецами бежали в глубь тайги; 2) появление княжеской администрации принесшей резкое увеличение налогового бремени

3) расселение по берегам рек русских крестьян-земледельцев.

Эти причины вызвали отлив охотников и рыболовов коми на новые места.

Писцовые книги конца XVI-XVII вв. позволяют достаточно счастливо проследить процесс передвиженя коми с запада на восток и локаризовать на карте новые границы районов их расселения (на карте отмечены синим цветом):

1 – пермские станы на Пинеге, 2 – Удорские волости, 3 – Глотова слобода, 4 – Вымские волости, 5 – Вилегодская Пермца, 6 – Лузская Пермца, 7 – Сысольские волости, 8 – Ужгинские волости, 9 – Верхневычегодские волости, 10 – Ижемская слобода.

Восточная граница этнической территории коми оформляется к концу XVIII в., северная же – в основном к концу XIX в. Однако в отношении последней следует подчеркнуть, что в данном районе сложилась специфическая обстановка. С одной стороны постоянные поселения коми почти все освоены на берегах р.Печоры и ее притоках р.Усы, которые в этом случае можно было бы рассматривать как границу расселения коми-ижемцев, с другой стороны вследствие заимствования оленеводства у ненцев и выхода ижемцев в тундру, четкость этой границы нарушилась и сложилась совместное обитание двух оленеводческих народов (ненцев и коми) на общей территории от Печоры до морского побережья.

Во второй половине XIX-начале XX вв. часть ижемцев переселилась также в Зауралье на земли зауральских ненцев, хантов и манси. В результате этого возникла определенная нечеткость этической границы и в северо-восточной части расселения коми, хотя основной рубеж по Уральскому хребту остался прежним.

Таким образом, к началу XX в. окончательно сформировалась этническая территория коми. Современные границы Коми АССР в основном соответствуют этническим. Отклонения возникли вследствие включения в состав Коми АССР Усть-Цилемского района и ряда сельсоветов в пограничных зонах, заселенных русскими, и Большеземельской тундры с ненецкими и смешанным коми-ненецким населением.

Пограничная зона между оседлыми соседями: коми и русскими, коми и коми-пермяками весьма устойчивая и четкая. Эти соседи живут в общем пограничном (напрмер, Межог, Спаспоруб) или соседствующих селениях (например, по Вашке коми в д.Коптюга, а русских в д.Кеба или коми в д.Дзель, а коми-пермяки в д.Верхлупья) на незначительном расстоянии друг от друга. В единых пограничных селениях (Межог) обычно оба народа расселены по своим концам. Вследствие этого зона контактов между этими народами – хотя и неширокая, зато доступная и постоянная. В районе восточной границы контактная зона не сформировалась. Препятствием служили Уральские горы. Зона смешения сложилась в Зауралье в связи с переселением. Особое положение возникло в зоне северной этнической границы, где сформировалась широкая полоса совместного проживания и кочевания коми и ненцев, в которой создались условия широкого этнокультурного взаимобыта.

Формирование этнической территории коми – процесс многовековый. Характерные черты этого процесса: а) распространение ее в северо-восточном направлении при сокращении в западном, б) узость контактной зоны между коми и оседлыми земледельческими соседями и в) размытость ее между коми и неоседлыми соседями.

Сформировавшаяся этническая территория коми отличается своей целостностью и этническим единством населения.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КОМИ (ЗЫРЯН) И ИХ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

Этногенетическими исследованиями выявлены восемь основных этнографических групп народа коми (зырян), внутри которых выделяются несколько более мелких подгрупп. Время их сложения - XV-XVIII вв., причем более ранние группы, такие как нижневычегодцы (эжватас), вымичи (емватас), сысоличи (сыктылсаяс), прилузцы (лузсаяс, пермяки) и удорцы (удорасаяс) сформировались в XV-XVI вв., а остальные позже, в XVII-XVIII вв. Это - ижемцы (изьватас), верхнепечорцы (печерасаяс) и верхневычегодцы (вылысэжвасаяс). В эти же века сформировались и некоторые подгруппы главных этнографических групп. Так, верхнемезенская подгруппа удорцев сложилась в течение XVI-XVII вв. и слилась с остальными удорцами в XVIII в. В XVII-XVIII вв. сформировалась в составе прилузцев летская подгруппа, а в составе верхневычегодцев малая подгруппа локчимцев (локчимский микрорайон) [1].

Этнографические группы коми в основном совпадают с этнографическими районами: в Удорском районе живут удорцы, в Ижемском - ижемцы, в Верхнепечорском - печорцы, в Прилузском - прилузцы, в Сысольском - сысольцы, в Верхневычегодском - верхневычегодцы, и только вымичи и нижневычегодцы входят в объединенный этнографический Вымско-вычегодский район. В прошлом (в XI-XV вв.) вымичи и нижневычегодцы различались серьезно, и объединение их произошло в связи с резким сокращением группы нижневычегодцев и соответственно сближением оставшихся с вымичами.

Каждая этнографическая группа имеет единый диалект - за исключением сысольцев, у которых наряду с сохраняющимися древними верхнесысольским и сысольским сложился относительно недавно третий присыктывкарский диалект, сыгравший организующую роль в формировании литературного языка. Всего в коми (зырянском) языке выявлено десять диалектов [2].

Параллельно с формированием этнографических групп шло освоение этнической территории и оформление этнических границ коми [3]. Одновременно происходили крупные переселения коми далеко за пределы своей этнической территории [4]. Однако из этих переселенцев сохранились до настоящего времени в виде этнолокальных групп только поздние выходцы из ижемской группы, обосновавшиеся на Кольском полуострове и в северном Зауралье (время их переселения - последняя четверть XIX - начало XX в.). Переселенцы XVII-XVIII вв. полностью растворились в преобладающей иноязычной (однако относительно

---

* Работа написана в 1989 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

близкой культурно) русской среде. Процесс утраты своей традиционной культуры и языка завершился в течение 100 лет. Произошла утрата этнического самосознания.

При небольшом количестве переселенцев практически четвертое поколение утрачивает этническое самосознание, хотя необходимы и соответствующие условия быта и этнического окружения [5]. При большой замкнутости быта устойчивость увеличивается [6]. Однако устойчивость переселившейся группы достигается лишь при наличии определенного количества переселенцев обоего пола, создающего возможность самовоспроизводства, а также при наличии большей специфики культурно-бытового уклада и высокого уровня этнического самосознания, что характерно для весьма своеобразной этнографической группы коми-ижемцев [7].

Культурно-бытовая специфика более ранних этнографических групп сложилась в результате взаимодействия двух главных факторов: а) наличия устойчивого постоянно живущего на данной территории ядра местных коми и б) прилива смешанных (с участием коми компонента) и русских пришельцев. Подобным образом происходило сложение нижневычегодцев, вымичей, прилузцев и сысоличей.

Но этнический состав пришельцев в разные земли коми был не одинаков. Если наличие русского компонента было характерно для всех, то иные составляющие были различны. Для нижневычегодцев типичен факт включения западнофинских выходцев вепсского (чуди заволоцкой) происхождения. Для прилузцев характерны связи не только с вепсами, но также с удмуртами и марийцами. А для сысольцев более устойчивыми были контакты с коми-пермяками и пермяками-зюздинцами.

Более поздние этнографические группы коми (зырян) складывались из переселенцев-коми из разных районов давнего заселения на новые неосвоенные земли, где сразу складывалось смешанное общество. Состав коми переселенцев был различен. Разным был и инонациональный компонент. Указанным образом сформировались ижемцы, верхнепечорцы и верхневычегодцы. Основу первых составили переселенцы с Выми и Удоры, к которым затем присоединились этнически смешанные (в основном, коми-русские) обитатели Пустозерской волости, русские из Усть-Цильмы, а затем - ненцы. В отличие от ижемцев, верхневычегодцы сформировались из выходцев с Выми, Лузы, нижней Вычегды, Удоры и особенно Сысолы, а также небольшого русского и коми-пермяцкого элемента. Верхнепечорцы также складывались из массы переселенцев с Сысолы, значительного числа выходцев с верхней Вычегды; заметно также участие переселенцев со средней и нижней Вычегды, Выми, Удоры, а также из коми-пермяцких (в частности, Чердыни) и ханты-мансийских волостей.

Смешанность состава населения, среда обитания создали определенную культурно-бытовую и языковую специфику этнографических групп, очень четко выявлявшуюся в традиционной культуре коми (зырян) XIX в. [8].

В течение XX в. специфика этнографических групп стала стираться, исчезать, нивелироваться. Причины этого заключались в самом процессе хозяйственно-культурного развития народа коми. Создание промышленности и проведение коллективизации резко усилили подвижность местного населения и внутриэтническое смешение, вызвали отрыв значительной части представителей младших поколений от земли, от традиционных занятий, привели к утрате культурно-бытовых навыков предков. Одновременно шло повышение общего культурного уровня народа, распространение образования, развитие профессиональной культуры и средств массовой информации, усиление организующей роли коми литературного языка. Процесс консолидации народа коми в нацию происходил на основе смешения этнографических групп, утрате ими собственной специфики, перехода на новый культурно-бытовой уклад, базирующийся на массовой общегосударственной культуре, составной частью которой стала развивающаяся современная культура коми. Утрата традиционной хозяйственной и культурно-бытовой специфики в ходе национальной консолидации является серьезным недостатком этого важного и прогрессивного процесса.

Литература и источники.

1. Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. - М., 1982; Он же. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. - М., 1982; Он же. Локчимский этнографический микрорайон // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Вып. 11. - Сыктывкар, 1967; Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Старая Вишера // Историко-филологический сборник. Вып. 4. - Сыктывкар, 1958.

2. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. - М., 1971; Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. - М., 1975; Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. - Сыктывкар, 1976; Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. - Сыктывкар, 1976; Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966; Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978; Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. - М., 1985.

3. Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян). Серия препринтов "Научные доклады", вып. 31. - Сыктывкар, 1977; Лашук Л.П. Формирование народности коми. - М., 1972.

4. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV-XIX вв. - Сыктывкар, 1972; Он же. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. - М., 1982; Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во

II половине XVI-XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 16). - Сыктывкар, 1975.

5. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами; Он же. О степени устойчивости элементов традиционной культуры коми в инонациональной культурной среде // Этнография и фольклор коми. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 13). - Сыктывкар, 1972.

6. Бараксанов Г.Г., Конаков Н.Д., Рочев Ю.Г. Омские коми. Серия препринтов "Научные доклады", вып. 167. - Сыктывкар, 1987.

7. Котов О.В. Этническое самосознание кольских коми. Серия препринтов "Научные доклады", вып. 178. - Сыктывкар, 1987; Он же. Оценка этнической стабильности кольских коми по факторам пола и мобильности // Вопросы этнографии народа коми. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 32). Сыктывкар, 1985; Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г. Ижемские коми на Кольском полуострове. Серия препринтов "Научные доклады", вып. 99. Сыктывкар, 1984; Котов О.В., Рогачев М.Б. Сравнительные характеристики коми сельских семей Кольского полуострова и Коми АССР // Семья в условиях развитого социалистического общества. - Махачкала, 1985; Котов О.В., Рогачев М.Б. Национально-смешанные браки в локальных группах коми: 20-70-е гг. XX в. // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1984-85 гг. (тезисы докладов). - Йошкар-Ола, 1986.

8. Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян); Он же. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами; Он же Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края. (Труды ИЯЛИ КФАН СССР, вып. 38). - Сыктывкар, 1986.

К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ КОМИ-ЗЫРЯН*

В сентябре 1966 г. группа этнографов Коми филиалов АН СССР посетила Афанасьевский район Кировской области, в котором обитает своеобразная этнографическая группа зюздинских пермяков зюздинских пермяков. Их селения расположены в верховьях реки Камы. Территориально зюздинцы расположены между коми-зырянами на севере, коми-пермяками на востоке и удмуртами на юге. В самом Афанасьевском районе вперемежку стоят русские и коми деревни. Все это, несомненно, влияет на быт и культуру зюздинцев. Русское влияние там, конечно, очень сильное. Те и другие совместно проживают в одних и тех же деревнях, носят одинаковые фамилии и одинаково говорят на обоих языках. Много смешанных семей. В том же Кытмановском сельсовете из 128 переписанных семейств, 102 однонациональных (46 пермяцких и 56 русских) и 26 разнонациональных (20 пермяцко-русских, 5 русско-пермяцких, 1 удмуртско-русское) [1]. В процентном выражении однонациональных браков – 79,6%, а разнонациональных – 20,3%, при этом значительно больше пермяцко-русских – 15,6%.

Кроме того следует указать, что исходя из наличия одинаковых фамилий, можно говорить об обрусении зюздинских пермяков. В последнее время этот процесс особенно усилился, так как обучение ведется только на русском языке. В довоенное время у них были в ходу учебники на коми-пермяцком языке. Имелись учителя, подготовленные для преподавания на родном языке. В том числе были и из коми-зырян. Учебники же зюздинцы получали из Коми-пермяцкого округа. Сейчас ничего этого нет. Связь с Округом прервалась. Только молодежь все еще в какой-то мере едет учиться в Сыктывкар, в пединститут, так как в Коми-пермяцком национальном округе сейчас своего вуза нет.

Местное население встретило нас исключительно хорошо. Все старались помочь в нашей работе. Особенно их радовало то, что наш коми язык им понятен, он оказался очень близким к их говору. Это подтверждается анализом языка жителей Кытмановского сельсовета. Но произношению и по словарному фонду он очень близок южным коми гово-

---

* Работа написана, вероятно, в 1967 г. В тезисной форме поставленные в ней вопросы освещены в небольшой публикации «К вопросу о южных этнических контактах коми» (сборник «Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания», Сыктывкар, 1967. С.87-88). Л.Н.Жеребцов предполагал написать книгу очерков, посвященных этнокультурным контактам коми с другими народами. Публикуемая по машинописной копии из личного архива составителя работа представляет собой первый из запланированных им, но, к сожалению, так и не написанных очерков. Постраничные сноски оригинльного текста вынесены в конец статьи.

рам. В 30-е годы зюздинцы учителей получали из Коми АССР, так как их язык был им ближе, чем диалекты соседних коми-пермяков.

В настоящее время эти связи нарушены, и мы отправляясь к зюздинцам даже не предполагали, что сможем с ними разговаривать на родном языке.

Правда в настоящее время изученная группа зюздинцев двуязычна и свободно говорит на коми и русском языках. Более того, в связи с многовековым обещанием современный зюздинский диалект представляет смешение русских и коми слов. В разговоре они потребляют слова одновременно на обоих языков. Более того, они уже забыли многие свои слова и заменили их русскими. Так, например, для обозначения цветов они употребляют русские слова: красной, синей, зеленой, но знают, что их деды говорили иначе и вспоминают некоторые слова, вроде гӧрдыд, сьӧд, еджыд. Вот небольшая для примера подборка слов: лабидз (лавка), пызан (стол), джодж (пол), потолок, чуман (коро), нылка (девушка), зеп (карман), горт (дом), зер (дождь), дыш (лень), челядь (дети), яй (мясо), лун (день), олӧм (жизнь), удж (работа), вир (кровь), син (глаза) и т.д.

Можно привести также несколько типичных фраз из разговоров местных жителей.

- Сьой, сьой, чӧскыд дак сьой (ешь, ешь, вкусно так ешь).
- Ог любит ме паськыд кофта, мешайте сие (Не люблю я широкую кофту, мешает она).
- То ли мен дыш, то ли ме ог вермы, не заболела бы дак, верми страпайтны. Не считала за труд. Кутшӧм сие труд. Миян мужикъяс ӧдъен любитӧны страпайтӧм.
- Небыд яйек-тӧ сей.
- Я выхлебала, шань уже.
- Кин пондан олнысӧ. (Где будешь жить-то).
- Кор-нӧ уджавныис? Сидит самые молодые годы. Мед-кӧ сылӧн киис вӧли чуткӧма (Пусть-ко ее руки были уколоты).
- Бабыд ӧдьен же не рада, видӧ же да, неделяӧн пируйтӧ, юӧ. (Жена-то очень не рада, бранит же бы да, но неделями пирует, пьет).
- Котомкаяс ог тӧд кӧн (Котомки не знаю, где). Се равно, мый кышалны (Все равно, что одеть) и т.д.

Примеры показывают современный словарный состав зюздинцев. Во всяком случае в Кытмановском сельсовете многие местные слова очень близки к диалектным южных коми. Но, это, не везде так. В других сельсоветах зюздинцев говор возможно ближе к коми-пермяцкому языку.

В культуре зюздинцев также наблюдаются определенные черты близости с культурой коми-пермяков и южных коми-зырян.

Земледелием зюздинцы занимаются издавна. Знали они и подсеку. Лес рубили весной, за лето высыхал и осенью его сжигали и сеяли рожь. Урожай с подсеки собирали только один раз. Старой культурой был лен. Он шел на изготовление одежды. Ткали женщины сами на две – четыре нитченки, сложнее не умели. Старики припоминают, что прежде имела распространение и охота. На промысел ходили в одиночку. Пользовались в основном капканами и петлями. Важную роль в хозяйстве играло скотоводство. Скот был издавна разнообразный: коровы, лошади, овцы и свиньи. Сена всегда не хватало и поэтому выгоднее было держать на мясо свиней. Труд был сплошь ручным; техника примитивная, позднее появились деревянные сохи, бороны и косы горбуши (у некоторых литовки), да серпы [2].

Села состоят из десятка отдельных мелких населенных пунктов. Например, Кытмановский сельсовет в настоящее время объединяет 18 деревень: Димитриевская, Васильевская, Игнатовская, Мишевская, Максимовская, Акимовская, Новоселы, Герасимовская, Ильинская, Денисовская, Ивановская, Черская, Рагоза, Титово, Ильюши, Таскаево, Порубово, Креж. Все они разбросаны по вершинам береговых увалов. Река Кама в этих местах очень узкая, летом ее переходят вброд. Лес вокруг вырублен. Увалы открыты всем ветрам, которые там очень сильные. Деревни растянутые. Дома стоят в один-два порядка. А местами сохраняют полную беспорядочность. Вокруг деревни поля. Фасады домов обращены к свету, в основном на юг и юго-запад. Зелени в деревнях нет.

Дома, как правило, одноизбные, двухизбные очень редки. Планировка избы северно-великорусская. Печь обращена устьем к окна. Там, где у коми-зырян вход в голбец, у зюздинцев – хозяйственное помещение. Голбца-подполья под домом у них нет. Высота дома относительно небольшая, внутренние помещения также не высокие. В переднем углу избы широкие массивные лавки (лабич) и стол (пызан). Над дверями – полати. В углу у двери – деревянная кровать. Как правило, никаких занавесок внутри помещения нет. Нет и перегородок. Тип и обстановка сближаются с коми-пермяцкой. Связь жилой части дома с двором двурядная. Дома все строились без фундаментов. Сейчас начинают подкладывать под углы стульчики.

До сих пор практикуют помочи для подъема сруба и битья печи. И та, и другая работа требуют всего один день. Для битья печи глину заготовляют заранее. На помочи созывают шесть мужчин-специалистов и большое количество помощников для подноски глины, досок для каркаса и т.д. Помочан угощают пивом и брагой, иногда покупают водку и вино. Сырцовый кирпич в Кытманове не делают. Покупка обожженного кирпича требует средств, да и поблизости его тоже не изготовляют. А глина есть рядом. Печи в избах всегда русские. С выбором места под

постройку дома связаны определенные суеверия. Приведу рассказ М.С.Артемихиной (55 лет):

Выбирали место под постройку по-разному. Обычно, если не везет на старом месте: то скот болеет, то нажитка нет уходили на новое место. Мы молодые были, одинаковые, стариков ни у меня, ни у него не было, научить никто не мог. Может, мы когда строились, что-то не так сделали, но вот бьемся как рыба о лед, а ничего не получается. Все нажитка нет, все скот болеет. Ветфельдшер и тот сказал, что надо место переменить. Может, мы как дом строили, неумело место выбирали и чего-то не сделали, вот и вошло. А другие чуть шевелятся, а все складывается ладно. Одна женщина так место себе выбирала. Она утром хлеб напекла, сложила его в кузов и с ним пошла. Потом выбрала место, высыпала хлеб на землю и сказала: здесь жить будем. И теперь хорошо живут. Под матицу при строительстве и теперь кладут деньги.

Современная одежда в Кытманове обычного городского типа, старинной уже совсем нет. Сохраняются в употреблении только лапти. Они считаются удобными осенью и при уходе за скотом. А вообще самая любимая обувь зюздинцев – это сапоги. У женщин – обычно резиновые. Пальто по местному – гуня. Так же называли свое пальто рабочие кажимских заводов [3]. Однако традиционная местная одежда отличалась от коми-пермяцкой. Зюздинцы уверены, что они не знали ни подобных коми-пермяцким головных уборов, ни узорных поясов. Отсутствовало красочное вязание и тканье. Одежду изготовляли из пестряди и холста. Окрашивали его покупными красками. Как уже отмечалось, у них не сохранились даже местные названия цветовой гаммы.

Определенные черты своеобразия имела и народная пища. Хлеб сейчас покупают в магазине готовый. Но продавать его здесь стали лишь с 1964 г. Раньше стряпали дома. Впрочем, как утверждают хозяйки, тамошние мужчины и до сих пор предпочитают домашний хлеб. Прежде мололи зерно на водяной мельнице. Но ручные жернова в доме также имелись для изготовления ячменной крупы на кашу. Широко употребляют зюздинцы в пищу картофель. Для срочности есть свой способ печения картофеля в русской печи на огне. Для этого крупный картофель разрезывается пополам вдоль, посыпается солью и раскладывается плоской стороной вверх на сковороде, которую ставят в печь. У коми-зырян такой способ не известен. Называют такую печеную картошку ватрушками. Любят жареный картофель со сметаной.

Мясо летом хранят сушеным. Для этого его нарезав кусками солят и держат в рассоле с неделю или две, затем вывешивают под крышей, где оно постепенно высыхает. Снимают по мере надобности. Из него варят супы и так называемую резану. Для нее сначала варят сухое мясо, затем кладут картофель и опять варят, затем добавляют муку и доваривают окончательно. Употребляют молоко и молочные продукты (про-

стокваша – пастракиша). Масло предпочитают топленое. Сбивают его сами. Любят соленую пищу. Отсюда же, видимо, и большое распространение кислого кваса. Чай не употребляют совсем и даже не умеют заваривать. Изредка кипятят плоды шиповника (шипица).

В целом вся материальная культура зюздинцев близка к коми-пермяцкой и окружающей русской. Есть некоторые черты, сближающие ее с культурой коми Прилузья и Сысолы. Но здесь скорее общим является заимствованное у соседних русских.

Если говорить о бытовых особенностях, то можно отметить, что местное население в прошлом были староверами-поповцами. И сейчас еще встречаются в избах медные иконы-складни. А раньше были три отдельных общины и три молельни со священниками. На большие праздники попы съезжались и служили совместно. Все обряды совершались в храме. Резкого отделения от православных не было. Своя посуда, правда, была, но иконы от православных не закрывали. Сейчас все это отошло. Действующих храмов вокруг нет. Обряды исполнять некому, но религиозность сохраняется. Особенно бытовые суеверия. Выше приведены верования, связанные с жилищем. Сохраняются представления и об истинности старых книг, что в них будто бы предсказано будущее. Приводят в качестве примера утверждение о том, что всю землю в будущем оплетут тенета. Это, будто бы, предсказание о современных проводах.

Ходит много рассказов о колдунах и еретниках и, в частности, о коновалах. Местные колдуны считались злыми и вредными. Коновалы же по преданиям приходившие к ним из зырян, были сильными и добрыми. Их уважали и боялись, стремились иметь с ними дружбу. Коновалы кастрировали животных, лечили их, а попутно, как могли, помогали и людям. К ним обращались за помощью те, кто считал и себя пострадавшими от местного колдуна. Коновал считался сильнее его и будто бы мог снять нанесенную последним порчу.

Все вышеприведенные примеры как из области лингвистики, так и этнографии, приведет к убеждению в существовании давних и длительных контактов верхокамских пермяков с коми-зырянами. В этом плане большой интерес представляет анализ фамильного состава зюздинцев. Например, в Кытмановском сельсовете распространены фамилии Порубовы, Кытмановы, Сюзевы, Артемихины, Варанкины, Ожегины, Гудовских, Ичетовкины, Русских, Бисеровы, Череневы, Булычевы. И в соседних сельсоветах живут Першины, Носковы, Братчиковы, Коньковы, Харины, Шмырины, Селезневы и др. Что привлекает внимание в этом перечислении. Прежде всего “зырянское” звучание многих и буквальное их совпадение с сысольскими и прилузкими фамилиями, например, Ичетковы, (Ичеткины), Сюзевы, Носковы, Харины, Першины и т.д.

Литература и источники.

1. Архив Кытмановского сельсовета. Похозяйственные книги.
2. Там же.
3. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II пол.XIX – начале XX вв.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. VII. С.135.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КОМИ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ*

1. Данная проблема специальному исследованию не подвергалась. В отдельных публикациях встречаются кое-какие сведения по данному вопросу, но обобщений не имеется. Однако сама проблема весьма актуальна и заслуживает пристального внимания, так как этнокультурные связи являются необходимой составной частью этнической истории народа.

2. Начало этнокультурных связей населения Европейского северо-востока с соседями уходят в глубокую древность. Предки коми представляют собой сплав многих племен и народов. Особого внимания заслуживают связи прямых предков коми – вычегодских пермян с дальними и близкими соседями: русскими, манси, хантами, ненцами, марийцами, вепсами, саамами и т.д. Многие из них оказывали заметное влияние на формирование коми.

3. Взаимоотношения коми с русскими происходили в течение большого исторического периода. Отчетливо прослеживается разностороннее и глубокое русское культурное влияние. Этническое воздействие менее заметно. Прослеживается растворение русского элемента в коми среде. Обратное культурное влияние коми на русских менее отчетливо. Привлекает внимание взаимосвязи коми крестьянства с горнозаводским русским населением Коми края.

4. Весьма глубокие и разносторонние этнокультурные связи устанавливаются у коми с ненцами. Большое развитие получает этническое смешение. Широкое распространение среди ненцев получают коми язык и культура северных коми (ижемцев). Возникает этнически смешанная группа колвинцев, сохраняющая антропологический тип ненцев, но воспринявшая язык и культуру коми (ижемцев). Этнокультурные связи между этими двумя народами получили наиболее глубокое развитие. Они охватили даже область духовной культуры.

5. Взаимоотношения коми с хантами и манси также носит весьма длительный характер, но отразились они главным образом в области духовной и материальной культуры, тогда как этнические связи развития не получили.

6. Этнокультурные связи коми с народом саамов начались около середины II тыс. н.э., но развития тогда не получили, и лишь с конца XIX в. после переселения коми на кольский полуостров развернулись

---

* Работа написана в начале 70-х гг. и представляет собой тезисы доклада, подготовленные к научной конференции. Первоначальный вариант названия «Этнокультурные связи коми с соседними финно-уграми и самодийцами». Публикуется по машинописным копиям из личного архива составителя.

вновь. В основном они имеют место в области хозяйства (оленеводство и т.д.) и материальной культуры.

7. Разнообразные и глубокие этнокультурные взаимосвязи соседних народов сыграли исключительную важную роль в их этнической истории. Некоторые народы оказали большое влияние на коми, а в свою очередь коми также оказали серьезное воздействие на многие соседние народы.

КОМИ-РУССКИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ*

Историко-культурные взаимоконтакты русских и коми принимают устойчивый характер с X-XI вв. н.э. В.И.Лыткин на основе анализа лингвистического материала приходит к выводу, что регулярные связи коми с русскими устанавливаются с XI в. Однако, В.И.Лыткин считает, что основная масса русских заимствований «проникла в зырянский язык уже в послестефановские времена (с XIV-XV вв.), когда началась прекрасная (русская и комийская) к5олонизация Севера» [1]. Археологические материалы, в частности результаты раскопок наместников перми вычегодской приводят Э.А.Савельеву к заключению, что «примерно, с XII в., когда началось освоение этого края русскими, количество славянских вещей резко увеличивается», и «на втором этапе (XII-XIV вв.) среди привозных господствуют славянские вещи, причем встречается и керамика» [2]. Последнее свидетельствует об относительно длительном проживании русских в коми деревнях в указанное время.

В последующие века коми-русские взаимоконтакты делились и расширялись. Они ясно проявляются во всех областях народной жизни, в материальной и духовной культуре коми. В языке и культуре соседнего великорусского населения заимствований от коми меньше. Приведем несколько примеров. В хозяйственной деятельности у коми издавна важнейшей была охота. Борьбой между Новгородом и Москвой в XIII-XVвв. за северо-восточный регион Европы вызывалась прежде всего стремлением захватить этот район добычи пушнины. Коми несомненно, были знающими охотниками и рыболовами, владели достаточно широким арсеналом охотничьего снаряжения, методов промысла и т.п. Однако даже в этой старинной отрасли коми сделали немало заимствований от русских. Перечислим для примера ниже следующее: вся совокупность охотничьего снаряжения (вöралан кöлуй) и все его детали: ствол, лöжа, приклад, затвор, курок и т.п., охотничьи припасы: свинеч, порок, дрöб и т.п., компас (матка). Названич животных редко двойные коми и русские: анча - норка, чув - выдра, тулан - кунича, низь - соболь, мов – бобр, кынь-песец и т.д. Эта двойственность возникла потому, что при сдаче податей и торговле использовались русские названия, в то же

---

* Работа написана в 1980 г. Сохранились три ее варианта. Первоначальный в форме научной статьи; второй вариант, текстуально несколько отличающийся от первого, подготовленный как препринт для серии «Научные доклады», но покаким-то причинам не опубликованный; и последний вариант, снова в форме научной статьи, в основном с небольшой авторской правкой повторяющий текст препринтного варианта, дополненный ссылкой на публикацию Г.А.Аксяновой. Публикуется по последнему варианту по машинописной копии из личного архива составителя. Постраничные сноски оригинала перенесены публикатором в конец статьи.

время исконные охотники коми имели свою детальную классификацию промысловых животных. при этом довольно четко выявляются ранние и поздние заимствования. К числу древних относятся, например, пищаль, матка, кӧлуй, пӧтка (дичь, в отличие от птицы вообще – лэбач) и др. Более поздние – это ружье, патрон, пистон, капкан и т.д.

В промысловую охотничью лексику коми языка – пишет С.А.Шамахов – входят русские лексемы, обозначающие названия новых орудий охоты, их частей, нового снаряжения и оснащения охотника, которых у коми народа не было, а также ряд лексем, характеризующих новую охотничью технику и приемы охоты» [3].

Не менее отчетливые заимствования в различных областях материальной культуры, в частности в одежде, жилище и т.д. Например, гач (штаны), гуня (пальто), лопоть (ветхая одежда) , побойник (повойник), шамшура, вачеги (рабочие рукавицы), чувки (чулки), ткани, кань (коты), бакилӧ (бахилы), сарапан (сарафан) и его различные виды: шушун, китайка, кумачник, синюка и др.

В народном жилище коми русскими заимствованиями являются трехраздельность жилья, северновеликорусская планировка, некоторые типы жилищ, распространенные в западной части Коми АССР, отдельные детали постройки, крыльцо (кильчӧ), охлупень (ӧклупень), стропила (стрӧпило), матица (матич), стена (штэн), печь (пач). голбец (гӧбеч), полати (пӧлать) и т.д. Многие хозяйственные постройки также являются русскими заимствованиями: амбар (анбар), погреб (кӧбреч), колодец (струба), повить (сарай), взвоз (звӧз), и т.д. [4]. Наблюдается параллельное бытование терминов на обоих языках: доска, плаха (твӧс, пӧв), йырк и пӧтӧлӧк, вежӧс, жыр и комната, вевт и крыша и т.д. Выявляются поздние и ранние заимствования. К ранним относятся тес и пӧв, они равнозначны по смыслу. Оба названия относятся к тому периоду в истории строительства, когда оба народа не знали пилы и изготовляли доски путем раскалывания бревна пополам вдоль и последующей вытески. Отсюда и тес и пӧв = половина (бревна). К поздним заимствованиям относятся слова, отражающие новые достижения в развитии жилища и строительной техники: стропила, комната, плита и т.п.

Примеров русских заимствований можно приводить много и из самых разных областей культуры и быта, но сказанного полагаю достаточно для подтверждения заявленного тезиса.

У русских соседей коми заимствования чаще встречаться в географических терминах – сор (шор = ручей), тыкола = заросшее озеро (тыкӧла = небольшое озеро), серт = долина, мышерина = смешаный лес на заливной почве (мӧсер = низменность между двумя возвышенностями), кыр кош = крутой обрывистый берег (кыркӧтш), чомкос = мера длины (чомкост = расстояние между двумя охотничьими избушками), но есть они и в материальной культуре и в быту: чемья = охотничий

амбар (чатья, изамья, шердын = берестяной лоток (шӧрдын), чублик = берестянок ковшик (чиблӧч), кумли = деревянная чаша или корытце (кумли), лузан = охотничья накидка (лузан, лаз), чага = нарост (гриб) на бересте (чака, тшак = гриб), панева = каша (панем), кач = каша из муки и осиновой коры (кач), шерба = уха (черивы), тупась = коврига (тупӧсь), чирать = портиться (о пище) (чирны), чибик = жеребенок) чибук), кычан = собака (кычи = щенок), чиран = паук (черань), чаром = наст (чарӧм), сям =уменье (сям), соз = мозг (сӧз), бырдать = плакать (бӧрдны), кортон = аренда (кӧртым) и т.д. [5].

Лингвисты отмечают не только заимствования слова, но и взаимоотношение коми и русского языков в области фонетики. Так, В.И.Лыткин в названной работе указывает, что в заимствованных словах безударное о в конце слова передается через ӧ. В русских словах, относящихся к старым заимствованиям в коми языке, на месте русского у коми произносят ч» [6]. Как правило коми ӧ передается через о или ы. Например, вӧнь (пояс), вынь (рус), кӧртым (аренда), кортома (рус) и т.д. Разбирая фонетические соответствия В.И.Лыткин устанавливает время их проникновения в контактирующие языки. «Таким образом случаи соответствия русских **ш**, **ж** комийскими **сь**, **зь** можно объяснить тем, что они отражают соприкосновение русских с зырянами до отвердения в русском языке ш,ж. то есть не позже XV в.» [7].

Надо отметить, что влияние коми языка прослеживается более отчетливо в изолированных или территориально близких к коми русских говорах: «Замена безударного конечного о гласным э в слове «надо» отмечена в некоторых северно-великорусских говорах, находящихся в непосредственной близости от коми-зырянского и коми-пермяцкого языков и, вероятно, раннее непосредственно соприкасавшихся с этими языками»: Никольский и Великоустюжский районы Вологодской области, Чердынский район Пермской области [8]. В узколокальном сереговском русском говоре в ряде слов появляется под влиянием ком языка замена у на ч. Сереговцы, как и их коми соседи, говорят «матича» вместо «матица» и «чагарка» вместо «цигарка» и т.д.

Вышеприведенные примеры лингвистических заимствований находят подтверждение вещественным этно-графическим материалам. Особенно отчетливо это можно видеть на элементах народной одежды, на типах построек и т.д.

Взаимоотношения между русскими и коми народами развивались мирно. Имели место расселение русских среди коми и постепенная ассимиляция, растворение коми в преобладающей русской среде, например, в бассейне р.Сухоны, Юга, Малой Северной Двины и Нижней Вычегды [9]. Военных столкновений между между коми и русскими в летописях не отмечены, хотя военные набеги и грабежи в период феодальной раздробленности и борьбы за власть не были редкостью, осо-

бенно в годы борьбы Василия II Темного с.Шемяковой: «... наущением того Шемяки пришедшу вятчане на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погости пожогли, храмы святеи грабили, церковное все поимяли» [10].

Взаимоотношения коми с древнерусскими феодальными государственными образованиями: Нонгородской землей, Ростово-Суздальским и Московским княжествами, а позднее с единым русским государством имели важное значение в развитии их экономики и культуры. Я имею в виду, например, активный товарооборот, распространение пашенного земледелия, появление русской сохи, трехполья и т.п. , а в области культуры в XIV-XVI вв. особо важную роль сыграли христианизация, ибо с ней связано создание коми письменности и появление первой школы. Кроме того, она способствовала сближение коми и русского народов, ставших единоверуемы.

В качестве подданых Московского (русского) государства коми принимали участие в военных походах и войнах XV-XVII вв. и последующих веков. Приведу два примера: а) «Лета 6973 (1465 г.) повелел князь великий Иван Скрябе воеводе с устюжаны и вычежане Югорскую землю воевати, а шеднию с устюжаны хотячие люди да с нами же ходил князь Василий Вымский с вымичи и с вычегжаны» [11] б) «лета 7119 (1611 г.) повелением князя Дмитрия Пожарского и и Прокопья Ляпунова присланы с вычегоцкие мест на Ярославль ратные люди 50 человек, а с Великое Перми пятьдесят же» [12]. И в последующее время в русской армии служили солдаты из коми.

В XI-XVI вв. а контакты с русскими вступали преимущественно юго-западные группы коми, а с XVII в. подключались и северо-западные (в частности ижемцы). Процесс этнического смешения с русскими сыграл существенную роль в формировании западных этнографических групп коми (нижневычегодцев, прилузцев, вымичей, удорцев и ижемцев), в сложени их этно-лингвистической специфики (XV-XVIII вв.).

Анализ фамильного состава и топонимика показывает наличие одинаковых фамилий и названий сел и деревень у западных коми и русского населения Архангельской и Вологодской областей. Для примера можно перечислить деревни Шулепова, Тенткова, Пархачевская, Ворсина и Ворсинская, Бызова, Ватманова, Шешукова, Уляшова и Уляшевская, Сорвачева, фамилии Шешуков, Пархачев и т.д. Все эти и ряд других являются и ныне распространенными фамилиями у коми [13].

Обнаруживается немало параллельных гидронимов, таких, как Вотча, Воч, Вад, Вис (ка), Вашка, Мемью (я), Еренга (Яренга), Шойна и др.

Все эти данные указывают на прямые контакты и определенное единство населения в указанном регионе. Они сказались на формирование таких этнографических групп коми, как нижневычегодцы, вымичи и некоторые другие. В составе русского населения восточных районов

Архангельской и Вологодской областей, также имеется определенный процент древних пермян. Коми фамилии встречаются на Пинеге (Кычев=Зайцев, Ошуков= Медведев), на Северной Двине (Лудков= Лугов, Лысцов=Хвоев, Тусесов=Бураков), на нижней Вычегде (Кочев=Зайцев, Дозморов=Глухарев, Кушев=Голов, Секуров=Меринов) и т.д. О наличии коми слов в топонимике выше приведен один пример.

В качестве примера активного участия русского компонента в формировании этнографических групп коми могут служить немцы. Основу ее положили переселенцы с Выми и Удоры, включившие очень значительный русский компонент. процесс сложения ижемцев прослеживается с самого начала. Первые пермяне на нижней Печоре появились практически с основания г.Пустозерска. В 1574-75 гг. книга «Платяжница Поморские Пустозерские волости» отмечает проживание в г.Пустозерске беспашенных пермянов в довольно значительном по тем временам количестве (89 чел.). Фамилии не яркие, но встречавшиеся на Удоре, Вывми, Сысоле (Козлов, Юдин, Завьялов, Есев и т.п.). Особенно интересен такой факт: в той же книге два брата Завьяловых записаны одним русским, а другой пермяком [14]. В последующие годы пермяки в Пустозерске исчезают, очевидно растворившись среди преобладающего русского населения. Для примера назову фамилию Поздеевых. Сейчас она весьма распространена среди усть-цилемов и ижемцев (русская Печора), но в 1646 г. перепись отмечает их лишь на р.Сысолы в сс.Визинга и Пажга. так что не исключено, что первый Поздеев был коми. Наличие коми элемента в составе русского населения несомненно.

Точно также легко доказывается наличие значительного русского (Усть-цилемского) включения в состав ижемцев. Если Тереньевы, Артеевы, Семяшкины, Каневы, Кожевины и т.п. несомненные выходцы с Выми, Удоры или Сысолы, то Филипповы, Хозяиновы, Чупровы и др. переселились из Усть-Цильмы. Несомненно русского предка имели Рочевы (роч=русский). Однотологические признаки также указывают на значительную роль русских в формировании ижемцев [15].

Таким образом, ижемская группа коми сформировалась на основе переселенцев из различных юго-западных районов Коми края, включения значительного русского компонента и некоторого количества ненцев. В антропологическом отношении у ижемцев преобладает европеоидный восточно-балтийский тип.

Итак, имеющийся материал показывает активное участие русских в формировании народа коми и в свою очередь участие коми в сложении русского населения в бассейнах северной Двины, Мезени и Печоры.

Поиски пушнины, малоземельные, трудные условия жизни на родине толкали коми на поиски новых земель для успешного промысла и поселения. Именно поэтому коми очень нашли пути в Сибирь. туда хо-

дили ватаги охотников, там развали свои операции торговцы. В период открытия «присоединения Сибири и Дальнего Востока к России коми служили проповедниками и переводчиками правительственных военных отрядов, нанимались на военную службу в Сибири. В числе известных землепроходцев фигурируют Д.Зырян , Б.Зырянорв, Ф.Чюкичев и т.д. В крупнейших походах С.Дежнева и Е.Хабарова в числе участников были и коми.

Вместе со всем Поморьем коми активно заселяли Сибирь. В основном и на новом месте оставались крестьянами. Но часть из переселенцев записывалось крестьянами. Но часть из переселенцев записывалось в служилые казаки в стрельцы , в ящики в пососедские, а некоторым удавалось выбиться и в купечество. Другие нанимались на Алтайские заводы и закреплялись на новом месте. Многочисленные названия типа Зыряновка, Зырянска показывают пути движения и расселения коми по Сибири и Дальнему Восток Еще и в настоящее время в Сибири сохраняются села, жители которых помнят своие(зырянское) происхождение и даже пользуются в быту родным языком. Например р. сс. Мужи, Саранпауле и пос.Березово в Зауралье, сс. Зыряновка и Новозыряновка и т.д.

Широта и разнообразие коми-русских взаимоконтактов объясняется прежде всего тем, что они развивались при самом активном участии народных масс с обоих сторон, не замыкались, не ограничивались узкими классовыми и кастовыми рамками. В настоящее время взаимосвязи еще более расширялись, более того они приобрели новые формы, стали проявляется в новых качествах. Однако рассмотрения взаимосвязей коми и русских не входит в задачу этой статьи.

Литература и источники.

1. Лыткин В.И. Фонетика северо-великорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.-Л., т.II. с.130-132.

2. Савельева Э.А. Пермь вычегодская, М., 1972, с.118.

3. Шамахов С.А. О русской заимствованной лексике в коми языке, характеризующей охоту. В кн.: Ученые записки коми государственного педегогического института, Сыктывкар, 1953, вып 4, с.52.

4. Жеребцов Л.Н. О русских заимствованиях в народном жилище коми // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 98-103; Шамахов С.А. О русских заимствованиях в бытовой лексике коми языка. В кн.: Ученые записки Коми государственного педагогического института, сыктывкар, 1967, вып.10,с.143-153.

5. Сидоров А.С. О некоторых особенностях языка русского населения р.Яренги. Научный архив Коми филиала АН СССР, ф.1, оп.II, д.106; также Лыткин В.И. Фонетика северно-русских говоров.

6. Михеева М.С. Система согласных фонем в говоре с.Серегово Железнодорожного района Коми АССР. В кн.: Ученые записки Коми пединститута, Сыктывкар, 1960, вып.8, с.6.

7. Лыткин В.И. Фонетика северно-русских говоров, с.140

8. Михеева М.С. Система гласных звуков в говоре с.Серегово Железнодорожного района Коми АССР. В кн.: Ученые записки Коми пединститута, Сыктывкар, 1959, вып.7, с.219.

9. Власова В.И. Сельское расселение в Устюжском крае в XVII-первой четверти XX в. М., 1976.

10. Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская летопись. В кн.: Историко-филологический сборник, Сыктывкар, 1958, вып.4, с.261.

11. Документы по истории коми, с.262.

12. Там же, с.269.

13. Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV-XIX в. Сыктывкар, 1972; Тепляшина Т.И. Антропонмические модели пермских языков, М., 1978.

14. Мартюшев А.М. К истории заселения Печорского края. В кн.: Записки общества изучения Коми края, Сыктывкар, 1929, вып.3.

15. Аксенова Г.А. Основные направления изменчивости одонтологических признаков у коми-зырян. В кн.: Вопросы финно-угроведения (тезисы докладов), Сыктывкар, 1979, ч.II, с.44.

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОКОНТАКТАХ НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМИ С НЕНЦАМИ И ОБСКИМИ УГРАМИ)*

1. Каждый народ (за очень редким исключением) живет в окружении других народов, с которыми вступает в разнообразные контакты, в том числе в экономические, культурно-бытовые, семейно-брачные и т.д. Появляются многочисленные заимствования и определенные изменения в хозяйстве, культуре и быту. Заимствования, как правило, бывают взаимными, хотя и не всегда равнозначными. Обычно, народ, находящийся на более низком уровне развития больше заимствует у своего экономически и культурно развитого соседа. Темой настоящего сообщения избран вопрос о роли заимствований в формировании традиционной культуры коми, ненцев, хантов и манси. Специальному изучению этот вопрос не подвергался, хотя попутно он затрагивался во многих исследованиях (Л.П.Лашук, Л.В.Хомич, Н.Ф.Прыткова, У.Т.Сирелиус, К.Редэи и т.д.).

2. Взаимоконтактам народов всегда присуще нечто общее. Например, во взаимоотношениях коми с ненцами, хантами и манси можно указать следующие особенности: 1) длительность, продолжительность контактов во времени (несколько веков), 2) Немирное начало контактов с течением времени заменившееся устойчивыми мирными связями, 3) большее воздействие коми на данных соседей обеспечивающееся уровнем культуры, 4) весьма широкая сфера заимствований.

3. С другой стороны взаимоконтакты между отдельными народами имеют свою определенную специфику. Так во взаимоотношениях коми с хантами и манси характерен широкий диапазон культурных заимствований, четко разделяющихся на два периода: древний (XV-XVII вв.) и новый (XIX-XX вв.) и почти полное отсутствие семейно-брачных контактов. Эти отношения отличались большими заимствованиями от коми со стороны обских угров. Происходили они, главным образом, в области материальной (и духовной) культуры, что хорошо подтверждается лингвистическими материалами (К.Редэи). В области духовной культуры выявляется значительная близость в дохристианских верованиях и очень малые связи в фольклоре. Обратные заимствования коми (в ос-

---

* Работа написана в первой половине 1970-х гг. и представляет собой тезисы доклада, подготовленные для научной конференции. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Сохранился также сокращенный вариант этого же текста с аналогичным названием.

новном зауральском коми-ижемцами) у обских угров выявляются также в области хозяйства и материальной культуры.

Во взаимосвязях коми с ненцами при наличии также весьма широких хозяйственно-культурных взаимозаимствований, среди которых особенно важным для коми было заимствование ими у европейских ненцев оленеводства и связанных с ним элементов материальной (и даже духовной) культуры, явившихся причиной сложения специфической группы северных коми-оленеводов-ижемцев с весьма своеобразной материальной культурой, характерным было широкое распространение семейно-брачных связей и возникновение этнически смешанной группы колвинцев. В области духовной культуры при отсутствии контактов в области верований выявляется сближение в фольклоре (сложение единого ижмо-колвинского эпоса. А.К.Микушев) Одновременно выявляется и значительное культурное воздействие коми на европейских ненцев.

4. Заимствования могут быть весьма разносторонними как из самых различных сторон хозяйства и культуры, так и более специализированными, более узконаправленными. Например, как выше сказано коми заимствовали у ненцев оленеводство и связанные с ним элементы культуры: жилище (чум), транспорт (нарты), меховая одежда (малица) и т.п., а заимствования ненцев из культуры коми оказались гораздо более разносторонними. Заимствования, сделанные более развитыми у менее развитых, обычно бывают менее значительными, чаще более целенаправленными, более специфичными.

5. Изучение традиционной культуры коми, ненцев, хантов и манси и их культурных взаимоотношений в досоветское время показывает, что в культуре каждого из указанных народов выявляются значительные заимствования, игравшие весьма существенную роль в формировании традиционной культуры всего народа и особенно его отдельных этнографических групп. Изучение взаимоконтактов также дает интересный и важный материал к проблеме этногенеза.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМИ С ХАНТАМИ И МАНСИ*

Многие ученые придерживаются того взгляда, что между коми и обско-угорскими народами издавна существовали прочные связи. Фокос-Фукс писал, что коми были связаны с хантами с XIII-XIV вв. На длительные устойчивые контакты и большое культурное влияние коми на обских угров указывают многочисленные заимствования в языках и манси из языка коми. Финский лингвист Тойвонен насчитывал 383 коми заимствования в хантыйском языке. В последние годы специальное исследование по этому вопросу провел венгерский ученый К.Редэи. По его утверждению в языке хантов и манси насчитывается свыше 350 более или менее бесспорных заимствований из коми языка, которые говорят о давних глубоких связях коми с обско-угорскими народами.

В этой статье я постараюсь показать, в чем конкретно выражаются эти давние и многолетние взаимосвязи. А для большей наглядности и убедительности буду приводить в тексте примеры из книги К.Редэи, опубликованной на немецком языке в Венгрии.

Первоначальные контакты между коми, хантами и манси можно датировать началом II-го тысячелетия н.э. Несомненно через коми попало в русские летописи слово “игра” (коми называли манси-йогра). Известный советский историк С.В.Бахрушин писал, что “наименование игра производят из языка коми или зырян, у которых ёгра (зӧдча) было названием ляпинских “остяков” или “северных вогулов”. В указанное время и вероятно до середины II тыс. н.э. манси (вогулы) жили не только за Уралом, но и в бассейне верхней Печоры и, возможно, верхней Вычегды.

Точных данных о начале переселения коми на север Западной Сибири у нас пока нет, но многочисленные сведения о проводниках-зырянах, о торговых поездках коми в Мангазею, и наличие многих названий населенных пунктов (городов и острогов), переводимых с коми языка, говорят о раннем переселении коми на север Западной Сибири. Во всяком случае с XVI в. коми уже начали оседать в Зауралье довольно значительными группами, вступая в разнообразные контакты с хантами и манси. Особенно заметно этот процесс проявлялся в XVII в. В XVIII и

---

* Работа написана в 1974 г. Опуболикована в переводе на коми язык («Комияслӧн хантъяскӧд да мансияскӧд йитӧдъяс») в журнале «Войвыв кодзув» (1974, №10, с.47–48). Оригинальный вариант на русском языке не издавался. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

начале XIX вв. в Зауралье и на Нижнюю Обь крупного переселения коми не было.

Новая волна переселения в северное Зауралье началась во второй половине XIX в. Это движение тоже было стихийным процессом. Но теперь в Зауралье в поисках лучшей доли начали перебираться коми-ижемцы. Первая ижемская семья обосновалось на берегу р.Ляпин на пустом месте в шести верстах от с. Щекурья в 1842 г. И затем почти ежегодно в Зауралье прибывало по 1-2 семьи (иногда и больше). Образовались деревни Саранпауль (зырянская деревня по-мансийски) и Мужи. Многие коми обосновались в уже существовавших поселениях.

Для примера можно отметить, что в числе первых поселенцев в с.Мужи были Каневы и Чупровы из Сизябска, Дьячковы и Хозяиновы из Мохчи, Поповы, Каневы, Истомины, Терентьевы и Артеевы из Ижмы, Семяшкины из Бакура, Филипповы из Мошьюги и Ануфриевы из Усть-Ижмы.

Переселялись в Зауралье на постоянное жительство в основном беднейшие семьи ижемцев. Поскольку дома в Печорском крае у них не было иного выхода, кроме наемной работы у богатых оленеводов, они, переселяясь в слабо заселенные земли Сибири, надеялись создать самостоятельное крестьянское хозяйство. По имеющимся данным, опубликованным в статье Г.Старцева, в с. Мужи в 1925 г. имелось 112 бедняцких, 143 середняцких и 10 зажиточных дворов. Г.Старцев подчеркивал, что три четверти дворов коми в этом селе находятся в постоянной нужде.

Основной существования неимущего крестьянина коми в Зауралье становились охота и рыболовство. Сельское хозяйство и в особенности земледелие, в с.Мужи, например, до сих пор (1970 г.) слабо развиты. Правда, сейчас почти каждый житель села имеет приусадебный участок, но очень небольшой. Все посадки делаются в узкие и высокие грядки. Земля в Мужах болотистая, так что ее перемешивают с речным песком. В с. Саранпауль и п. Березово с огородничеством дело обстоит значительно лучше. Там не только у населения есть приусадебные участки, но и колхозы имеют поля, на которых выращивается картофель, капуста и некоторые другие культуры. Но полеводство в Зауралье – явление недавнее. Это результат продвижения сельского хозяйства на север уже в советское время. Хотя отдельные попытки заняться полеводством имели место и прежде. В самом начале XX в., по словам А.А.Дунина-Горкавича, “зырянин Бабиков, проживающий в поселке Саранпауль Березовского уезда… арендует… участок для хлебопашества, на котором он сеет яровые хлеба. Результаты посевов удовлетворительны, урожай – до сам 10”. Далее тот же автор пишет, что в более южном Сургутском уезде успешно произрастают кроме картофеля репа, мор-

ковь, редька и капуста, и что имеются случаи выращивания их и южной части Березовского уезда.

Все данные о зачатках полеводства у манси (у хантов его не было), говорят о том, что оно было заимствовано у народов северо-востока Европы. Можно привести такие примеры. Хлеб жали серпами и укладывали в суслоны, имела распространение сушка хлеба в примитивных сушилках в виде конических шалашей, которые назывались шиш. Среди некоторых групп коми, например, у жителей бассейна р. Локчим еще в XIX в. был в употреблении на подсеках конусообразный овин из жердей. Не только сам шалаш, но и составляющие его жерди – сур, сюр являются словами, заимствованными из коми языка. Через коми попали к манси и многие культурные растения: анкас (анькытш), соркне (сёркни), курмак (гормöг) и т.д. Вошли в употребление и некоторые дикорастущие травы, ягоды и т.п.

В отношении животноводства можно также говорить о его заимствованном происхождении и скорее всего от коми. “Коров называют местным своим названием мис”, - писал В.Карцов. Это, несомненно, заимствованное у коми слово мöс (корова). Из коми языка восприняты и многие другие названия домашних животных: ушка (öш), паля (баля), порс (порсь) и т.д. Можно полагать, что и использование лошади, как тяглового животного, к манси также пришло от коми. На это указывают такие заимствованные из языка коми слова как меир (мегыр), сёрмат (сермод) и т.д.

Появление скота вызвало необходимость заготовки кормов на зиму. Отсюда и появление слов торн (турун), сапри (сабри) и т.п. Косили сено раньше косой-горбушей типичной для коми и лишь в конце XIX в., ее сменили на косу-литовку. Через коми познакомились манси и с домашней птицей. Правда птицеводство у манси, как и у коми, в традиционных формах хозяйства развития не получило (курек-курог).

В главных традиционных формах занятий хантов и манси, а именно в рыболовстве и охоте, заимствований меньше. В этих отраслях хозяйства были восприняты лишь отдельные предметы и приемы лова добычи. Для примера можно назвать такие, как необшитые шкуркой лыжи – люмп (лямпа), сеть для лова соболя кась (казь), пищаль, кысман, камка (гымка) и т.д. В свою очередь и коми многое в этих отраслях воспринимали у хантов и манси. Несомненно, что некоторые типы лодок (калданка, городушка), распространенные сейчас у зауральских коми, являются воспринятыми, но в то же время лодка большого размера – неводник у манси называется сарен хон (зырянская лодка). Очевидно, крупных лодок манси не делали.

Значительные заимствования встречаются и в других областях хозяйства хантов и манси. Например, многие металлы к обским уграм пришли через посредство коми. Об этом красноречиво говорят названия

этих металлов: сарни (зарни), кер (корт), ергин (ырген), йетмен (йемедон).

Пример коми, занимающихся теми же промыслами (охота, рыболовство), что и ханты, и манси, но живущими оседло, ускорил процесс оседания этих народов. Из языка коми они позаимствовали названия для оседлого поселения – слова горт и кар. И сейчас еще в почти чисто обско-угорских по населению деревнях эти слова являются составной частью названия: Ямгортские, Овгортские, Мугортские, Важгортские, Вильгортские, Войкарские и т.д. Юрты. Многие из этих названий чисто коми.

Изучение жилища хантов и манси показывает, что среди большого количества различного типа построек существует несколько явно заимствованного происхождения. Среди их срубных построек есть формы близкие простейшим срубным строениям коми типа бань и лесных избушек (сруб по-мансийски коль можно сравнить с названием лесной избушки к коми кола).

Совершенно сходно устройство амбаров у манси и коми, особенно охотничьих (тшамья у коми, сомьях у манси).

Описывая вид срубного жилица с тестовой крышей на курицах и с водосточным желобом, исследователь материальной культуры обских угров З.П.Соколова указывает, что “этот вид сруба принесен, вероятно, коми”. Имеющийся в ее исследованиях богатей материал вполне наглядно раскрывает наличие большого влияния коми в этой области материальной культуры обских угров.

Изучение языков обских угров подтверждает наличие значительного влияния срубных построек коми на жилище хантов и манси. Перечислим некоторые из этих заимствований: иснас – (öшинь), кум (так же по коми), карта (то же по коми), гор (то же по коми), паспен (поспом), пусас (потшес), улöс (то же по коми), пасен (пызан), ловась (лабич). Много было заимствовано из предметов домашнего обихода: туман (томан), сар (зыр), кер-сар (кöрт зыр), кернес (гырнич), шак (тшак) и т.д.

В народной пище заимствований отмечено меньше. Традиционная пища хантов и манси сохранилась более устойчиво, но и в этой области были восприняты некоторые продукты ранее не известные этим народам или не употреблявшиеся ими. Это в основном различные виды хлеба и хлебных изделий: нянь (по коми также), кальтем (кöвдум), пирех (пирöг), шанка (шанга), сирам (шöрöм) и т.д., изделия молочного хозяйства: нюк (нöк) и т.п.

Некоторые продукты питания, как показывают их названия, имеют русское происхождение (пирог, шаньга, сочень), но можно не сомневаться в том, что попали они к обским уграм через посредство коми, так как такие изделия более характерны для северных русских районов.

Большое влияние коми прослеживается и при изучении народной одежды хантов и манси. Несомненно от коми позаимствовали обские угры изготовление изделий из шерстяной пряжи. Эти народы своего материала для пряжи не имели и сами ее не изготовляли. Для плетения тесемок и поясов они применяли цветную шерстяную нить, которую добывали, распуская шерстяные вязаные чулки, купленные у коми. И само плетение тесьмы тоже заимствовано у коми.

От коми были взяты многие элементы народного костюма: ернас (йӧрнас), кас (гач), сапар (шабур), шайданик (шойданик), накидка охотника лузан или луз (по коми также), саскан (чышьян). Здесь же можно упомянуть и некоторые детали одежды: сеп (зепт), пипен (пышан). Очевидно и способ стирки белья и мытья с мылом тоже попал к этим народам через коми: мунтег (майтӧг).

В свою очередь, и у коми наблюдаются определенные заимствования у своих соседей: увеличение роли рыболовства в хозяйстве и заимствование у хантов и манси ряда их орудий и изделий. Коми восприняли, например, изготовление обуви из рыбьей кожи. Так, сапоги из налимьей кожи считались очень удобной обувью на сенокосе в сырых местах: и легкие, и непромокаемые.

В связи с изучением одежды следует остановиться также на орнаментации изделий. Исследователи XIX – начала XX вв. отмечали близость некоторых узоров коми с орнаментальными мотивами хантов и манси. Большое внимание этому уделял финский этнограф У.Т.Сирелиус. Он писал, что “в вязанных изделиях встречаются зырянские узоры”. Название типов узорной вышивки звучит также по коми: керем-ханч (ханч – вышивка), ектем – ханч (“кередем – перевернуть, ектем – собирать”). По коми эти слова звучат так: кередӧм – сделанный, ӧктӧм – собранный.

Из советских исследователей этот вопрос тщательно изучался С.В.Ивановым, результаты исследования им опубликованы в ряде работ. Автор убедительно показывает сходство многих орнаментальных мотивов хантов, манси и коми.

В области духовной культуры заимствования выявляются труднее. Однако здесь можно выделить область, а о едином истоке, общих корнях этого явления. Я имею в виду древние религиозные представления. В некоторых исследованиях говорится, что после принятия христианства коми передали своих языческих богов манси, которые будто бы перенесли их вначале на Урал, а потом и в Зауралье. Предположительно можно сказать, что такая возможность не исключена. К сожалению, древняя религия коми изучена очень плохо, но выделенные в языках хантов и манси заимствования из этой области как раз подчеркивает близость языческих верований коми и обских угров: одинаковое представление о душе (урт у манси, орт у коми), куль у обеих для обозначе-

ния нечистой силы: ва-куль – водяной у манси и у коми, узем – смерть у манси (у коми – сон) и т.д.

Очевидно, древние регулярные связи манси с коми в XIV-XV вв. (в период крещения коми) и большая роль пермских епископов в установлении вассальных отношений мансийских князей с московским великим князем явились причиной восприятия манси и некоторых терминов христианской религии тоже из коми языка: перна – крест, пернатули – крещение, кальтес – творец, йурбитны – молиться и т.п.

Изучения языковых заимствований показывает, что ханты и манси восприняли у коми очень много слов, выражающих определенное действие и его результат, особенно это относится к группе глаголов, отражающих различные стороны трудового процесса и практической деятельности человека. Таких глаголов и производственных от них слов известно более ста: ерти (ертны), ляск (ляскыны), кыскам (кыскыны), велати (велӧдны), паркетам (пыркӧдны), вошны (то же по коми), артмы (артмыны), козели (казявны), сори (сӧрны), перитан (пӧрьед), моит (мойд) и т.д.

Большую группу заимствований составляют слова, показывающие количество и качество предмета: сами (сім), кунер (конер), кастам (гажтӧм), пом (пым), систем (сӧстӧм), виськить (веськыд), чоля (дзоля) и т.д.

Заимствованными являются слова, показывающие определенное состояние природы и человека, чувства его: кас (гаж), шют (шуд), сайк (так же по коми), сайт (садь), лав (лӧг), шитаит (шытӧм), турап (турӧб), киертманкве (гыӧртны), отдельные явления природы, части предметов и явлений: ойим (ойдыны), керас (керӧс), курья, (то же по коми), тор (дор), отвлеченные понятия: арт (также по коми), мет (мед), кортом (тоже и у коми), лан (лӧнь), акаштим (эштыны коми – быть готовым) и т.д. Очень интересна группа слов, связанная с самим человеком, с его телом: айка (также по коми), карт (гӧрд), тус (тош), сяклин (чукля), с подчеркиванием родственных и неродственных отношений, выделения своих и чужих: тас – чужие (тас по коми имеет противоположное значение – изьватас – ижемцы, емватас – вымцы и т.д.), йорт – товарищ (ёрт по коми), йос – древний человек (йӧз по коми – люди), вос (вуж, рӧдвуж) и т.д.

Таким образом, изучение языковых заимствований показывает очень разнообразное и глубокое воздействие народной культуры коми на все стороны жизни обских угров.

Следует отметить также, что и в языке коми-ижемцев тоже отмечаются заимствования из языков хантов и манси. По данным Н.А.Кологовой у зауральских коми появился в произношении особый гортанный звук не известный у европейских ижемцев, вошло в разговорную практику много слов, связанных с рыболовством и т.д.

Итак, материал показывает значительное культурное влияние коми на обских угров. В их культуре обнаруживаются разнообразные заимствования из культуры коми.

Можно сказать, что между коми, хантами и манси установились очень разнообразные и устойчивые взаимосвязи. Коми народ оказал большое и разностороннее культурное влияние на обских угров. Это воздействие особенно сильным было в середине II тыс. н. э. Сохранялось оно и все последующие века вплоть до конца I четверти XX в. Однако широкие хозяйственные и культурно-бытовые заимствования не вызвали этнического сближения и процесс этнического смешения в среде коми, хантов и манси развития не получил.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КОМИ АССР*

В СССР, в государстве многонациональном, межнациональные взаимоотношения играют важную роль. Изучение современных этнических процессов имеет большое теоретическое и практическое значение. Процесс сближения и слияния наций – это важнейший процесс современности. Но в различных национальных районах он проходит по разному. Поэтому очень важно выявление этой специфики. Оно поможет избежать шаблонности в осуществлении ленинской национальной политики.

В данной небольшой статье из всей этой сложной проблемы мы остановимся лишь на вопросах распространенности смешанных (с разнонациональными супругами) браков и выборе национальности детьми из таких смешанных семей.

Ценным источником по изучению современных этнических процессов являются материалы паспортного стола, особенно форма №1, заполняемая при получении паспорта. Анализ этого документа дает ряд важных сведений [1].[1]

Объектом нашего исследования является вышеупомянутая форма № 1 паспортных столов гг.Сыктывкара, Воркуты и Ухты за 5 лет (1954-1958 гг.). Причины выбора этих трех городов состояли в следующем: ч одной стороны все три города являются наиболее важными в республике, все они крупные промышленные центры, с другой стороны, они различаются по национальному составу своего населения, по длительности существования и условиями возникновения. Безусловно все это должно

---

* Работа написана не ранее 1972 г. (вероятно, в 1973-м). Рассматриваемые в ней вопросы уже ставились автором в публикациях «Расширение межнациональных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период» (сборник «Из истории осуществления ленинской национальной политики», Сыктывкар, 1968. С.137-145), «Современные этнические процессы в Коми АССР» (сборнимк «Торжество ленинской национальной политики», Чебоксары, 1970. С.10-14) и «К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях (на примере Коми АССР)» (сборник «Ленинская национальная политика в действии», Сыктывкар, 1971. С.184-185). В личном архиве составителя сохранились два варианта данной работы. При подготовке данной публикации за основу взят более подробный вариант, однако были учтены также поправки, внесенные автором в сокращенный (очевидно, более поздний) вариант статьи. Постраничные сноски оригинала вынесены в конец статьи. Материалы данной работы были использованы позднее при подготовке совместной с М.Б.Рогачевым публикации «Межнациональные браки в городах Коми АССР в 30-70-е гг. XX в. (на примере городов Сыктывкара и Воркуты)» (сборник «Вопросы этнографии народа коми», Сыктывкар, 1985. С.51-60).

[1] .

каким-то образом отразиться на этнических процессах, происходящих в этих городах.

Для Коми АССР в целом в настоящее время характерен прилив инонационального населения. Вплоть до 1930-х г. основным населением современной Коми АССР были коми. По данным переписи 1939 г. на территории Коми области жило 318 996 человек, из них коми было 231 301 человек (72,5%), остальные в основном русские [2].[2] Русское старожильческое население обитало в некоторых пограничных селениях (Лойма, Межог), в старых заводских поселках (Серегово, Кажим, Нювчим), в г.Сыктывкаре и в расположенном на Печоре Усть-Цилемском районе. На остальной территории инонационального населения было очень мало.

Процесс этнического смешения в дореволюционное и в первые десятилетия советской власти на территории Коми АССР был относительно не широк. Взаимное переселение и смешанные браки были не часты и происходили лишь в районах непосредственного контакта коми и русских. Так, крестьянские девушки из коми деревень сравнительно охотно выходили замуж за рабочих в горно-заводские поселки [3].[1] И, наоборот, в крестьянской среде в полосе этнической границы, например, в бассейне Пинеги-Вашки, чаще русские девушки выходили замуж за коми и переселялись в коми деревни. В первом случае в семье использовался русский язык, во втором – коми. Соответственно воспринималась и культурно-бытовая специфика. Изучение этого процесса весьма интересно, особенно с точки зрения взаимовлияния обоих народов друг на друга. Собранный в Удорском районе и в пограничных с ним русских селах по Пинеге и Мезени материал доказывает значительное культурное влияние коми на русских соседей, особенно в области прикладного искусства [4].[2] Эти данные очень ценны прежде всего потому, что до сих пор, как правило, культурное влияние рассматривалось односторонне, а именно, русского народа на коми. Этнографического материала, свидетельствующего об обратном влиянии известно не было. Однако эти взаимосвязи развивались лишь в относительно узкой полосе [5].[3]

К настоящему времени Коми АССР превратилась в экономически развитую республику с высоким промышленным потенциалом. Ускоренное развитие промышленности вызвало прилив инонационального населения. По данным переписи 1959 г. в Коми АССР коми составляли 31% (245,4 тыс. человек), остальные – русские – 48,6%, украинцы –

2

1

2

3

10,4%, белорусы – 2,8% и другие. Перепись 1970 г. дала уже следующие показатели: коми – 28,6% (276, 2 тыс. человек), русские – 53%, украинцы – 8,6%, белорусы – 2,6% и т.д. [6][4]

Таблица I

Национальный сосав населения

Национальность	**1959 г.**			**1970 г.**		
	Всего населения	**Городск. население (тыс. ч.)**	**Городск. население (%%)**	**Всего населения**	**Городск. население (тыс. ч.)**	**Городск. население (%%)**
Коми	245,4	65,1	26,5	276,2	91,4	33,0
Русские	369,0	287,4	72,5	512,2	376,3	73,4
Украинцы	81,4	64,6	79,3	83,0	62,5	75,3
Белорусы	22,6	16,6	73,4	24,7	18,6	75,3
Ненцы	19,8	13,4	67,6	14,6	10,8	73,9

Представители этих народов расселились не только в городах и других крупных центрах развивающейся промышленности, но в сельских районах вблизи от сел и деревень с коми населением и новых рабочих поселках, а также и в самих этих селах и деревнях. Например, в таком отдаленном, расположенном в верховьях Вычегды, селе Помоздино, где еще в 1939 г. кроме коми представителей никаких иных народов не было, в настоящее время живут коми (78%), русские (15%), украинцы (4%), белорусы (1%), немцы (0,8%) и представители еще 11 национальностей Советского Союза [7].[1] Одновременно усилилась подвижность местного коми населения. Значительные группы коми сейчас обитают во всех городах и поселках промышленного типа.

Сотни рабочих поселков, возникших в Коми АССР за годы Советской власти, оказывают огромное культурное воздействие на сельских жителей. А поскольку население их в национальном отношении крайне разнообразное, то определяющим процессом современности стала выработка единого уровня культурного облика, укрепление и развитие дружбы между людьми.

4
.
1

В первые десятилетия Советской власти до начала широкого промышленного строительства для Коми АССР был характерен незначительный процент этнического смешения в полосе этнических границ. Для современного периода типичен процесс усиленного этнического смешения, широкое распространение разнонациональных браков. Это явилось следствием смешанного расселения. Например, в пос.Койгородок-База в 1964 году обитало русских 55,1%, коми 32,5%, немцев 6,8%, украинцев 3,6%, белорусов 1,1%, представителей других народов РСФСР о,7% [8].[2] Наиболее интенсивно процесс смешения и распространения межнациональных браков развивается в городах и поселках лесной промышленности.

В последних данный процесс широко развивается потому, что как правило, на лесоразработки по договору приезжают молодые рабочие, охотно вступающие в брак с местными девушками. В результате обследования разнонациональных семей, проведенного в лесных поселках Сысольского района в 1964 г., в 77,2% браков были жена коми, а муж другой национальности. И лишь – в 22,8% семей были муж – коми, а жена иной национальности. При этом 68,8% таких случаев жена – русская [9].[1]

Пестрта населения и большое количество разнонациональных браков типично для всех лесных поселков Коми АССР. В пос. Красный Бор, расположенном в сравнительно глухой местности (в Верхолузье), в 1965 г. из всех изученных семей 41,6% оказались смешанными, причем из них в 49,1% случаях муж – русский, а жена – коми, в 12,28% муж – украинец, а жена – коми. Лишь в 14% семей оказались муж и русская жена и в 1,75% семей коми муж и жена украинка [10].[2]

Распространенность смешанных браков в городах Ухте, Воркуте и Сыктывкаре отчетливо выявляется при анализе, заполняемой при получении паспорта формы №1 (см. таблицу 2).

2

1

2

Таблица № 2

СТАТИСТИКА ПОЛУЧАЮЩИХ ПАСПОРТА ВПЕРВЫЕ [11][1]

№№ пп	**Годы**	**Кол-во получивших паспорта впервые**			**В том числе имеющих родителей разной национальности**						**Из них взяв**	
		Ухта	Воркута	Сыктывкар	Ухта	%	Воркута	%	Сыктывкар	%	Ухта	%
1.	1954	215	-	259	31	14,4	-	-	52	20,8	9	4,2
2.	1955	707	839	1498	94	13,2	153	18,2	176	11,8	50	7,0
3.	1956	699	456	1756	72	10,3	121	26,5	222	12,6	34	4,8
4.	1957	892	1367	1180	113	12,6	119	8,7	176	14,9	56	6,2
5.	1958	122	-	366	16	13,1	-	-	68	18,6	8	6,5
Итого		2635	2662	5059	326	12,4	393	14,7	694	13,7	157	5,9

Примечание: Лица, взявшие национальность не по родителям, в таблицу не включены.

1

2

Всего во всех городах за пятилетие с 1954 по 1958 гг. впервые получили паспорта 10 356 человек. Большинство из однонациональных семей, то есть из таких, в которых отец и мать принадлежат к одной национальности (86,4%) и только 13,6% получивших паспорта имели родителей разной национальности. Если провести сравнение в этом же плане между отдельными городами, то хотя и они имеют разный период существования и различную историю, так как Сыктывкар гораздо старше других городов и возник не как промышленный, а как административный центр, процентное соотношение между однонациональными и разнонациональными браками в них различается весьма незначительно. В среднем 10-20% всех браков являются разнонациональными. Несколько большой процент дает Воркута (26,5% в 1956 году). Но это и понятно, так как она имеет наиболее пестрый состав жителей. Зато в Сыктывкаре, где более высокий процент таких смешанных браков, в которых один из супругов коми. Приведем следующую таблицу.

Таблица № 3

Выбор коми национальности детьми из семей, в которых один из родителей коми [12].[1]

№№ ПП	Годы	Всего раз-но-нац. семей	Кол-во семей, где 1 из род. коми	%	Всего взяв. нац. коми	%	В том числе по отцу	%	В том числе по матери
1.	1954	52	35	67,3	11	21,1	3	5,7	8
2.	1955	176	126	71,5	68	38,6	30	17,4	38
3.	1956	222	159	71,6	73	32,8	25	11,3	48
4.	1957	176	131	74,4	72	40,9	27	15,3	45
5.	1958	68	52	76,6	25	36,7	16	23,5	9

Данная таблица показывает, что в Сыктывкаре почти у 72,5% получавших впервые паспорта за изучаемое пятилетие один из родителей был коми. Однако национальность коми из них взяли себе по другому из родителей. Среди этого контингента очень отчетливо выявляется большое влияние матери на выбор национальности. Почти 60% молодых людей данной группы сделали свой выбор по матери. Случайно ли это? Какова роль матери в этом выборе? По нашему мнению здесь основную роль сыграла не столько мать, сколько окружающая среда, родственники. Однако положение о выборе национальности по матери даже по Сыктывкаре верно лишь в отношении тех семей, где один из родителей коми. Если же провести расчет по суммарным числам общей

1

таблицы, то молодых людей, избравших себе национальность по отцу почти вдвое больше (6,7%), чем избравших по матери (4,3%).

Полученный при анализе формы № 1 материал объединен в ряд таблиц, которые мы здесь и рассматриваем. Таблица 3 показывает соотношение случаев получения паспортов выходцами из однонациональных и национально-смешанных семей. В целом наблюдается полное преобладание однонациональных семей 86-92% от общего количества. В Воркуте и Ухте этот процент более высок, чем в Сыктывкаре. Объясняется это преобладанием русского населения в этих городах. В Сыктывкаре же, большое место занимают коми. Соответственно это увеличивает количество смешанных браков. В Сыктывкаре процент получивших паспорта выходцев из смешанных семей достигает 13,7%, тогда как в Воркуте и Ухте он не более 8-9%. Причина этого в более частом вступлении в смешанный брак представителей коренной национальности.

Таблица 4

Соотношение случаев получения паспортов детьми из национально-смешанных и однонациональных семей.

№№ п/п		**Сыктывкар**		**Воркута**		**Ухта**	
		Кол-во человек	**%**	**Кол-во человек**	**%**	**Кол-во человек**	**%**
1.	Всего получивших паспорта	5059	100	2842	100	2695	100
2.	В том числе из однонациональных семей	4369	86,3	2611	91,9	2450	90,9
3.	В том числе из национально-смешанных семей	690	13,7	231	8,1	245	9,1

В таблице 4 показаны наиболее распространенные варианты смешанных семей. В Сыктывкаре резко преобладают браки с коренной национальностью (более 74%), в остальных городах этот процент значительно ниже. Чаще других в смешанные вступают русские. Примерно 83% таких семей (В Воркуте даже 88%) один из родителей русской национальности. На втором месте идут коми, но здесь процент по городам очень различен: если в Сыктывкаре 74% смешанных браков один из родителей коми, то в Ухте только 43,6%, а в Воркуте всего 16,3%. В Сыктывкаре наибольшее распространение имеют браки коми с русскими (65,3%). В остальных городах они распространены значительно меньше: в Ухте – 28,6%, в Воркуте – 15,1%. С другой стороны в этих

городах больше браков русских с людьми не коми национальности. В Сыктывкаре таких семей – 17,5%, в Ухте – 54,7%, в Воркуте почти 73%. Это объясняется высоким процентом русского населения в этих городах.

Таблица 5

Преобладающие варианты национально-смешанных семей

№№ п/п		Сыктывкар		Воркута		Ухта	
		Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
1.	Коми-русские	451	65,36	35	15,1	70	28,6
2.	Коми-украинцы	31	4,49	1	0,4	6	2,4
3.	Коми-белорусы	13	1,9	1	0,4	7	2,8
4.	Коми-ненцы	5	0,7	-	-	-	-
5.	Коми-евреи	4	0,6	-	-	-	-
6.	Коми-другие	7	0,1	1	0,4	2	0,8
7.	Русские-другие	121	17,5	168	72,7	134	54,7
8.	Прочие сочетания Наций	58	8,4	25	10,8	26	10,6
	Итого	690	100	231	100	245	100

Из других национальностей чаще вступают в брак с коми украинцы, белорусы, немцы (до 5% общего количества).

В следующей таблице 6 показано соотношение комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин. Сравнение межнациональных браков по участию в них мужчин и женщин показывает, что процент вступления в смешанный брак женщин коренной национальности выше, чем мужчин. В 69-72% коми-русских семей – мать коми. А в браках с представителями других национальностей это процентное соотношение еще выше. Объясняется это приливом лиц мужского пола на работу из-за пределов Коми АССР.

Таблица 6

Соотношение комбинаций межнациональных браков по национальности мужчин и женщин

№№ п/п		Сыктывкар		Воркута		Ухта	
		Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
1.	Русский-коми Коми-русская	310 414	68,7 31,3	25 10	71,4 28,6	56 14	70 20
2.	Коми-украинка Украинец-коми	9 22	29 71	- 1	- 100	- 6	- 100
3.	Коми-белоруска Белорус-коми	2 11	15,4 84,6	- 1	- 100	- 7	- 100
4.	Коми-немка Немец-коми	2 3	40 60	- -	- -	- -	- -
5.	Еврей-коми	4	100	-	-	-	-
6.	Другие национ. коми–друг. нац.	7 -	100 -	- 1	- 100	2 -	100 -
7.	Русские – друг. нац. Друг. нац. – русск.	64 57	52,9 47,1	80 88	47,6 52,4	63 71	46,6 53,4
8.	Прочие сочетания наций	58	100	25	100	26	100

Таблица 6 показывает, в каких сочетаниях национально-смешанных семей какой национальность выбирают дети. По всем трем городам в коми-русских семьях предпочитается русская национальность (в Сыктывкаре 62,5%, в Воркуте 77,1% и в Ухте даже 87,7%). В других сочетаниях семей с участием коми как правило, преобладает избрание коми (коми-украинцы в Сыктывкаре 74,2%, коми с другими нациями – 66,7%). В браках русских с представителями иных (из коми) национальностей процент примерно тот же (в Сыктывкаре – 79,3%, в Воркуте – 66%, в Ухте – 72,2%). Эти данные подтверждают уже высказавшуюся исследователями мысль о частичной ассимиляци коми русскими. Поскольку, однако, эта таблица не показывает, по которому из родителей выбиралась детьми национальность, то для ответа на этот вопрос составлена таблица 7. Из нее видно, что в коми-русских семьях 60-80% детей выбирают национальность по отцу. А вот в Коми-украинских, коми-белорусских семьях соотношение обратное (в Сыктывкаре в первом сочетании избрали по отцу 48,4%, во втором – 38,5%).

Однако эта таблица не дает основного, она не показывает, какую национальность избрал подросток, национальность которого из родителей он предпочел. На этот вопрос отвечает следующая таблица 7.

Таблица 7

Определение национальности по отцу

№№ п/п		Сыктывкар		Воркута		Ухта	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Коми-русская Русский-коми	89 186	63 60	3 23	30 92	4 52	28 92,9
2.	Коми-украинка Украинец-коми	5 10	55,5 45,4	- 1	- 100	- 6	- 100
3.	Коми-белоруска Белорус-коми	1 4	50 36,3	- -	- -	- -	- -
4.	Коми-молдаванка Молдаван-коми	- 1	- -	- -	- -	- -	- -
5.	Русские-другие нац. Другие нации-русск.	56 17	87,5 30,0	71 37	56 27	56 27	88,8 38
8.	Прочие национ.	28	48,2	12	13	13	50
	Коми-итальянка	-	-	1	-	-	-

Подростки из национально-смешанных семей выбирают себе национальность, как правило, по отцу: в коми-русских семьях в Сыктывкаре – 61,6% случаев, в Воркуте – 74,3%, в Ухте – 80%. Сходные показатели и по другим комбинациям смешанных семей.

Но и в коми-русских семьях в зависимости от национального состава городов показатели выбора подростков различны. Если в Сыктывкаре в семьях с русским отцом 60% подростков выбирает национальность отца, а в семьях, где отец коми, такой выбор делает около 63%, то соответственно в Воркуте 92% и 30% и в Ухте 98,9% и 28,5%. В сравнении с другими двумя городами Сыктывкар дает высокий процент выбора национальности подростком по коми матери (около 40%); и в Воркуте он равен 8%. Объясняется это той же причиной – более высоким процентом горожан коренной национальности в Сыктывкаре (отсюда и большое количество коми-русских браков) и влиянием коми среды. Следовательно, преобладает тенденция выбора национальности по отцу детьми от разнонациональных браков. К сожалению, мы не собирали мате-

риала по полу получающих паспорта и поэтому у нас нет возможности ответить на вопрос, влиял ли пол получающего паспорт на выбор национальности по отцу или матери.

Гораздо труднее выявить определение своей национальности детьми из смешанных браков в сельской местности. Похозяйственные книги по данному вопросу источник ненадежный, так как в них национальность ребенка записывается по воле родителей, и она может не совпасть с решением детей, достигших совершеннолетия. Что все-таки дает анализ похозяйственных книг? Очень отчетливо прослеживается тенденция давать ребенку национальность по коми матери: муж – немец, жена – коми, дети – коми; муж – чуваш, жена – коми, дети – коми и т.д. Но если мать иной национальности, что тоже встречается, дети записываются уже по коми отцу.

Несомненно, что здесь сказывается роль преобладающей среды, в данном случае коми.

В рабочих поселках, если один из родителей русский, дети записываются русскими. Но если родители не русские, например, отец – украинец, мать – коми, то в таких случаях детям дают национальность отца. Весьма интересным фактом является также распространение обычая записывать детей русскими при наличии обоих нерусских родителей. Например, в поселке Изъяшор Прилузского района в 1966 г. в похозяйственной книге были встречены такие записи: муж – украинец, жена – чувашка, дети – русские; муж – немец, жена – коми, дети – русские; муж – украинец, жена – коми, дети – русские и т.д. [13].[1] Из бесед с населением выясняется, что дети в подобных национально-смешанных семьях преимущественно признают себя русскими. Характерным также для таких семей является принятие русского языка для внутрисемейного общения и в качестве родного для детей даже в сельской местности.

Следовательно, на основе изложенного материала возможно сделать следующие выводы: а) в молодых городах Коми АССР, где удельных вес коренного населения города меньше, чем в Сыктывкаре, процесс смешения коренной национальности с другими идет быстрее и дети смешанных браков реже выбирают национальность коми; б) в молодых городах более ярко выявляется линия выбора национальности по отцу; в) в Сыктывкаре по сравнению с другими городами выше процент выбора подростками коми национальности (47,2% в коми-русских семьях); г) общая линия ассимиляционного процесса ведет к слиянию коми с русскими и процесс этот идет тем быстрее, чем меньше коренного населения в городе.

В условиях города и поселках городского типа материальная культура и быт населения различных национальностей нивелируются, скла-

---

1

дывается определенное единообразие. В сельской местности культурно-бытовые различия пока еще значительны, но и они постепенно нивелируются. Все более усиливается влияние городской культуры, в основе которой лежит общерусская современная культура.

Таким образом, можно говорить о том, что процесс сближения наций на территории Коми АССР происходит на русской основе. Совершенно отчетливо выявляется картина постепенного слияния коми с русскими, все более широкого восприятия коми разнообразных элементов общерусской культуры, переход коми населения на общегородскую культуру. Влияние коми на иные нации, заимствования из коми культуры в настоящий период гораздо меньше, чем в конце XIX – начале XX в.

Литература и источники.

1. Терентьева Л.Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // Советская этнография, 1969, №3.

2. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962, Т. 2, с.254.

3. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горно-заводского населения Коми края // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962, вып.7.

4. Жеребцов Л.Н. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX века). // Этнография и фольклор Коми. Сыктывкар, 1972. (Труды Института языка, литературы и истории, №13).

5. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1, оп.12, д.173.

6. Коми АССР за 50 лет (статистический сборник), Сыктывкар, 1971, стр.13.

7. Жеребцов Л.Н. Расширение межнациональных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период // Из истории осуществления ленинской национальной политики в Коми АССР. Сыктывкар, 1968, с.139.

8. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1, оп.12, д.108.

9. Там же.

10. Там же, д.140.

11. Там же. Д.173.

12. Там же.

13. Там же. Д.140.

ЭТНОГРАФИЯ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

3. КОМИ В СИБИРИ

КОМИ НАРОД – АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ*

XVI и особенно XVII вв. в истории России были веками и смелых путешествий и важных географических открытий. Отважные землепроходцы и мореплаватели год за годом шли вперед в неизведанные дали и присоединяли к России все новые и новые земли Сибири и Дальнего Востока. Осваивали северный морской путь. Отряд за отрядом шли дальше, пока не добрались до восточных берегов Азии и не убедились в том, что она отделена морем от соседней Америки, которую мореходы называли Новой Землей. И везде в числе участников этих походов, обычно даже проводниками, а зачастую и организаторами их были выходцы из Коми края. Уже в отряд Ермака Строгановы, как сообщает сибирская летопись, придали в качестве проводников 40 человек зырян. Летопись утверждает, что дорогу за Урал Ермак узнал у зырян Сольвычегодского уезда. “И вожи ему были зыряне” – сообщается в Ремизовской летописи.

С этого времени ни один поход без проводников из коми не обходился. Они были лучшими знатоками трудных сибирских дорог. Царские грамоты прямо указывают на необходимость черпать сведения у коми охотников и торговцев: “по сему наказу; идти в Мангазею и в Енисею на Тазовское рассмотреть и розведать места, и зырян торговых людей расспросить про место накрепко, чтоб розыскать места лутчею”, (Царская грамота от 1001 г.). А для успеха похода предлагалось взять “в вожи зырян торговых людей”.

В XVII в. очень много коми уходило в Сибирь. Большинство на промыслы, часто с торговыми целями, но многие уходили совсем и поселялись в новых местах. По данным переписи 1608 г. из жителей Вымской и Яренской волостий в Сибирь ушло 48 человек, причем 37 из них были убиты во время походов в Мангазею, Тобольск и Березов. В 1646 г. перепись дает следующие сведения: в целом из Коми края в Сибирь уходило около 10% населения (за 14 лет ушло 762 чел.), но из Вымских сел уход был гораздо значительным. Оттуда ушло 36,5 % населения.

---

* Работа написана в 1970 г. Опубликована в переводе на коми язык («Комияс важысянь ветлісны Сибирö») в журнале «Войвыв кодзув» (1971, № 1. С.57-58). Оригинальный вариант на русском языке не издавался. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

Недаром же вымичи во всех царских грамотах упоминается отдельно (зыряне и вымичи).

Коми люди основывали в Сибири свои поселения, даже городки. Так, в 1601 г. сургутские служилые люди обнаруживали в тайге зырянский городок". Первый острожек на месте богатой торговой Мангазеи был основан зырянами. А сам город Мангазею тоже был построен "служилыми людьми… зыряны и пустозерцы".

Возле г.Верхотурья в 1639-40 гг. по реке Турье имелось несколько деревень и в их числе были др. семейки Зырянина, Костьки Шешуковы, Семейки Гилевы, Лучки Игнатьева, Митьки Зырянина, Первушки Букина, Семейки Ошкова, Братьев Шешуковых, Андрюшки Клыкова, братьев Букиных, Зырянская, Мальцева, Елшовка (Шешуковых) и ряд других. В этих поселениях коми занимались сельским хозяйством и промыслами. На севере, где земледелием заниматься было нельзя, главным занятием являлись охота и рыболовство. Поскольку промышленники стремились добыть как можно больше пушнины, поскольку они безжалостно выбивали зверя. В конце XVI в. сургутские остяки (ханты) жаловались на то, что зыряне и вымичи "по их вотчинам и угожим местам и по лесам и по речкам, зверуют, бьют соболи и бобры, и лисицы и зверь выбили".

Значительная часть коми занималась в Сибири торговлей, выманивая нередко за бесценок меха у сибирских жителей. "Еда по волостям и по юртам и по лесам, и пототары и с вагуличи меняют свои товары на соболи и на бобры, и на лисицу и на белку, на всякую мягкую рухлядь, а исторговався ездят на Русь".

Слишком беззастенчивое ограбление малых народов Сибири приносило убыток государству тем более, что имели место случаи, когда торговцы даже царскую дань присваивали себе. В царской грамоте 1601 г. говорится, что торговые люди вымичи и пустозерцы приходили к мангазейским ненцам и дань с них имели воровством на себе". По этому поводу проводилось по указу специальное

Крупные торговцы из Коми края ходили со своими товарами не только в Сибирь, но далее до Китая. Не раз отправляли обоз с товарами в Сибирь купцы Сухановы. А Яренский купец И.П.Орлов даже содержан специальное судно на Байкале для перевоза грузов через озеро. Богатый крестьянин Усть-Немской волости М.М.Габов в начале XVIII века, торговавший мехами с Китаем, скупал для своей торговли добычу охотников 5 волостей: Усть-Немской, Мыелдинской, Пожегодской, Деревянской и Керчомской.

Многие коми записывались в казачество, были постоянными участниками военных походов. Так, в походе на пелымского князя Аблегирима в 1597-92 гг. участвовали "земские ратные люди пермичи и вятчане и вымичи и усольцы".

В 1594 г. в наказе князю П.Горчакову было указано по приезде на место построить острог и город Тобольск, а для этого “выкатить на рать на всю на служилые казаки по пяти бревен на человека и на Пермичь и на Вымичь и на Усольцев по пятнадцати бревен или по 10 бревен как будет пригоже”.

Отряд за отрядом углублялись в таежные дебри Сибири отважные землепроходцы, с него отправлялись в открытое море на маленьких корабликах – кочах, открывая новые земли, большие реки, неизвестные горные хребты, изучая морские берега. С Оби они перебрались на Енисей, с Енисея на Лену. Шли все дальше, и дальше на восток. В 1636 г. Федор Чюркин был послан в поход по Алдану (В 1641 г. он погиб во время похода на Индигирку, его коч разбило непогодой. В 1640-41 гг. Д.Зырян и С.Дежнев совершили конный поход на реки Яну и Индигирку. Вместе с ними ходил известный мореход Ф.Чюкичев. В 1642 г. Дмитрий Зырян с отрядом пришел от Индигирки на р.Алазею, где построил острожек для сбораясака с населения. В 1643 г. Ф.Чукичев да Иван Ожега с отрядом проехали по Индигирке и морем вернулись в Ленский острог. В 1643 г. Дмитрий Зырян, в отряде которого были Михаил Стадухин и Семен Дежнев морем добрался с р.Алазеи до р.Колыми. Путешествие длилось две недели. В устье р. М.Стадухин поставил острог. На его месте и сейчас стоит поселок Стадухино. В 1644 г. Епифан Волынкин и Богдан Зырянов совершили путешествие от Якутска до Индигирки; а в 1646 г. Иван Мезенец и Сергей Пустозерец спустились вниз по Колыме. В 1647 г. Федор Чукичев совершил морской переход с Индигирки до Алазеи (Известны шесть его плаваний по рекам Сибири и по морю). В 1648 г. С.Дежнев совершил морской поход вокруг Чукотки от р.Колыми до р.Анадыря, во время которого впервые по морю была обогнута Чукотка и доказано наличие пролива, позднее названного Беринговым. Это был важнейший из целой серии сухопутных и морских походов “служилых и промышленных людей” в XXVII веке.

Я называю здесь далеко не все походы, а лишь те из них, руководителями или активными участниками которых были коми. Этих отважных мореходов и землепроходовцев было многие десятки человек, а в их походах участвовали сотни людей. Вот, например, можно из них упомянуть Т.Заборца, В.Катаева, Д.Чистякова, С.Сорокоумова, М.Шадрина, М.Стахиева, С.Шубина, В.Курочкина и т.д. Но кто они были по национальности – сказать трудно. Вот, когда есть прозвище, место происхождения устанавливается легче. Например, у С.Дежнева в отряде имелись Усолец, Вятчанин, Холмогорец, Устюжанин, Чердынец и два Мезенца. Сам С.И.Дежнев был пинежанином. С Пинеги же был и другой выдающийся землепроходец XVII в. М.Стадухин. Распространенными в их среде были такие прозвища, как Тотменин, Поморовой,

Пинега, Пеженец, Новгород, Вятка, Владимирец, Галечанин, Лалетин, Коряла, Казанец, Кайгород и т.д.

Главную роль в освоении Сибири и Дальнего Востока в XVII в. играл русский европейский Север; называвшийся тогда Поморьем. Поморье охватывало территорию Вологды, Вятки, Устюга, Архангельска и многих других городов, включало и Коми край. Именно из этих мест происходили первые покорители Сибири. Все вышеперечисленные руководители имеют фамилии явно поморские. К сожалению, в XVII в. не было обычая записывать фамилии. Простые люди: крестьяне, промышленники, служилые – писались по отцу. Так, Дмитрий Михайлович Зырян во многих документах записан Дмитрием Михайловым. Хорошо, что еще имел такое характерное прозвище и оно попало в грамоты. Отсутствие фамилий очень затрудняет выявление национального состава покорителей Сибири. Несомненно, что они были активными помощниками в освоении Сибири и Дальнего Востока. Выше я уже называл руководителей отрядов Федора Чукичева, Дмитрия Зыряна и Богдана Зырянова. В числе участников походов были Д.Падерин, Лыткин, С.Аврамов, В.Пермяков, Ф.Чуркин, Ф.Пермяк, Д.Гуляев, Гилев, К.Юдин, М.Коновалов, К.Королев, С.Протопопов, Ф.Ветошкин, Вижемцев, Т.Боголюбов, И.Катаев, М.Колесов и многие другие. Несомненно, что какая-то часть носителей этих фамилий была коми, так как не только их фамилии, но и характерные их прозвища: Сысолетин, Вычугжанин, Пермяков, Зырянов говорят об этом.

И в выдающемся морском походе С.Дежнева вокруг Чукотки принимали участие выходцы из Коми края, смелые путешественники и мореходы (сколько их было, пока неизвестно, но во всяком случае, когда С.Дежнев достиг района Анадыря, в составе 12 человек его партии имелись Иван Зырянин и Фома Пермяк. Кроме того, не надо забывать и о том, что вышеупомянутые Д.Зырян и Ф.Чукичев были друзьями С.Дежнева, не раз вместе с ним ходили в походы, годами служили вместе.

К концу XVII в. к России были присоединены также Чукотка и Камчатка. Основным исследователем Камчатки были уже упомянувшийся выше пинежанин М.Стадухин. А в начале XVIII в. российские мореходы вышли в открытое море. Вначале они открыли и посетили ближайшие к берегам Сибири острова. Так, В.Пермяков участвовал в походе на Новосибирские острова. В 1745-46 гг. зимовали на ближних Алеутских островах М.Наводчиков и Я.Чупров. А в 1750 г. на островах Умалашка и Уманка прожил два года Яренский посадский человек С.Глотов. Он первый положил эти острова на карту.

В XVIII в. русские мореходы добираются и до Аляски. И всюду рядом с ними шли коми. В этой статье рассказано о некоторых из них.

Изучение сибирских архивов только еще начинается. Исследователей ждут новые находки и открытия.

МНОГО ЛИ КОМИ В СИБИРИ?*

I

Да, много ли сейчас коми, издавна живущих в Западной Сибири? Этот вопрос возник перед нами, как только мы занялись изучением заселения Сибири выходцами из европейской части России. Этот процесс начался с XVII в., но характерно, что еще до начала похода Ермака Тимофеевича, проводниками всех русских отрядов в Сибирь были коми. В царских грамотах прямо указывается воеводам брать опытных проводников из зырян, а без них за Урал не ходить. В конце XVI в. /1598 г./, например, большой отряд Федора Дьякова вел на Березов вымич Василий Тарабукин.

Все это говорит о том, что наши предки задолго до начала официального освоения Сибири познакомились с этим далеким краем и неплохо знали его.

Коми стали активными участниками освоения и заселения западной Сибири не только ее северной части, но также и южной, вплоть до Алтайского края. Легенды о богатой Сибири, о ее свободных и плодородных землях были широко известны в народе, и разоренные налогами и неурожаями, обезземеленные, обнищавшие коми крестьяне бежали в Сибирь искать хлебные места. Бежали не одиночками, бежали семьями, группами в десятки и сотни людей сразу.

Куда они уходили, где находили себе приют, где оседали снова? При изучении карты Западной Сибири бросается в глаза большое количество названий сел и деревень, будто бы прямо позаимствованных с распространенных коми фамилий. Смотрите сами: например, в Алтайском крае имеются сельсоветы –-Гилевский /даже два/, Гилеологовский, Завьяловский, Полевский, Жилинский, Бобковский, Рубцовский, Сидоровский, Мамонтовский /целых три/, Новотырышкинский и т.д. В Новосибской области – Коноваловский, Королевский, Старотырышкинский, Пономаревский, Сидоровский, Мамонтовский, Серебренниковский, Доронинский, Завьяловский, Черепановский, Гилевский, и т.д. И так по остальным сибирским областям. Конечно, далеко не все эти названия имеют свои корни в коми фамилиях. Но все же они заставляют задуматься. И совершенно несомненно, что около десятка таких названий, как Зырянка, Зыряновск, Зыряновское возникли не без участия зырян, как назывались коми в дореволюционное время.

---

* Работа написана в 1969 г. после экспедиции в Западную Сибирь и Алтайский край. Публикуется по машинописной копии с авторской правкой из личного архива составителя.

Очень интересные данные о заселении Сибири дают старые переписи населения. В 1720 г., например, по указу царя Петра I была проведена перепись населения Сибири. Жителей тогда было не так уж много, но в числе обитателей сибирских деревень, которые, кстати, уже тогда очень часто имели названия, произведенные от коми фамилий /Тарабукина, Гутова, Першина, Таскаева, Елгина, Ботева, Турунтаева, Мальцева и т.д./, перечислены Сысолетин, Сысленин, Порськоков, Гуляев, Выметянин, Айкин, Мезенцев, Момотов, Кынев, Бараксанов, Гилев, Пырсиков, Выметников, Еренский и т.д. /Надо учесть и то, что выше названных деревнях жили крестьяне именно с этой фамилией/. Я думаю, никто не решиться утверждать, что носители этих фамилий были не коми по национальности.

Но мы имеем и более веские доказательства. В архивах Алтайского края и Томской области сохранились фонды Колывано-Воскресенских заводов Демидовых. В толстых, покрытых пылью веков томах, переплетенных в мешковину, сохранились десятки списков заводских рабочих. Написанные выцветшими чернилами неразборчивой скорописью на старинной шершавой пожелтевшей от времени бумаге, эти списки сообщают нам о сотнях коми крестьян, приписавшихся к заводам, ставших крепостными заводчиков Демидовых, лишь бы не возвращаться назад.

Богатые плодородные земли манили коми крестьян, и они готовы были на все, лишь бы оставаться. Они не знали, что демидовское крепостничество будет для них ничуть не легче царского ярма.

Приведу несколько примеров. В одном из списков от 1749 г. перечислено около 200 семейств из Яренского, Усть-Сысольского и Соль-Вычегодского уездов, в числе которых Лазарь Попвасев из Усть-Куломской волости, Лука Опарин из Княжпогостской трети, Федосей Кузнецов из Жешартской волости, Степан Вахнин из Ношульской волости, Мирон Леканов из Объячевской волости, Остафий Фролов из Лоемской волости и многие другие. В другом списке, более позднем, от 1820 г. находим Ивана Гичева из Керчомской волости, Арефия Трегоева из Важгорского погоста, Никифора Ванеева из Венденской волости, Ивана Уродова из Пыелдинского селения, Петра Осипова из Палевицкой волости и т.д.

За то небольшое время (около двух недель), которое мы успели поработать в архивах, мы обнаружили более тысячи семей коми переселенцев в Сибирь. А сколько их было в действительности? Не даром же почти в каждом коми селе, каждой деревне сохраняются рассказы о том, как целыми семьями уходили люди в Сибирь искать лучшую долю, уезжали и назад не возвращались.

Где же они могли остановиться? Несомненно, что прежде всего в тех деревнях, которые носят коми названия. Однако, эти села и деревни

находятся в русском окружении. В течение 100-150 лет жители этих деревень были оторваны от других коми, не поддерживали с ними контактов. Возникает вопрос: сохранились ли в настоящее время в Западной деревни, в которых жители были бы коми, говорили бы между собой на коми языке? Есть ли еще такие деревни или от коми в Сибири остались одни географические названия?

И мы решили поехать и поискать ответ на эти вопросы на месте.

Для первой поездки мы выбрали Алтайский край. Там названий сельсоветов так сказать, с коми привкусом довольно много, и больше надежд, что можно встретить потомков коми переселенцев. Предки наши добирались до Алтая кто пешком, кто на лошадях, мы уже предпочли самолет. От Сыктывкара до Свердловска долетели за два часа, хотя из-за разницы поясного времени практически получилось три часа. От Сыктывкара до Новосибирска – тоже 2 часа и еще полчаса до Барнаула – главного города Алтайского края. Так что в воздухе мы были менее пяти часов. На весь путь, главным образом, на ожидание очередного рейса, ушло несколько более полусуток, с учетом того, что в Новосибирске время идет на 4 часа вперед по сравнению с Москвой. Мы вылетели из Свердловска в час ночи по-местному. Летели до Новосибирска 2 часа, но когда сели, местное время показывало 5 часов утра.

Столица Алтайского края – город Барнаул, расположен в устье маленькой и мутной речки Барнаулки. Город большой, более 450 тыс. населения, с развитой промышленностью. Барнаул походит на Сыктывкар тем, что все новое строительство в нем ведется на вновь застраиваемых участках. Старая часть города менее благоустроена, чем в Сыктывкаре. Многие улицы даже не замощены. Но главная улица – проспект Ленина и центральная площадь города очень красивы. Они застроены многоэтажными нестандартизованными домами. На самом высоком месте, видимый издалека со всех сторон, возвышается дворец спорта. Город быстро изменяется и благоустраивается.

Одна из самых старых улиц города сейчас носит имя Ивана Ползунова, знаменитого изобретателя действующей паровой машины, который жил, работал и умер здесь, в Барнауле. Здесь же работала и его знаменитая огненная машина. Заброшенная после смерти изобретателя, она долго валялась на берегу Барнаулки, неоцененная владельцами заводов. А изобретатель вложил в нее всю свою жизнь, свою душу и свой небольшой заработок. Никакой награды за свое изобретение Иван Ползунов не получил и умер в нищете.

В Барнаульском краевом музее собраны богатые материалы по истории края и в том числе по истории Колывано-воскресенских заводов уральских заводчиков Демидовых. Именно здесь на Колыванском заводе руками крепостных мастеров были изготовлены чудесные изделия из

яшмы, малахита и других ценных минералов. В частности, Малахитовый зал Эрмитажа оформлен именно изделиями здешних умельцев.

Старинный Колыванский завод работает и сейчас. К сожалению, мы не смогли посетить его.

Местные алтайские исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о происхождении названия главного города края. В краевом музее объяснено, что оно переводиться со значением “широкие луга”. Один из исследователей истории Алтая, заведующий архивным отделом Алтайского крайисполкома П.А.Бородкин утверждает, что район города принадлежал татарскому хану Барне. По имени хана и назвали город Барна-аул, сокращенно Барнаул. А потом и речку назвали Барнаулкой. Мне представляется и то, и другое объяснение ошибочными. Поэтому хочу предложить свое. Я считаю, что именно речка была названа Барна древним алтайским населением. Город /в начале небольшой заводской поселок/ был основан в устье речки, в самых низовьях. Основателями, строителями поселка и завода были крепостные люди Демидовых, вывезенные ими Поморья. А Поморье охватывало в то время Архангельскую, Вологодскую и Вятскую губернии. Следовательно, среди первых поселенцев было немало и коми /зырян и пермяков/. Они и стали называть поселок в устье Барны Барна-ул. Упомянутый П.А.Бородкин в своей книге приводит факты, подтверждающие, что среди первых поселенцев были люди из Соликамска, Яренска, Сольвычегодска и других соседних мест. По моему убеждению это объянение является более правильным, чем выше приведенные два других.

Обосновавшись в городе мы приступили к поискам коми на Алтае Беседы с руководством края непомогли. Все авторитетно утверждали, что ни зырян, ни тем более никаких коми в крае нет. П.А.Бородкин рассказывал, что в его родном селе Мамонтовском лет 40 назад был зырянский конец, но сейчас никого не осталось, что среди его друзей есть люди, которые родом из зырян, но они все настоящие русские. И лишь в краеведческом музее нам порекомендовали посетить с.Зыряновка и Новозыряновка Сорокинского района. “Не знаю, как теперь, - сказал зав. отделом дореволюционной истории, - в конце XIX в., согласно документам, там жили зыряне”.

II

И мы решили ехать в Сорокинский район. Он расположен в северо-восточной части Алтайского края. Из Барнаула идет электричка до станции Заринская. В 10 км от нее находится районный центр с.Сорокино, а село Новозыряновка расположено в 7 км от райцентра. Здесь нас ожидал и успех, и разочарование. Успех в том отношении, что в с.Новозыряновка до сих пор живут и здравствуют десятки семейств

коми-пермяков. Коми-зырян там раньше было несколько семейств и теперь почти никого не осталось.

Алексей Утев, местный уроженец, лет 40 от роду, рассказал: “Я сам русский, но отец и мать были пермяки, всегда разговаривали между собой по-пермяцки, а я уже не умею говорить, но много слов знаю, например, пызан, нянь, пань и т.д., и когда другие говорят, понимаю. Старики тут у нас многие по-пермяцки говорят.”

В сельсовете нас снабдили адресами, дали характеристику адресатов и устроили ряд встреч с местными старожилами.

Первым пермяком, вернее пермячкой, с которой мы побеседовали, была теща председателя Боталова Василиса Еремеевна /69 лет/. Она рассказала, что в Сибирь приехал ее дед с малолетним сыном. Сама она родилась уже в Новозыряновке. С детства говорила на своем языке и сейчас рада поговорить по-пермяцки. К сожалению, с нами ей было трудно говорить, ибо мы очень плохо владеем коми-пермяцким языком.

Василиса Еремеевна свободно говорит по-русски, но характерный коми акцент у нее заметен.

- Мы, старики, очень любим свой язык. Как соберемся вместе, только по-пермяцки говорим. Это молодые сейчас уже совсем не знают дедовский-то язык. Вот моя дочка совсем не знает по-пермяцки, но понимать-то понимает, если скажешь что.

Родственников в Росси, наверно, нету. Мы ведь давно уехали и потом никуда не ездили. Те все российские, а мы сибирские. А может там не осталось уже никого. Вот у мордвы / в Новозыряновке живет значительная группа мордвы / в России свои остались, так они на своем языке получают оттуда газеты и книги. А мы нет. Наверно на нашем языке в России не печатают. А интересно было бы почитать газету или книгу на нашем языке.

- Почему Вы записаны в документах русской, если Вы сами считаете себя пермячкой?

- В 30-40-х годах, когда переписывали, нам сказали, что такой нации нет в СССР и всех записали русскими. Вот нация мордва в России есть, поэтому и здесь они тоже мордвой записались и мордвой считаются.

Василиса Еремеевна не смогла припомнить, откуда родом были ее дед и отец.

Точные данные сообщил Петр Афанасьевич Баяндин.

- Деды наши приехали из Соликамского уезда и назывались пермяками. А коми-пермяки это совсем другие. У нас даже разговор иной. Они, например, говорят “локны”, а мы говорим – “вокны”. Здешние пермяки почти все соликамские / верхнеязьвинские /. Поэтому и поселились здесь вместе, своим концом. Не сразу удалось твердо обосноваться. Старожилы сперва не давали согласия на наше поселение. Но

потом уступили. Тогда образовался в деревне Лаврентьево этот пермяцкий конец.

Поселенцы придерживались земляческих принципов, и выходцы из соседних мест селились друг подле друга. П.А.Баяндин рассказывает “Сам-то я уже здешний, сибирский, тут родился. А отец мой был российский. В 1898 г. дед мой Яков Иванович Баяндин приехал в Сибирь из Соликамского уезда со всем семейством. С ним приехали три сына и две дочери. Дед мой был слепой / темной /. Семья была большая, а хозяйство нищенское, всегда голодали. Выхода не было, и тогда дед, несмотря на свою слепоту, решил ехать в Сибирь. Все, что могли, продали и на своей лошади отправились на поиски новой жизни. Единственное богатство семьи – 70 коп. серебром, дед носил на шее в кожаном кисете. Ехали три месяца. Припасов не было, кормились христовым именем /просили милостыню/. Тут много наших жило в Новозыряновке как пермяков соликамских, так и зырян. Дед тоже около них поселился. Жили дружно, держались друг за дружку. Свой язык берегли, женились между собой. Но связи со старым дедовскими местами не поддерживали, с российскими не переписывались и к ним не ездили.” С какого времени начал забываться пермяцкий язык?

- Мы уже третье поколение, и мы, как и отцы наши, говорим по-пермяцки и считаем себя пермяками. Хотя по документам мы все записаны русскими и родной язык тоже русский записан. А вот мои дети, они уже действительно русские. Они и сами так считают, да и говорят только на русском языке. Нашего они уже не знают. Но кое-что все-таки понимают. Скажешь ему “уходи” / мун / или “возьми” / босьт /, или “выйди” / пет /, поймет и выполнит. Когда старики одни остаются / дети вырастают и разъезжаются /, они всегда только на своем языке и говорят.

- Вы говорите, что ваши дети считают себя русскими. А они знают, что родители у них не русские?

- Конечно, знают, и что язык у нас свой – знают. Слышат же, как мы говорим, но все равно себя считают русскими. Да и мы сами их так воспитали. При детях старались говорить только по-русски. Своему языку не учили. Вот они и не считают себя пермяками. Да по-пермяцки, наверно, нигде не учат, везде по-русски.

Я рассказал ему о Коми-Пермяцком национальном округе, где дети обучаются на пермяцком языке, где печатаются не только учебники, но и масса других книг на родном языке, издаются газеты и журналы, ведутся передачи по радио.

Итак, четвертое поколение новозыряновских пермяков утрачивает самосознание, дедовский язык и органически сливается с окружающим русским населением. Дети П.А.Баяндина и И.Е.Кривощекова вступили в брак с представителями русского населения. Коллективизация нанесла

сокрушительный удар по земляческим объединениям, сдружила и сблизила людей разных национальностей. Широко распространились смешанные браки, прежде встречавшиеся лишь в качестве исключения. Существование браков внутри своего землячества было причиной того, что в брак вступили однофамильцы, дальние родственники.

Кроме родного языка новозырянских пермяков в незначительной степени сохранились произведения коми-пермяцкого фольклора. Василиса Еремеевна исполнила нам песню на мотив, близкий “шондi банöй”.

Кыдзö тiö мунатö,
Мыля менö колятö!
Кыдзь ме понда овнытö?
Ой вынсö чувтны?
Гажа вунас оз уджöд,
Мича войсö оз узьтöд.

Спели нам также несколько частушек, например:

Петышта да йöктышта,
Сарапанöс лэптышта.
Сур да брага корвсьö?
Вина чарка сорвасьö.

А в быту новозыряновские пермяки сейчас ничем не отличаются от своих русских соседей. Сын Ивана Егоровича Кривощекова Филипп, 1928 года рождения, работающий мастером производственного обучения в ГПТУ в г. Прокопьевске Кемеровской области, пытался объяснить, почему они себя считают русскими.

- У отца с матерью есть, правда, свой язык, пермяцкий, но они все равно уже почти русские. Ну, а мы этого языка уже не знаем. Говорим только по-русски, жены у нас сибирячки, кроме русского, никакого другого языка не знаем и не знали, живем, как все, работаем. Почему мы должны себя считать не русскими, а пермяками. Мы самые настоящие сибирские русские и есть.

Рассуждения Филиппа Кривощекова – яркий пример утраты прежнего национального самосознания и формирования нового самосознания. Филипп явно старается убедить и себя, и других в том, что он имеет право считаться русским.

Познакомиться с единственным оставшимся в Новозыряновке зырянином Пальшиным Дмитрием Ивановичем / 1909 г. рождения / нам не удалось. Его не было дома: пропадал на пожнах.

Изучение похозяйственных книг Новозыряновского сельсовета доказало, что в окружающих деревнях и поселках есть ряд семей с чисто коми фамилиями. Вот, например: на ст. Копылово числятся семьи Золотаревых, Ширяевых, Савельевых, Черновых, Гусельниковых, Пальшиных, Пантелеевых, Габовых, Мальцевых, Кудиновых, Поляковых. Несомненно, коми-пермяцкими являются Каркавины, Баяндины, Черда-

цевы, Баталовы, Кайгородовы и т.д. Вероятными потомками коми-зырян и пермяков в с. Новозыряновке являются Утев, Шмаков, Петухов, Чупов, Мезенцев, Поляков, Чуклев, Чернов, Удорцев, Кайгородов, Кривощеков, Мальцев, Баяндин, Баталов, Габов и т.д. Ряд других, мало определенных, можно с одинаковой степенью вероятности приписать и коми, и русским / Пономарев, Истомин, Киселев, Савельев, Макаров, Климов и некоторые другие. /

Поскольку в окрестностях Новозыряновки не сохранилось сколько-нибудь значительных групп коми-зырян, а у одиночных семей мала вероятность сохранения родного коми языка, поэтому решено было объезда по всем деревням не делать, а выехать в Зыряновку, находящуюся в 40 км от Новозыряновки.

III

Председателя колхоза Едыкина Николая Семеновича заинтересовал вопрос: поймут нет нас местные жители. И вот не успели мы подъехать к крайним домам села, как он окликнул первую встречную старуху, которая по его словам была “комячкой” и, подозвав ее к машине, предложил нам поговорить с ней. То ли от неожиданности, то ли моё произношение было виновато, но старуха с большим трудом, после двухкратного повторения поняла всё же слова приветствия.

Село Зыряновка сравнительно большое. Расположено оно на берегах речки Мостовой. Кругом на увалах поля. Тайга от села в 10-12 км. Поскольку речка очень извилиста, а дома идут вдоль берегов, то ни о какой регулярной планировке села говорить не приходится.

Сельсовет объединяет четыре населенных пункта. Из них два вместе: с. Зыряновка (609 чел.) и д.Мостовая (547 чел.), и два в стороне: с.Жуланиха (1012 чел.) и пос. Агафьевск (195 чел.). Всего населения в сельсовете 2356 человек (1049 мужчин) и 1307 женщин. В сельсовете 4 клуба, 4 школы, 2 медпункта, 1 ветучасток, 2 отделения связи, 2 библиотеки с фондом книг 5 тыс. экземпляров, 3 киноустановки. Население объединено в 2 колхоза. В селе Зыряновка расположен колхоз “Красный партизан”. Это крепкое передовое хозяйство. Основное направление в колхозе – зерновое. Урожай почти ежегодно высокий. В 1967 году колхоз вдвое превысил план сдачи зерна государству, а в 1968 г. даже втрое. Колхозники получили по две-три машины зерна. Центнер зерна в колхозе стал 10 руб. В 1969 г., поскольку из-за засухи урожай значительно меньший, колхозники, имея значительные запасы зерна, согласились весь урожай (кроме посевного фонда) сдать государству, а свой заработок получить деньгами от колхоза из расчета 20 руб. за центнер. Вообще земля в Зыряновке черноземная, урожайная.

По своим постройкам село не имеет черт сходства с нашей северной деревней. Нет там крупных построек, объединяющих под одной

крышей жилой дом и двор. Как и в других местах южной Сибири в Зыряновке небольшие невысокие дома под шатровой крышей, в плане пятистенные или крестовики: кухня и две-три комнаты. Для сеней делается небольшая пристройка. Хозяйственные постройки стоят отдельно от жилья на усадьбе. Дома фасадами выходят на улицу. В кухне сохраняется русская печь, но полатей нет. Высота помещения – небольшая. В обстановке жилища каких-либо специфических черт, близких коми также не заметно.

Старики рассказывают, что когда они туда ехали, то везли с собой весь немудреный крестьянский скарб, вплоть до хлебных досок (нянь пöжалан пöв). Но постепенно все старое заменилось. Берестяные пестери, например, уже исчезли, но слово “пестерь” осталось – так теперь называют плетенный короб на телеге. По-прежнему плетут корзины (наберушки), но уже из ветвей акации, не ивы.

Первые поселенцы не держали гусей, уток и свиней. Теперь же у всех в личном хозяйстве они есть и коми не отказываются есть свиное мясо.

Не сохранилось предметов старинной одежды. Нам удалось найти и зарисовать несколько узорных поясов и рукавиц, изготовленных на месте по старинным образцам. Сейчас узорные рукавички снова вошли в моду, и многие женщины обучаются мастерству вязания у нескольких знающих это искусство старух, так что коми узоры распространяются и среди местных русских, украинцев и даже немцев.

Несмотря на то, что мы прибыли в село поздно вечером, весть о прибытии гостей из далекой Коми АССР молниеностно распространилась по селу. С утра к нам появились посетители, ибо наше прибытие вызвало очень большой интерес в деревне.

Традиционное коми гостеприимство еще не совсем забыто в Зыряновке Нас стали приглашать в гости с первого дня. Гостеприимно встречали и те хозяева, к которым мы заходили для беседы.

Один из первых, с кем нам довелось побеседовать, был экономист колхоза Киршин Николай Иванович (35 лет). Он рассказывал:

- Отец мой был коми, а мать русская. В семье говорили больше по-русски, поэтому я по-коми говорить не умею, но все понимаю. Откуда мои деды были, точно не скажу, но помнится, дед говорил, что наши приехали с Эжвы. О Коми АССР мне, конечно, известно, но где там была Эжва и что это такое, я не знаю.

Председатель сельсовета, Торопов Федот Иванович, тоже наполовину русский и также не владеющий коми языком, объяснял, что отец его настаивал на разговорном русском языке в семье, чтобы сыну легче было учиться в школе. Школьники, у которых с детства родным языком является коми, в начальных классах путают буквы Х и К, Ф и П, непра-

вильно ставят ударения и нарушают согласование слов в предложении. Этот недостаток наблюдается и в школах Коми АССР.

Сейчас в Зыряновке живут II, III и IV поколения переселенцев. Из переселенцев I поколения, приехавших из Коми АССР на Алтай в селе в живых сейчас одна только Матвеева (по мужу Ушакова) М.Е. 86 лет. Она очень хорошо помнит свои молодые годы, охотно рассказывает, как приехали сюда.

- Коми тут почти все из верховьев Сысолы (Сыктыл), из Койгородка, Ужги (Ужья), Гривы, Кобры, Габдора. Ехали мы в начале вниз по Сысоле на лодках, проехали Палауз (Палазья), Вотчу (Волся), Иб, прибыли в Сысола-кар. Там где-то есть большое село Визин, но туда мы не заезжали. Из Сысола-кара мы плыли вниз по Эжве до Котласа. А там уже по железной дороге в Сибирь и в Тобольске сделали остановку. Я уже большая была, 19 лет мне было, хорошо помню, как ехал сюда. Наша-то семья была из Гривы. Там лес был близко. Мы, девки, ходили собирать чӧд да пув в наберушку и пестерь. А здесь теперь пестери делать не умеют. Только наберушки да кузова плетут.

И действительно, говор зыряновских коми напоминает верхнесысольский. Они употребляют такие слова, как баитны, кырым и т.д.

Очень характерен и фамильный состав. В зыряновке живут Турубановы, Истомины, Ушаковы, Турышевы, Даниловы, Кармановы, Ладыгины, Каневы, Габовы, Матвеевы, Тороповы, Костины, Тарасовы, Мелехины, Шевелевы, Шараповы, Чесноковы, Киршины, Кузевановы, Бабченковы, Тебеньковы, Ивашевы, Кузнецовы, которые в похозяйственных книгах 1935-38 гг. записаны еще зырянами. Правда, одновременно у всех у них уже тогда имелись русские однофамильцы (Турубанов, Киршин, Тебеньков, Костин, Торопов). Есть даже русские Кузевановы и Гутовы.

В современных похозяйственных книгах сельсовета ни коми, ни зырян вообще нет. Все жители сельсовета русские. В то же время работники сельсовета точно указали нам, какая семья в селе действительно русская, какая смешная, какая другой национальности. В сельсовете прекрасно известно, кто в деревне русский, а кто коми.

А.Чесноков рассказывает, как он стал русским:

- На призывном пункте, как стали меня записывать, я назвался коми. А записывающий отказался так записать. Никаких коми тут нету, да и брата твоего, говорит, я знаю, он русский. Брат мой тогда в райкоме работал. Вот и записал он меня русским, да еще брату пожаловался на меня, что я их только путаю, каким-то коми называлось. Так и стал я по документам русским.

Очень интересен тот факт, что хотя жители Зыряновки уехали из Коми края задолго до 1917 г., уехали тогда, когда их официально звали

зырянами (поэтому и село названо Зыряновкой), сами себя они и сейчас называют коми, а не зырянами.

Очень приятно было слышать коми речь на улицах села. Чувствуешь себя как в родной коми деревне, только дома здесь совсем другие. У большинства людей коми, говорящих по-русски, даже характерный акцент сохраняется. Так же путают звуки К и Х и т.д.

Вообще у жителей Зыряновки язык очень чистый. Но в то же время они забыли уже много слов, менее необходимых в повседневном быту, заменили их русскими, и как правило, с неправильным ударением, например, белка, липа, кедра, осина и т.д. В ряде случаев потеряны частные названия и заменены общими, например, земляной червяк не нидзув, а просто гаг и т.п.

Коми всегда любили яркие узорные вещи: чулки, варежки, перчатки, пояса и т.д. У жителей Зыряновки дольше всего из привезенного с дальней родины сохранились именно узорные вещи. До сих пор еще встречаются узорные пояса, которые очень берегут, вяжут узорные рукавички и чулки, но узоры не яркие. Женщины вспомнили названия нескольких старинных узоров: куран сер, перна сер, елка. Широкий узорный пояс носили и мужчины и женщины. Он назывался кушак. Узкий поясок применяли только мужчины, назывался он вöнь.

Вообще старых дедовский вещей в употреблении уже почти совсем нет. Несколько более устойчив, оказался народный фольклор. Митрофан Семенович Кузнецов рассказал нам несколько сказок про солдата и царя да про Кашмана Бессмертного. Женщины спели несколько песен и частушек. Вот некоторые из них:

1) Кöч йöктö, ой йöктö
Табан кокнас,
Чири-бири бöжнас,
Карнан коснас,
Шöлк тупыль юрнас,
Сьöд сэтöр синнас.

2) Мича зонмöй молодечöй
Шоча тай волывлан.
Рад бы мэ эськö волывлì,
Нинöмöн козьнасьны.
Ме Питерас-кö ветла,
Дона козин вая,
Дона козин, кык козин,
Кумач да китайка.
Ме кумач-тö ог новлы,
Китайка ог пасьтав,
Сидз любитчам, тада любитам,
Босьт мем зарни чунькытш,

Зарни чунькытша, кык чунькытш,
Круг гögöр гögöртам,
Куимысь окасям.

2) Менö мамöй катìс
И ачыс ёна горзìс.
Чеччы муса нылöй,
Просватайтì.
Ме юалì: код сайö?
Кодкöд орсìн сы сайö.

Во многих случаях женщины не могли исполнить всю песню, знали только какую-то часть.

Койгородские коми живут в Зыряновке уже более ста лет.

Митрофан Семенович Кузнецов (1897 г.) рассказывает:

- Я очень интересовался, почему у нас свой язык, не русский, откуда мы сюда пришли, и много расспрашивал стариков. Они рассказывали мне, что первые семьи появились здесь в 1862 году. Первыми были семьи Костиных и Лебедевых. Их общество послало на разведку. Когда наши деды выехали, то они не сразу сюда приехали. Им вначале отвели место в Тобольской области. Но дедам это место не понравилось, так как оно было в стороне от реки. Вот тогда и послали ходоков на Алтай. Костин и Лебедев выбрали место в Зыряновке и позвали сюда остальных. Тогда здесь стояла тайга и только в стороне существовала деревня Мостовая, где жили русские. Ссоры с ними не было, но и дружбы не было. Жили сами по себе.

Имеющиеся документы подтверждают, что большая группа зырян из Вологодской губернии действительно приехала в Зыряновку около 1870 года. Позднее к ним присоединились и другие. Но приехали не на пустое место. Наоборот, именно сюда они и ехали, в то место, где уже жили зыряне и была деревня Зыряновка. Архив Алтайского края имеет сведения о том, что Зыряновка была основана около 1803 года. По ревизской переписи 1816 года в ней жили Черновы, Казанцевы, Гусельниковы. К настоящему времени этих фамилий в селе сосем нет, но они встречаются в других селах.

Коми в Зыряновке внимательно слушают все известия о Коми АССР. Большое удовольствие им приносят коми песни.

Очень мало по радио коми песен передают, а нам очень интересно, - говорит Чеснокова Евдокия Сергеевна, - один раз из Москвы концерт передавали, мы все так слушали. Хорошо, если бы почаще такие концерты бывали.

Сохранились у них некоторые сведения о том, как жили и чем занимались предки, живя в Коми крае. Кузнецов М.С. с большим интересом выяснял, работает ли теперь Кажимский и Нючпасский заводы. Дед говорил, что они руду добывали для этих заводов.

Мы рассказали им об изменениях в Коми АССР, что вместо трех старых заводов у нас создана мощная промышленность, добывается нефть, газ, уголь; найдены и другие полезные ископаемые; в республике работают десятки различных крупных заводов, выпускающие очень различную продукцию. Коми АССР теперь – передовая экономически развитая с высокой национальной культурной автономная республика.

ЭТНОГРАФИЯ КОМИ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ

4. РАБОТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДРУГИМ ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГРАФИИ

НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ ДВИНСКО-ПЕЧОРСКОГО РЕГИОНА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ) *

Жилище печорско-двинского региона освещалось в работах многих путешественников, краеведов и исследователей (Н.Д.Голицын, С.В.Мартынов, М.Б.Едемский, И.В.Маковецкий и др.). Первые и вторые дали богатый фактический материал. Третьи предприняли попытки проанализировать собранный материал, выявить общее и особенное, подчеркнуть местную специфику в целом по региону и по отдельным районам.

В ходе этих исследований выявились две точки зрения на возникновение и развитие срубного жилища на Европейском Севере СССР. Первая считает, что в названном регионе существуют лишь варианты северно-русского жилища, даже если распространены они в нерусской среде. Так И.В.Маковецкий в качестве типично северной русской деревни описывают чисто коми д.Кони (Княжпогостский район Коми АССР), расположенную в центре этнической территории коми. А.А.Шенников пишет, что единственное различие в усадьбах и постройках коми и русских состоит в замедленном развитии жилища у коми и в длительном сохранении у них архаичных построек, что не соответствует действительности.

Вторая точка зрения занимает противоположную позицию, утверждая, что единой основой северно-русского жилища являются древние финно-угорские постройки, ибо финно-угорские племена издавна поселились в таежной зоне и являются создателями северного типа срубного жилища. Впрочем следует указать, что в настоящее время эта точка зрения уже не имеет приверженцев среди современных исследователей, будучи признана недостоверной.

Мы считаем ошибочными обе названные позиции. При наличии общих черт в типах жилища, распространенных на Европейском Севере СССР, не только у разных народов, обитающих там, существует своя определенная специфика, но даже у различных групп русского населе-

---

* Работа написана в середине 1980-х гг. Публикуется по подписанным автором машинописным копиям из личного архива составителя.

ния, таких, как поморы, устьцилемы, мезенцы, выявляются свои особенности в народном домостроении.

Жилище рассматриваемого двинско-печорского региона сохраняет типичную для всего севера тенденцию объединения в единый комплекс жилых и хозяйственных построек. Специфичной для данного региона чертой жилища является двухэтажность, сопровождающаяся отсутствием высокого подклета, при значительном сохранении одноэтажности. Жилая часть – чаще двухэтажный пятистенок или дом со средней горницей. Различия выявляются в деталях оформления дома. Так же русских устьцилемов и ижемских коми очень сходно. Объясняется это тем, что нижнепечорский тип двухэтажного жилища складывается у обоих одновременно и даже совместно во II половине XIX в. Но если в Усть-Цильме вход в дом был обычно сбоку и нередко по высокой лестнице прямо на второй этаж, то у ижемцев этого нет. У них крыльцо всегда низкое и сбоку вход только у пятистенка, да и то не всегда. Иногда под сени отводится из нижних изб и тогда вход делался с переднего фасада. Также с переднего фасада вход в домах со средней горницей: под сени в этом случае отводится среднее помещение (на втором этаже оно остается горницей). Кухня у ижемцев была только на первом этаже, на втором – одни комнаты.

Связь дома с двором чаще однорядная, но если в двинском бассейне встречаются и другие формы (см. Н.В.Маковецкий), то в печорском бассейне в единичных случаях и только на Ижме можно увидеть коми слитно-двурядную (по В.Н.Белицер) связь.

Последний пример показывает причины появления различий в единых по основным показателям постройках двинско-печорского региона. Источник различий лежит в этнической и культурно-бытовой специфике местного населения.

Ижемские коми сохранили некоторые черты типичные в вычегодском бассейне и принесенные их предками на север. Существенной была косвенная роль экономических причин: стремление сохранить большую семью у богатых оленеводов, стремление подчеркнуть свою зажиточность у кулачества и торговцев, подражательство и гонка за образцами у среднего крестьянства и т.п.

Таким образом, получается, что двуэтажность развилась поздно и в основном как результат экономического развития края и распространения классового расслоения. Поэтому двухэтажность как массовая форма развилась в центральных, в экономическом отношении ведущих, поселениях региона. В остальных населенных пунктах бытовали в массе одноэтажные постройки, также сохранявшие определенную специфику. Так наименее благоустроенные, примитивные по форме избы строили оседлые ненцы, для которых плотницкое дело было чуждым, а для найма плотников не имелось средств.

Итак, общее в жилище двинско-печорского региона объясняется сходными и близкими природными условиями и условиями социально-экономического развития, а особое – сохраняется как результат этнического или этнографического своеобразия определенных групп местного населения.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ В КОМИ АССР МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА*

1. Задачи и принципы организации музея под открытым небом

За многие столетия своего исторического развития коми и русское население современной Коми АССР создало богатую и самобытную культуру. Одним из ярких ее проявлений является народное зодчество. Поскольку постройки сохраняются длительное время и выработанные традицией устойчивые типы изменяются медленно, то в жилом фонде того или иного села встречаются такие сооружения, которые можно отнести к памятникам материальной культуры. Памятники народного зодчества на территории Коми АССР довольно многочисленны и специфичны.

Часть исторических памятников заслуживает сохранения. Однако в практической жизни возможность их сохранения очень невелика. Старая деревня с ее традиционным планом и традиционными типами жилища уже не соответствует современным условиям. В связи с подъемом культурного уровня, ростом культурных запросов современного сельского населения жилой фонд деревни быстро меняется. Интенсивно строятся и новые жилые дома. Многие старые постройки подвергаются изменениям, перестройке, часто сносятся. Меняются типы домов. Явление это безусловно прогрессивное. Однако оно связано с угрозой утраты и уничтожения и тех старых построек, которые представляют собой памятники народного зодчества, отражающие специфику культуры, прежних исторических эпох.

Современная культура наследует все то ценное, что было создано предшествующими поколениями. Это закон прогрессивного развития общества. Вот почему В.И.Ленин, наша Коммунистическая партия и Советское государство так бережно относились и относятся к памятникам старины.

Подлинно исторические ценности всегда составляли национальную гордость любого народа, они отражали его исторический путь, его судьбу, чаяния и стремления. Памятники народного зодчества коми народа в этом отношении не являются исключением. Они рельефно отражают процесс его исторического развития. Вопрос о сохранении таких памятников, таким образом, связан с познавательными и воспитательными целями. Конкретный исторический материал в настоящее время приоб-

---

* Работа написана в 1969 г. Соавторы д.и.н. Я.Н.Безносиков, к.и.н. Ю.В.Гагарин. Публикуется по переплетенной машинописной копии с небольшой авторской правкой из личного архива составителя.

ретает огромное значение для воспитания советских людей, особенно молодежи. Исторические культурные ценности, верно понятые и воспринятые молодым поколением, обогащают его во всех отношениях. Вот почему последнее время так много уделяется внимания охране памятников старины.

Нельзя не согласиться с инициативой общественности нашей Коми республики, поставившей вполне актуальный вопрос о сохранении памятников народного зодчества, о создании музея-заповедника.

О том, что памятники старины необходимо сохранить, знают многие. Это дело не вызывает сомнения. Но как сохранить, что нужно сделать для этого – вот все это еще далеко не ясно и сопряжено с рядом трудностей.

Известно одно, что сохранить, скажем, памятники народного зодчества в обитаемой деревне практически трудно, ибо многие такие постройки являются личной собственностью граждан – рабочих, колхозников, служащих. Единственным способом сохранения богатств народного зодчества может быть сосредоточение путем выкупа и перевозки отдельных типичных построек в музей-заповедник.

Известно, что настоящую ценность имеют только подлинные экспонаты любого музея. Естественно считать, что и музей-заповедник будет соответствовать своему назначению при наличии реальных экспонатов, а не копий, реконструкций или макетов. Отсюда главной задачей музея-заповедника является сосредоточение тех разбросанных по всей нашей республике построек, которые представляют собой подлинную ценность как памятники истории и культуры.

Основным направлением деятельности музея-заповедника должны быть поиски и организация переноса сохранившихся еще ценностей. Промедление в этом вопросе уже чревато серьезными последствиями. При современных темпах строительства и мерах переделки быта сельского и городского населения, можно утратить и те постройки, которые еще имеются в деревнях и поселках республики и не потеряли своей ценности как памятники истории и культуры.

Реконструкцией – а она будет необходима – всего того, что представляло ценность в истории развития народного и другого зодчества, а также быта и культуры коми народа, но уже утраченного и известного только по материалам научных исследований, – реконструкцией всего этого музей-заповедник может заняться и в последующее время, когда окончательно выяснится, каких типов жилых или иных построек в Коми АССР уже действительно нет в натуре и что необходимо будет для полноты экспозиции музея.

Последнее десятилетие в нашей стране характеризуется началом широкого движения за создание так называемых музеев под открытым небом. Это очень своеобразная и в то же время весьма перспективная

форма сохранения и демонстрации таких элементов народной культуры, которые не могут быть экспозированы в музеях обычного типа.

Музей под открытым небом отличается от обычных краеведческих или других музеев тем, что в нем, как правило, сосредотачиваются такие предметы или объекты, которые по своим размерам не могут быть помещены в экспозиционных залах. Такие музеи могут иметь различные направления. Но практически как в европейских государствах, так и в нашей стране наибольшее распространение получили такие, которые служат целям сохранения и демонстрации памятников народного зодчества.

К памятникам народного зодчества в настоящее время относят не только уникальные архитектурные сооружения типа Кижской и других церквей, но и отдельные, особо специфические для того или иного определенного народа или различных этнокультурных районов типы построек. Последние зачастую не отличаются своей яркостью как памятники архитектуры, но зато убедительно раскрывают специфику традиционной культуры народа, ее своеобразные черты.

Музей под открытым небом удобен еще и тем, что памятники зодчества демонстрируются как бы в естественных условиях. А это безусловно увеличивает их воздействие на посетителя. Очень важно также и то, что эти музеи демонстрируют главным образом не копии или макеты, а натуральные экспонаты.

Первым музеем под открытым небом был шведский музей Скансен в Стокгольме. Большой интерес представляют также румынский музей – село в Бухаресте. Имеются подобные музеи в Финляндии.

В СССР, как в стране многонациональной, идея создания музеев под открытым небом приобрела особую популярность. Интересные музеи-заповедники действуют в Латвийской ССР (предместье г.Риги), Эстонской ССР (в предместье Таллина), Карельской АССР (Кижи), Костромской области (в г.Кострома). Приступлено к созданию таких музеев в Архангельской области, Вологодской, Владимирской, Горьковской, Ленинградской, Новгородской областях, а также на Украине, в Литовской и Молдавской ССР. Во всех этих областях и республиках разработаны проектные предложения и во многих уже начато сосредоточение различных построек и зданий-экспонатов.

Несомненно, необходим подобный музей и для Коми АССР. Для его создания есть все необходимое. Материальная культура народа коми, и в частности его зодчество, имеют очень своеобразные и яркие черты. Наличие множества предметов и объектов народного искусства в Коми АССР позволяет собрать в музее значительное количество весьма разнообразных и интересных экспонатов.

Как уже отмечалось выше, музеи под открытым небом могут иметь разные направления. Одни из них выполняют задачу сохранения шедев-

ров архитектуры. Именно с такой целью был создан музей в Кижах на базе уникального Кижского храма. Подобную задачу выполняет Вологодский музей на территории бывшего Прилуцкого монастыря. Рижский музей ставил своей целью показать социальное неравенство и классовое расслоение в деревне, так сказать, – создать зримые вещественные иллюстрации социальной истории Латвии. И, наконец, музеи под открытым небом могут иметь широкое этнографическое направление. Такие музеи призваны сохранять и показывать не только богатства народного зодчества, но также и связанные с ним другие стороны материальной культуры того или иного народа.

Музей под открытым небом в Коми АССР, на наш взгляд, может быть только с этнографическим направлением, что обусловливается возможностями его создания. Здесь почти нет уникальных по красоте и стилевым особенностям архитектурных сооружений; культовая архитектура очень бедна. Поэтому о создании какого-либо историко-архитектурного музея говорить очень трудно.

Имеется мнение, согласно которому считается, что музей-заповедник можно и целесообразно создать в селе Усть-Вымь. Это связывается с наличием там еще сохранившихся церквей и рядом других обстоятельств. Такого мнения придерживался один из авторов данного обоснования. Безусловно это мнение заслуживает внимания, однако оно родилось по всей вероятности в результате переоценки значения имеющихся там церковных зданий, без учета трудностей создания музея-заповедника, без достаточно ясного представления о содержании его направленности.

Есть ли все необходимые предпосылки для обоснования создания музея-заповедника в этом старинном селе?

Дополнительное изучение этого вопроса, опыта уже существующих музеев-заповедников, позволило нам прийти к несколько иным выводам и предложениям. При этом учитывалось следующее.

Усть-Вымские церкви уже разрушены. И все то, что осталось от них, уже потеряло всякую ценность, определяющую критерий отнесения их к памятникам архитектуры культового зодчества. Отсюда, как нам представляется, безосновательно связывать создание музея под открытым небом в Коми АССР с восстановлением комплекса усть-вымских церквей. Наличие остатков их зданий какой-либо значимости для этнографического музея не имеет. Вызывает сомнение и мнение о том, что эти церкви можно восстановить, т.е. реставрировать. Но это крайне трудное дело. Кроме того, едва ли можно что-либо восстановить или реставрировать из внутреннего убранства, ибо все или почти все растеряно или уничтожено. Значение Усть-Выма, как исторического центра, известно. Однако, этот веский аргумент еще далеко недостаточен для обоснования организации музея в этом селе.

Для Коми АССР больше всех характерна определенная специфика бытовых построек. Это этническое и культурное своеобразие бытового народного зодчества и должен отразить предполагаемый к организации музей под открытым небом. При таком подходе к проблеме главным будет уже не столько уникальность сооружения, а сколько его типичность в рамках определенного исторического времени и места создания. Именно, типичная постройка с наибольшей полнотой отражает культурно-бытовую специфику того или иного населения, в том числе и коми. Это не исключает, конечно, и такого принципа: избранное строение для сохранения и экспозиции должно быть ярким и выразительным в архитектурном отношении, должно иметь наиболее законченные, завершенные формы, характерные для конкретного этнического района.

Этнографическое направление музея не отменяет полностью и задачу поисков и переноса в музей отдельных уникальных построек, если они заслуживают быть сохраненными, имея несомненную историческую ценность. К такой постройке, например, можно отнести часовню XVII в., находящуюся в с.Кривое Удорского района.

Этнографическая специфика музея требует создания на его территории таких условий, чтобы экспонаты находились по возможности как бы в естественных условиях. И самое первое из этих условий требует, чтобы в музей переносились не отдельные случайные постройки, а связанные единством их назначения и исторической традиций целые комплексы построек. Практически это означает перенос в музей не отдельной, скажем, избы или дома, а крестьянской усадьбы в целом, т.е. со всей совокупностью ее составных частей. При этом следует руководствоваться принципом тщательного отбора экспонатом, не допуская излишней перегрузки музея и не упуская характерной специфичности коми крестьянской усадьбы.

В состав крестьянской усадьбы должны входить дом с двором, амбар, погреб, баня и другие характерные для той или иной данной местности постройки и сооружения, вроде колодца и т.д.

Поскольку типы домов и других построек не одинаковы даже в пределах одного этнографического района, то, кроме типичной усадьбы (или двух), в музей желательно перенести несколько отдельных как жилых, так и хозяйственных построек, выделяющихся своей специфичностью. Постройки каждого этнографического района отличаются своей спецификой, но в то же время в любом из этих этнографических районов можно найти общие черты в типах построек. Поэтому при решении вопроса о комплектовании музея экспонатами возможны два подхода: 1) можно полностью воссоздать в музее все типы построек, характерные для каждого района; 2) можно сосредоточить в музее лишь самые типичные сооружения, характерные для всей республики. При последнем подходе достигается уменьшение общего количества экспона-

тов, при этом не исключено то, что в значительной степени снизится значение музея, ибо исключается возможность показа всего богатства народного зодчества того или иного этнографического района.

Не исключается, что при формировании крестьянской усадьбы придется брать отдельные постройки из разных их местонахождений, т.к. очень невелика вероятность нахождения в настоящее время крестьянской усадьбы в целом в таком виде, в каком она существовала в недалеком прошлом. Однако, комплектуя усадьбу, необходимо искать недостающие детали ее в том же этнографическом районе.

Поскольку в музее под открытым небом экспонаты должны располагаться в условиях, приближенных к естественным, то весьма важное значение имеет как выбор места размещения как самого музея, так и каждого конкретного экспоната.

Как показывает практика организации подобных музеев, наиболее подходящим местом его размещения может быть парковая зона, лежащая близ большого города, или любая другая пригородная территория.

Изучение вопроса об организации музея-заповедника в Коми АССР показало, что наиболее подходящими участками является местечко Красная Гора и часть старого города Сыктывкара, прилегающая к Кирульской церкви (район хлебокомбината и Заводской улицы). Здесь имеется возможность создания типичного пейзажа нашей северной деревни с церковью на видном месте. Этот вариант позволяет связать городской парк с зоной музея, что также очень важно.

Однако необходимо иметь ввиду многие другие факторы. Организация музея требует наличие достаточной территории для размещения довольно объемных сооружений. Следовательно лучше всего организовать музей под открытым небом на свободном месте, не занятом какими-либо постройками. В практике встречаются случаи присоединения музеев народного зодчества к каким-либо другим музеям или заповедникам, например, бывшим монастырям (Вологда, Кострома). Первые же годы деятельности таких музеев показали ошибочность разрешения вопроса о месте их размещения. Экспонаты теряли связь с ландшафтом, располагались скученно и тем теряли свою специфику и яркость. Кострома вынуждена была перенести музеи на новое место. Исходя из этого же опыта, следует признать неудачным предложение о размещении нашего музея под открытым небом как на территории Ульяновского монастыря, так и Усть-Вымских церквей.

Необходимость размещения музея в приближенных к естественным условиям требует территорию с берегом реки или ручья (протоки), т.к. деревни в Коми АССР, как правило, располагались на берегах или на высоком месте, вблизи речек.

Большую сложность имеет вопрос о расстановке экспонатов. В Коми АССР крестьяне жили деревнями. Следовательно, их усадьбы в музее

тоже должны быть объединены. В музее нет смысла создавать несколько отдельных кустов, ибо это увеличит территорию и затруднит посетителям осмотр его экспонатов. В то же время следует избежать размещения усадеб и построек разных этнографических и этнических районов вплотную или вперемежку. Размещение экспонатов должно отвечать принципу показа этнографической специфики экспонатов.

Постройки каждого этнографического района должны быть как-то выделены: то ли небольшим свободным пространством, то ли лесопосадками, то ли ручьем или иными какими-то границами.

Для коми деревень характерны три типа планировки: беспорядочный, рядовой и уличный. В музее, очевидно, придется сочетать все три типа, причем наиболее характерным является сочетание рядового с уличным. При расстановке экспонатов на берегу можно использовать его нижнюю часть склона для размещения бань, а кромку берега для размещения амбаров. Порядки домов или усадеб расположатся на территории, прилегающей к берегу.

Поскольку для различных этнографических районов Коми АССР типичен разный способ размещения деревенских построек, то и эту сторону необходимо учесть при организации музея. В Удорском районе, например, дома стоят довольно близко друг к другу и обычно выходят фасадами прямо на улицу. В Вымско-Вычегодском районе жилища часто располагаются в глубине участка. Эти варианты размещения можно учесть при организации музея. В частности, во втором порядке размещения экспонатов дома можно будет ставить в глубине участка.

За имитированной деревней, в лесу, т.е. в парковой зоне (практически это будет, конечно, всего в нескольких десятках метров), следует установить охотничьи избушки и амбары, возле них создать район охоты с ловушками на тропе, а на лужайках или полянках соорудить сенокосные избушки и различные шалаши.

Поскольку коренное население Коми АССР неоднонационально, вэкспозиции музея должна быть учтена этническая сторона. Экспонаты, раскрывающие культуру народов, должны быть сосредоточены в различных секторах. В этнографическом музее Коми АССР необходимо организовать два этнических сектора: русский и коми, ибо оба эти народа являются на территории современной Коми АССР давними старожилами.

Этнический сектор коми будет состоять из пяти больших этнографических районов: Лузско-Летского, Сысольско-Вычегодского, Вымско-Вычегодского, Удорского и Ижемского. А русский этнический сектор из двух подсекторов: 1) подсектора русского крестьянского быта и 2) подсектора быта заводских рабочих.

2. Состав экспонатов этнического сектора коми

Основным коренным населением на территории Коми АССР является народ коми. В течении многих веков обитая в суровых условиях северной тайги, народ коми выработал и создал свою самобытную и богатую культуру, отличающуюся от культуры соседних народов.

Народная культура коми – явление весьма сложное и многообразное. Очень отчетливо выявляются в ней и общие, и локальные особенности. Наличие в ней определенной местной специфики позволяет выделить пять этнографических районов и несколько подрайонов. Эти этнографические районы настолько отчетливо выявляются, что экспозиция в музее в этническом секторе коми должна их отразить также отчетливо и определенно. Проще говоря, экспонаты следует располагать для обозрения именно по этнографическим районам. В целях избежания перегрузки музея экспонируемыми постройками мелкие подрайоны можно не учитывать.

Что должно быть представлено в каждом этнографическом районе?

Летско-Лузский район желательно представить четырьмя усадьбами: 1) слудским четырехстенком с глаголообразным двором, 2) пятистенком (с улич), 3) большим крестовником из Спаспоруба и 4) четырехизбным домом из Ношуля. Соответственно при них должны быть все прочие хозяйственные постройки: амбары, бани, погреба, овины, санники, парники и т.д. Кроме того, в экспозиции необходимо иметь конический шалаш на сенокосе.

В Сысольско-Вычегодской экспозиции также желательно было бы иметь не менее четырех усадеб: 1) дом с кумом, 2) дом с летней горницей, 3) дом из двух изб (с паччерошинем) и 4) пятистенок. Кроме того, в музее следует сосредоточить и такие специфические типы хозяйственных построек, характерные для сысольского и верхне-вычегодских районов, как овин на подсеке и овин-рига русского типа, как избушка охотников с амбаром-щамья и керчом. Для характеристики быта первых лесозаготовителей – мучом и избушку сезонника.

Вымско-Вычегодский этнический район надо показать: 1) старым типом дома с сараем, покрытым двускатной крышой; 2) домом со средней горницей, 3) домом, в котором жилая часть занимает ¾ сооружения, а двор всего ¼, 4) многокомнатным усть-вымским домом. В этом же районе может быть экспонирована сохранившаяся до сего времени часовня из деревни Кони. Кроме того, следует иметь постройки типа «вочачом» и т.д.

В Удорском выделяются не менее пяти усадеб: 1) дом на двух зимних изб с двором, 2) пятистенок с боковой зимовкой, с низким подпольем, 3) важгортский двухэтажный дом, 4) важгортский дом, первый этаж которого нежилой, 5) дом с зимовкой, имеющий хлев под полом. Среди экспонатов из этого района желательно иметь часовню XVII в. из д.Кривое (упоминается в переписи 1646 г.) торговый ряд (склад и лавки)

из Важгорта, водяную мельницу, ряд временных и промысловых избушек (вöр-керка, турун-керка и т.д.) с амбарами, а также такие типичные для района сооружения как колодец с журавлем и др.

При комплектовании усадеб необходимо подобрать различающиеся по форме коллекции хозяйственных построек, например, амбар под двускатной крышей и под односкатной, погреба одноэтажные и двухэтажные, бани с предбанниками и без таковых и т.д.

И, наконец, в пятый этнографический район, Ижемский, также желательно представить четырьмя усадьбами: 1) двухэтажным домом ижемского крестьянина, 2) двухэтажным домом с мезонином ижемского кулака, 3) полудвухэтажным домом с клетью, 4) домиком колвинца. В музее необходимо поставить чум оленевода, двускатный шалаш на сенокосе, избушку рыбака и ряд других сооружений.

Таким образом, из всех пяти этнографических районов в музее будет представлено не менее 20 полных крестьянских усадеб. Полная усадьба включает в свой состав жилой дом, как правило, из двух изб, нередко из трех, а бывает даже из четырех. Это может быть дом из двух одинаковых половин: летней и зимней, может быть из двух разных половин: отапливаемой (зимней) и холодной (летней), может иметь вместо летней избы кум (клеть). К жилой половине дома должна прилегать нежилая часть, постройки – двухъярусный двор, верхняя часть которого обычно называлась поветью (сараем), а нижняя часть – собственно двором (карта), верхняя часть двора соединялась с землей посредством взвоза (въезда). Имелись также двери, соединяющие сарай с сенями. Внутри сарая встречались всевозможные клети и даже горницы, что характерно было для Удорского района.

Далее в состав крестьянской усадьбы входят один-два амбара, погреб, баня, колодец (последний иногда был общим на несколько домов, и он стоял посреди улицы), овин с гумном. Усадьба огораживалась изгородью из жердей (в прошлом строились ограды из тонких бревен). Следовательно, каждая усадьба должна включать 5-6 отдельных построек.

3. Русский этнический сектор

Русское старожильческое население издавна обитает в ряде пограничных селений Коми АССР, а также в заводских поселках, возникших возле солеваренного и железоделательных заводов. Между этими народами (коми и русским) существовали прочные и разнообразные этнические и культурные связи. В течение веков происходил глубокий процесс взаимного влияния и обмена культурными достижениями. Отсюда заметная близость в материальной культуре соседствующих групп обоих народов. Поэтому этнографический музей Коми АССР должен показать культуру и быт не только народа коми, но и других обитавших на этой

территории народов. Без создания сектора для демонстрации экспонатов культуры русского крестьянского и заводского населения трудно представить всю полноту исторического развития материальной и духовной культуры коми народа.

Этот сектор должен иметь два подсектора: 1) подсектор русского крестьянского быта и 2) подсектор быта заводских рабочих.

Не исключен, конечно, и другой вариант демонстрации этих экспонатов, а именно вариант включения их в соответствующие этнографические районы коми, но в этом случае они будут теряться в массе коми экспонатов.

Примерный состав экспонатов подсекторов можно было бы представить в следующем виде.

1. Подсектор русского крестьянского быта из пяти усадеб: 1) усадьбы крестьянина с верховьев Печоры (с.Курья, Унья), 2) усадьба крестьянина с низовьев Печоры (с Пижма и т.д.), 3) усадьба коренного жителя с.Усть-Цильма, 4) усадьбы крестьянина из Прилузья (с.Лойма), 5) усадьбы крестьянина с низовьев Вычегды (с.Межог).

Поскольку русское население Печоры принадлежит к старообрядчеству, то желательно было бы установить в музее постройки, характеризующие специфику их быта, культуры, культовой обрядности.

2. Подсектор русского заводского быта должен иметь как минимум 3 усадьбы рабочих (Серегово, Нювчим, Кажим). Исключительно важно было бы иметь в этом подсекторе солеварню и доменную печь одного из местных железоделательных заводов. Это, в конечном счете, можно представить ввиде макетов с уменьшенными габаритами их натуральной величины.

Желательность наличия трех усадеб диктуется тем, что жилища рабочих этих трех поселков заметно отличается друг от друга, что зависит от старого места расселения основной массы, завезенных сюда рабочих, и от глубины их контактов с окружающим коми населением. Кроме этих усадеб, целесообразно включить в этот подсектор несколько отдельных, весьма редких, но богато украшенных и архитектурно выразительных построек поселкового типа из Кажима, Нювчима или Серегова.

В целом по русскому этническому сектору в музее может быть представлено 8 усадеб рабочих и крестьян, состоящих каждая из 5-6 отдельных построек, т.е. всего около 40 сооружений.

Если согласиться с необходимостью сосредоточения в музее всех перечисленных объектов, то в целом в музее будет представлено около 200 сооружений – экспонатов. Это, безусловно, слишком много. Выход, очевидно, надо искать в сокращении количества подсобных сооружений. Такие постройки, как амбары, бани, погреба и т.п. менее разнообразны, чем жилые постройки. Естественно их перенос в музей вовсе не

обязателен. Можно ограничиться переносом в музей только некоторых, отдельных комплексов жилых домов с типичными хозяйственными постройками, прилегающими непосредственно к дому.

При таком подходе в каждом этнографическом районе музея будет одна-две полных крестьянских усадьбы, два-три отдельных дома, по одной постройке прочих сооружений (часовня, избушка охотника или рыбака и т.д.) и по одной-две временных постройки типа шалаша. И всего, следовательно, не более сотни больших и малых строительных точек.

В кратком изложении этнографические комплексы будут выглядеть следующим образом.

Этнический сектор коми

I. Летско-Лузский комплекс

1. Усадьба, на которой стоит жилой дом-четырехстенок с глаголеообразным двором и с.Улич из с.Слудка (усадьба включает весь комплекс построек: амбар, погреб, баня и т.д.).
2. Усадьба с большим крестовиком (с.Спаспоруб).
3. Типичный дом со средней горницей из Прилузья.
4. Конический шалаш на сенокосе.
5. Торговые амбары из Ношуля.

II. Сысольско-Вычегодский комплекс

1. Усадьба, на которой стоит дом из двух одинаковых по устройству изб с паччерошинем из с.Керчомья (со всеми постройками).
2. Усадьба с большим пятистенком (с. Ужга).
3. Дом с кумом (с. Керчомья).
4. Дом с летней горницей (с Дон).
5. Дом с окном на полатях (с. Подчерье).
6. Вöр-керка с щамьей.
7. Шалаш «керчом» (с. Помоздино).
8. Шалашевидный овин на подсеке (с Лопыдино).
9. Полуземлянка сезонника «мучом» (с. Мордино).

III. Вымско-Вычегодский комплекс

1. Усадьба, на которой стоит дом из двух изб, покрытых двускатной крышей и имеющей вход с переднего фасада (с.Айкино), со всеми прочими постройками.
2. Старинный дом с маленькими окошками (с.Усть-Вымь).
3. Деревянная часовня из д.Кони.
4. Шалаш «воча-чом».
5. Уникальный дом с высоким крыльцом из с.Княжпогост.
6. Колодец.

IV. Удорский комплекс

1. Усадьба, включающая дом, в котором летняя часть состоит из изб двойней, а зимняя занимает половину сарая (д. Острово) со всеми прочими постройками (амбар под двускатной крышей, черная баня без предбанника, погреб одноэтажный и т.д.).

2. Усадьба, включающая летний пятистенок и зимовку на низком подполье сбоку от дома (с.Пучком) со всеми другими постройками (амбар под односкатной крышей, черная баня с предбанником, двухэтажный погреб и т.д.).

3. Важгортский двухэтажный дом.

4. Важгортский дом, в котором нижний этаж был занят под лавки и склады, а верхний – под жилые помещения.

5. Колодец с журавлем.

6. Избушка на сенокосе – «турун-керка».

7. Часовня из с.Кривое (XVII в.).

8. Водяная мельница (с.Чупрово).

9. Избушка охотника с амбаром-«турыш».

V. Ижемский комплекс

1. Усадьба с двухэтажным крестьянским домом – пятистенком (с.Ижма) со всеми прочими постройками.

2. Полудвухэтажный дом крестьянина, в которой одна половина жилая, а во второй – клеть на высоком подполье.

3. Двухэтажный дом кулака-оеленевода с мезонином.

4. Домик колвинца.

5. Чум оленевода.

6. Двускатный шалаш на сенокосе.

Русский этнический сектор

Подсектор крестьянского быта

1. Усадьба крестьянина с верховьев Печоры (с.Курья) со всеми пристройками.

2. Усадьба крестьянина с нижней Печоры (с.Усть-Цильма) со всеми пристройками.

3. Усадьба крестьянина из Прилузья (с.Лойма).

4. Типичный устьцилемский пятистенок.

5. Уникальный по сложности дом из с.Лойма.

Подсектор заводского типа

1. Усадьба рабочего из села Серегово.

2. Усадьба рабочего из села Нювчима.
3. Усадьба рабочего из Кажима.

В целом по русскому этническому сектору будет около 30 построек.

В целом по музею при наличии всех перечисленных в этом списке усадеб и отдельных построек соберется около сотни различных больших и малых сооружений.

4. Некоторые практические рекомендации по организации музея

Организацимя музеев под открытым небом является делом весьма сложным, требующим значительных материальных затрат, знаний, организаторских усилий. Поскольку процесс создания музеев является длительным, рассчитанным на десятилетия, то нужно считаться не только с возможностями и условиями сегодняшнего дня, но и видеть перспективу. В связи с этим необходимо указать на ряд обстоятельств, которые неизбежно возникнут как на первых порах организации, так и в последующее время в связи с дальнейшим расширением экспозиционного фонда и его эксплуатацией.

Выбор места для музея

Среди специалистов и лиц, заинтересованных в организации музея, бытуют различные точки зрения на выбор места для музея. Высказывались соображения о создании его в с.Усть-Вымь, в д.Кони, на территории Ульяновского монастыря и вблизи Сыктывкара. Разнообразие мнений объясняется различным подходом к тематической направленности, учетом наличия сохранившихся строений на месте, удобствами для посетителей и, наконец, возможностями строительных организаций.

Кони и Ульяново, расположенные в трудно доступных местах, на значительном удалении от крупных городов, уже сами по себе не могут быть местом для создания заповедника. Кроме того, как уже указывалось выше, наличие имеющихся в Коми АССР объектов, которые могли бы быть представлены в качестве экспонатов в создаваемом музее, делает наиболее приемлемым этнографический принцип, с одновременным показом социальной и архитектурно-художественной специфики построек. Руководствуясь данным принципом, можно сказать, что оба выше указанных пункта не могут стать местом развертывания музея. В деревне Коми имеются некоторые памятники бытового зодчества, но они характерны только для одного этнокультурного района, поэтому эта деревня не может отражать архитектурную и бытовую специфику дореволюционного крестьянского быта коми в целом. Своз же объектов из других районов туда крайне затруднителен и нецелесообразен. Последнее обстоятельство характерно и для Ульяново. Само же по себе Ульяново как историко-художественный музейный комплекс использовано

быть не может. Многие здания бывшего монастыря разрушены, а оставшиеся, на наш взгляд, не представляют особой исторической и художественной ценности и не могут идти ни в какое сравнение, например, с Кирилловским или создаваемым Спасо-Прилуцким заповедниками Вологодской области. Крестьянские постройки, предназначенные для экспозиции, не будут гармонировать с монастырскими, нарушится и этнографический характер музея.

Усть-Вымь в свое время являлся административным и религиозным центром Коми края. Однако для развертывания музея с социально-историческим и архитектурным уклоном там нет каких-либо значительных и представляющих художественный или исторический интерес памятников. Оставшиеся две церкви (постройки XVIII и XIX вв.) настолько разрушены или переделаны, что их реставрация едва ли возможна. Реставрация внутреннего убранства этих церквей еще более затруднительна. Село расположено сравнительно далеко от городов, организация туристических походов навряд ли сможет обеспечить значительный поток посетителей.

Наиболее оправданным местом устройства музея может явиться пригород Сыктывкара. В пользу этого выбора свидетельствует практика. Почти везде, и в нашей стране (Рига, Таллин, Петрозаводск, Коломна, Кострома и т.д.) и за рубежом (Стокгольм, Хельсинки, Бухарест и т.п.), музеи-заповедники создаются в непосредственной близости от крупных, обычно столичных или областных городов.

Преимущества расположения музея в пригороде Сыктывкара заключаются в следующем:

1. Сыктывкар является довольно крупным городом, насчитывающим около 140 тыс. человек населения. В городе сосредоточено значительное количество учебных заведений, кроме того, в нем, как республиканском центре, устраиваются различные семинары, курсы, совещания. Все это может гарантировать значительное количество экскурсантов как из жителей города, так и республики и обеспечить жизнеспособность музея, поднять его в идейно-воспитательную и культурно-просветительную значимость.

2. Территория музея, расположенная в живописном месте – в парковой зоне, вблизи реки, на которой можно построить летний театр, летний ресторан, создать пляжи и т.п., будет выполнять еще и культурно-развлекательную функцию, стать любимым местом отдыха для горожан.

3. Сыктывкар посредством железной и шоссейных дорог, речных путей связан с большинством населенных пунктов республики, что имеет немаловажное значение для транспортировки свозимых объектов.

4. Устройство территории заповедника, как и самого музея, связано со значительными строительными, реставрационными работами, вы-

полнение которых не под силу сельским строительным организациям. Все это без особого труда можно сделать в г.Сыктывкаре.

5. В Сыктывкаре организаторы музея всегда могут получить помощь ученых, художников, садоводов, архитекторов и т.п.

6. На первых порах музей под открытым небом может явиться филиалом республиканского краеведческого музея; находясь от него в непосредственной близости, он будет иметь лучшие возможности для получения организационно-методической, а также материальной помощи.

Место для музея-заповедника должно отвечать следующим требованиям:

1. Оно должно находиться на лесопарковой зоне, желательно, чтобы его территория отличалась разнообразным рельефом, включала в себя лес, водоемы, кустарники, лужайки, поляны. Все это облегчило бы приблизить экспозиции к природной обстановке, в значительной мере сходной с той, в которой находились свезенные в музей постройки.

2. Территория музея должна быть достаточно велика по размерам и охватывала бы площадь примерно в 70-100 гектаров. Потребность таких размеров площади мотивируется необходимостью создания различных естественных условий для экспонатов; перспективой расширения музея; мерами противопожарной безопасности. Об этом свидетельствует опыт деятельности ряда подобных музеев. Так, Коломненский музей практически прекратил свой рост из-за нехватки площади (ему требуется около 500 га). Рижский музей имеет площадь 96 га, Таллинский – 60 га и получает еще дополнительную площадь. При выборе места необходимо еще учитывать, что на его территории должны быть выстроены здания со зрительными залами, помещения для культурного отдыха и проведения лекции, различные киоски и т.д.

Территория лесопарка должна быть связана с городом благоустроенными транспортными коммуникациями, обеспечивающими легкий доступ населению для посещения музея.

2. Штаты, вопросы финансирования

Для организации и нормального функционирования музея потребуется соответствующий штатный аппарат и кадры специалистов.

Исходя из опыта подобных музеев-заповедников, можно структуру штата представить в следующем виде:

1. Администрация (директор, заместитель директора по научной части, этнограф или архитектор, заместитель директора по хозяйственной части, бухгалтерия). Всего – 4-5 человек.

2. Научный отдел (заведующий, научные работники – этнографы, историки, археологи). Всего – примерно 5-6 человек. Сотрудники отдела ведут научную работу по изучению и описанию памятников материальной культуры, выявляют пригодные для экспозиции музея объекты

народного зодчества, дают научные консультации по установке этих объектов на территории музея, выявляют и приобретают у населения пригодные для экспозиции предметы народного обихода, оформляют внутреннее убранство объектов, проводят экскурсии и т.д.

3. Отдел консервации (заведующий, лаборанты по дереву, текстилю, металлу, рабочие – всего, примерно, 5-7 человек). Отдел проводит химическую консервацию древесины, всех находящихся в качестве экспонатов деревянных построек, а также и металлических изделий, экспонируемых или содержащихся в фондах.

4. Отдел строительства и реставрации (заведующий, архитектор, художник-реставратор, столяр, плотники, кровельщик, печник, примерно 10-12 человек). Отдел занимается разборкой отобранного для музея объекта на месте, маркировкой его деталей, подготовкой их для транспортировки, сопровождением транспортируемых деталей, восстановлением утраченных в результате поздних переделок объекта архитектурно-конструктивных элементов, заменой обветшалых или изгнивших деталей, подготовкой площадки для сооружения объекта на территории музея, созданием надлежащей изоляции возводимых срубов от воздействия грунтовых вод, сборкой памятника на новом месте.

5. Обслуживающий персонал (хранитель фондов, садовник, пожарник, контролеры, сторожа-смотрители, уборщицы, дворник – в зимнее время 6-8 человек, в летнее – на период эксплуатации музея – 15-20 человек).

Таким образом, в перспективе, когда музей будет располагать значительным количеством объектов народного зодчества и предметов домашнего обихода, а также других экспонатов, и одновременно будут вестись работы по его расширению, потребуется 32-40, в летнее время – 42-52 работника необходимых специальностей. Для примера укажем, что Латвийский музей-заповедник, существующий с 1924 года, а в зимнее время 1968 года имел в штате 46 человек, а в летнее время – 74 человека.

На первых порах, когда музей будет находиться в стадии становления и располагать сравнительно небольшим количеством экспонатов, не потребуется столь значительных штатов. Таллинский музей, например, в 1968 году (на 10 году своего существования и на 4 году эксплуатации) имел 17 постоянных работников (директор, пять научных сотрудников, хранитель фондов, архитектор, химик, художник, садовник, шофер, бригада реставраторов из пяти человек), а в летнее время брал еще дополнительно 6 сторожей, 2 кассиров-контролеров. Всего, таким образом, в период эксплуатации музей обслуживало 25 человек. На период организации музея в Коми АССР желательно иметь директора, архитектора, художника, научных работников (этнографа и историка), лаборан-

та, химика, хранителя фондов; бригаду строителей – всего не менее 15 человек.

К важным относится вопрос о категорийности музея. С самого начала следует установить более высокую категорию музея. Таллинский заповедник, имеющий третью категорию, например, испытывает серьезные затруднения в подборе специалистов и постоянного технического персонала; здесь наблюдается значительная текучесть кадров.

Без соответствующих проектных расчетов невозможно предсказать нужные затраты по созданию нового музея. Здесь уместно привести лишь примеры, взятые из опыта уже упоминаемых нами Латвийского и Эстонского музеев. 20 летним планом развития музея, утвержденным Советом Министром Эстонской ССР, были определены расходы в размере 10 млн. рублей, из которых за первые десять лет израсходовано примерно около 4 млн. рублей. Так, к настоящему времени здесь установлено уже около 40 архитектурных сооружений. На обустройство территории музея, поиски объектов и проектирование музея в первый период его организации было израсходовано около 200 тыс. рублей. Подобные затраты неизбежны при создании музея в Коми АССР.

Как показывает практика, необходимо сразу же создать реставрационную мастерскую и помещение для консервации, которые в Таллине стоили примерно 50 тыс. рублей. Таким образом, только одни подготовительные работы могут обойтись, если исходить из практики создания данного музея, примерно в 250 тыс. рублей, не считая затрат на содержание первоначального штата. В последующий период, когда начнется приобретение нужных объектов для экспонирования, их разборка, перевозка реставрация и установка на территории музея, расходы возрастут. Опыт Латвийского и Эстонского музеев показывает, что стоимость только одного объекта может составить от 5 до 25 тыс. руб., в зависимости от их размеров и сложности сооружения. В Коми АССР предполагаемые объекты для своза в музей имеют большие размеры, а условия транспортировки их деталей более сложны, чем в Латвии или Эстонии – все это может в значительной степени удорожить установку любого архитектурного сооружения в музее.

Чтобы создать научно-достоверную картину, отражающую жизнь коми народа его быт и культуру, потребуется экспозиции внутри возводимых объектов, для чего потребуется приобрести тысячи мелких экспонатов (орудия труда, предметы домашнего обихода, утварь, средства транспорта, изделия народных мастеров-ремесленников и пр.). Поиски и их приобретение, а в ряде случаев и просто реконструкции также связаны с неизбежными затратами, размеры которых предсказать крайне трудно. Можно предположить, опять таки на опыте существующих музеев, что сумма расходов на подготовку территории, проектирование, приобретение экспонатов, транспортировку и установку 40 объектов,

необходимых для нормальной эксплуатации музея, составит в подготовительный период, рассчитанный на первое десятилетие, не менее 2-3 млн. рублей.

Когда основная масса объектов будет представлена в музее, когда музей начнет нормально функционировать, затраты неизбежно сократятся. В 1968 году годовой бюджет Рижского музея составил 137 тыс. рублей (из них – 45 тыс. рублей было выделено на реставрационные и строительные работы). Таллинский музей, который еще не располагает таким количеством объектов и продолжает в широких размерах расширяться, затратил в 1968 году 222 тыс. рублей (100 тыс. на строительство, 52 тыс. на перевозку объектов, 20 тыс. на капитальный ремонт, 50 тыс. на содержание музея). Следует отметить, что оба музея существуют почти полностью на дотации. Доход от продажи билетов у Рижского составил около 13 тыс. рублей (менее 10 процентов бюджета), у Таллинского – 4 тыс. рублей (менее 2 процентов бюджета).

Все эти примеры приведены не для того, чтобы создать впечатление о том, что создание музея – дело дорогостоящее, а для того, чтобы предупредить возможность легкого подхода к разрешению вопроса о создании музея. Это дело нелегкое. Оно потребует немало средств и усилий. Однако этого бояться, значит, сразу идти на попятную. Пусть дорого, но это дело стоящее. История не прощает никого из тех, кто не любит ее, кто не заботится о сохранении памятников старины.

Вполне естественно, что при организации музея-заповедника следует исходить не столько из экономических соображений, сколько из учета его воспитательной и культурно-просветительной значимости. Можно сказать, что он сыграет не меньшую роль, чем любое другое учреждение искусства, на сооружение и содержание которых расходуются, как известно, значительные средства.

3. О подготовительных работах и создании служебных помещений

Подготовительные работы должны включать:

1) Определение первоначального штата сотрудников музея с непременным включением тех людей, которые сразу бы могли заняться подготовкой территории, выявлением первоочередных объектов народного зодчества, представляющих архитектурную и историческую значимость, разработкой с помощью специалистов конкретного проекта. Музей-заповедник на первых порах целесообразнее всего создавать как филиала республиканского краеведческого музея, разумеется последнему следует выделить соответственно дополнительные штатные единицы и поручить все дело организации музея-заповедника.

2). Составление проекта музея. Проектом необходимо установить конкретные объекты, предназначенные к перевозке и установке на территории музея в разрезе каждого года с перспективой ближайших 10-20

лет. В проекте должна быть указана оценочная стоимость затрат по каждому объекту, возводимому и приобретаемому, в том числе мелких экспонатов из предметов домашнего обихода или утвари. В проекте должны быть заранее определены места для установки памятников в разрезе каждого этнокультурного комплекса, а также работы по благоустройству территории и строительству подъездных путей.

3) Создание Ученого совета музея, куда бы кроме ответственных штатных работников вошли сотрудники Министерства культуры и республиканского краеведческого музея, ученые Коми филиала АН СССР, педагогического института, партийные и советские работники, представители плановых, проектных, художественных организаций, Общества охраны памятников истории и культуры и других общественных организаций, имеющих отношение к музею и способных оказать практическую помощь. Первоначальный проект, прежде чем он будет представлен на рассмотрение соответствующих плановых и финансовых организаций и окончательное утверждение Министерством культуры и Советом Министров Коми АССР, должен быть тщательно изучен Ученым Советом музея.

4) составление проектных заданий на каждый объект, предназначенный к перевозке на следующий год. В проекте должен предусматриваться весь комплекс работ, связанных с разборкой, транспортировкой, сборкой, реставрацией, реконструкцией всех деталей объекта и определяться их расценочная стоимость, а также затраты на приобретение объекта и окончательную подготовку площади под него на территории музея.

Необходимо обратить внимание составителей проекта на следующее: при выборе площадок для каждого этнического сектора или комплекса должна учитываться характерная для коми села система размещения построек.

Размещение администрации музея и складов для хранения приобретенных экспонатов, а также киосков для продажи сувениров, литературы, различных безалкогольных напитков возможно двойным путем: а) посредством постройки специальных зданий, архитектурно выполненных в национальном стиле, б) посредством использования крупных по размерам перевезенных жилых домов, особенно тех, в которых нижний этаж занимали лавки. Второй путь уменьшит размеры затрат, ибо расходы на из содержание можно частично отнести за счет торговых организаций.

Мастерскую по реставрации крупных деревянных деталей необходимо построить еще до начала перевозки объектов на территорию музея. Мастерскую можно разместить в одном здании с цехом консервации, но в разных помещениях. Она должна быть снабжена соответствующим оборудованием для проведения столярных и иных работ по

восстановлению утраченных или непригодных по ветхости деталей той или иной конструкции и части сооружения.

Практика создания музеев деревянного зодчества показывает, что каждая деталь объекта, прежде чем будет установлена на новом месте, должна пройти соответствующую химическую обработку по уничтожению древесных жучков, вредителей и гнилостных грибков; с этой целью подвергается профилактике каждая деталь еще при разборке предназначенного для музея объекта, а на территории музея с целью обеспечения дальнейшей сохранности от вредителей и грибковых заболеваний, а также гниения деревянные детали должны выдерживаться в специальных ваннах или обрабатываться в автоклавах. Поэтому необходимо создать специальный цех консервации крупных деревянных деталей (бревен, жердей, досок и т.п.). Помещение для цеха должно быть обеспечено вентиляцией, иметь помимо площадок для установки ванны, место для оборудования химической лаборатории. Для того, чтобы иметь полное представление о необходимом оборудовании, снаряжении и материалах, а также для изучения процесса работ по консервации, целесообразно откомандировать на стажировку в другие музеи химика и художника-реставратора. На наш взгляд, наибольший эффект для химика дало бы посещение Римского этнографического музея, для реставратора – Ленинградского Эрмитажа.

Музей предполагает значительное количество мелких экспонатов из дерева, кожи и текстиля (орудия труда, предметы обихода, иконы и т.п.). Многие из них потребуют консервации и реставрации. Кроме того, отдельные предметы домашнего обихода и хозяйственного быта уже повсеместно исчезли, поэтому потребуется реконструкция таких предметов на основе этнографических описаний. Следует учитывать, что внутри объектов народного зодчества невозможно создать нормальный режим для длительного хранения текстиля, поэтому оригиналы, созданные из него, потребуют заменить их копиями. Отсюда возникает необходимость создания мастерской по реставрации и консервации мелких объектов, состоящей из двух цехов: для деревянных и кожаных изделий, для изделий из текстиля.

4. Отбор объектов и их сохранение до перевозки

Прежде чем приступить к отбору объектов на месте, работники музея и привлеченные к этой работе на общественных началах знающие люди должны тщательно изучить принципы отбора объектов народного зодчества, ознакомиться с научными и архивными материалами по данному вопросу. После соответствующей подготовки они должны провести соответствующие работы во всех районах республики по выявлению, изучению и отбору архитектурных сооружений, годных для перевозки в музей. Эта работа в значительной степени облегчится тем, что этногра-

фами республики уже выделены этнокультурные районы, дана специфика народного зодчества для каждого из них. Однако это не исключает необходимости проведения дополнительных исследований каждой деревни. Только таким путем можно выбрать наиболее соответствующие, отвечающие требованиям экспозиции музея сооружения. Необходимо отбирать самое лучшее и наиболее типичное. В наше время уже трудно найти полностью сохранившиеся старые крестьянские дворы и усадьбы. Поэтому в основу подборки всего комплекса должен быть положен жилой дом, а прочие сооружения (баня, сарай амбары, риги и т.п.) могут быть взяты в других местах, но обязательно в пределах данного этнокультурного района. При подборе дополнительных объектов необходимо добиваться их соответствия жилым домам по размерам и по композиционному построению.

Отобранные для экспозиции постройки следует обсуждать на заседаниях Ученого Совета музея или специальной комиссией, и только после одобрения ими производить их перевоз на территорию музея. Большинство построек, за исключением церквей, часовен и некоторых гражданских объектов, находящихся в ведении местных органов власти и государственных учреждений, являются личной собственностью граждан. Поэтому возникает необходимость их покупки у прежних владельцев приобретаемого объекта. Когда то или иное здание приобрести вследствие несогласия владельца сразу не удастся, возможно, придется договариваться с ним о покупке сооружения в последующее время. Целесообразно в этом случае заключить договор, уплатить аванс и взять письменное обязательство не подвергать никаким переделкам или разрушениям детали данного сооружения.

5. Разборка, перевозка и установка объекта для экспозиции

Отобранный для экспозиции объект архитектором или научными сотрудниками должен быть тщательно изучен на месте с целью установления поздних переделок и его первоначальной формы и внутреннего убранства. При этом тщательным образом изучается его расположение и окружающие природные условия, производится обмер экспоната, составляется необходимая для перевозки техническая документация, которая дополняется большим количеством фотографий, после этого каждая деталь должна маркироваться посредством набивания бирок с порядковым номером.

Разборку рекомендуется проводить с участием архитектора, ибо в процессе работы можно выяснить архитектурные особенности объекта, следы поздних переделок и наслоений. Все это будет иметь важное значение для реставрации памятника на новом месте. При разборке здания следует избегать механических повреждений деталей, свести до минимума утрату ее частей, так называемые «остатки». Разобранные детали складываются с учетом возможностей транспортировки и избежания

излишних переборок при разгрузке. При перевозках особенно по плохим дорогам возможны механические повреждения и утрата «остатков», поэтому концы бревен, поврежденные места должны быть обвернуты мешковиной или картоном, стянуты мягкой проволокой. Разгрузка деталей должна осуществляться по определенной системе с учетом порядковой нумерации деталей. Выброшенные за ветхостью детали должны быть реконструированы к моменту сборки. Реконструкция осуществляется по старым образцам прямо на месте разборки или же в реставрационной мастерской по прежним формам согласно снятым размерам. Работы по сооружению того или иного объекта рекомендуется начинать после реконструкции утраченных деталей, консервации всех элементов, руководствуясь чертежами и фотографиями.

6. Устройство экспозиций внутри объектов

Каждый объект, включая хозяйственные и жилые постройки, должен создавать впечатление действующего дома или целой усадьбы. Внутреннее убранство жилых помещений (мебель, различные надстройки – полати, полки, перегородки – посуда, кухонная утварь, половики, занавески, одежда, постельные принадлежности, иконы и прочие предметы культа) должно соответствовать тем условиям, в которых жили их хозяева в прошлом. В хозяйственных помещениях помимо внутренних надстроек экспонируются сельскохозяйственные и промысловые орудия, орудия домашнего ремесла, транспортные средства. В свезенных церквях и часовнях желательно восстановить внутреннее убранство. Все это будет связано с необходимостью приобретения многих самых различных мелких экспонатов и деталей к ним. Работа по приобретению их может вестись одновременно тремя путями: а) отбором экспонатов из фондов других музеев; б) покупкой их у населения сотрудниками музея; в) привлечением широкой общественности и учащихся к этому делу.

Знакомство с фондами Вологодского краеведческого музея показало, что там сосредоточены интересные экспонаты, в свое время собранные в Коми крае и за некоторым исключением не представляющие особой значимости для него. Приводим список таких экспонатов с указанием нумерации и точного названия, под которыми они находятся в фондах музея:

1.	№ 504 59/В	Топор вроде остроги, найденный В.Ф.Арсеньевым в Зырянском крае в 1910 г. (от Арсеньева в мае 1911 г., железо).
2.	№ 506 80/В	Солонка дорожная из бересты, найденная в Зырянском крае в 1910 г. (от В.Ф.Арсеньева в мае 1911 г., береста).
3	№ 507	Коловорот зырянский (от В.Ф.Арсеньева в мае 1911

.	79/В	г., железо-дерево).
4.	№ 2780 6466/Д	Икона. Троица ветхозаветная с зырянскими надписями над головами и большим библейским текстом внизу. По преданию писана Стефаном Пермским для народа коми (XIV в., темпера яичная, 120 х 76) – находится в экспозиции.
5.	№ 2811 687/Е	Врата Усть-Вымские, украшенные прорезным оловом и слюдой (дерево-олово, 175 х 88) – находятся в экспозиции.
6.	№ 5687 1985/В	Чашка деревянная, выдолбленная из капа Карельской березы. Работы крестьянина Яренского уезда Княжпогостской волости (работа не закончена, дерево, диаметр 18, высота – 9).
7.	№ 7201 4521/Г	Обломок бивня мамонта, найденный близ Нема в 36 км от Вычегды в овраге.
8.	№ 7287 72-74	Календари зырянские в виде деревянного выпуклого бруска 1/6-гранный с зарубками и другими значками, обозначающим праздники, недели и пр. 2/4-гранный, 3/6-гранный меньших размеров с мелкими зарубками (в 1911 г. от В.Ф.Арсеньева, 41 х 6, 2) 34 х 5; дерево).
9.	№ 8061 3465/Д	Икона. Стефан Пермский с житием, в прямоугольных клеймах внутри (5/VII-1929 г. Из Казанской церкви г.Вологда 141 х 110).
10.	№ 8152 711/В	Корзина для рыбы из цельной бересты продолговатой формы с вязаной ручкой (в мае 1911 г. от В.Ф.Арсеньева, 33 х 20 х 13).
11.	№ 81(00) не ук.	Палки для игры «в бач», деревянные, граненые, украшенные резьбой и раскраской 30/IX-1923. От Травина Д., сотрудника Печорской этнографической экспедиции. 3. Дерево, длина 42 см.
12.	№ 8172 19/В	Молоток из оленьего рога. Найден в 35 км в верстах от Усть-Цильмы. 13/IV-1923 г. рог, 29 х 13.
13.	№ 8757 199/Д	С.Иванов. «Кудесник». Эскиз к картине «Стефан Пермский». Рисунок углем и мелом на бумаге. (Бумага, 89 х 58,5, мел, уголь).
14.	№ 9396 2146/8	Календари зырянские, старообрядческие в виде 6-гранных палок с утолщенной серединой, разделенные глубокой бороздой на два равных конца на гранях соответствующие 12 месяцам, сделаны зарубки, означающие число и праздники (40,5 длина, 12,5 объем).
1	№ 9508	Ружье охотничье кремневое (В 1911 г. от

5.	52/Д	В.Ф.Арсеньва).
16.	№ 9504 50/В	То же
17.	№ 9507 49/В	То же.
18.	№ 9542 40,41,43/Д	Костюм охотника-зырянина 1) зимняя домотканая рубаха, 2) такие же штаны, 3) балахон синего цвета на белой холщевой подкладке, 4) наплечник кожаный, 5)ремень кожаный с деревянными ножнами для охотничьего ножа, 6) сумка кожаная с ремнем, 7)ремешок с кошельком из кожи, 8) обувь с загнутыми носками типа бутс (в 1910 г. собраны В.Ф.Арсеньевым).
19.	№ 9894 1-3 В	Коллекция предметов раннего средневековья IX-XI вв. в виде железного наконечника, копья из бронзовых украшений разной формы: 2 кольца (подвески), бусы и бляха с изображением). Найдено Русановым в с.Оранец Печорского уезда Архангельской губернии, 17 вещей, железо-бронза.
20.	№ 9885 1/0 13/В	Коллекция первобытных орудий, найденных Русановым путем раскопок в пещере на берегу речки Седью (прит. Ижмы), 1) нож на кости – наконечник стрелы кремневый (обломок), 2) то же, 3) обломок долота, 4) обломок кремневый, 5) зуб животного, 6) черепки глиняные (10 вещей, кремень, кость).
21.	№ 10799	Лыжи охотничьи, обитые снизу оленьей шкуркой, приобретенные в зырянском крае в 1910 г. Арсеньевым (дерево) 189 х 13.

Нам известно также, что ряд интересных вещей, относящихся к территории Коми АССР, находится в фондах Архангельского, Нарьян-Марского, Велико-Устюжского, Кировского, Пермского краеведческих музеев. С помощью Министерства культуры РСФСР они могут быть переданы в фонды создаваемого музея-заповедника. Кроме того, частью своих экспонатов может поделиться Коми республиканский и Воркутинский краеведческие музеи, а также районные музеи, созданные на общественных началах. Однако, такой путь еще далеко не решит проблему обеспечения этнографического музея необходимыми экспонатами. Поэтому возникает потребность приобретения их у населения путем

сбора или закупки. В работу по сбору мелких экспонатов могут быть вовлечены сельские школы, столичные техникумы и педагогический институт.

7. Возможные перспективы расширения музея

1. Расширение экспозиции возможно за счет своза дополнительных памятников народного зодчества, число которых в перспективе может быть доведено до 100, с включением в экспозицию не только типичных, но и специфично-совершенных и интересных по своей архитектуре построек.

2. Усиление историко-культурной направленности музея путем создания секторов первобытно-общинного строя и раннего феодализма, капитализма, социализма, строительства коммунизма также потребует расширения площади музея. Как нам представляется, особый интерес будут вызывать реконструкции древних поселений, относящихся к эпохам палеолита, неолита, бронзы и меди, раннежелезному веку.

3. По всей вероятности потребуются выставочные залы для эпизодического показа материалов, раскрывающих историю коми народа, его материальной культуры, народного зодчества, прикладного искусства. Среди экспонатов выставочного зала можно представить памятники материальной культуры, изделия местных промыслов, документы, фотографии, научные реконструкции, выполненные в миниатюре. Следует предусмотреть возможности для проведения в выставочном зале лекций, показа кинофильмов.

4. Нужно предусмотреть постройку летнего театра для проведения концертов, спектаклей силами профессионалов и участников художественной самодеятельности. В основу репертуара рекомендуется положить произведения национального искусства и народного творчества.

5. Весьма интересной, имеющей глубокий смысл, является постановка вопроса о сооружении кафе-ресторана с традиционными национальными блюдами, с обслуживающим персоналом, одетым в коми народную одежду.

* * *

Создание музея-заповедника – большое, сложное, но весьма нужное дело. Оно затрагивает задачи не только Министерства культуры, но и всех ведомств, призванных заботиться об улучшении культурно-бытовых условий трудящихся. Только общими усилиями можно создать такой музей.

Задачи и принципы создания музея-заповедника изложены на основе изучения опыта организации таких музеев в нашей стране и имеющихся

этнографических материалов в отделе этнографии и археологии Коми филиала АН СССР.

В целях более наглядного представления о возможных экспонатах музея-заповедника к тексту данной записки представляются два альбома фотографий*.

В них имеются:

а) фотографии экспонатов Рижского и Таллинского парков-музеев;

б) фотографии, чертежи и рисунки основных типов крестьянских и других построек в Коми АССР.

В заключении хочется выразить уверенность, что Совет Министров Коми АССР поддержит инициативу нашей местной организации Общества охраны памятников истории и культуры и примет соответствующее постановление о создании музея-заповедника, чем положит начало большому и очень полезному делу, ибо музей-заповедник явится одним из важнейших объектов культурного строительства нашей быстро развивающейся республики.

---

* Фотографии не публикуются.

ИСТОРИЯ КОМИ

О 500-ЛЕТИИ ВХОЖДЕНИЯ КОМИ КРАЯ В РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО*

Директору Института языка,
литературы и истории Н.Н.Рочеву
зав. сектором этнографии Л.Н.Жеребцова

докладная записка

В течение ряда лет я занимаюсь изучением проблемы историко-культурных взаимоотношений коми с соседними народами. В числе вопросов, которые мне пришлось разрабатывать в ходе исследования различных аспектов указанной проблемы, важное место занял вопрос о времени вхождения Коми края в состав Русского централизованного государства. Этот вопрос уже неоднократно привлекал внимание исследователей и сам процесс вхождения Коми края в состав Русского государства с достаточной глубиной освещен в их исследованиях. Однако, нерешенным оставался вопрос о начальном и конечном рубежах этого процесса, в частности, не было единогласия в определении окончательной даты присоединения Коми края.

В результате исследования данного вопроса я пришел к определенным выводам, которые полагаю необходимым довести до Вашего сведения.

В период образования Русского централизованного государства в его состав в число многих народов вошел и коми народ. Этот процесс

---

* Докладная записка написана в конце 1970-х гг. и является, вероятно, первой работой, в которой Л.Н.Жеребцов четко и определенно сформулировал свои взгляды на дату вхождения Коми края в Русское государство (хотя о значимости описания 1481 г. для коми истории он говорил и раньше, в публикациях 1974–1975 гг.). Позднее он написал на эту тему несколько статей. Наиболее полно Л.Н.Жеребцов изложил свою позицию в статье «К вопросу о присоединении Коми края к Русскому государству» (ее машинописная копия, подписанная автором. хранится в личном архиве составителя), которая не была напечатана отдельно, но затем вошла отдельным разделом в могнографию «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» (1982). В настоящем сборнике, кроме докладной записки, помещена также одна из его статей. Докладная записка публикуетя по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

вхождения или присоединения коми был достаточно длительным. Именно поэтому трудно определить его начальную и конечную даты.

Представляется принципиально важным выделить из рассматриваемого вопроса период первоначальных контактов коми с русскими, ибо это период падает на те века, когда на Руси господствовало феодальное раздробление и единого централизованного Русского государства еще не существовало. Установление взаимосвязей народов коми и русского, как и установление даннических отношений Перми вычегодской с Великим Новгородом – это особые вопросы, только косвенно связанные с вхождением Коми края в состав Русского централизованного государства. Они лишь подтверждают, что вхождение коми в состав Русского централизованного государства было исторически предрешено взаимоотношения предшествующих веков, а не явилось стечением случайностей.

Русское централизованное государство оформилось к 80-м годам XV в. Одним из последних важных этапов борьбы за объединение явилась борьба Московского государства с Новгородом, которая закончилась в 1478 г. разгромом Новгородского княжества и безоговорочным включением его в состав Русского (Московского) централизованного государства.

Таким образом, все взаимосвязи Коми края или Перми вычегодской с различными русскими княжествами, в том числе и Новгородом и Москвой мы оставляем за пределами нашего анализа, как происходивших до образования Русского централизованного государства.

Однако поскольку процесс образования Русского централизованного государства также достаточно длительным и охватывал XIV-XV вв. в истории Коми края в течение этих веков имело место несколько очень важных, можно сказать, этапных событий, которые отдельными исследователями выдвигаются в качестве рубежных дат. Одним из важнейших событий этого периода была в частности христианизация коми. И поскольку она проводилась по инициативе по инициативе Москвы, она существенно укрепила позиции Московского великого князя. В 1383 г. первым епископом вновь учрежденной пермской епархии был утвержден московским князем Дмитрием Донским и главой русской церкви московским митрополитом Пименом миссионер Стефан Пермский. Однако поскольку юридическая зависимость Перми вычегодской от Новгорода продолжала сохраняться, то Стефан Пермский в 1386 г. вынужден был съездить на поклон к новгородскому владыке (см. Вычегодско-вымскую летопись, стр. 260). Этот факт подтверждает слабость вернее отсутствие, центрального правительства и двойную зависимость Коми края от двух самостоятельных княжеств. Христианизацию нельзя считать крайней датой присоединения Коми края к Русскому государству, не только потому, что само объединение Русского государства в этот

период было еще далеко от завершения, но и потому, что хотя Москва фактически хозяйничала в Перми вычегодской, юридически эта территория оставалась в составе новгородских волостей. Да и сами даты начала христианизации 1379-80 гг. и образование пермской епархии 1383 г. не являются конечным рубежом эпохи.

Двойственное положение Перми вычегодской подтверждается документами XIV-XV вв. Так, в 1449 г. московский великий князь Василий II в договоре с польским королем Казимиром именуется в числе прочих титулов также и князем Пермским. Однако, в договорной грамоте Василия II с Новгородом в 1466 г. в числе новгородских волостей перечислены Пермь, Печора и Югра.

В 1471 г., подписав мирный договор, Новгород признал верховную власть Московского великого князя. Однако в договорной грамоте все указанные волости перечислены в качестве новгородских. В то время в III списке двинских (новгородских) земель, которые великий князь московский считал своей вотчиной, упоминается Удора. Иван III настаивает на возвращении ему этих, с его точки зрения, незаконно захваченных Новгородом земель.

Номинальные права Новгорода на Пермь, прослеживаются также в проекте договора Новгорода с польским королем Казимиром IV в 1470-71 гг. (см. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 40,47, 132). Только по договору 1478 г., когда Новгород окончательно вошел в состав централизованного Русского государства, все его волости, в том числе и Пермь, перешли в полное подчинение московскому князю. Покорив Новгород, великий князь, государь всея Руси, Иван III провел ряд законодательных актов, кроме договора 1478 г., в смысле закрепления присоединенных областей в составе Русского централизованного государства. Для Перми вычегодской таким актом явилась первая официальная перепись населения Коми края, проведенная по указу центрального правительства в 1481 г. (см. Вычегодско-Вымская летопись, стр. 263).

Проведя перепись местного населения, обработанных ими земель и освоенных угодий, центральное правительство подчеркнуло тем самым, что с этого момента описанные земли входят в состав Русского государства, а населяющие их жители становятся подданными московского правительства и облагаются установленными в государстве видами налогового обложения. В результате этой переписи впервые вместо отвлеченного понятия Пермь правительство получило описание конкретной территории с конкретным населением.

Эта перепись надолго стала опорным официальным документом важнейшего значения. На нее ссылались местные жители, доказывая право владения землей и угодьями, на нее же ссыпалось и правительство, вынося свои решения при разборе спорных земельных вопросов.

Все вышеизложенное позволяет выдвинуть 1481 г. в качестве крайней даты процесса вхождения Коми края в состав централизованного Русского государства и считать этот год годом окончательного присоединения Коми края к Русскому государству.

Вхождение Коми края в состав Русского централизованного государства является событием исключительной важности для народа коми. Оно способствовало дальнейшему развитию хозяйства и подъему культуры коми народа.

Представляется целесообразным обратиться с официальным письмом в директивные органы Коми республики с предложением торжественно отметить 500-летие вхождения Коми края в состав Русского централизованного государства в 1981 г. в летние месяцы (предпочтительно в августе, поскольку переписи в XV-XVII вв. проводились в летнее время).

500-ЛЕТИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КОМИ КРАЯ В СОСТАВ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

Вопрос о времени и методе присоединения коми к Русскому государству о роли этого события в истории народа коми имеет важное значение. Именно поэтому он издавна привлекал внимание многих исследователей. Однако лишь к настоящему времени на основе привлечения новых источников, неизвестных ранее документов и широкого использования новейших исследований советских историков удалось установить конечную дату длительного процесса включения Коми края в состав Русского государства.

Процесс сложения единого Русского государства происходил в XV-XVI вв. Это был период упорной борьбы центральной великокняжеской власти с сепаратистскими устремлениями удельных и иных феодальных государственных образований, существовавших тогда на Руси. Особенно упорная борьба была с Новгородом. Закончилась она в 1478 г. присоединением Новгородской земли к Московскому государству.

В ходе борьбы за объединение русских земель территории, заселенные коми, постепенно, частями присоединялись к Московскому государству. Этапы этого процесса просматриваются довольно отчетливо. В 1332-33 гг. Иван Данилович Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды “с пермские люди”, затем в 1364 г. Дмитрий Иванович Донской отнял у ростовских князей и присоединил к Москве “пермские месты устюгские”. В 1367 г. Дмитрий Донской отобрал у Новгорода Пинегу, Мезень, Печору (видимо, нижнее течение) [1]. В последующие годы, видимо, он же присоединил пермские земли по Выми, Сысоле и прилегающей части Вычегды. Признали же новгородцы этот захват только несколько лет при Василии I.

Присоединение всех этих земель позволило перейти к последующему этапу закрепления края, к христианизации местного населения. В 1379 г. Стефан Храп крестил пермян на нижней Вычегде и Виледи, вероятно, без всякого сопротивления, ибо эти земли уже давно находились под княжеским управлением, и в 1380 г. поднялся до устья Выми в недавно присоединенные земли, где процесс христианизации развивался с несколько большими трудностями, но также достаточно успешно [2]. Пермяне, жившие по рр. Юг и Луза, были крещены, очевидно, в предшествующие годы.

---

* Работа написана в 1979–1980 гг. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Постраничные сноски оригинала перенесены в конец статьи.

К XV в. сложилось своеобразное положение. Фактически, реально земли коми находились во владении Москвы, которая назначала туда своих управителей. Уже в первой половине XV в. наименование “князь пермской” появляется в титулатуре московских князей. Так, в 1449 г. Василий II Темный в договоре с польским королем Казимиром именуется в числе прочих своих титулов также и князем пермским. В то же время формально, земли коми оставались в составе Новгородского княжества. Поэтому присоединение пермских земель к великому княжеству московскому не прекратило борьбу Новгорода за возвращение утраченного. Эта борьба закончилась только с присоединением самого Новгорода со всеми его землями к Москве. Перипетии этой борьбы также прослеживаются достаточно четко. Надо сразу сказать, что Новгородцы претендовали на всю Пермь, опираясь на древние, ставшие традиционными формулировки своих договоров с князьями. Уже в 1264 г. в договоре с тверским князем Ярославом Ярославичем фигурирует эта формулировка “А се волости новгородские … Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера” [3]. Именно этой традицией и объясняется сохранение данной формулировки даже в договорной грамоте между Москвой и Новгородом в 1471 г., а не тем фактом, что в руках Новгорода на несколько месяцев (до конца 1471 г.) остались две небольшие пермские волости на Пинеге. Признавая эти премские волости своими со времени княжения Дмитрия Донского и Василия I, Москва никогда не дала бы своего согласия считать их “волостями новгородскими”.

Весь 1471 г. проходит в борьбе Новгорода с Москвой, причем первый пытается возвратить свои прежние права на Пермь, Печеру и Югру, от которых он официально не отказался, а вторая удержать за собой захваченное. Отсюда во всех грамотах Новгород упирает на традиционную формулировку и пытается практически осуществить свои права, а московские князья в свою очередь обосновывает свое право подробным перечислением волостей и своих управителей (волостей) в них. Только этим и объясняются противоречия в грамотах 1471 г. В итоге Московский великий князь Иван III вынудил Новгород к концу 1471 г. вернуть Москве последние из временно занятых им двинских (пинежско-мезенских) волостей, а в 1478 г. сам Новгород и все его земли, в том числе и формально зависимые, вошли в состав единого русского государства. Затем после этого присоединения центральное правительство осуществило ряд мероприятий по оформлению присоединенных земель. Закрепление их произошло не сразу и далеко не одинаково. Потребовались различные пути и средства: в некоторые волости оказались достаточно послать управителя, другие пришлось еще завоевывать, как, например, Печеру и Югру. Но в большинстве случаев важнейшим актом стала перепись населения, земель и угодий. Так было в коми крае, в котором такая перепись была проведена в 1481 г. В летописи сказано:

“Того же лета (6989-1481 г. – Л.Ж.) прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегодские, и вымские, и сысольские, и удоренские и владыки Филофея вотчину, а на Чердыню не писал луки, потому вогульское разорение” [4].

Перепись 1481 г. была законодательным актом, так как она имела целью не только перепись населения, а учет и закрепление земель со всем, что на них находилось в составе русского государства. Такие первичные переписи являлись государственными актами закрепления на уровне договорных, отказных и т.п. княжеских грамот [5].

Перепись 1481 г. была первым, самым ранним, как отмечает проф. П.А.Колесников (Вологда), описанием Перми Вычегодской [6]. И в это же время она является тем крайним рубежом, которым завершается процесс включения Коми края в состав Русского государства. Здесь можно сослаться на мнение видного советского историка проф. А.А.Зимина (г. Москва), который указывает, что “перепись 1481 г. существенна не сама по себе, а как оформление процесса присоединения Коми края в результате вхождения новгородских земель в состав Русского государства”. О значении этих переписей убедительно пишет академик Б.А.Рыбаков, подчеркивая, что “в 1490-е годы были предприняты грандиозные работы по переписи сел и городов Московского государства от Белого моря до степной окраины и от Чудского озера до Суры. Созданные в результате этих работ писцовые книги свидетельствуют о стремлении Московского правительства составить точное представление о своем новом государстве [7].

Итак, следовательно, имеющиеся документы, материалы и исследования позволяют утверждать вполне, что окончательной датой вхождения Коми края в состав единого Русского государства следует считать 1481 год. В печати уже были высказывания о значении этой даты [8].

В 1981 г. исполняется 500 лет со времени этого события. Включение Коми края в состав Русского государства имело огромное прогрессивное значение для народа коми. Оно способствовало подъему его хозяйства и культуры. Именно в этот период была создана древнекоми письменность. От русского крестьянства было заимствовано трехполье и другие более прогрессивные формы ведения хозяйства. Заметное воздействие оказала русская народная культура на культуру коми, например, в области домостроения и одежды, семейного и общественного быта, фольклора. Коми народ стал равноправным участником всех важнейших событий русской истории. Коми воины участвовали в освободительном походе К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г., в боях Отечественной войны 1812 г., сражались на баррикадах в революции 1905-1907 гг. и в 1917 г., воевали на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн и т.д.

Считая 500-летие вхождения Коми края в состав Русского государства весьма важной вехой в истории народа коми, полагаем необходимым торжественно отметить ее в 1981 г. Это предложение поддерживает ряд видных советских ученых-историков. Так, например, названный выше проф. А.А.Зимин прямо пишет: “Я принадлежу к тем, кто решительно поддерживает мысль о необходимости отметить в 1981 г. 500-летие присоединения Коми края к единому Русскому государству”.

Литература и источники.

1. Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. IV. С. 257-258.

2. Епифаний Премудрый. Житие святого Стефана епископа Пермского. СПБ., 1897; Вычегодско-Вымская летопись, стр. 258-260.

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.- Л., 1949, грамота № 1.

4. Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская летопись. “Историко-филологический сборник”, Сыктывкар, 1958, вып. 4, стр. 262.

5. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере. М., 1909, т.1, стр. 9-10.

6. Колесников П.А. Северная деревня в XV- I половине XX в. Вологда, 1978, стр. 91.

7. Рыбаков Б.А. Русские карты Москвин XV – начала XVI вв. М., 1974, стр.8.

8. Жеребцов Л.Н. Этнографические исследования на европейском Северо-Востоке СССР. Сыктывкр, 1975, с.13; он же. Из глубины веков. “Вестник политической информации”, Сыктывкар, 1974, № 20.

РУССКИЕ И КОМИ: ТРУДОВОЕ И БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО (ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА)*

Разнообразные историко-культурные взаимосвязи коми и русских насчитывают почти тысячу лет. Первые контакты между ними возникли не позднее XI в. Летописи неоднократно упоминают о встречах новгородцев с пермью (прямыми непосредственными предками коми) во время их походов в Печору, Югру и Самоядь, поскольку военно-торговый путь в эти земли пролегал через земли пермян по рр. Вычегде и Выми. Археологами Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР недавно обнаружен на берегу р.Выми небольшой укрепленный русский военный городок. Летописи не зафиксировали военных столкновений русских отрядов с пермскими жителями. Можно считать, что с XI в. коми вошли в орбиту русского хозяйственно-культурного влияния. Отдельные районы, заселенные пермянами, быстро вошли в состав русских феодальных княжеств (Новгородская феодальная республика, затем Ростово-Суздательское княжество, Великое княжество Владимирское и Московское Великое княжество), а к концу XV в. весь край коми стал частью единого Русского государства.

Исключительно важную роль в развитии хозяйственнло-культурных связей коми и русского крестьянства сыграла христианизация. Коми – пожалуй, единственный среди многочисленных народов Россиии, христианизация которого осуществлялась по самому высокому уровню религиозного просветительства. Провповедник христианства у коми устюжский монах Стефан Храп капитально подготовился к осуществлению своей миссиии. Он изучил коми язык, созлдал специальную пермскую азбуку из 24 букв, перевел на коми язык основную богослебную литературу, и в Усть-Выми, где обосновался в 1380 г., открыл монастырскую школу для подготовки грамотных служителей культа из местных людей. Использовал он и средства устрашения: разорял кумирни, сжигал идолов. Не зря же биограф Стефана Пермского вкладывает в уста пермского сотника жреца Пама утверждение: «...от Москвы может ли нем быть что-либо доброе. Не оттуда ли нам и дани тяжкие и насильства». Но положительные результаты деятельности Стефана оказались выше, поскольку новокрещеные освобождались от налогов и

---

* Соавторы И.Л.Жеребцов, М.А.Мацук. Работа написана в 1988 г. для научно-популярного сборника, издание которого планировалось Институтом истории СССР АН СССР. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

получили бесплатно хлеб, которого в землях коми всегда не доставало, и Стефан привозил его из Устюга «людиями коев краты многаждо» .

Раннее русское влияние, ранняя христианизация способствовали сближению коми и русских, тем более, что коми никогда не относились к числу инородцев, входя наряду с северными русскими и состав государственных (черносошных) крестьян.

Многовековое проживание по соседству сопровождалось этническими контактами и процессами насильственной ассимиляции отдельных групп того и другого народа, сближением в хозяйственно-культурной области. Эта близость была основной многих совместных выступлений и действий коми и русских. так коми издавна стояли плечом к плечу с русскими братьями на полях сражений, защищая общую Родину.

Не зря в фольклоре коми сохранились песни, баллады и сказки, повествующие о том, что русский (Московский) великий князь или царь призывает коми богатыря на защиту Отечества, и благодаря ему, сдерживает победы над захватчиками и поработителями [1]. Этот образ легендарного коми богатыря-спасителя и защитника общей Родины, - имел под собой реальную историческую основу.

На протяжении XIV-XVI веков коми, поддерживая московских великих князей и царей, участвовали в борьбе с внутренними врагами государства, стоявшими на пути прогрессивного движения Руси – галицким князем Д.Шемякой (во время захвата из Устюга Великого были казнены сторонники Василия Темного – пермские (коми) сотники и десятники), Новгородской феодальной республикой; принимали активное участие в походах московских войск за Урал (в походе 1465 г. под руководством И.Сскрябы в Югорскую землю в составе устюгского войска были вымичи и вычегжане; в 1467 г. вятчане с пермянами чердынскими (коми-пермяки) дали отпор вогулическому князю Асыке; в походе 1499 г. кн. П.Ушатого и С.Курбскогов составе русского войска были сысоличи, вычегжане, вымичи – представители различных групп коми народа), на Казанское царство; защищали вновь осваиваемые пространства Перми Великой (Соль камскую) от набегов сибирских князьков; приняли активное участие в походе Ермака и в дальнейшем в присоединении и освоении Сибири; в то же время в период набегов врагов на земли Коми, последние получили необходимую помощь от русских соседей (1392 и др. годы) [2].

Наиболее серьезные испытания дружба и братство двух народов протерпела в критические для нашего государства времена – период Смуты и польско-шведской интервенции и в лихую годину нашествия на Россию Наполеоновской «Великой армии».

Во время «Смуты» в Коми крае, как и в других районах страны, собирались достаточные для пополнения сначала правительственного

войска, а затем ополчений. Уже в 1606 г. «государь Василий Иванович повелел собрати с уезду Еренского и с Перми Великие ратные люди по сорока осьми с обоих и идти им к Москве. Вычегжане и вымичи, и сысолены, и удорены ратные пошли», - отмечает Вычегодско-Вымская летопись [3]. В конце 1608 г., когда войска Лжедмитрия II осадили Москву, тушинцы захватили Ростов, Ярославль и другие города, были «посланы ратные люди с вычегжан, вымичь и сысоличь 60 [человек] на Соли Галичские на русских воров и литовских людей» [4]. 18 февраля 1609 г. Коми воины вместе с устюжанами и сольвычегодцами прибыли в Соль Галицкую, откуда началось наступление на тушинцев, в результате которого в начале марта была освобождена Кострома [5].

В 1609 н. «повелением государя Василия Ивановича с уезду Еренскова посланы люди ратны в Костромской уезд 66 человек, а сними ратной голова Ивашко Григорьев вымитин» [6]. Ратники из Коми края были посланы на службу в костромской город Люби [7]. На следующий год (1610) «с уезду Еренскова велено взяти 60 ратных людей к Вологдев полки князя Скопина-Шуйского», организовавшего сопротивление иноземным захватчикам и тушинцам на севере страны [8]. Воины из Коми края находились в горячих точках страны. В сентябре 1609 г. жалованье им было послано под Ярославль, где стояли главные правительственные силы [9]. В 1610 г. 64 яренчанина находились под Ростовом [10]. К концу 1609 г. из сысольского отряда численностью в 12 человек, 3 человека пало в битвах с врагами [11].

Всемерно поддерживало население Коми оба ополчения, выступавшие за освобождение столицы от интервентов. Ранее набранные ратные люди вливались в ряды первого ополчения. Кроме этого, в 1611 г. «повелением князя Дмитрия Пожарского да Прокопия Ляпунова присланы с вычегодские пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек, а с Великие Перми 50-ж» [12]. Всего же с 1606 по 1611 гг. в войска и ополчения ушло 354 ратника из Коми края [13].

Свидетельством уважения благодарности коми народу, показавшему верность общей Родине, явилось личное послание кн. Дм.Пожарского, отправленного в октябре 1612 г. Яренскому воеводе Ф.О.Янову, в котором сообщалось о разгроме под Москвой войск гетмана Ходкевича.[14] Вычегодско-Вымская летопись зафиксировала этот торжественный факт следующим образом: «Пришла весть от Москвы от князя Дмитрия Пожарского да Дмитрия Трубецкого: литовских людей пана Коткевича побли под Москвой, посекли без щисла, а Коткевич тот с великим посрамлением и страхованием к Литве утекл».[15] Однако сложная обстановка в стране продолжала сохраняться. Польские интернеты вкупе с русскими 2ворами» бросились грабить наименее пострадавшие в период Смуты города и уезды Европейского Севера России. В 1613 г. один из отрядов грабителей подошел к Сольвычегодску. Узнав

об этом, Яренская воевода послал на помощь сольвычегодцам литовского отряда Якупа Яцкого 60 человек ратных людей.[16]

В последующие годы XVII столетия коми воины участвовали в строительстве засечных черт на юге страны, в войнах с Польшей за освобождение украинских и белорусских земель, отражали набеги крымчаков.[17]

Одновременно коми и русские совместно в конце XVI- течение XVII в. активно участвовали в присоединении Сибири и Дальнего Востока к русскому государству, в земледельческо- промысловом освоении зауральских просторов. «Сибирская эпопея XVII века», как совершенно заслуженно назвал процесс историк Н.И.Никитин,[18] с самого начала носила интернациональный по составу переселенцев характер. Как уже отмечено выше, коми принимали участие в походах русских войск.

Столетие спустя отряд Ермака, поход которого положил начало присоединению Сибири к России, вели через Урал 40 проводников-коми («И вожи ему были зыряне», - говорится в летописи).[19] Вслед за Ермаком за Урал были посланы другие казаки и служилые люди, а за ними устремились крестьяне, торговые и промышленные люди, в числе которых были и выходцы из Коми края. Один за другими в Сибири появились новые города и остроги. В числе основателей или первых жителей большинства из них, возникших в конце XVI-XVII вв., были коми-зыряне и коми-пермяки.

Раньше других, в 1586 г. на р.Туре был основан город Тюмень, с постройкой которого началось прочное освоение Сибири.[20]

В I четверти XVII в. среди населения Тюмени числились посадские люди Д.В.Зырянин и Р.П.Вымитин (родом с р.Вымь), казак С.М.Вычегжанин (с р.Вычегды), крестьяне братья Сысоличи (с Сысолы) и другие.[21]Через год после Тюмени возник Тобольск, ставший военно-административным центром Сибири. Вычегодско-Вымская летопись сообщает, что в 1587 г. «князь великий Федор повеле взяти в новый город Тобольск из вычегодские и вымские пермяки в служилые казаки пятьдесят и с жоны и с детьми».[22] Согласно дозорной книге 1624 г., одна из улиц Тобольска носила название «Зырянская». Там располагались дворы казака И.Вычегжанина и других.[23]

Вслед за Тюменью и Тобольском, строительство которых имело целью закрепиться в наиболее важных центрах присоединенного к России региона, были предприняты меры для обеспечения сообщения с Сибирью вначале по «Чрезкаменному» пути с Печоры на Обь (для этого с 1590-х гг. были основаны городки Лозьвинский, Пелым,Березов и Обдорск), а затем и по «Бабиновской дороге» с Камы на Туру, где в 1598 г. построили город Верхотурье.[24]

В Вычегодско-Вымском летописи сказано, что в 1593 г. «повеле князь великий Федор посылати пермяки вычегжаны и вымичь на Пе-

лынь и на Березов городки строити».[25] В Лозьвинский городок, где изготовлялись суда для плавания по сибирским рекам и где требовались для этогомастера, из Коми края отправили шестерых «судоделавцов».[26]

В 1601 г. в Верхотурье документами упомянут «ямской охотник» А.М.Зырянов[27]. В 1623 г. в Верхотурском уезде жил Лука Лузянин,[28] и в дозорной книге этого же уезда 1624 г. названы трое крестьян с прозвищами «Зырян», три «ямских охотника», носивших прозвище «Вычегжанин», деревни «Васьки Зыряна» и «Максимка Вычегжанина».[29] Что касается Обдорска, тодаже само его название (а также, возможно, и реки Обь) имеет коми происхождение.[30]

Вслед за закреплением на ведущих в Сибирь путях началось продвижение переселенцев в глубь Сибири – вверх по Оби и Иртышу, в Енисейский край. В 1594 г. для защиты российских владений в Сибири от набегов татар был построен город Тара- самое укрепление на Иртыше.[31] В 1623-24 гг. в числе служивших там казаков были П.В.Зырян и С.Зырян.[32] В конце XVI- начале XVII вв. на Оби выше устья Иртыша возникли города Сургут, Нарым, Кетск, Томск. Среди их обитателей в начале XVII в. имелись «зыряне, «вымичи»Ю «сысольцы».

Знаменитая Мангазея, один из крупнейших торговых центров Сибири I половине XVII в., «государева златокипящая вотчина», была «разведана» и построена при непосредственном участии коми. По предположению исследователя М.И.Белова, название города имеет коми происхождение.[34] Отправленный в Мангазею в 1598 г. отряд Ф.Дьякова вел вымич В.Тарабукн. В составе отряда были и другие «вымичи и зыряне». [35] В 1601 г. воеводы М. Шаховский и Д.Хрипунов прибыли «с русаками, устюжаны и вымичи на Мангазею остроги строити и города крепити».[36] Из Мангазеи путь шел вверх по р.Таз на р.Турухан и по ней на Енисей. На этой дороге промышленники разных национальностей основывали свои «городки»-зимовья. К их числу принадлежал и зырянский городок», существовавший на р.Таз в 1602 г.[37] В Енисейском уезде в 1629-1630 гг. среди 360 промышленных и гулящих людей было 249 выходцев из Коми края (переселенцев с Сысолы, Выми, Вычегды, Лузы и т.д.).[38]

В 1630-х началось основание бассейна р.Лены. В 1632 г. был построен Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом для продвижения переселенцев на Северо-Восток Азии. На Лену отправились отряды тобольскх, енисейских и других служилых людей. Среди них были и коми-«енисейский служилый человек» Д.М.Зырян, «енисейские казаки» Ф.А.Чукичев и И.Л.Пермяк и др. Д.М.Зырян и Ф.А.Чукичев стали известными землепроходцами. Их имена стоят в одном ряду с именами видных русских первопроходцев С.И.Дежнева, М.Стадухина, С.Моторы. Они участвовали в освоении бассейна р.Яны, открытии и освоении р.Индигарки. Экспедицией, открывшей р.Алазею, руководил

Д.М.Зырян. Он же был одним из организаторов и руководителей похода на неизвестную до того Колыму. Ф.А.Чукичев руководил освоением Алазем, возглавлял служилых людей на притоке Колымы Омолоне. Под его началом казаки построили первое зимовье на р.Пенжине (Чендон), впадающей в Охотское море.[39]

В выдающемся походе С.И.Дежнева и Ф.А.Попова вокруг Чукотки (зимой 1648-1649 гг.) во время которого был открыт пролив между Азией и Америкой, а также наряду с русскими участвовали коми. Среди оставшихся в живых двенадцати человек, пришедших с Дежневым на Анадырь, были по крайней мере двое коми- Ф.С.Пермяк с верхней Мезени и И.Зырянин.[40] В экспедиции 1649 г. в Приамурье, возглавлявшейся Е.П.Хабаровым, участвовали выходцы из Коми края Т.Зырянин и К.Зырянин.[41] В открытии новосибирских островов принимал участие казак Н.Пермяков.[42] В освоении Камчатки участвовал казак Г.Куимов[43], на происхождение которого из Коми края ясно указывает его фамилия (от коми «куим» - три). Можно было бы назвать и много других имен коми (-зырян) и коми-пермяков, бок о бок с русскими переселенцами промышлявших пушного зверя, торговавших, возделывавших землю, несших военную службу в разных частях Сибири и Дальнего Востока, от восточных склонов Урала до Чукотки и Камчатки, от Амура и верховьев Иртыша до побережья Северного Ледовитого океана. Языковые и иные культурные различия не стали препятствием для совместного проживания коми и русских и их совместной деятельности по освоению бескрайних пространств Северной Азии. Лихая година наполеоновского нашествия подтвердила любовь к общей для всех народов нашей страны, Родине со стороны коми народа. Манифест от 6 июля 1812 г. полученный в уездных городах Коми края- Яренске и Усть-Сысольске в конце июля, а в сельских районах – в августе, нашел отклик в сердцах народа. В Яренске и Усть-Сысольске состоялись собрания купцов, мещан, на которых зачитывались тексты манифеста и указа «О сборе внутри государсства новых сил», призыва «К ревностной любви к Отечеству». В селах эти документы зачитывались священниками в церквях во время молебнов «об одолении врага». На собраниях горожане и крестьяне призывались к сбору пожертвований, вступлению в ряды ополчения. Коми народ откликнулся на эти призывы. Представители его активно вступали в ополчения, армию.

В 1812 –1813 гг. в ходе четырех рекрутских наборов город Усть-Сысольск и 21 волость Усть-Сысольского уезда (по которым сохранились сведения) направили в действующую армию 487 рекрутов, Ижемская волость Мезенского уезда –64 рекрута. В документах сохранились красноречивые свидетельства любви к общей для всех народов Родине. Усть-Сысольский мещанин М.В.Суханов подал городничему Н.Б.Самарину прошение о призыве его на действительную службу,

увенчав свою просьбу следующими словами: «...Желаю военную службу...всеусердно желаю».[44]

Ярчайшим проявлением патриотических чувств народа было участие в ополчении. Первоначально предполагалось создать наряду с другими и вологодское ополчение. Однако правительство отменило формирование ополчений в ряде внутренних губерний. В том числе и вологодской, предписав губернатору провести набор охотников «с теми самыми ружьями, какие употребляют они сами на промыслах». Всего в Вологодской губернии было набрано 612 стрелков, составивших 18-ю дружину Петербургского ополчения. Вместе с армией Витгенштейна ополченцы прикрывали от врага Петербург, затем перешли границу в освободительном походе и закончили войну в Париже.[45]

Ревизские сказки 1816 г. сохранившихся по г.Усть-Сысольску и 21 волости уезда, позволяют восстановить число добровольцев, ушедших из этих волостей в ополчение. Всего из 21 волости Усть-Сысольского уезда вступило в ополчение 74 человека, из которых 36 сложили головы на поле боя.

Важно подчеркнуть боевое братство сынов народа с воинами из русского и других народов страны.

Дружба народов на полях сражении подкреплялась патриотическими деяниями в тылу. Мы уже упоминали о том, что после ознакомления с текстами манифеста 6 июля, указа «О сборе внутри государства новых сил» и призыва «К ревностной любви к Отечеству» собиравшиеся призывались и к сбору пожертвований. По указу Синода в первую очередь жертвователями должны были быть церковные причетники. Сиод обязал духовенство выделить на создание ополчения часть денег из доходов церквей, сдать золотые и серебряные вещи не находившиеся в употреблении. Для того, чтобы не обезличивать пожертвования, поступающие от горожан и крестьян, в большинстве приходов жертвователи записывались в специальные заведения книги «жертвования доброхотных сдателей», в которых фиксировалась фамилия сдатчика пожертвования и сданная сумма.

Крестьяне, мещане, купцы, чиновники, духовенство края, охваченные патриотическим порывом, добровольно вносили деньги, золотые и серебряные вещи «на пользу Отечества на внутреннее ополчение». Усть-Сысольские купцы внесли 630 рублей, чиновники и мещане Усть-Сысольска –409 рублей, духовенство Усть-СысольскогоТроицкого собора – 100 рублей. на одного лишь Объячевского благочиния поступило 615 рублей ассигнациями и в медной и серебряной монетах, 3 серебряных креста, 3 медали, 4 перстня, женские серьги. Всего, по далеко не полным данным, в Усть-Сысольском уезде в короткий срок было собрано 1956 рублей 35 коп. плюс серебряные вещи.[46]

По данным В.В.Политова, за 1812-1813 гг. жителями г.Яренска было собрано по добровольной подписке 2100 руб.69 коп.,[47] из которых большая часть предназначалась на создание ополчения. Причем на подписных листах «жертвователей на создание ополчения» встречались слова: «Состояние не имею. Ревнуя славе Отечества жертвую собою. Иду на службу».[48] Пожертвования собирались не только на создание ополчения. В результате войны огромные массы людей были разорены, нуждались в срочной помощи. И помощь им стала поступать, в том числе и из Коми края. С ноября 1812 г. по 1814 г. было проведено две кампании по сбору средств в фонд помощи «от войны пострадавшим и женам и детям, у коих мужья и отцы находятся на войне». Население Коми края приняло посильное участие в этих кампаниях. Купцы г.Усть-Сысольска внесли «на пользу несчастных, пострадавших от войны» 325 рублей. В патриотическое движение сбора средств для помощи разоренным воиной гражданам России включались женщины, в основном жены и дочери купцов и чиновников, жертвовавшие деньги и ценные вещи. В церквах выставлялись особые кружки, куда патриоты, в том числе из бедных слоев населения, спускали рубли и копейки, на которых вырастала значительная сумма пожертвования.

С 1813 г. в среде учителей г.Яренска начался сбор средств на постройку госпиталя для раненых воинов. на собрании учителей было единогласно поставлено высчитывать из их жалования на эту цель ежемесячно по 1 копейке с рубля.[49] Сбор продолжался еще в 1815 г.

Итак, повседневная дружба двух соседних народов-русских и коми, зародившаяся в глубокой древности, в годину легких испытаний, закалялась еще больше, подчеркивая крепнущее единство коми с другими народами, любовь коми народа к общей для всех Родине.

В чем секрет крепкой дружбы двух народов? На наш взгляд, он находится в области психологии русских и коми. Русские не считали коми народом завоеванным, народом-врагом. Коми, в свою очередь, не относились к русским, как к завоевателям, паработителям.

Отсюда и теснее контакты во всех средах жизни: в сельском хозяйстве, торговле, промыслах, материальной и духовной культуре.

Коми крестьяне охотно перенимали все лучшее у своих русских братьев. Например, на Выми половники И.Д.Панкратьева, владельца Сереговской солеваренной мануфактуры, пахали «русским примером, как на Руси водится».[50] За период с конца XIV по середину XIX в. существенно пополнился ассортимент возделываемых коми крестьянами сельскохозяйственных культур. Если в XII-XIV вв. в крае выращивались овес, горох, вероятно рожь и ячмень. В XVII в. – рожь, ячмень, овес, капуста, репа, лен, конопля, то в первой половине XIX в. – в дополнение к вышеперечисленным – пшеница, морковь, картофель, хмель, лук, чеснок, брюква.[51] Русские заимствования касаются системы земледелия и

земледельческой техники, скотоводства. Они выявляются даже в таких исконно коми глубоко традиционных занятиях, как рыболовство и охота, например, компас (матка), кремневое ружье (пищаль) металлические капканы и т.п., рыболовные снасти сак, подольник, трегубец и т.д. Имеются заимствования в кузнечном ремесле, ткачестве, гончарстве и др. Поперечная пила появилась у коми только в последней четверти XIX в., а продольная еще позже.

Контакты коми и русских в сфере торговли были постоянным, каждодневным и массовым явлением. Интересны данные о посвящении торговых центров Поморья XVII в. коми торговцами. Так, в г.Устюге Великом с торговыми целями из Коми края в 1676-77 гг. приезжало около 100 человек. В Сольвычегодске в 1677-78 г. побывало около 300 человек, в 1678-79 г. – более 200 человек.[52]

Обычным явлением было сотрудничество русских и коми в торговопромышленной сфере. Например, 27 авг.1679 г. из Сибири через Сольвычегодск проследовала в Архангельск на ярмарку группа торговых и промышленных людей, в составе которой были устюжане, вологжанин, а также «яренчана» - торговцы из Коми края: Лука Игнатов, Архип Туркин, Степан Цывулев и другие. Такие же группы, в составе которых были жители Коми края, фиксируются в таможенных книгах и за другие годы [53]. Подобное сотрудничество характерно и для других веков [54].

На промышленных предприятиях Коми края – Сереговской солеваренной мануфактуре, Кажимских горных заводах бок о бок работали русские и коми. Причем коми работали не только на вспомогательных работах (рубка дров, выжиг угля, добыча руды, транспортировка готовых изделий к местам реализации), но на основной работе по выварке соли, выплавке чугуна, отливке изделий, переделке чугуна в железо [55].

Немаловажным фактором сближения и укрепления дружбы коми и русских народов было занятие коми крестьян отхожими промыслами, такими как портняжество, валяние обуви, рубка дров на Уральских горных заводах, отход в столицы и губернский город для поступления в услужение. Во второй половине XIX-начале XX в. тысячи людей покидали родные места, добираясь до Петербурга, Москвы, Оренбурга, Екатеринбурга, Перми и других городов.[56]

Совместный труд и обитание по соседству способствовали широким заимствованиям в области материальной культуры, причем надо подчеркнуть, что русские заимствования не разрушали, а обогащали народную культуру коми, способствовали ее дальнейшему развитию, так как заимствования наслаивались на местные традиции, сливались с ними, становились частью местной культуры. Очень яркие примеры заимствования можно привести, описывая поселения и жилища коми.

Это и гнездовое расселение и прибрежно-рядовая расстановка построек в поселения. Едиными были материалы, инструменты и сама техника строительства, хотя сами постройки имели отличия. Под русским влиянием появилось у коми трехраздельное жилье, хотя формировалось оно по своему, высокому подизбье (голбец), дополнительные хозяйственные постройки (амбар, погреб) и вероятно крытый двор. Некоторые типы построек, особенно в западной части расселения коми весьма блзки соседним русским, что позволило некоторым исследователям, например Маковецкому И.В. прямо причислить дома коми постройки в бассейн р.Выми к группе русских домов в русских деревнях.[57] Однако коми жилые и хозяйственные постройки не сливаются с соседними русскими, сохраняя ряд своих специфических черт.

Много заимствований выявляется в меблировке жилища, посуде и утвари, а также в народной одежде и пище.[58]

Многочисленные заимствования обнаруживаются в общественном и семейном быту, в обрядовой жизни, в частности, в свободном и похоронном обрядах. Много заимствований в украшениях, орнаментации изделий. Хотя в этой области существуют и другие яркие явления, такие как сложение мезенской росписи, являющейся совместным созданием коми и русских народов.[59]

Яркие примеры заимствований дает анализ фольклора. Например, близость причитаний удорцев и соседних русских, широкое распространение у коми сказок об Илье Муромце, герое русского былинного эпоса, превращение лесного чудовища Гундыра в летающего многоголового змея, приобретение хозяйкой лесных зверей Емой черт, сходных бабой Ягой русских сказок и многое другое. В песенный репертуар коми органически влилось значительное количество русских песен, причем многие исполнялись на русском языке, а остальные в переводе на коми.[60] Пути проникновения русского фольклора к коми были самые различные и среди них важную роль сыграло упомянутое выше отходничество.

Встречных взаимствований русскими у коми исследователи отмечают существенно меньше. Больше они встречаются в близко соседствующих районах и вероятно в тех, где в составе современного русского населения растворился значительный процент коми (нижняя Вычегда, Луза, Пинега, Мезень с Вашкой).

Необходимо подчеркнуть, что братские отношения двух народов не подрывались правительством. В первую очередь лояльное отношение правительства к коми проявилось в равном положении коми и русских в области финансовой. Известно, что коми, как и русские крестьяне Европейского Севера входили в разряд черносошных (с XV по начало XVIII в.), а потом государственных крестьтян (с начала XVIII в. до 60-х годов XIX в.) . Номенклатура налогов и повинностей, лежавших нга

коми крестьянах, была такой же, как и у проживавших в этих уездах (Яренском, Пустозерском, Сольвычегодском) русских крестьян.[61] Одинаковым был уровень централизованной ренты крестьян и коми и русских. Пока это зафиксировано нами на материалах Яренского уезда (тут проживало подавляющее большинство коми населения) XVII в.[62] С большой уверенностью можно сказать, что подобное положение было в Сольвычегодском и в Пустозерском уездах.

Не замечены различия в номенклатуре налогов и повинностей русских и коми крестьян в XVIII-начале XX в.

Способствовало сближению указанных народов и то обстоятельство, что правительство разрешало в XVI-XVIIвв. в рамках системы мирского самоуправления появление в Яренском уезде «отхожих волостей» («отписных сох»), обладавших судебно-податной самостоятельностью от воеводской администрации. Эти волости (Сысола, Ужга, Вишера, Глотова, Слобода, Удора) , населения коми, управлялись выборными из среды своих местных крестьян судьями и напрямую по всем вопросам сносились с Москвой (Новгордским приказом).[63] В положении отписной сохи находились и волость Лузская Пермца Сольвычегодского у.[64] Во второй половине XIX в. в Яренском и Усть-Сысольском уездах, заселенных в основном коми, как и по всей Вологодской губернии, были созданы земские учреждения.[65] А ведь известно, что в т.н. «инородческих» районах страны земство не вводилось. Земские органы Яренского и Усть-Сысольского уездов были в значительной степени укомплектованы представителями коми народа. На протяжении XV-начала XX в. общины коми крестьян управлялись своими местными выборными властями.

Все приведенные нами факты свидетельствуют о тесных связях коми народа с русским, чему способствовала вся атмосфера совместного проживания на территории Европейского Севера.

Литература и источники.

1. История коми литературы. Т.Т.Фольклор. Сыктывкар, 1979, с.120-123
2. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, 1958. Вып.4, с.269-266.
3. Там же, с.268.
4. Там же, с. 269.
5. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955, Т.1, с.95.
6. Историко-филологический сборник, с.269.
7. Очерки по истории Коми АССР. Т.1, с.96.
8. Историко-филологический сборник, с.269.
9. Очерки по истории Коми АССР. Т.1, С.96.
10. Мацук М.А. Даточные люди Яренского уезда XVII в. // Коми крестьянство в эпоху феодализма. труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар. 1983. Вып.29,с.24
11. Очерки по истории Коми АССР. Т.1,с.96

12. Историко-филологический сборник, с.269.
13. Мацук М.А. Даточные люди Яренского уезда XVII в., с.23.
14. Очерки по истории Коми АССР, Т.1, с.96.
15. Историко-филологический сборник, с.269.
16. Мацук М.А. Даточные люди Яренского уезда XVII в., с.25.
17. Там же, с.21-38.
18. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М. 1987. с.174.
19. Сибирские летописи – СПб., 1907, с.314.
20. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.,1960, сю41.
21. Тюмень в XVII столетии (сборник док. М.,1903, с.24-32.
22. Историко-филологический сборник, с.267.
23. Тобольск. материалы по истории города XVII и XVIII столетии. – М., 1888, с.6-10.
24. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI- начале XVIII в. – М., 1972, с.71, 106; Никитин Н.И. Указ.соч. , с.18
25. Историко-филологический сборник, с.267.
26. Там же.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л. 1957. Т.1, с.392.
28. Преображенский А.А. Указ.соч. – с.296.
29. Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь. 1897. – Вып.IV, с.165,167.
30. Штейниц В. Из топонимии и Северного Пообъя // Вопросы географии. М., 1962, № 58, с.109-110; Белов И.. Мангазея. – Л., 1969, с.22.
31. Очерки истории СССР (конец XV- начало XVII в.). 1955, с.697.
32. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI-XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975, с.32. (Тр.Ин-та яз.лит.и истории Коми фил. АН СССР , вып.16).
33. Акты времени правления царя Василия Шуйского. –М.,1914,с.289; Миллер Г.Ф. Указ.соч.Т.1, с.440.; Красильникова Э.Д. Указ.соч. с.29; Емельянов Н.Ф. Заселение русскими среднего Приобъя в феодальную эпоху.- Томск, 1981, с.60; Бояршинова З.Я. Население Тюменского уезда в XVII в. – Томск, 1950, с.122; Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края. – Томск, 1898, с.1,3.
34. Белов М.И. Указ.соч., с.22.
35. Там же, с.22; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. – Л., 1980, ч.1, с.36; Верхотурские грамоты конца XVI-начала XVII в. – М.,1982, с.17.
36. Долгих Б.О. Указ.соч.- с.119; Документы по истории Коми, с.268.
37. Александров В.А. Русское население Сибири XVII-начала XVIII в. – М.,1964, с.16.
38. Там же, с.-146-147.
39. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии. – М., 1951, с.129-144, 279-319; Русские мореходцы в Ледовитом и Тихом океанах. М.-Л., 1952, с.20, 45-47, 74, 177 и др.
40. Открытия русских землепроходцев, с.352-357.
41. Красильникова Э.Д. Так охотились в прошлом// Войвыв кодзув. 1971, № 4.с.48.
42. Русские мореходы. с.299.

43. Там же, с.326.
44. Мацук М.А. Коми край в годы Отечественной войны 1812 г. // Вестник политической информации. Сыктывкар. 1987. № 11, с.15-16.
45. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар. 1978, с.90.
46. Мацук М.А. Коми край в годы Отечественной войны 1812 г. с.16
47. Политов В.В. Яренск. Л., 1978, с.36.
48. Политов В.В. Яренск, с.36.
49. Мацук М.А. Коми край в годы Отечественной войны 1812 г., с.16-17
50. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней, с.57.
51. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней, с.25,27, 56; Жеребцов Л.Н. , Мацук М.А. Торговля продовольственными товарами в Коми крае в XVII – начале XIX в. // Традиции и новации в народной культуре коми; Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. 1983. 3 28, с.90,91,93.
52. Жеребцов Л.Н., Мацук М.А. Торговля продовольственными товарами в Коми крае в XVII-XIX в. с.89,90.
53. Таможенные книги Московского государства XVII в. М., Л., 1951. Т.III . с. 424, 425 , 512 и др.
54. Мацук М.А., Шаньгина В.В. Развитие торговли в Коми крае в XIX в. Сыктывкар. 1985. Депонировано в ИНИОН 21.11.85 № 23051.
55. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX-нач.XX в.). Ист.фил.сбор. Сыктывкар, 1962, вып.7.
56. История Коми АССР с древнейших времен до нашизх дней. Сыктывкар 1978. Гл.8,9; Мацук М.А. Отход коми крестьян на уральские горные заводы в конце XIX-начале XX вв.// Хозяйство северного крестьянства в XVII-начале XX в.: Межвуз.об.научн.тр. Сыктывкар, 1987, с.90-96.
57. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. с.115-117.
58. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982, с.129-144.
59. Кожевников Л.А. Особенности народного узорного творчества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968, с.113; Тарановская Н.В. Росписи на Мезени и Печоре // В той же книге, с.50.
60. История коми литературы. Сыктывкар, 1979, т.1.
61. Мацук М.А. Государственно-феодальная эксплуатация крестьян национальных районов Европейского Северо-Востока и Приуралья в XVII в. Сыктывкар, 1988. Препринт из серии «Научные доклады». Вып.193, с.20.
62. Мацук М.А. Налоги и повинности черносошного крестьянства Яренского уезда в конце XVI-XVII вв. Автореферат канд.дисс. Сыктывкар, 1984. 19 с.
63. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. С.55; Мацук М.А. Некоторые стороны системы налогообложения черносошного крестьянства Яренского уезда в XVI-XVII вв.// Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской революции. Киров, 1979, с.71-75.
64. ЧОИДР, 1907 7. Кн.I. Смесь № 8. НГАДА, ф.1209, оп.1, д.505, л.309.

65. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней, с.119.

КУЛЬТУРА КОМИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Народ коми – один из старописьменных народов России. Письменность коми была создана еще в XIV в. Однако она в последующие века была заброшена и потеряна. Только после Великого Октября народ коми получил, наконец, свою письменность. Отсутствие письменности и образования является одной из причин того, что профессиональные формы культуры у коми не получили развития. Однако жестокая эксплуатация и национальный гнет не могли удушить народную культуру коми.

Хотя царское правительство и господствующие классы всячески стремились держать народы в темноте, сама жизнь, развитие капиталистического производства требовали повышения культурного уровня трудящихся. И поневоле царская администрация должна была разрешать открытие школ. В 1804 г. появилось уездное училище в г.Яренске. В 1822 г. открылись 2 духовно-приходских училища в гг. Усть-Сысольске и Яренске, а в 1928 г. – приходское училище в с.Ижма. Затем через семь лет в Усть-Сысольске было открыто городское приходское училище. В 1845 г. открылась школа грамоты в с.Колва. Это были самые первые школы в Коми крае. Их было слишком мало, чтобы дать образование всему населению. Коми народ стремился к просвещению. Крестьяне не раз обращались к правительству с просьбой открыть школы в их селах, сами из своих скудных доходов изыскали средства на содержание учебного помещения, истопника, заготовляли дрова, покупали учебники, а иногда даже плату собирали чами.

Требование жизни и давление крестьянских масс заставило правительство идти на уступки и постепенно открывать школы. В 1870 г. в Усть-Сысольском и Яренском уездах работало 70 школ разного типа. Значительную роль в увеличении школ сыграли местные земства. Они строили школьные здания, открывали новые школы. Так с 1870 г. по 1887 г. усть-сысольское земство открыло в уезде 17 училищ.

Все школы и училища, открывавшиеся в селах, давали только начальное образование. Земское училища отличились несколько большей практической направленностью обучения. При некоторых земских училищах организовывались ремесленные отделения.

Конечно, земство мало заботилось об интересах народных масс. Оно исходило из требований развивающегося капитализма, которому требовались элементарно грамотные рабочие.

---

* Работа подготовлена в 1977 г. и представляет собой раздел, написанный для книги «История Коми АССР», но не вошедний в нее. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

Но даже эта малая самостоятельность земства не понравилась духовенству и администрации, которые стали добиваться полного подчинения школы духовному ведомству. Земства уступили давлению. В Усть-Сысольском уезде развитие земских школ приостановилось, начали насаждаться церковно-приходские школы. В Яренском уезде земство пошло дальше. В 1891 г. все школы в цезде были переданы в подчинение духовного ведомства и большинство их было преобразовано в церковно-приходские школы.

Цель церковно-приходской школы состояла в том, чтобы «утвердить в народе православные учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания». Программа ее предусматривала изучение закона божьего и церковного пения, усвоения навыков чтения печатных изданий, письма, начальных действий арифметики.

Крестьяне Коми края без восторга принимало церковно-приходские школы. В нескольких случаях крестьяне пытались добиться замены церковно-приходской школы на земскую. Так, еще в 1873 г. сельский сход с.Керчемья вынес постановление о том, что поскольку от церковно-приходской школы практической пользы для крестьян нет, на содержание этой школы денег не давать, и добиваться открытия земского училища. Полное отрицание керчемцами полезности церковно-приходской школы объясняется тем, что жители Керчемьи были староверами, враждебно настроенными к учению православной церкви, пропагандировавшемся школой.

Объективные требования исторического развития края, а также и стремление народа к знаниям подталкивали земство к дальнейшему развитию школьной сети в Коми крае. Земство продолжало открывать свои училища. В 1911 г. в России была проведена однодневная перепись начальных школ. По ее данным во всех трех уездах Коми края существовали пять типов начальных школ: министерские-20, земские-132, церковно-приходские-124, школы грамоты –19, приходские –9. Кроме того, в Печорском уезде работали 3 общественные школы.

Большинство школ были с четырехлетним циклом обучения и около ¼- с трехлетним. При этом во многих школах первый год практически был подготовительным, потому что обучение велось только на русском языке, который большинство коми детей до поступления в школу не знало.

Условия обучения были весьма неблагоприятные. Правительство экономило средства на народное образование и школы в основном содержались за счет сборов с самих крестьян (около 60 % средств). Денег этих безусловно, не хватало, поэтому многие школьные помещения находились в печальном состоянии. например, по признанию церковного попечителя «помещение Пучкомской школы темно, низко, сыро»[1].

Новые здания строились редко. Учителями в основном были церковнослужители. Так, в конце XIX в. в Яренском уезде из 72 учителей 38 были духовного звания (30 священников, 3 дьякона и 5 псаломщиков). По уровню подготовки 60 % учителей были с низшим домашним образованием. В результате этого и качество обучения во многих школах было очень низким[2]. В то же время учились дети очень старательно.

Однако школ в крае было слишком мало. почти половина детей даже младшего школьного возраста оставалась вне школы. очень велик был отсев учащихся. Материальная необеспеченность заставляла крестьян отзывать детей из школы.

Надо отметить также, что абсолютное большинство школьников были мальчики. Первое время девочек вообще в школы не допускали. Позднее во II половине XIX в. это запрещение было снято, но все равно девочек в школах было мало, не более 30 %, а оканчивало школу вообще мизерное количество: около 2,5 % от общего числа учащихся.

Таково было положение с начальным образованием. Во много раз хуже обстояло дело со средним и средне-специальным образованием. На весь Усть-Сысольский уезд в 1916 г. имелись 2 городские гимназии, 2 ремесленных училища, 11 высших начальных училищ, духовное училище и учительская семинария. Учились в них около 1000 выходцев из зажиточных слоев населения. Никаких других, кроме вышеперечисленных, учебных заведений в Коми крае не имелось[3]. Попасть в вузы центральных городов России было практически невозможно. Лишь отдельные выходцы из имущих сословий получили высшее образование (Г.С.Лыткин, К.Ф.Жаков, П.А.Сорокин, В.П.Калимов).

В целом по коми населению края в конце XIX в. (по переписи 1897 г.) грамотных было чуть больше 13 %. Накануне Октябрьской революции в результате упорной борьбы местного крестьянства за открытие новых школ процент грамотности вырос до 27. При этом надо помнить, что в это число попали все, кто хоть кое-как умел считать и писать, то есть люди с самыми элементарными знаниями.

Свидетельством тяги населения к знаниям являются также народные библиотеки. Первые библиотеки в Коми крае организовывались при школах и только для учащихся, но запросы населения заставили земство приступить к организации массовых библиотек. В начале XX в. были открыты библиотеки в Кослане и Важгорте. К 1915 г. в крае насчитывалось свыше 100 народных библиотек и читален. Самя первая публичная библиотека в крае была открыта в Усть-Сысольске в 1837 г. [4].

Фонды народных библиотек были очень небольшие – от 60до 1000 книг. Читателей было немного: 500-100 человек и 2/3 из них были дети и подростки. Духовенство стремилось взять под свой контроль также и библиотеки. Священники вершили надзор за ними и за комплектацией

фондов, заботясь о религиозной литературе. Так, в начале XX в. в Косланской библиотеке в фонде 500 книг имелось 206 художественных, 78 религиозных, 36 – по истории, 20 – по медицине и др. В школьных народных библиотеках обязательно имелись Жития святых; пересказы библии и т.п.[5] По мнению духовенства библиотека должна была помогать ему в пропаганде религии. именно этим обосновалось, например, открытие библиотеки в Троицко-Печорске, Верхне-Печорские коми были старообрядцами и библиотека должна была «в интересах православия, доказать правоту церкви и неправоту раскола». Недозволенную литературу, обнаруженную в библиотеке, надзиратели изымали.

Специфический подбор литературы не способствовал расширению круга читателей. Даже земство вынуждено было отметить, что «подбор книг совершенно не соответствует запросам читателей».

При низкой грамотности населения и специфическом подборе литературы народные библиотеки, имевшиеся к тому же в ограниченном количестве, не могли иметь большого успеха в деле просвещения народа. Тем более, что многие из них открывались только дважды в неделю и то днем, так как ни ламп, ни керосина библиотеки не имели.

Кратко, но исчерпывающе, с присущей ему четкостью выражения дал оценку состоянию народного просвещения в России В.И.Ленин. Он сказал, что народные массы России «были ограблены в смысле образования, света и знания» (В.И.Ленин, П.С.С., т.23, стр.127). Эта оценка полностью соответствовала положению дела с народным образованием и просвещением в Коми крае накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

В XIX в. начала зарождаться у коми народа своя литература. первые коми писатели и поэты появились во II половине XIX в. Правда, их произведения публиковались очень редко и в большинство случаев не дошли до нас. Далеко не полностью сохранились произведения и первого крупного ком поэта, основоположника коми литературы И.А.Куратова. При жизни поэта они не увидели света и были изданы лишь при Советской власти, за исключением нескольких, опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях» анонимно как народные песни. И.А.Куратов жил и творил недолго. Он родился в 1839 г. в с.Кибра (Куратово), а умер в г.Верном (Алма-Ата) в 1875 г. Куратову импонировали взгляды русских революционных демократов. В своих производениях он воспевает красоту родного края, простых тружеников коми земледельцев и охотников. Он глубоко любил свой народ верил в его светлое будущее. Он страстно обличил несправедливость царского слоя, его нносителей и защитников, всех этих чиновников, попов, жандармов и полицейских, кулаков и купцов и т.п.

И.А.Куратов был широкообразованным человеком. Он вел научные исследования, изучал родной язык и т.д. Эти его работы представляют интерес и сейчас .

Значительное количество литературных произведений написал проф.К.Ф.Жаков. Но он писал не на коми, а на русском языке, и , хотя его издавали, народу он оставался неизвестен. В конце XIX в. выступил со своими первыми произведениями М.Н.Лебедев, но по настоящему его талант развернулся лишь в советское время.[6]

Театральное искусство в крае отсутствовало. Первые драмкружки были семейными в них участвовали лишь представители городских верхов. В начале XX в. самодеятельные постановки появились в городских клубах. Несколько пьес А.Н.Островского было даже переведено на коми язык. Однако большим одобрением начальства пользовались переводы религиозной литературы. За период II половины XIX в. было переведено и изучено 50 брошюр, таких как «Краткая священная история» и т.п. Издатели пользовались русским алфавитом придумывая свои знаки для специфических звуков коми языка.

Для облегчения работы переводчиков изучение коми языка и разработка учебников. Можно назвать учебник зырянского языка Н.Попова, грамматику зырянского языка П.Савваитова и т.д. Особо следует цпомянуть Г.С.Лыткина, ряд работ которого не потерял значение и до сих пор.[7]

Любители-краеведы собирали народный фольклор. В 1913-14 гг. появились в печати два первых сборника коми фольклора. Первые шаги были сделаны и в области научных исследований в крае.

В дореволюционной России к занятиям наукой из среды коми могли приобщиться лишь единицы. Чаще это были выходцы из имущих классов (лингвист Г.С.Лыткин, этнограф и философ К.Ф.Жаков). Особое место занимает талантливый самоучка поэт и лингвист И.А.Куратов, который занимался разработкой алфавита и грамматики коми языка. Научными исследованиями в крае занимались ученые Российской Академии наук и других учреждений, а также значительное число любителей-краеведов (А.А.Цембер, Ф.Истомин, В.Аврамов, К.Кичин и др.)

К изучению Севера внимание ученых привлек М.В.Ломоносов. Первые академические экспедиции были организованы во II половине XVIII в. В 1771-77 г. по Коми краю проехал академик Иван Лепехин. В его «Записках» собран весьма интересный и разнообразный материал по географии, этнографии, геологии, ботанике и т.д.[8] В последующее время, особенно в конце XIX-начале XX вв. в крае проводили работу крупные геологические экспедиции (Ф.Н.Чернышева, Э.Гофмана, А.Павлова и т.д.). С 1860 по 1917 г. в крае поработало около десяти геологических экспедиций.[9] В начале XX в. начали также работать экспедиции по изу-

чению лесов и лесных богатств. Ценные исследования провел находившийся в ссылке в Коми крае будущий полярный исследователь В.А.Русанов. Крупный ученый-практик А.В.Журавский создал первую сельскохозяйственную опытную станцию в с.Усть-Цильма и провел там немало ценных опытов. Им опубликовано десятки научных работ.

Изучение языка, истории и культуры коми народа занимались академики А.Шренк и А.М.Шегрен. Большую работу проделали упомянутые выше местные уроженцы профессора Г.С.Лыткин и К.Ф.Жаков. Интересные описания населения и его истории составили врачи, учителя и т.д., работающие в Коми крае. Можно назвать С.Максимова, С.В.Мартынова, М.Михайлова, И.Шергина и т.д.

Много энергии и средств потратили также энтуазисты Севера, как усть-сысольский купец В.Н.Латкин, предприниматель М.К.Сидоров и т.д.[10] Но старания ученых и прогрессивных деятелей оказывались бесплодными, так как наталкивались на тупость царской администрации. Тому же М.К.Сидорову царский генерал-адъютант Зиновьев ответил так: «Так как на Севере постоянные льды, хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы; то, по моему мнению и мнению моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а Вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может».[11]

Медицинское обслуживание в начале XX в. в Коми крае было мало развито. В 1913 г. на территории края Коми имелось 8 больниц на 147 коек, 7 приемных покоев и 37 фельдшерских пунктов. Обслуживали их 5 врачей. Население лечилось 2народными средствами», из которых универсальным считалось баня обращалсь за помощью к колдунам (тӧдысь), знахарям и коновалам. Естественно, что в этих условиях в крае свирепствовали различные эпидемии: тиф и т.д. Особенно велика была смертность детей. Их уносили скарлатина, корь, оспа, туберкулез, различные простудные заболевания. Никаких детских учреждений: детсадов, яслей вообще не было.

Дальнейшего подъема достигла духовная культура коми. Продолжало развиваться народное художественное творчество. Незаурядное архитектурное дарование проявил А.В.Холопов. Под его руководством построены несколько оригинальных зданий в их числе земская школа в с.Вильгорт. Богато и разнообразно было музыкальное и поэтическое искусство. Широкое распространение у коми имели русские музыкальные инструменты: гармонь и балалайка, но нарядус ними существовали и свои смычковые (сигудӧк) и струнные инструменты (брунган), различного рода флейты (пӧлян, чипсан) и т.д. Инструменты изготовлялись местными умельцами. Известным мастером балалаек в начале XX в. был выходец из присыктывкарского села Выльгорт С.И.Налимов. Его инструменты пользовались большой известностью. На выставках музы-

кальных инструментов в Париже (1902 г.) и Петербурге (1906-1907 гг.) С.И.Налимову были присуждены большая и малая золотые медали. На его инструментах играли музыканты первого в России ансамбля народных инструментов под управлением В.В.Андреева.[12]

Широко бытовали в народе различные песни. они сопровождали повсюду – и в труде, и в отдыхе, в будни и праздники, в горе и в радости. Исполнялись как национальные, так и заимствованные, весьма распространены были русские песни. С конца XIX в. большую популярность завоевали частушки.

Молодежь под песни водила хороводы, танцевала, плясала. Исполнялись краковяк, русская, в разных вариантах, полька и др. Очень распространены были различные игры, в которых участвовали и молодежь и взрослые. но в развлечениях последних с конца XIX в. все большее значение стали завоевывать деньги. Особенно с распространением карт.

Сохраняли свое значение и традиционные спортивные состязания.[13]

В устном народном творчестве кроме песен и частушек большее место занимали эпические сказания, а также разнообразные сказки, былички, предания. Широко использовались и малые формы: загадки, пословицы, поговорки. Главным ядром всех этих произведений была борьба добра со злом, угнетенного против угнетателя. И свою надежду на лучшее будущее народ выражал в этих произведениях утверждая победу добра над злом, бедняка над богатым и т.п.

С начала XX в. в среду коми стала проникать революционная песня главным образом через ссыльных, распространились различные сатирические произведения.

Продолжало развиваться в своих традиционных формах народное прикладное искусство. В этот период оно достигло значительного подъема. разнообразнее стали используемые материалы, сама техника производства, используемые инструменты, возникли новые виды изделий, например, цветные нитки фабричного производства, плетение кружев, вышивка крестом и гладью, распространение узоров и орнаментов, скопированных с отпечатанных образцов и т.п.

Наряду с ижемским кустарным художественным литьем было начато производство художественных изделий из чугуна на Кажимских заводах на основе кеслингского опыта и образцов. Ижемские же мастера подражали древней традиции и их изделия распространялись главным образом среди народов севера, прежде всего, ненцев.

Массовое применение ими все прежние традиционные виды прикладного искусства: узорное вязание, ткачество и плетение. В ткачестве применялись различные техники: закладная, многоремизная, плели на бердечке, на ниту, вязали на спицах, крючком и т.п .[14]

В народной одежде продолжали сохраняться и усовершенствоваться прежде традиционные типы изделий. Но одновременно все большее

распространение стали получать новые виды одежды. Поэтому наряду с самодельными в обиход всего былта стали входить покупные материалы.

Женский костюм состоял из рубахи, верхняя часть которой шилась из пестряди, кумача и другие цветные ткани, а нижняя обычно из белого холста. Рубаха украшалась на плечах вставками из ткани другого цвета или вышитого узором, цветной каймой по вороту и оборкой на рукаве. Поверх рубахи надевался сарафан - косоклиный или прямой. На сарафан надевали передник и подпоясывали узорным тканым или плетеными поясом.

Комплексы женской одежды выглядели следующим образом. Повседневный летний костюм девушки 16-18 лет: «на ней синий холщевый сарафан, черноватая холщевая рубаха, пестрый домашний работы пояс, на ухе медные серьги.., на ногах коты кожаные и чулки пестрые шерстяные, на голове бумажный платок, который был завязан на голове в виде шапочки со сложенными и завязанными на затылке двумя концами, верхний ее другой платок лежал на земле» (с.Чупрово). Еще более яркой и красочной была праздничная женская одежда. так, на одной были одеты «пониток, подпоясан шерстяным поясом, под ним коротенько грехтовое, сарафан крашенинный холщовой, рубашка полотняная тонкая, предпоясана шелковым платком, на голове плат бумажный, на шее шелковый плат, на ногах коты, шерстяные чулки перевязаны подвязкам, на правой руке перстень серебряный» (с.Гам).

Зимняя верхняя одежда у девушек и женщин была одинаковой: «платья верхнего было на ней овчинный полушубок короткий, опоясан шерстяным не толстым поясом, сарафан коротенький, нарукавники портяные печатные краской, фартук холстинный, рубашка холстинная вертая, на ногах чулки шерстянные и кожаные черные коты; платок холстинный и рукавицы вязанные шерстяные» (с.Серегово).

Мужской костюм складывался из нательных и верхний рубашек и портков, изготовлявшихся из холста и покупных тканей кумача, сатина и т.п.

Верхняя одежда изготовлялась из холста , сукна и меха. на работу надевали холщевые балахоны: дубник или шабур. Демисезоннлй явилась одежда типа армяка или зипуна: сукман и дукöс. В зимнее время носили овчинные шубы и полушубки, а на Печоре оленеводы – малицы и совики из оленьих шкур. Специфичной деталь промыслового костюма явилась накидка-лузан. Обувью летом и осенью служили кожаные коты, которые надевали поверх холшевых портянок или шерстяных чулок. Зимой - валенки или валяные головки с пришитым к ним суконным голенищами и меховые пимы. Охотники и рыбаки пользовались специальной обувью: осенью носили сапоги с длинными голенищами, а зимой – лыжные ботинки.

В качестве примера приведем следующие комплексы мужской одежды. так, например, повседневный летний костюм молодого человека состоял: «Платье на нем было пониток серой крестьянского сукна, рубашки и портки полотяные, на ногах чулки и шерстяные коты, на голове шапка» (с.Коковицы). Зимой мужчины одевали «сверх рубашки овчинный полушубок., на нем холстяной и пониточный недолгие кафтаны, на шее белый холщевый платок, на голове овчинная шапка долгоухая, рукавицы с исподками, на ногах кроме портков и суконных чулков, штаны суконные и валенки именуемые катаниками» (с.Шежам).

Несколько своеобразнее была зимняя одежда рыбаков и особенно охотников. На последнем была одежда «вилда русского полукафтанья по-зырянски называемая шойданик, сверху пониточный лузан, снизу под шойдаником овчинный полушубок, штаны суконные, на ногах чулки суконные же белые вместо чарков, называемых уляди (неразборчиво) обшитые кожей, шапка овчинная легкая, рукавицы кожаные, рубашка и порты. Сверх того имеется при нем топор, пищаль, порошница, лыжи (с.Гам).

В народной одежде коми четко проявляется влияние города, городских мод, приносимых домой охотниками обоих полов. Больше становится покупных изделий. Усиливается процесс сближения с русскими соседями.

В этом же направлении идет процесс развития народного жилища коми.[16]

Основным типом поселений у коми были села и деревни. Преобладали прибрежный тип заселения и рядовой тип застройки. В малых поселениях дома стояли в один ряд вдоль берега реки, а в больших имели несколько порядков. В конце XIX –начале XX вв.в селах коми начали появляться уличная планировка. Деревни располагались на крутых берегах рек и фасады домов в них были обращены к реке или 2к солнцу».

В дореволюционное время существовали как крупные села, растянувшиеся на несколько километров (с.Керчомья свыше 7 км в длину, с.Иб – более 15 км) ,так и мелкие деревни. Большие поселения, как правило, складывались в результате срастания нескольких мелких, например, с.Куратово (Кибра) включает 38 деревень, раскинувшихся от центра села на расстоянии до 12 км. таким образом, традиционный тип расселения гнездовой; он характерен для южной части Коми АССР; в ее северной части села обычно стоят по отдельности, гнезд почти нет.

Кроме сельских поселений, в крае коми имелись четыре рабочих поселка Кажимском, Нювчимском, Нючпасском и Сереговском заводах и один уездный город Усть-Сысольск. Последний отличался четкой уличноквартальной планировкой, так как строился по утвержденному плану.

Обитание в суровых климатических условиях было причиной возникновения тесной связи жилых и хозяйственных построек, объединения х в единое целое- дом-двор, когда под одной крышей соединены жилой дом и скотных двор. Связь жилой и хозяйственной частей – однорядная и слитнодвурядная. Дома строятся на высоком подклете с использованием последнего в качестве хранилища овощей и продуктов. Скотный двор двухъярусный. он занимает половину всей постройки. Это подчеркивалось спецификой для коми формой кровли: жилая часть была под одним из скотов, а двор под другим. Односкатность крыши очень типичная (и весьма древняя) черта построек коми. она прослеживается от простейших односкатных шалашей до сложных многоизбных сооружений.

Крестьянские жилища на обширной территории Коми АССР весьма различны. Для последней южной половины республики характерна одноэтажность жилищ. В северных районах с конца XIX в. распространились двухэтажные многокомнатные дома (иногда с мезонином). Среди одноэтажных домов наиболее характерным было жилище из двух изб: летней и зимней. В западных районах внутренняя планировка была северно-великорусская: русская печь стояла в углу у двери, повернутая своим устьем к окнам боковой стены. Передний угол располагался по диагонали от печи. Над входной дверью – полати. Крыша над домом и двором всегда имеет двускатную форму.

В восточном типе двухизбного дома обе избы находятся под одним скатом кровли (другой покрывает двор). На улицу дом обращен навесом крыши. Печь в нем стоит в углу, в глубине помещения и устьем обращена в сторону двери. Рядом с печью – вход в подполье и полати. Характерно устройство специального окна над голбцем. Передний угол располагался в углу у входа также по диогонали от печи. Этот тип избы более специфичен и несомненно хранит черты древнего жилища полуземлячного типа, в котором дверь была основным источником освещения.

Хозяйственные постройки крестьянской усадьбы, кроме скотного двора с хлевом, включили крытую загородку для лошадей, хранения телег, саней и различных сельскохозяйственных орудий, овин и гумно, амбар, погреб, баню.[17]

В дореволюционном Коми крае основными путями сообщения являлись реки. Грунтовые дороги были примитивного устройства и поэтому многие из них могли использоваться только зимой. Лишь в XIX в. начали прокладывать трактовые дороги. Поэтому у коми было мало развит колесный транспорт. Даже летом грузы перевозили на волокушах и в санях. Телеги встречались двух видов – одноколки и тарантасы, причем первые были больше распространены. Зато санный транспорт был весьма разнообразный. Сани были пассажирские (повседневные и

выездные) и грузовые. На севере широко применялись оленьи нарты. В числе средств водного транспорта наибольшее развитие имели различные лодки. Коми издавна пользуются лыжами. Первые пароходы появились на Вычегде- в 60-х годах, на Печоре – в 80-х годах.

В XIX-начале XX вв., как в предшествующее время, основная масса народа коми относилась к крестьянскому сословию, которое по своему имущественному состоянию и социальному положению не был единым.

Классовое расслоение, усилившееся с проникновением капитализма в коми деревню явилось причиной выделения бедняцкого слоя и торгово-кулацкой верхушки. Сформировавшегося рабочего класса у коми не было.

Крестьяне коми объединились в общину (мир). Сельская община у коми сохранялись и даже поддерживалась государством. В ее сохранении были заинтересованы и кулаки. Круговая порука и родственные связи укрепляли их положение и облегчали эксплуатацию под покрытием обычая коллективной взаимопомощи (помоч.).

Основной экономической единицей было индивидуальное крестьянское хозяйство. Временными производственными объединениями становились артели, распадавшиеся по окончанию сезона работы или договорного срока Крестьянское хозяйство объединяло одну семью. В конце XIX–начала XX вв. большие семьи у коми почти повсюду распались.

Следы большой семьи и патронимии у коми наблюдаются и по настоящее время (например, преобладание двух-трех фамилий в деревне: Матевы и Палевы в д.Тойма на Удоре, признание однофамильцев своей и даже соседней деревни родственниками, ведущими свое происхождение от одного предка). Такие родственные группы назывались котыр, чукӧр или став, с указанием имени и прозвища истинного или предполагаемого прародителя (Миш Вань котыр – род Ивана Михайловича). В бытовой разговорной практике до сих пор сохраняется традиция: называя человека вначале указывать имена его деда, и отца, а в конце его собственное (Кӧнӧ Демӧ Педӧр – Федор сын Дементия внук Конона).

Широко распространились семейные разделы. И основной хозяйственной единицей к началу XX в. стала малая семья.

Руководителем хозяйства и распорядителем отходничества, женщина-хозяйка имела большую самостоятельность и в отсутствие мужа сама вела все дела.

Крестьянские семьи были многодетными, хотя детская смертность была очень высока. Детство в деревне заканчивалась быстро, ибо рабочие руки в хозяйстве были очень дороги и детей рано начинали приучать к работе.

Производственный, общественный и семейный быт коми в прошлом определялся циклами хозяйственной деятельности и установившимся традициями.[18] Специфические обряды были характерны для рыболовства, охоты и оленеводства: жертвоприношения оленем и домашним скотом, прогон скота на весеннее пастбище между двумя кострами и т.д. В общественном быту интересны коллективные трапезы по праздникам, организация сельских сходов и т.п. В семейном быту более специфическими были свадьбы[19] и похоронные обряды.[20] В них отразились специфика этнографических групп коми и разное вероисповедование, так как часть коми исповедовала старообрядчество.

Для коми, являвшимся христианами, была типична церковная форма заключения брака. Его признавали даже местные староверы беспоповского толка. Главную роль в заключение брака играли материальные интересы и воля родителей, а не чувства молодых. Формой протеста против этого была свадьба «убегом». Вплоть до конца XIX в. в селениях удорского края изредка происходили похищения невест, чаще с их согласия.

Таким образом можно говорить об определенных достижениях в развитии культуры народа коми в рассматриваемый период.

Развивается народное образование, появляются первые представители национальной литературы и искусства (И.А.Куратов,Е.Ф.Жаков, Г.С.Лыткин, С.И.Климов и т.д.). Культурное влияние коми на соседние народы было довольно значительным. Они сыграли определенную роль в развитии культуры ненцев, хантов, манси, саамов. Заимствования из коми имеются также и в культуре русского народа. В свою очередь культура коми значительно обогатилась за счет заимствований у соседей тех же ненцев,манси и т.д. и особенно ц великого русского народа.

Литература:

1. Л.Н.Жеребцов. Хозяйство, культура и быт удорских коми XVIII-начале XX вв.М., 1972.
2. Я.Н.Безносиков. Развитие народного образования в Коми АССР.Сыктывкар, 1973.
3. Я.Н.Безносиков. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968.
4. Л.Н.Жеребцов. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII-начале XX вв. М.,1972.
5. А.Н.Федорова, И.А.Куратов. Очерки жизни и творчества. Сыктывкар, 1975.
6. Очерки по истории коми литературы. Сыктывкар, 1958.
7. Г.С.Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб, 1889.
8. И.И.Лепехин. Дневные записки путешествия. СПб, 1780, 1805, ч.III и IV.

9. П.Д.Калинин. Геологическая изученность СССР. т.5, Коми АССР, вып.I, Сыктывкар, 1962.
10. Я.Н.Безносиков. Культурная революция. с.44-52.
11. Печорский угольный бассейн. Л., 1959.с.18.
12. С.И.Налимов. Преображенское село. Сыктывкар, 1977.
13. Е.Мороз. Физкультура и спорт в Коми АССР. Сыктывкар, 1967.
14. В.Н.Белицер. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). М., 1958.
15. Н.В.Тарановская. Росписи на Мезени и Печоре. «Русское народное искусство севера». Л.,19968.
16. Л.Н.Жеребцов. О русских заимствованиях в народном жилище коми. «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества». Сыктывкар, 1962,вып.7.
17. Л.Н.Жеребцов. К истории народного жилища коми. «Историко-фиологический сборник». Сыктывкар, 1960, вып.6.
18. Ю.В.Гагарин, Л.Н.Жеребцов. Быт и культура села. Сыктывкар, 1968.
19. Ф.В.Плесовский. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.
20. В.Н.Белицер. Очерки по этнографии коми.

В КОМИССИЮ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К.Ф.ЖАКОВА*

К.Ф.Жаковым оставлено большое и весьма разнообразное научное и литературное наследство. К.Ф.Жаков был человеком многосторонним. Его творчество также было очень многогранным. Поэтому и анализ и оценку его трудов должны выполнить специалисты соответствующих наук. Его сказки, рассказы, повести, очерки и романы должны всесторонне проанализировать прежде всего фольклористы и литературоведы. Философские произведения – философы, а этнографические – этнографы. Однако, любому исследователю творчества К.Ф.Жакова трудно четко очертить тот круг его произведений, который следует подвергнуть анализу по определенной проблеме. Так обстоит и с этнографией. Чисто этнографических произведений у К.Ф.Жакова немного. Мне известны три статьи: «Этнографический очерк зырян», «Языческое миросозерцание зырян» и «О населении восточной части Вологодской губернии». Но к этим работам примыкает несколько очерков, имеющих этнографическую направленность. А именно: «Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере», «У инвенских пермяков», «Из инвенских былей», «На Щугоре» (из жизни печорских старообрядцев), «Гараморт на Крайнем Севере» и т.п. Кроме того, этнографические зарисовки, этнографически «картинки» присутствуют, если не во всех, то в большинстве его литературных произведений, написанных на местную тему. Таковы сборники рассказов «Под шум северного ветра», «Рассказы Коми-морта», «На север в поисках за Памом Бур-Мортом». Много этнографических зарисовок в его автобиографической повести «Сквозь строй жизни».

Этнографические зарисовки имеют для современного этнографа большую ценность, ибо они написаны, так сказать, с натуры: Жаков лично знал все то, что описывал. Особенно хороши зарисовки народной одежды. По ним прослеживается местная (районная) специфика: особенности орнаментации изделий, расцветка ткани, обувь и т.п. Я ничего не могу сказать о литературных достоинствах рассказов и повестей К.Ф.Жакова. Мне думается, что они не представят интереса для современного читателя, но для этнографа они полезный источник. Эта же оценка справедлива и для бытовых его очерков и для специальных этнографических работ. Однако надо сразу же подчеркнуть, что все эти его работы полезны для исследователя, способного критически подойти к источнику, но не для рядового читателя, не способного обнаружить тенденциозность подхода автора к материалу.

---

* Работа написана в 1977 г. Публикуется по подписанной автором машинописной копии с авторской првкой из личного архива составителя.

Что характерно для К.Ф.Жакова в его этнографических произведениях?

Идеализация старины, патриархальщины, преклонение перед стариной, признание, что «золотой век» человечества был в древние времена, и т.п. На стр. 105 в книге «Сквозь строй жизни» он пишет: «Глядя на леса, размышлял я о прошлой жизни народов. Она светозарна была». На стр. 126 той же книги он мечтает о прекрасной жизни во времена Великого Новгорода. Там же он без всяких замечаний приводит высказывание петербургского ремесленника, бывшего крепостного, сожалеющего о привольном житье за барином: мол, барин и о хозяйстве крестьянина заботился (в случае необходимости даже корову ему покупал), и о семье его (обеспечивал крестьянскую дочь приданым). К.Ф.Жаков осуждает любое вмешательство в жизнь, как он пишет, некультурных или первобытных народов. В путевых очерках «Гараморт на крайнем Севере» (стр.22) он приводит такое рассуждение: «Тут живут друзья мои самоеды. Годов 30 тому самоедин Эрбогар принес в жертву девицу богам в благодарность за то, что боги привели к окошку его хижины белого медведя. Эрбогар был сослан за это в каторжные работы. Европейцы постоянно вмешиваются не в свои дела» (подчеркнуто мной). К.Ф.Жаков выступает защитником и поборником патриархальных пережитков. На стр. 131 книги «Сквозь строй жизни» он пишет: «… Я погибну с мечом в руках и до смерти буду бороться за личность свою, нет больше, за идею первобытных народов». В той же книге на стр. 112 он резко отрицательно относится к идее промышленного освоения Севера: «О боже! – подумал я, узнавши об этой экспедиции (речь идет о печорской экспедиции, изучавшей возможность колонизации бассейна Вычегды) и о целях ее! Неужели святые тундры и леса Севера они хотят обратить в нефтяной район, для вящего преуспевяния Нобеля, превратить свободных людей в «манекенов культуры» не оставив им ни одного уголка на земле, где бы не видели хищнических проявлений жадности разумных Смердяковых?!».

К.Ф.Жакову было предложено принять участие в работе этой экспедиции. «Я согласился. Но согласился не скоро, после больших колебаний, много раз закрывал я лицо свое руками, и проливал слезы. Мне снились грядущие времена опустошения Севера! Открывал Библию, спрашивал Бога моего, что он скажет. Наконец, согласился». Возможно, что соглашаясь он имел особую свою цель: оградить «первобытные» народы от проникновения капиталистической «цивилизации». В результате определенных трудов он опубликовал статью, в которой доказывал, что, как он сам пишет (стр. 113): «Из моей статьи выходило, что север не годен для колонизаций, что сами зыряне бегут в Сибирь, хлеба у них не хватает, живут только лесами и пермскими заводами, что удобных земель мало». Возможно, этой специфической задачей объясняется, в

какой-то мере, идеализация старины, в статье «Этнологический очерк зырян». Но только отчасти, ибо дело все же не в этом. Главное, видимо, все же в том, что К.Ф.Жаков стоял на ошибочных исторических позициях. Он не был марксистом и даже устойчивым материалистом. Поэтому законы развития человеческого общества он не понимал, и весьма примитивно представлял себе историю человечества и историю коми. В статье «Языческое миросозерцание зырян» (стр. 81) он дает такую характеристику зырянину: «Зырянин не уважал человека, не доверял соседу, глядел на него как на существо, которому известны тысячи средств, пагубных для него и для его хозяйства и который, может быть, ждет только случая, чтобы применить их к делу…». «Зырянин-язычник или боялся человека, его заговоров или не доверял ему, потому что человек хитер, себялюбив или не уважал его, если встречал простоватого индивидуума». К.Ф.Жаков тут же дает свое объяснение этим выделенным им, как ему представляется, характерным чертам зырянина: «Это потому так, – пишет он, – что жизнь его проходила в лесу в одиночестве, промыслы его основывались на хитростях и заговорах: он хитрил перед богами, обманом убивал животных, заговорами портил лук и стрелы удачного соперника. Это так потому, что зыряне не знали общественной жизни. Они жили по деревням, состоящим из двух-трех домов. Деревни эти находились друг от друга на расстоянии сотни верст. Рекой или лесными тропинками вели они сношения между собой. Были, конечно, и села, торговые центры, но их было мало». К.Ф.Жаков добавляет, что «прежний взгляд на человека, прежнее недоверие к нему сквозит в речах теперешнего зырянина».

Итак, следовательно, по К.Ф.Жакову: 1) зырянин искони был индивидуалистом, общественной жизни не знал, в людях (соседях) видел только врагов и т.д. Впрочем, такими же индивидуалистами видятся ему и другие первобытные народы. Таким же индивидуалистом, одиночкой был и он сам.

2) Условия жизни северных народов достаточно хороши для них и они могут жить прекрасно, если не будет вмешательства более цивилизованных соседей, что самое лучшее оставить их в покое, дать им жить, как хотят.

Причиной возникновения идеализации старины являются, прежде всего, условия жизни самого К.Ф.Жакова и его окружения. К.Ф.Жаков – человек своего времени и, естественно, что оно нашло отражение в его взглядах. Выходец из крестьянской среды, проведший детство в деревне и, к тому же, в мелких глухих деревеньках, с более патриархальными устоями быта, в окружении церковников, ибо отец его украшал церкви и часовни резными иконостасами, он, несомненно, впитал еще в детстве многое из того, что в дальнейшем отразилось в его взглядах. Вероятно,

отсюда внутренняя религиозность самого К.Ф.Жакова, здесь и истоки идеализации патриархальщины.

В то же время нельзя не признать того, что К.Ф.Жаков является фигурой более сложной, двойственной. С одной стороны, стремясь к сохранению «первобытности», с другой – он ратует за просвещение (правда, иногда вкупе с правосудием). В статье «Языческое миросозерцание зырян» (стр.81) он пишет: «Такой взгляд на человека (см. выше) изменится в иной, более достойной его, только от света просвещения и от силы правосудия, но пока и то, и другое еще мало доступны зырянам». Подчеркивая наличие большого числа «неудачников» на севере, к которым он относит всех бедняков, а также нищих, пьяниц и прочий люмпен, он пишет, что «эти неудачники – продукт малого развития общественности и отсутствия просвещения на севере» (Гараморт на Крайнем Севере, стр.11). В той же статье «Гараморт на Крайнем Севере» он с удовольствием констатирует: «Да, север оживляется и в будущем обещает быть великой страной. В последние 10 лет (с проведением железной дороги) население Архангельска удвоилось, и квартиры вздорожали вдвое. Развивается и самосознание; к радости моей. «Не переселение, а расселение туземцев нам нужно, повышение культуры края», – так говорят северяне», – и с надеждой добавляет: «Это да буди и буди». В данной цитате К.Ф.Жаков выступает сторонником не только просвещения, но и экономического развития края. А выше приводилась цитата из книги «Сквозь строй жизни», в которой Жаков высказывается весьма категорически против нефтяной промышленности, долженствующей «обогатить капиталистов и искателей приключений». Можно предположить, что К.Ф.Жаков возражает только против капиталистического хозяйничания. Но это предположение критики не выдерживает, ибо Жаков не видел других путей развития страны, кроме капиталистического. Он не был революционером. Политические взгляды его были достаточно примитивные: «Я им говорил о Боге и мире, а они спрашивали меня, почему обижают их купцы, почему земли у одних много, а у других мало. Я ничего не мог им сказать на это» («Сквозь строй жизни», стр.111).

Представления о будущем обществе у него также были весьма неисторические. «Откуда убеждение, что мужская половина человечества выше, умнее, благороднее… Сомневаюсь. В будущем установится женское царство (как у пчел и муравьев). Мужская половина обопьется, изнервничается. Все дела жизни возьмут женщины, некоторый процент мужчин они будут оберегать, поить и кормить для продолжения рода, а большинство женщин будут безбрачны, чтобы не было чрезвычайного размножения людей. Так женщины будут хозяйками земли» (Гараморт на Крайнем Севере, стр.38-39).

Возможно, в данном высказывании К.Ф.Жакова есть определенная доля шутки, но в целом оно несомненно достаточно правильно отражает его исторические воззрения.

К.Ф.Жаков никогда не отказывался от идеи божественного творца. «Ничего нет кроме солнца на небе, и луны на голубом своде… В волшебном жилище мы живем у нашего творца» (Гараморт на Крайнем Севере, стр.14).

Признавая недостатки в общественном устройстве современного ему общества, К.Ф.Жаков не видел других путей его улучшения. кроме просвещения. Пути революционного преобразования ему были чужды. Именно поэтому ему были близки пути богоискателей и богостроителей. «Давно распростившись с авторитетами, я развиваю всюду и везде свой «лимитизм», который кажется мне божественным» (Гараморт на Крайнем Севере», стр.30). «Мое дело маленькое: проповедовать о Боге моем, странствовать по земле, без лукавства, с наивностью ребенка описывать все виденое и слышаное… Так создам Я сказку всемирную» (Гараморт, стр.18). К.Ф.Жаков не был борцом за преобразование общества. Его целью было создание всемирной сказки. Он выступал в качестве утешителя. Именно поэтому он и оказался по ту сторону баррикады.

К каким общим выводам можно придти на основе всего изложенного?

1) Знакомство с многогранной деятельностью К.Ф.Жакова убеждает в том, что он был человеком незаурядным, талантливым. Следует отдать должное его упорству и настойчивости, с которыми он добивался знаний.

2) К.Ф.Жаков не порывал связей с родным краем, с его населением. Публикацией своих произведений он стремился привлечь внимание читающей части России к положению нерусских народов Севера.

3) К.Ф.Жаков выступал с позиций просветительства, в революционном движении не участвовал, и, видимо, не был знаком с революционными учениями или не воспринял их.

4) К.Ф.Жаков был человеком религиозным (в широком значении этого слова), признавал высшего творца, в созданной им философской системе «лимитизм» пытался слить материализм и идеализм, атеизм и религиозность.

5) Недостаточный уровень политической грамотности, убежденность в правоте своей философской системы и политической платформы привели К.Ф.Жакова к неприятию пролетарской революции. Однако, он не стал отпетым врагом революции.

6) Видеть в К.Ф.Жакове врага революции, привешивать ему политические ярлыки, по-моему, нет необходимости. Немало крупных писателей (Куприн, Бунин, например) и ученых не приняли революцию и

оказались в эмиграции. Многие по истечении многих лет вернулись на родину. Мы не знаем как бы поступил К.Ф.Жаков, проживи он дольше.

7) Надо рассматривать наследство К.Ф.Жакова, то, что он после себя оставил потомкам и а) определить его место в истории культуры России и коми народа в тот период, когда он жил и работал;

б) выявить, есть ли в его наследстве что-либо полезное для нашей советской эпохи.

8) Отмечая ошибки и недостатки в научной и литературной деятельности К.Ф.Жакова, нельзя отбрасывать то положительное, что им сделано.

9) Полагаю, что после тщательного отбора можно будет издать небольшой сборник литературных произведений, из тех, которые могут быть интересны для современного читателя.

10) Очень важным является то, что из среды небольшого нерусского народа, несмотря на все трудности, ибо выходцам из нерусских народов гораздо труднее было пробиться к вершинам науки, в период царизма выдвинулись на уровень общероссийской известности не только К.Ф.Жаков, но Г.С.Лыткин.

Комментарий публикатора.

В 1977 г. после ряда публикаций, посвященных коми писателю и ученому К.Ф.Жакову, по решению Коми обкома КПСС была создана комиссия, которой было поручено изучить работы Жакова, с 1930-х гг. считавшегося «буржуазным националистом» и врагом Советской власти, и дать им оценку. Одним из членов комиссии наряду с А.К.Микушевым, Я.Н.Безносиковым, В.В.Федоровичем, Ф.В.Плесовским и др. являлся Л.Н.Жеребцов, которому было поручено проанализировать этнографические труды ученого. Л.Н.Жеребцов представил в комиссию публикуемый здесь отзыв, который, вместе с отзывами других ученых, лег в основу первого варианта заключения комиссии, в целом благрожелательного по отношеню к К.Ф.Жакову, несмотря на употребление привычной для того времени риторики («идеализация старины» и т.п.). Однако в силу каких-то обстоятельств (вероятно, из-за негативной реакции на выработанные комиссией рекомендации со стороны республиканских партийных идеологов) руководители комиссии вынуждены были подготовить новый, гораздо более жесткий по отношению к Жакову вариант заключения, который и был одобрен обкомом КПСС. В личном архиве Л.Н.Жеребцова сохранился также небольшой (чуть более машинописной страницы) текст, посвященный этнографическим трудам К.Ф.Жакова, подготовленный, очевидно, в период между составлением первого и второго вариантов заключения комиссии. Этот текст, публикуемый ниже, написан на основе первоначального отзыва Л.Н.Жеребцова, однако имеет уже иную тональность. Написан ли он

самим Л.Н.Жеребцовым или кем-либо другим, не известно. Подписи Л.Н.Жеребцова под данным текстом или иных указаний на его авторство нет.

* * *

Научное наследство К.Ф.Жакова достаточно разнообразно. Оно включает труды по философии, логике, этнографии и т.д. Специально этнографических исследований К.Ф.Жаковым написано не много. Но к ним примыкает несколько очерков, имеющих этнографическую направленность, а также этнографические зарисовки, встречающиеся во многих литературных произведениях, написанных на местную тему. Особенно много таких зарисовок в автобиографической повести «Сквозь строй жизни». Эти этнографические зарисовки и очерки для современного исследования имеют несомненную ценность, ибо написаны автором практически с натуры. Их отличает большая точность, четкость и яркость. Не потеряли своего значения и собственно этнографические произведения К.Ф.Жакова. Однако они могут использоваться лишь подготовленным специалистом и не могут быть рекомендованы, как впрочем и многие очерки, для широкого читателя. Этнографические произведения К.Ф.Жакова требуют критического подхода, ибо интерпретация материала выполнена К.Ф.Жаковым не с марксистских и даже не с материалистических позиций. Историю всего человечества, как и историю коми он представлял весьма примитивно. К.Ф.Жаков идеализировал патриархальщину, преклонялся перед стариной, был уверен в том, что «золотой век» человечества остался позади. Он требовал сохранения патриархальных устоев и первобытных обычаев, выступал с идеей ограждения культурно отсталых народов от влияния цивилизации, утверждал, что им лучше жить по старым обычаям. Человек представлялся ему крайним индивидуалистом, одиночкой, не отличавшимся положительными качествами. Эти и ряд других подобных же отправных точек исторической концепции К.Ф.Жакова не отвечают нашему времени.

Изложенное позволяет утверждать, что этнографические произведения К.Ф.Жакова переиздавать не следует. В свое время они были изданы в достаточном количестве и до сих пор вполне доступны любому исследователю, так как имеются во многих научных библиотеках. Для широкого их распространения среди современных читателей нет никаких оснований.

АНТРОПОНИМИКА

КАК ВОЗНИКЛИ КОМИ ФАМИЛИИ*

На историческом пути человечества фамилии утвердились весьма поздно. Долгое время главную роль играла принадлежность человека к определенному роду. Недаром же в волшебных сказках, придуманных народами давным-давно, у доброго молодца, попавшего к незнакомым людям, прежде всего выясняли, какого он роду-племени. Если свой – значит, надо ему помочь, если чужой – можно и съесть по обычаю Бабы-Яги. Родовая сплоченность очень помогала людям в борьбе за выживание, поэтому она долго сохранялась. Родовые связи играли большую роль даже в таких развитых классовых обществах, как древнегреческое и древнеримское. У них к личному имени человека всегда добавлялись родовые: Гай из рода Юлиев по прозвищу Цезарь.

Так же обстояло дело и на Руси. Например, все основные ветви русских князей вели счет от легендарного князя Рюрика («Рюриковичи мы...» – как сказал Иван Васильевич Грозный в кинофильме «Иван Васильевич меняет профессию»). А более тесное родство считали от более близкого предка (Мономаховичи – потомки Владимира Мономаха).

Для выделения из общей массы родичей или соседей человеку давалось (да и сейчас оно так дается) личное имя: Иван, Марья и т.д. А для подчеркивания преемственности и родственной связи к личному имени добавляли имя отца (редко – матери): Иван Петров сын, Степан Марьин сын (так называли внебрачных детей). Сама форма соединения

---

* Большой интерес вызывала у Л.Н.Жеребцова проблема возникновения коми фамилий. Он долгое время тщательно собирал материалы о фаимилиях и прозвищах местных жителей в хранящихся в различных архивах исторических документах XV – XIX столетий, во время своих многочисленных экспедиций по разным районам Коми республики. Полученные данные Л.Н.Жеребцов использовал в ряде своих научных публикаций («Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами», «Расселение коми в XV – XIX вв.», «Этнокультурная специфика прилузских коми» и др.), а также в статьях и заметках, появлявшихся на страницах республиканских газет (к ученому часто обращались с просьбами рассказать о возникновении тех или иных фамилий). Л.Н.Жеребцов думал о том, чтобы написать специальную большую работу о коми фамилиях – их происхождении, распространении, значении их для исследования различных вопросов истории Коми края, однако не успел осуществить свой замысел. Сохранились только некоторые фрагменты, подготовленные им для средств массовой информации. Данная работа написана в середине 1980-х гг. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

личного и отцовского имени была различной: Иван Петров сын, Иван Петрович – на Руси, Иосиф бен (сын) Гурион – на Востоке, Петыр-Вань (т.е. Иван Петрович) – у коми. Коми в отличие от русской системы всегда ставили впереди личного имени имя отца и даже деда: кроме Йегор-Вань могло быть и Вась-Йегор-Вань.

Однако нередко оказывалось недостаточным и такое уточнение родства. Особенно с развитием системы налогового обложения (введение подушной подати) и необходимостью увеличить степень надежности фиксации каждой конкретной личности. Вначале для этой цели широко применялись различные индивидуальные прозвища, часто насмешливые и потому более живучие: Из юр (каменная голова), Пипу ныр (осиновый нос), Кушман (редька), Иаег (кол), и т.д., или же такие прозвания, которые могли сохраниться со времени существования родовых связей: Кӧч (заяц), Дозмӧр (тетерев), Кань (кошка). Существовали прозвища, данные по месту жительства или выхода: Полумосквин (вероятно, ездил в Москву), Костромин (очевидно, жил в Костроме), а также по роду деятельности: поп, пономарь, кузнец.

С XV в. население Коми края, вошедшего в состав Русского государства, стало подвергаться регулярным переписям. Писцовые и переписные книги XVI – XVII вв., ландратские книги и ревизские сказки XVIII – XIX вв. дают исключительно ценный материал об именах, прозвищах и фамилиях местных жителей. Процесс формирования фамилий был довольно долгим. К XVIII в. в России кто-то уже имел установившуюся фамилию, кто-то имел прозвище, а кто-то именовался просто по отцу. Словом, была полная неразбериха. В начале XVIII в. по указу Петра I по всей стране было проведено закрепление постоянных фамилий среди всех сословий населения. Были сохранены имевшиеся фамилии, закреплены прозвища в качестве постоянных фамилий, превращены в фамилии отчества. Так появились у коми Турышевы и Турбылевы, Ульныровы, Кызъюровы, Каневы, Чумановы, Кузивановы, Ситкаревы, Расовы, Ракины, Сидоровы и Андреевы, Поповы и Попвасевы, Дьяконовы, Космортовы и многие-многие другие.

У других народов нашей страны фамилии образовались примерно таким же образом – у кого раньше, а у кого – позже. Естественно, и у них закрепилось среди фамилий немало прозвищ, также нередко шуточных, например, у украинцев Загнидорога, Заплюйсвечка, Голопупенко, у русских Ломоносов, Хренов, Свиньин, Косоротов и т.п.

Изучение происхождения фамилий, их распространения в различных районах и областях страны, их сходства и различия и т.д. имеет важное значение при разработке проблемы этногенеза (происхождения) народов. Для коми, как и многих других народов, характерна концентрация отдельных фамилий по определенным селам и деревням. Так, например, в д. Тойма Удорского района две основные фамилии: Матевы

и Палевы. Появление нетипичных фамилий в других пунктах говорит об их переселении, а выявление пункта концентрации указывает место их выхода.

Конечно, далеко не всегда фамилии носят ярко выраженный типический и, можно сказать, этнический характер, каковыми являются, например, Ульныров, Изъюров и т.д. Весьма характерными среди народов нашей страны (в том числе и коми) является распространение фамилий, производных от христианских имен: Сидоров, Петров, Андреев и т.д. Эти фамилии национальных особенностей не имеют, и их носителей очень трудно, а иногда и невозможно определить в этническом плане.

К этой группе относится и фамилия Политов. Происходит она, очевидно, от имени Ипполит. В русских документах нередко параддельно можно встретить фамилии Иполитов и Политов. На территории коми она появляется в XVIII в. В предшествующие века в документах, относящихся к Коми краю, эта фамилия не встречается. Впервые она зафиксирована на Выми и, вероятно, имеет отношение к Сереговскому солевареному промыслу. С этой точки зрения, не исключено, что первые Политовы были русскими рабочими на Сереговском заводе и, возможно, происходили из центральных губерний России. Первые рабочие Сереговского и Кажимских заводов были куплены и привезены владельцами заводов из самых разных мест.

Но поскольку к настоящему времени в Коми республике почти все Политовы – коми (в соседнем Ленском районе Архангельской области эта фамилия всречается крайне редко), правомерно высказать два таких предположения: 1) Первые русские Политовы были очень немногочисленны и быстро растворились в коми среде; 2) Фамилия Политов могла произойти от имени Ипполит совершенно самостоятельно в различных местах, и русские (в Центральной России) и коми Политовы никакого, даже дальнего, родства не имеют. Последнее утверждение не относится к Политовым, живущим ныне на нижней Вычегде, Выми и Удоре, поскольку они, по известным документам, имеют между собой родственные связи.

К этой же группе фамилий относится и фамилия Туркин. Первым Туркиным в истории коми был житель д. Оквад по прозвищу Турка малый. Жил он в Окваде во второй половине XV в. А в XVI в. (перепись 1586 г.) Туркины встречаются в Гаме. Почему оквадский крестьянин получил такое прозвище, сказать трудно. Ясно, что он не был турком по своему происхождению, но, видимо, какие-то признаки, вероятнее всего в его внешнем облике, явились причиной этого прозвища. Хотя, конечно, нельзя исключать и такой возможности, как появление в Окваде переселенца из дальних мест. время жизни Турки малого – это время окончательного свержения татарского ига. В это период возможны были побеги и переселения из опасных районов в более тихие.

Фамилия Полев появляется в документах с середины XVII в. В переписи 1646 г. она зафиксирована в с. Гам. Этническое и смысловое содержание в ней четко не выявляется. Скорее всего, с русским словом «поле» она связи не имеет. Но сделать вполне убедительное объяснение происхождения этой фамилии я пока не могу. Она могла возникнуть и от некоторых коми слов, например, от слов «пöльöв» – вторичное сусло, «польö» – поросенок, «польö» – луковка в гнезде и даже от женского имени Полина (в сокращенной форме – Поля). Такие фамилии у нас встречаются (Васев, Васькин и т.д.). В ходе дальнейших исследований вопроса о происхождении коми фамилий, вероятно, удастся внести уточнения в историю этой и многих других фамилий населения Коми республики.

ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ, ИЗУЧАЯ ФАМИЛИИ*

Ученые давно подчеркивают важность изучения собственных имен антропонимов), ибо они могут свидетельствовать о межнациональных контрактах и дать ценные сведения в освещении этнической истории народа.

Наука, изучающая антропонимию коми, почти ничего не знает о их древнейших языческих именах, ибо в документах они практически не сохранились, поскольку после принятия христианства вошел в бытовую практику церковно-славянский именник. А поэтому особую важность приобретает изучение местных фамилий, среди которых, к счастью, много специфически коми. Основным источником, где они сохранились, являются для XVI-XVIII вв. (а эти века особенно интересны в процессе изучения формирования народности коми) писцовые, переписные и ландратские книги, а после их отмены – ревизские сказки. Позднее в конце XIX-XX вв. основным источником становятся всероссийские и всесоюзные переписи населения.

В данной статье авторы ставят задачу показать специфические особенности коми фамилий, время их возникновения, их распространение и бытование, а также их роль в изучении этнической истории коми.

Переписи в XVI-XVIII вв. проводились регулярно каждые 35-30 лет и поэтому обеспечивают большой фактический сравнительный материал, причем дают его в движении. Конечно, этот материал нельзя абсолютизировать. Как и любой другой, он имеет свои недостатки. В нем

---

* Работа написана в 1988 г. Соавтор И.Л.Жеребцов. Публикуется по машинописной копии с авторской правкой из личного архива составителя.

возможны пропуски отдельных поселений и даже двойные записи. Случаются пропуски семейств, по разным причинам упущенных писцами: укрывались, были в бегах и т.п. Нередки были искажения в названиях поселений и в написании фамилий. Существенным недостатком была также русская форма подачи материала. Типичный для коми порядок наименования, вызванный отсутствием фамилий, когда перед именем данного лица называются имя отца и деда (Пиле Захар Вань) заменялся на русский (Иван Захаров сын Филиппов). Надо также оговориться, что книги XVI-XVII описывают этот период в истории коми, когда фамилии только еще начали складываться, или точнее сказать, начали признаваться администрацией, как обязательные для любой семьи любого сословия. Поэтому далеко не каждая семья указана с фамилией, но число их с каждой новой переписью все увеличивается.

Основная масса местных жителей записывалась по имени отца или деда, например Ивашко Максимов. Эти отчества или «дедичества» во многих случаях постепенно превратились в фамилии.

В основном они происходят от русских христианских имен (Сидоров, Андреев, Ермолин и др.). Но иногда были использованы и дохристианские (языческие) славянские имена: Нечаев от Нечайко, Жданов отЖданко, Поздеев от Поздейко, Третьяков от Третьяка или Тречьячко и т.п. Трудно сказать почему. Может быть, их первоносители были не коми, а русские переселенцы или же в те века еще шире использовались в бытовой практике церковников некоторые языческие русские имена. Ведь и до сих пор живут тоже славяне-языческие Людмила, Владислав, Владимир и др. им подобные, хотя Нечайко или Жданко уже не встречаются. По такой фамилии национальную принадлежность их носителя определить практически невозможно. Только если она бытует в данном поселении сотни лет, неоднократно зафиксирована в документах в качестве местной и по сей день ее владельцы являются коми, то можно ее с первоначального упоминания включить в круг коми фамилии. В целом же отыменные фамилии не несут этнического содержания. Лишь только в случае внесения в него какой-то языковой специфики фамилия приобретает этнический оттенок. Так, например, общероссийская фамилия Попов приобретает коми звучание при небольшом изменении: добавка имени в местном произношении (Попвасев).

Другая часть местных коми фамилий имеет этническое содержание, ибо она сложилась на основе коми слов. Можно считать, что в основном они возникли на основе прозвищ, в которых фиксировались национальные идеалы, отклонения от них и даже недостатки. Подходя с этой точки зрения к коми фамилиям, мы можем подразделить их на несколько групп. Так выявляется большая группа фамилий, производящих от шутливых и насмешливых прозвищ, подчеркивающих какие-то особенности внешнего вида, проведения или разговора и т.д. Для примера, можно

перечислить следующие: Ульныров, Симпелев, Кызъюров, Кузьбожев, Кузькоков, Кузьиванов, Мичкин, Чукилев, Маегов и т.п.

Вторая большая группа прозвищ возникла из сравнении человека с представителями живой природы, с каким-либо животным, чаще диким (Кочев, Коинов, Кынев), а также с птицей (Сизев, Зезегов, Урсюзев) , с насекомыми (Гутов, Мошев, Чернанев), рыбой (Гичев) и растениями (Кушманов, Кочанов). Однако по этой группе фамилий можно высказать предположение о том, что некоторые из них могли произойти и от родовых тотемов. Известно, что древние коми имели много разных божеств: племенных, родовых, семейных и личных покровителей (как говорил жрец Пам, у коми были «мнози боги»). Так что у Коиновых тотемным предком мог быть волк. Этнограф Л.С.Грибова полагала, что главным тотемным предком коми была рыба «ком» (хариус), от которой будто бы и произошел этноним «коми», но эта гипотеза пока никаких подтверждений не имеет. Существуют фамилии, произведенные от явлений природы (Туробов, Бусов), числительных (Куимов), различных предметов домашнего обихода (Панов, Туисов, Тоинов).

Чем хороши для исследования такие фамилии? Поскольку в них очень четко прослеживается этническое содержание, они очень помогают при изучении процесса расселения коми. Обнаруживая такие фамилии в сибирских селениях, мы с уверенностью можем утверждать, что предки носителей данной фамилии были по происхождению коми. Далеко невсегда в документах указывается место выхода человека. И толшько характерная фамилия может подсказать исследователю, откуда он родом. Так, например, в Томской области встречаются фамилии Пороськоков и Гутов, в Алтайском крае Кузеванов и Турубанов. И хотя сейчас они все уже русские, их «зырянское» происхождение сомнений не вызывает. Впрпочем, алтайские коми помнят еще, что их прадеды приехали из Койгородка и Ужги.

Среди первопроходцев восточной Сибири широко известен Федор Чукичев. У него характерная коми фамилия, которая издавна и до сих пор является коренной в Шежаме (часть с.Айкино).

В Вологодской области, например, встречается фамилия Пуртов. Несомненно, что предки нынешних носителей этой фамилии имели прямое отношение к коми этносу. В XI-XIII вв. древние коми жили в восточной половине Вологодской области. А «пурт» - старинное коми слово.

В верхнем течении Северной Двины от г.Устюга до с.Пермогорье и по настоящее время встречаются такие фамилии, как Куимов (живет в д.Куимиха), Егов, Кушев и др. Эти фамилии помогают очертить район обитания древних коми ко времени встречи их с русскими переселенцами. Эти ныне русские крестьяне, несомненно, потомки тех древних

коми, что жили в этих местах тысячу лет назад и постепенно слились с русскими.

Большое значение в исследованиях играют также этнонимические фамилии, т.е. такие,которые возникли по названию определенного этноса: например, Зырянин, Зырянов. По документам XVII-XVIII вв. людей с такими фамилиями (прозвищами) немало обреталось на Урале и в Сибири.

Наличие типичных специфических фамилий помогает исследователю при изучении миграционных процессов не только в дальних краях, но и в пределах своего региона. Например, из документов нам известно, что в I половине XVII. в Прилузье был ряд неурожайных лет и крестьяне начали разбегаться в поисках лучшей доли. Спрашивается, куда они уходили, где оседали. И здесь нам очень помогают фамилии. Когда мы видим появление типично прилузских фамилий на Сысоле, мы вправе утверждать, что это осевшие здесь выходцы из Прилузья.

Таким образом, изучение фамилии сообщает нам не только откуда шли люди, но и куда, где они предпочли оставаться. Ведь если в данной волости количество пришедших больше, чем в соседних, значит это свидетельствует об определенном предпочтении этой волости. И в ходе дальнейшего изучения можем выяснить, в чем причина этого предпочтения. Может земли лучше, или дороги доступней, или связь удобнее, или промыслы богаче, или еще какая причина.

Очень помогают фамилии при изучении заселения верхней Вычегды. Например, вымский Тимушев вначале перебрался на Вишеру. Оттуда церковный староста Афанасий Тимушев переселился в Усть-Кулом, а позднее его потомки обосновались в Доне и Керчомье. Так же четко прослеживается путь переселения на верхнюю Вычегду многих удорцев и сысольцев.

Есть еще одна очень цекнная для историка группа фамилий. Это так называемые топонимические фамилии. Они служат хорошим источником по изучению движения населения, так как достаточно конкретно указывают на то место, откуда прибыл носитель фамилии. В некоторых случаях можно даже с большей долей достоверности установить и этническую принадлежность носителя данной фамилии. К группе топонимических относятся также фамилии как Сысолятин, Вычегжанин, Вишератин, Удоротин, Мозымов, Мезенцев, Ижмитин, Пинегин и т.п. С уверенностью можно утверждать, что Удоратины, Сысолятины и Мозымовы были ком, тогда как Пинегин, Важенин, Вологжанин, Вяткин скорее всего русские. Хотя не исключено, что это прозвище мог получить коми, ездивший или живший в тех местах и вернувшийся обратно в родные места. Есть у коми две сходные фамилии Москвин и Полумосквин. Они как бы подсказывают нам, что первый скорее всего русский, прибывший в Коми край из Московских пределов, а второй местный,

ездивший в Москву и нахватавшийся кое-каких элементов русской культуры.

Перечисленные фамилии выявляют нам довольно далекие связи Коми края, появление в нем переселенцев не только из соседних коми и русских волостей, но и весьма дальних пришельцев. Такие фамилии как Базлуков и Базлуцкий говорят о внутренних передвижениях: Базлуков, очевидно, переселенец из вычегодской деревни Базлук. Удоратины и Мозымовы выходцы из Удорского края, а вот Мезенцев мог быть и с русской Мезени, также как и Пинегин с русской Пинеги (хотя в XIV-XV вв. на Пинеге имелись Пермские волости с коми населением). Русские потомки их теперь носят фамилии Ошуков, Кычев, Варзумов и некоторые другие.

Подсчет топонимических фамилий по волостям говорит нам о том, в какое время куда направлялся больший поток переселенцев. Так, например, во II половине XVI в. много приходцев с разных мест осело на нижней Вычегде . В I половине XVII в. уже больше шли на Сысолу, а во II половине этого века основной поток пошел на Верхнюю Вычегду.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что изучение фамилии дает историку много важных сведений. Особенно эффективно это исследование в том случае, когда у коми, имеют широкое распространение специфические фамилии. при зучении миграции и расселения даже при отсутствии других данных фамилий, характерные только для коми, позволяют с уверенностью относить носителей таких фамилий к коми этносу.

Ближайшей нашей задачей является составление полного списка коми фамилий с XVI в. и по настоящее время, который будет ценным историческим источником.

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ. ИНФОРМАЦИЯ

РАССКАЗ О НОВЫХ КНИГАХ*

От диктора:

В 1971-72 гг. в Коми книжном издательстве и в издательстве «Наука» в Москве вышли в свет три работы старейшего местного этнографа Л.Н. Жеребцова, работающего в этой области уже более 20 лет. Это «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв.», «Крестьянское жилище в Коми АССР» и «Расселение коми в XV-XIX вв.».

Предоставляем слово автору этих книг кандидату исторических наук Любомиру Николаевичу Жеребцову.

Пожалуйста, Любомир Николаевич, расскажите нашим телезрителям о своих исследованиях.

Культура народа! Это очень ёмкое понятие. Изучить ее можно с разных сторон, в различных ее проявлениях. Наука этнография изучает культуру и быт народа, стараясь выявить, подчеркнуть специфические особенности, характерные черты именно данного периода, так сказать, оттенить его национальные особенности.

Этнографии народа коми посвящены ряд капитальных исследований. Можно назвать книги доктора исторических наук В.Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми» (зырян и пермяков), профессора МГУ Л.П. Лашука «Очерки этнической истории Печорского края». Его же «Формирование народности коми». Эта книга вышла в 1972 г. Она подчеркивает неослабевающий интерес ученых к этнографии коми народа. Интересуются ею и наши читатели.

Многих телезрителей, как любителей истории местного края, интересует вопрос, когда возникло то или иное селение, откуда люди пришли в него, какие фамилии они носили, к какой национальности они принадлежали. И не только эти, но и многие другие вопросы получили некоторое освещение в брошюре «Расселение коми в XV-XIX вв.».

Конечно, в одной небольшой брошюре на все вопросы, тем более подробно, ответить нельзя. Однако приведенные в ней материалы и в особенности даты основания сел и деревень, а также списки фамилий первых переселенцев будут интересны и полезны читателю. По этому же вопросу можно найти дополнительные сведения в некоторых других работах. В брошюре есть ссылки на эти книги и статьи.

Приведу несколько примеров. Так, например, Ярыгины, Каневы, и Лихачёвы жили в XV веке в Усть-Выми, Лобановы, Туркины и Торло-

---

* Текст выступления по республиканскому телевидению в 1972–1973 гг. Оригинал не имеет названия, оно дано составителем. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

повы – в Жешарте, Гаме и Палевицах (XVI век), столетием позднее там появились Зеленины, Поздеевы и Худяевы. Документы XVII века называют нам Кочевых, Пархачевых и Подоровых из Гама, Брагиных из КняжПогоста, Габовых и Худяевых из Весляны и так далее.

Из брошюры можно узнать также и том, что корни взаимоотношений между коми, русскими и ненцами уходят в глубокую древность. Например, новгородцы с XI в. ежегодно приезжали со своими торговыми и военными экспедициями на Печору, Урал, Зауралье, по Вычегде, Выми, Ижме. Позднее они стали основывать здесь свои поселения. Первым русским поселением на Вычегодье является Усть-Вымь (конец XIV века), которые стал центром Пермской епархии.

Христианизация Руси, татаро-монгольское нашествие, а значительно позднее – церковный раскол вызвали перемещение больших групп населения на Вычегде, Удоре, Печоре; привели к взаимному сближению и влиянию культуры одной нации на другую. В этом, в частности, кроется ответ на вопрос – почему многие русские, живущие на Севере с древних времен, носят коми фамилии и наоборот, почему многие коми являются обладателями русских фамилий.

Вторая работа «Хозяйство, культура и быт Удорских коми» представляет собой историко-этнографический очерк населения современного района Коми АССР.

Этот район один из наименее изученных в республике. История, этнография и диалект удорцев представляет большой интерес для науки.

Удорская народная культура служит ярким примером благотворительного влияния русской народной культуры.

Основная цель этой работы состоит в том, чтобы разрешить некоторые вопросы, связанные с этнической историей народа, такие, например, как время и пути заселения Удорского края коми переселенцами, состав древнего населения, дать этнографическую характеристику этой специфической группы коми населения.

Удалось ли мне разрешить эти вопросы, правильно на них ответить – скажут читатели. От них же я ожидаю ответа на вопрос: нужна ли им моя книга, полезна ли.

С этой же книгой непосредственно соприкасается и третья «Крестьянское жилище в Коми АССР».

Народное зодчество в нашей республике имеет свои особенности, свои характерные черты, отличающие его от построек всех соседних народов. Эта специфика вырабатывалась в течение веков. Руками безвестных мастеров быта созданы соответствующие местным природным условиям и отвечающие народным вкусам типы жилых и хозяйственных построек.

В книге «Крестьянское жилище» я хотел на примере отдельных строений показать богатства народной архитектуры, через описание

наиболее типичных памятников, раскрыть перед читателем своеобразие местного зодчества, подчеркнуть особенности, характерные только для жилища коми народа, а также оттенить наличие большого русского культурного влияния на народное зодчество коми.

Остановимся на некоторых интересных особенностях наших жилищ. Так, например, существует два типа внутренней планировки избы. Один типично северно-великорусский. Он широко распространен по всему Европейскому Северу СССР, встречается у разных народов. Главное его отличие в том, что русская печь всегда стоит в одном из задних углов избы ближе к входящей двери и устьем своим повернута к окнам. У нас этот тип планировки был распространен в западной части Коми АССР и сложился под явным русским влиянием.

Второй тип планировки явно самобытный. Он нигде на севере, кроме как у коми, не встречается, да и только в восточной части Коми АССР. Его характерная особенность в том, что русская печь стоит всегда в глубине помещения и устьем своим обращена в сторону двери. Несомненно, что этот тип является наследством старинного коми домостроительства. Он возник еще тогда, когда наши предки жили в землянках и единственным источником света в них была открытая дверь.

Жилые постройки коми довольно различные по виду. Можно выделить 10 типов жилища с несколькими разновидностями 2 из них можно считать весьма древними. Их возникновение и оформление относится к XVIII в. (стр. 54 и 56 из книги). Очень близки к этим двум типам более поздние по возникновению избы-двойни и пятистенок (ст. 58).

Очень интересные дома распространены в южной части Коми АССР, в Прилузском районе, особенно в селениях летского куста (стр. 63).

К совсем иным типам жилищ относятся постройки ижемцев конца XIX начала XX вв. и удорские из села Важгорт (стр. 64, 68).

Они возникли на новой экономической базе, вследствие проникновения капитализма в деревне, развития промышленности производства у ижемцев и учреждения ярмарки в Важгорте.

Народные зодчие стремились сделать жилые и хозяйственные постройки не только удобными, но и красивыми (стр. 71-75).

Народное зодчество является большим национальным богатством. Оно одно из ярких показателей высоты и самобытности народной культуры. Наиболее яркие образцы народных построек необходимо беречь, сохранять их от разрушения, от позднейших переделок. Народное зодчество заслуживает того, чтобы быть сохраненным в специальном музее. Правительством Коми АССР уже предприняты меры по созданию такого музея в с. Усть-Вымь.

Мне остается лишь повторить, что этнография коми – это очень важная наука и этнографические исследования в Коми АССР будут все

более расширяться и углубляться. Еще очень много вопросов не изучено, многие стороны культуры и быта народа не исследованы. Читатели вскоре получат новые книги наших этнографов.

Самым ранним из них, несомненно, является тип домов юго-восточной части Коми АССР. Он отличается как с внешней стороны, так и в части внутренней планировки. Прежде всего следует отметить, что в этом типе не только отдельные избы, но и вся жилая часть в целом и весь двор также имеют каждый свои односкатные покрытия. Устанавливаются дом и двор так, что их крыши сходятся высокими краями, вернее, верхний конец ската кровли двора заходит под верхний же край крыши дома. Таким образом, в целом над всей постройкой оказывается пологое двускатное покрытие. На улицу или реку дом обращен навесом крыши. Фронтонная стена образует здесь боковой фасад. Входят в дом с лицевой стороны через высокое крытое крыльцо и сени, которые устраиваются между избами. Обе избы этого типа сейчас имеют одинаковую планировку. Русская печь в них всегда стоит в одном из углов у стены, противоположной входу, и устьем своим обращена в сторону двери. Вход в голбец (гöбöч выв) и полати (пöлать) находится там же в глубине помещения, тогда как передний угол располагается возле двери (рис. 19*).

Второй из древних типов состоит тоже из двух изб, покрытых односкатными крышами и установленных друг против друга на расстоянии 1,5-2 метра так, что высокие концы скатов крыш их соприкасаются. Пространство между избами, прикрытое концами досок крыш, образует сени, вход в которое с фасада. Попасть в них можно лишь с довольно высокого крыльца. Таким образом, в целом над домом крыша как бы двускатная. Двор пристроен к дому и также имеет двускатную кровлю. Связь с двором однорядная. На улицу или на реку это жилище обращено своей фронтонной стеной, которая является его фасадом.

Избы дома имеют разное назначение и различную планировку. Одна из них является зимней избой с русской печью и имеет типично северно-великорусскую планировку. В настоящее время она выполняет функции кухни. Вторая служила в качестве парадной, летней избы или горницы. Сейчас она является комнатой. В ней ставят только голландку или плиту (в XVIII в. печь в ней нередко вообще отсутствовала), а обстановка приближается к городской (рис. 20).

С первыми двумя типами связаня своим происхождением также пятистенки и двойни (русский термин XIX в.). Большой пятистенок – сейчас очень распространенный тип дома. Он занимает переднюю половину; сзади к нему пристраивается обычный двухъярусный двор. Сени сбоку между жилой и хозяйственной половинами.

---

* Рисунки из книги, на которые ссылается автор, не публикуются.

Крыша двускатная, крутая, с охлупнем. Кухня и комната по площади равны, вход в комнату из кухни. Планировка последней северно-великорусская (рис. 21, 22).

Внешне очень похожи на пятистенок избы-двойни, только здесь вместо одной внутренней стены две парализованные. Примером может быть дом Южина А.К. (д. Коптюга Удорского района). Он покрыт обычной крутой двускатной крышей с охлупнем. Срубы обеих изб стоят на расстоянии около одного метра. Образовавшееся между ними пространство ничем не занято. Вход – сбоку, через высокое крытое крыльцо прямо в сарай. В него открываются двери обеих изб. Сеней практически нет. В этом и сходных с ним типах домов это нередкое явление (см. дальше). Одна из изб является зимней. В ней – русская печь, полати, лавки вдоль стен и т.д. Другая же является летней, хотя в ней также стоит русская печь. Но зато в ней нет полатей и нет входа в подполье. Планировка обеих изб северно-великорусская. В сарае врублено хозяйственное помещение – клеть (кум).

Этот тип дома в описанной форме встречается сейчас довольно редко. Иногда он сопровождается дополнительной зимовкой, пристроенной сбоку. Она может быть на низком подполье. На севере такие зимовки назывались скотной избой. Но может быть и на высоком подполье. В этом случае там устраивается хлев (рис. 15).

Особым видом является жилище, распространенное в южной части Прилузского района. Оно состоит из одной избы и обычно всегда четырехстенка (в XX веке стили появляться пятистенки), разделенного внутренними перегородками на два-четыре помещения. Печь в нем стоит посередине помещения, чтобы обогревать одновременно весь дом. Вплотную к жилью пристраивается обычный двухъярусный двор, но связь дома с ним может быть не только однорядной, но и глаголеобразной. Здесь же всегда встречается упомянутый уже улич (см. выше). Крыша дома стропильная, двускатная, но редко с залобком и обязательно с охлупнем (рис. 11, 26).

К концу XIX в. относится сложение на средней Печоре у ижемской группы коми своеобразного ижемского типа жилища. Еще в III четверти XIX века их жилища почти не отличались от построек коми в других районах края.

Итак, типичный ижемский дом, как и весьма близкий к нему усть-цилемский, резко отличается от жилищ, распространенных в других районах Коми АССР. Это прежде всего всегда двухэтажная постройка с большим количеством комнат. Здесь нет деления на две самостоятельные избы. Сруб дома – единый. Как минимум, в нем четыре жилых помещения. В нижнем этаже – две кухни, в верхнем две комнаты. Внутренняя планировка кухни северно-великорусская. В комнатах обстановка городского типа.

Следует отметить близость ижемского дома к поморским типам жилища. Нет сомнения, что ижемский дом возник не только под влиянием русской культуры, но и при прямом участии русских. Ижемские коми и усть-цилемские русские поддерживали постоянные широкие взаимосвязи. (рис. 27).

Возможность возникновения такого сложного типа жилища на Ижме объясняется проникновением капитализма на Печору, и в частности, широким развитием торговли. Основные занятия ижемцев – охота, рыболовство и оленеводство приняли ярко выраженный товарный характер. Доход, получаемый от продажи промысловой добычи, привел к некоторому подъему благосостояния части ижемцев и к возникновению указанного типа жилища.

Примером большой роли торговли, в частности, регулярных ярмарок, в возникновении двухэтажных многокомнатных домов может служить село Важгорт. Большие постройки, характерные для этого поселения, вызваны именно функционированием, в нем Крещенской ярмарки. Местное крестьянство, даже не торговое, учитывая, что съезжающимся на ярмарку купцам необходимы лавки для торговли, помещения под склады товаров и квартиры, начали строить двухэтажные дома, причем нижние этажи их обычно отводили под лавки, склады, а верхние под жилье и сдавали их в аренду купцам.

Важгортские двухэтажные постройки резко отличаются от ижемских. Это совсем иной тип дома. Прежде всего, он четко делится на три части: передняя половина, затем двор и уже за ним зимняя изба. Именно здесь известна такая зимовка, у которой в подполье помещался скот (рис. 15). Затем передняя летняя половина, как правило, жилая только в верхнем этаже. Там и кухня, и комнаты (обычно две). Только в кулацких домах оба этажа были жилыми. Передняя часть дома может быть пятистенной или шестистенной (со средней горницей). Вход в дом – всегда сбоку, между передом и двором. При этом, поскольку сени находятся на втором этаже, типичным является очень высокое, крутое, всегда крытое крыльцо (рис. 3, 29).

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ИЖМЫ *

Много и плодотворно работают в последние годы археологи Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР над изучением древней истории Коми АССР. Каждая новая работа в этой области, появляющаяся в продаже, вносит дальнейшие уточнения и углубления в наши знания, поэтому периоду истории. Много умного и интересного даст читателю книга В.Е.Лузгина “Древние культуры Ижмы” (Москва, 1972), недавно появившаяся на прилавках наших книжных магазинов.

До начала систематических экспедиционных исследований берегов р. Ижмы В.Е. Лузгиным там были известны всего две-три стоянки и несколько случайных находок вещей различного времени. Практически на археологической карте Европейского Северо-Востока бассейн Ижмы был сплошным белым пятном.

В результате экспедиций В.Е.Лузгина в бассейне Ижмы открыто 58 древних памятников. Они позволяют осветить все периоды древней истории этого района, начиная с эпохи мезолита (VI тыс. до н. э.). В настоящее время на Ижме известно 4 мезолитических стоянки. Из них наиболее интересна стоянка Турун-нюр I (недалеко от деревни Картаель). Она дала очень выразительный материал, который позволяет считать, что племя его оставившее пришло из волго-окского междуречья.

Исключительно большое научное значение имеет стоянка Черноборская III. Она относится к эпохе раннего неолита (IV тыс. до н. э.). До ее открытия на всем Европейском Северо-Востоке не были известны стоянки этого времени. Инвентарь Черноборской III очень близок к предметам найденным на Оленеостровском могильнике, который находится на Онежском озере. Не исключительно, что обеих пунктах жили представители одного и того же племени. Следует сказать, что в настоящее время оба эти памятника являются уникальными по своему научному значению.

Большим количеством находок, в том числе 8 поселений освещаются на Ижме эпоха меди и бронзы (II тыс. до н. э.). Из них заслуживают упоминания поселения Галово II, Кельчиюр II, Картаель II. Все они оставлены людьми разными по происхождению. Если на Голово II обитали выходцы из Прикамья (турбинская культура), то жители Кельчиюра вышли откуда-то из Зауралья. А на поселении Картаель II продолжали жить наследники прежнего местного населения.

С течением времени, все эти разноплеменные обитатели перемещались между собой и на всем пространстве Европейского Северо-

---

* Работа написана в 1972 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

Востока распространилась одна лебяжская культура (II половина тыс. до н. э.). В медно-бронзовом веке люди жили в полуземлянках (семь таких жилищ раскопано В.Е.Лузгиным на поселении Галово II); занимались они охотой и рыболовством.

14 из числа найденных на Ижме памятников относятся к раннему железному веку, главным образом, к ананьинскому времени (I тыс. до н. э.) т.е. к тому периоду когда, дальние предки коми начали расселяться по Европейскому Северо-Востоку.

Самым поздним памятникам в бассейне Ижмы сейчас является поселение Черноборская II. Оно относится к занвиздинскому времени и датируется IV-V вв. н. э.

Таким образом, прочитав книгу В.И.Лузгина "Древние культуры Ижмы" читатель ознакомится с древней историей еще одного района нашей республики и проследит движение населения, его занятия, быт и культуру на протяжении 7 тыс. лет от VI в. до н. э. до середины I тыс. н. э.

Книга написана хорошим литературным языком, изложение материала очень четкое и доступное. Текст снабжен большим количеством иллюстраций. Читатель, несомненно, примет эту книгу с большим интересом.

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА*

Вышел в свет 5 выпуск «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока», в котором публикуются новые материалы и результаты археологических исследований, проводимых Институтом языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР на территории республики, а также в Большеземельской тундре.

Сборник открывается статьей И.В.Верещагиной «Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры», в которой автор на основании материалов коллекций. Г.А.Чернова, А.И.Блохина, А.В.Журавского дает подробную характеристику кремневой индустрии Большеземельской тундры. Если в прежних публикациях материал рассматривается в целом, то в настоящей статье впервые предпринимается попытка классифицировать его, и имеющиеся в нем разновременные комплексы. В результате тщательного анализа кремневых орудий стоянок Большеземельской тундры автор приходит к выводу, что они относятся к двум периодам: одна часть стоянок является мезолитическими

---

* Работа написана в ____ г. Соавтор А.М.Мурыгин. Публикуется по машинописной копии с подписями авторов из личного архива составителя.

(II половина IV – начало V тыс. до н.э.), а другая – ранненеолитическими. На основании сопоставления материала с памятниками соседних территорий делаются выводы о путях заселения Большеземельской тундры в древности, в частности автор уверенно заявляет о том, что мезолитические охотники попали в тундру через Печорский бассейн.

Статья В.Е.Лузгина «Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока» посвящена результатам исследования данного многослойного поселения. В предложенной статье автор всесторонне рассматривает неолитический комплекс памятника и на этой основе делает вывод о необходимости пересмотра и уточнения прежних взглядов на формирование и взаимовлияние неолитических культур в бассейне Печоры и смежных с ним районах. Автор считает, что сложение неолитических культур в изучаемом районе были гораздо более сложным явлением, чем представлялось до сих пор, что эти культуры складывались на основе нескольких компонентов, часть из которых прежде не была выявлена исследователями. Новые материалы доказывают также, что границы некоторых неолитических культур должны быть отодвинуты значительно дальше к Северу, в частности это касается керамики вычегодско-вятского типа.

Несомненный интерес представляет статья В.С.Стоколоса «Стоянки бронзового века на водоразделительных озерах Центрального Тимана», в которой автор вводит в научный оборот материал, уточняющий различные культуры бронзового века, как уже достаточно известные, так и еще мало изученные. В статье впервые дается обзор культурно-исторической обстановки Приполярного Тимана в эпоху древнейших металлургов края и намечаются пути его заселения из районов Прикамья, лесной зоны Европейской части СССР и Зауралья. Автор подчеркивает усиление культурного влияния зауральского населения, пришедшего не только с Нижней Оби, но и из более южных районов, вплоть до лесостепного Зауралья.

Статья К.С.Королева «Керамика гляденовского типа на многослойных поселениях Центрального Тимана» посвящена анализу керамического материала гляденовского времени (II в. до н.э. – III в.н.э.) выявленного на многослойных поселениях, расположенных на водораздельных озерах Центрального Тимана – Ямозере и системе Косминских озер. Автором выявляются некоторые отличия в материальной культуре (орнаментация, технологические приемы изготовления посуды) местного гляденовского населения от культуры того же типа населения, обитавшего значительно южнее, в Прикамье. Выявленные особенности, очевидно, носят этнический характер, то есть указывают на включение в состав местного населения исследуемой эпохи представителей других этнических общностей.

Статья Э.А.Савельевой «Кичилькоський могильник» является публикацией обширного материала этого памятника, являющегося важным источником по истории перми вычегодской, непосредственного предка коми-зырян. Автором исследовано 87 погребений, материал которых пополняет наши сведения об уровне развития производительных сил и хозяйственно-культурном типе, а также и об общественном строе вычегодских коми в X-XII вв. Опубликованный материал тем более важен, что он освещает отрезок средневековой истории наших предков, не нашедшей достаточного освещения в письменных документах.

В заключение необходимо отметить, что все статьи данного сборника, посвященные различным периодам древней и средневековой истории Европейского Северо-Востока, представляют большую научную ценность. Они вызовут значительный интерес не только у специалистов – археологов, этнографов, историков, языковедов и краеведов, но и у широкого круга читателей, интересующихся историей населения нашего региона в разные исторические эпохи, уровнем его развития и взаимоконтактами его с различными соседними племенами и народами.

ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ Л.С.ГРИБОВОЙ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ»*

Рецензируемая рукопись представляет собой монографическое исследование, объемом более 12 а.л. Работа состоит из четырех глав, введения и заключения. К монографии приложены альбомы с иллюстративными материалами и список использованной литературы, подтверждающий широкую эрудицию автора в исследуемом вопросе.

Во введении автор очень четко формирует задачи своего исследования, дает обзор имеющейся литературы по данному вопросу, справедливо указывая, что специальных исследований по искусству коми-пермяков до сих пор не имелось.

В первой главе работы описана художественная обработка дерева: архитектурная резьба, резьба на предметах домашнего обихода, обработка бересты. Отдельный раздел в главе посвящается эволюции антропоморфной скульптуры. Во второй главе охарактеризованы традиционно-художественное ткачество, вышивка, набойка, узорное вязание. Обе эти главы являются описательными. Их отличает богатый, тщательно подобранный фактический материал, раскрывающий богатства

---

* Работа написана во второй половине 1969 или начале 1970 г. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

затронутых автором сторон прикладного искусства коми-пермяков. Ни качество материала, ни подбор его, ни освещение серьезных возражений у меня не вызывает. Автор хорошо знает свой материал и умело его излагает. Главы эти в данной работе совершенно необходимы, т.к. дают ту фактическую основу на которой строится весь последующий анализ автора. В следующий, третьей главе, Л.С.Грибова разбирает основные изобразительные мотивы коми-пермяцкого народного искусства: мотив лося-оленя, коня, медведя, птицы – и раскрывает их семантику. Положительной стороной данной главы являются широкие параллели и сравнения с соседними народами. Но одновременно это же является и известным минусом, так как в ряде разделов автор перегружает изложение сравнительными материалами, в которых тонет свой коми-пермяцкий материал.

Следует отметить также некоторую субъективность и освещении отдельных моментов анализа изобразительных мотивов. Так, автор предполагает наличие культа лося в таких северных районах, где лось не обитал, а обитал северный олень и где, следовательно, более вероятно распространение культа оленя, а не лося. Далее автор сам приводит ряд примеров, подтверждающих именно наличие культа оленя.

Наиболее сложной является четвертая – «Семантика пермского звериного стиля», в которой дан анализ одного из истоков коми-пермяцкого искусства. Глава эта представляет собой еще одну попытку истолкования изображений пермского звериного стиля и интересна своим самостоятельным подходом автора к анализу изображений. Утверждения автора в целом не лишены убедительности и несомненно имеют право на существование, хотя в ряде моментов они спорны. Мне кажется, автор преувеличивает роль тотемизма. Его взгляды в этом вопросе не вполне отчетливы и не всегда убедительны. Автор пытается, например, истолковать встречающиеся в современной деревне случаи неодинакового отношения к различным животным с точки зрения сохранения пережитков тотемизма. Думаю, что тут уже нет родовых пережитков. Я не могу также согласиться и с тем, что автор уводит происхождение коми-пермяцких фамилий и прозвищ, так сказать, зоологического корня к родовым тотемам. В большинстве случаев такие фамилии и прозвища произошли гораздо позднее и имели источником индивидуальное прозвище.

Однако, несмотря на некоторые спорные моменты, глава эта в целом интересна и ценна прежде всего самостоятельным подходом автора к затронутой проблеме.

Очень обширно заключение диссертации. Оно насыщено важным ценным материалом. Фактически это не заключение, а самостоятельная глава о современном состоянии и перспективах развития народного ис-

кусства коми-пермяков. Было бы правильнее сделать его главой, а в заключении кратко изложить основные выводы и предложения автора.

Работа написана хорошим литературным языком.

Оценивая в целом рецензируемую монографию, следует признать, что является серьезной самостоятельной работой, выполненной в основном на полевых материалах, собранных лично автором. В рукописи поднимается ряд весьма интересных и важных, можно сказать, проблемных вопросов. Работа имеет не только научные, но и практическое значение. Она интересна как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Монография Л.С.Грибовой безусловно заслуживает опубликования.

ОТЗЫВ О РУКОПИСИ СБОРНИКА Ю.Г.РОЧЕВА «КОМИ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ»*

Предлагаемый для издания через Коми книжное издательство сборник текстов коми-зырянских преданий, легенд, мифов и охотничьих рассказов (составитель Ю.Г.Рочев), охватывает достаточно широкий диапазон сюжетов, образов и тем несказочной прозы коми фольклора. В него вошли народные произведения, в основном записанные составителем, включены также ныне редко встречающиеся рассказы, опубликованные в малодоступных зарубежных и отечественных изданиях, в какой-то мере привлечены материалы фольклорно-лингвистических экспедиций, хранящихся в архиве Коми филиала АН СССР. Таким образом, в научный оборот вводится обширный новый материал, позволяющий судить о богатстве и своеобразии коми народной прозы. Этнографические реалии, обильно представленные в текстах, освещают в какой-то мере общественные отношения коми, традиционные нормы морали и обычного права, удивительно живучие в быту древние представления. Текстом в корпусе сборника предшествует довольно лапидарная вступительная часть, в которой рассматриваются основные особенности и образы коми преданий и легенд, а завершается сборник пространным научным комментарием, в котором даются основные паспортные данные, определяется жанр произведения, в необходимых случаях даются пояснения к тексту или толкование содержания. Так как издание рассчитано на массового читателя, комментарий выполняет роль научного путеводителя, знакомит исследователя с местом хранения оригинала и, таким образом усиливает надежность источника для сравнительного изучения не только коми фольклора, но и фольклора других народов.

---

* Работа написана в 1984 г. Соавтор к.и.н. Н.Д.Конаков. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

Рецензируемый сборник относится к научно-популярным изданиям. Поэтому тексты оригинала в нем приведены в соответствие с нормами литературного коми языка, а перевод на русский язык является не буквальным, но смысловым. В нужных случаях тексты даются со значительными купюрами. Подобный вид публикаций несколько теряет ценность в научном плане, зато для массового читателя облегчает процесс чтения, понимание содержания произведения, значение традиционных образов и т.п. Этой же цели служит тематическая и жанровая группировка текстов произведений несказочной прозы – более, чем сто произведений размещены в шести главах.

Полагаем, что настоящий сборник с удовольствием примет как массовый читатель, так и специалист, исследующий духовную культуру коми народа, тем более, что подобная книга подготовлена впервые.

Сборник следует одобрить и рекомендовать к печати.

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ГАГАРИНА Ю.В. «РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В КОМИ АССР И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ»*

Рецензируемая работа выполнена в отделе этнографии и археологии Коми филиала АН СССР. Она явилась частью плановых исследований этнографической группы отдела, поэтому диссертант неоднократно знакомил нас о состоянии своих исследований и с полученными выводами. Отдел обсуждал и отдельные главы диссертации по мере их выполнения автором и всю диссертацию в целом после окончания.

Диссертация Ю.В.Гагарина является итогом трехлетней напряженной работы по сбору разнообразного, в основном, полевого материала, анализа и обобщения его. Полевой материал собран лично диссертантом и впервые вводится в научный оборот.

Основное содержание и выводы диссертации опубликованы автором в пяти научных статьях и двух брошюрах, общим объемом около 10 п.л.

Работа состоит из трех глав, введения и заключения (объем 13 п.л.). Диссертация имеет большое приложение: анкеты, опросы, стенограммы бесед, фотоснимки.

Как руководителю темы мне хорошо известно не только содержание диссертации Ю.В.Гагарина, но и весь процесс его развития над ней.

---

* Работа написана в 1965 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива соискателя.

Поэтому-то мой отзыв касается не столько реферата, сколько самой диссертации. Исследование проведено диссертантом исключительно добросовестно. Все выводы его убедительно документированы.

Диссертант указывает, что целью его работы является исследование современного состояния религиозных верований, выяснение причин их существования, обобщение опыта научно-атеистической пропаганды и других форм антирелигиозного воспитания. Исходя из этих задач, Ю.В.Гагарин дает характеристику современного православия, старообрядческого, католизма, лютерантства и сектанства на территории Коми АССР. Эта часть исследования занимает основное место в диссертации. Автор весьма подробно с цифрами и фактами разбирает все религиозные направления и каждую секту: баптистов, пятидесятников, свидетелей Иеговы, истинно-православны христиан, истинно-православных христиан-скрытников, адвентистов и менконитов. В количественном отношении они составляют около 0,22-0,24 % всего взрослого населения республики. В диссертации определен половозрастной и национальный состав верующих в Коми АССР, очерчен ареал распространения каждого религиозного направления, определена степень религиозности различных населеннх пунктов: городов, рабочих поселков, сел и деревень. В целом в сельских поселениях религиозность равна 10-20 %, а в городских – 2-15 %.

Приведенные диссертантом цифры не вызывают возражений. Охарактеризовав состояние религиозных верований, автор столь же основательно разбирает положение антирелгиозного воспитания в республике. В третьей главе диссертации нашли отражение все формы и методы атеистического воспитания, имеющие распространение в Коми АССР, подготовка кадров, и особенно создание новых праздников и обрядов. При этом автор отмечает не только достижения, но и имеющиеся недостатки в атеистическом воспитании населения Коми АССР.

В ходе работы над диссертацией Ю.В.Гагарин проявил себя способным научным работником, показал знание этнографической и социологической методики исследования, прекрасное владение материалом, умение анализировать, обобщать и использовать полученные результаты в практической работе.

Диссертация является существенным вкладом в дело изучения причин живучести, религиозных пережитков в нашей стране, в дело атеистического воспитания населения. Но особенно ценна она для Коми АССР, так как автор не ограничивается теоретическим исследованием вопроса, а дает практические предложения по дальнейшему улучшению антирелигиозной работы в республике.

Рецензируемая диссертация является вполне законченным научным исследованием и автор ее заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук.

ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ СТАТЬИ Э.А.САВЕЛЬЕВОЙ «К ИСТОРИИ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ»*

В рецензируемой статье автор поднимает серьезный и принципиально важный вопрос с времени возникновения производящего хозяйства на территории Европейского Северо-Востока. Конкретно исследователями он до сих пор не рассматривался. Обычно авторы ограничивались тем, что на основе собственного материала, полученного в ходе раскопок, делали свои выводы о типе хозяйства обитателей обследованных памятников. Сопоставления и сравнения с материалами по соседним территориям проводились поверхностно. Исследователи согласно признавали, что население Европейского Северо-Востока в своем развитии отставало от более южных его соседей. Но вот на сколько оно отставало – на этот вопрос никто не пытался ответить. И действительно ли до X в. н.э. жители Вычегодского бассейна не знали земледелия?

Эти вопросы поставила перед собой автор рецензируемой статьи и попыталась ответить на них. Совершенно справедливо подчеркивает автор то, что в Прикамье и Привычегде (и даже севернее в Припечорье) с эпохи бронзы обитатели близкородственные племена. Неоднократно отмечен прилив прикамских переселенцев на Европейский Северо-Восток, несших с собой свою культуру, которая безусловно несколько изменялась в результате смешения пришельцев с местным населением. Однако Э.А.Савельева права утверждать, что это не должны быть коренные изменения. Полагаю, что высокая результативность промыслов способствовала ослаблению роли земледелия и скотоводства, занятий весьма трудоемких в условиях таежного севера.

Некоторые положения автора звучат гипотетично ввиду недостатка материалов, на что совершенно справедливо указывает Э.А.Савельева. Этот материал должен появиться в ходе дальнейших более широких раскопок. На это нацеливает археологов и рецензируемая статья. Публикация ее несомненно будет полезна. И не только тем, что поднимает новый вопрос, но и тем, что заставляет исследователей задуматься, проанализировать свои материалы, проверить свои выводы.

Статье требуется некоторая добавка:

---

* Работа датирована 10 октября 1978 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

а) перестановка двух-трех фраз местами б) литературная шлифовка и правка.

В целом же статья заслуживает опубликования.

ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ М.И.ПОЛЕВА ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТНОГЕНЕЗА КОМИ*

В настоящем виде рукопись не может быть опубликована, так как очень далека от современного научного уровня. Рациональное зерно в рукописи – это мысль о появлении на севере комолого скота с юга из Казахстана и Средней Азии не противоречит данным лингвистики, которая установила, что домашний скот предками коми позаимствован у племен, говорящих на иранских языках, в частности, скифов, живших в этот период в Казахстане.

Скифы никакого этнического родства с предками коми не имеют, поэтому идея М.И.Полева о том, чтобы вывести народ коми из скифов, научной базы не имеет. Все рассуждения М.И.Полева о движении предков коми на запад, а затем по Дону и Днепру на север влоть до нынешних границ надуманы и безосновательны. Это скифы продвинулись до Дуная, а предки коми столь далеко на запад не ходили. Пути предков финно-угров лежат между Волгой и Приуральем и шли с юга на север.

М.И.Полев не знаком с современными исследованиями по проблеме этногенеза финноуров и в частности народа коми. Во время беседы с М.И.Полевым была предпринята попытка объяснить ему научную беспомощность его концепции этногенеза коми. Он был ознакомлен с новейшей литературой, ибо его исторические знания базируются на трудах Соловьева и других историков XIX в.

В итоге ему был предложен следующий вариант: ознакомиться с некоторыми обобщающими работами по этногенезу коми и опираясь на них, изложить свою гипотезу о происхождении северного комолого скота (но без всяких этногенетических построений, поскольку в этой области предположения опытного и знающего зоотехника могут представить определенный интерес.

ПИСЬМО КРАЕВЕДУ М.И.ПОЛЕВУ*

---

* Работа датирована 24 января 1985 г. Публикуется по машинописной копии с авторской правкой из личного архива составителя.

Дорогой Михаил Иванович!

Я нигде и никогда не ссылаюсь на брошюру Л.П.Лашука «Происхождение народа коми». Это издание популярное и забытое: с тех пор много нового написано. Но цитата, которую Вы приводите, по сути своей верна. Действительно все названия металлов, а также многие слова, связанные с земледелием и скотоводством, являются иранскими заимствованиями. Это утверждение В.И.Лыткина пока никто не опроверг. Скифы жили в степях Казахстана и Средней Азии, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. К северу от них жили предки финно-угров. Угры где-то в южном Приуралье. Возле них где-то ближе к Волге жили и наши далекие предки. III-IV тысяч лет назад общефинские предки расселились почти по всему европейскому Северу (только в тундрах жило более древнее население, потомком которого являются саамы-лопари). В связи с этим широким расселением, а ведь тогда население было очень редким, начался процесс разделения и образования различных финских народов. Как полагают многие исследователи в I тыс. до н.э. (ананьинское время VIII-III вв. до н.э.) представители древнепермских племен расселились по северо-востоку Европы в районе Камы-Вычегды-Печоры (до тундры). По мнению некоторых специалистов, это было вызвано походом персидского царя Дария I на скифов Они под напором персов отошли далеко на север и северо-восток из Причерноморья и потеснили на тех землях финнов и пермян дальше к северу, так что крайне из них и дошли до наших мест, но основная часть финно-пермских народов осталась в бассейне Волго-Камья.

Повторю: скифы по языку иранцы к финно-уграм прямого отношения не имеют. Их потомками являются осетины и некоторые другие народы Северного Кавказа. А вот заимствования из культуры скифов у нас есть. Хотя эти заимствования не смогли в корне изменить культуру предков коми, которая еще долго оставалась культурой охотников и рыболовов, а не скотоводов и земледельцев.

Результаты изучения распространения комолого (северного) скота и вывод, что скот финно-пермских народов очень интересны, но они никоим образом не определяют историю формирования и расселения древних финских народов. Вот такой пример: в X-XVI в.н.э. на М.Двине и Вычегде население было пермским (а скот на период проверки – рогатый), Лена в XIV-XVI вв. была чистым именем вогульских князей и московских воевод (а скот на проверку – комолый). Почему?

---

* Работа представляет собой ответное письмо краеведу М.И.Полеву, написанное в конце 1984 – начале 1985 гг. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Оригинал не имеет названия, оно дано составителем.

Вогулы пригнали? Воеводы завезли? Или остался местный? А почему местного нет ниже и выше, где пермян тоже сменили русские?

Никоим образом нельзя связывать историю народа с историей скота. Пример – оленеводство. Ижемцы стали прекрасными оленеводами, позаимствовав его у ненцев в XVII в., а раньше им совсем не занимались и кочевниками-оленеводами не были, а были уже оседлым земледельческо-промысловым населением.

Ваши рассуждения о путях движения народов и их размещении страдают метафизичностью и вульгарным материализмом. С какого века у Вас существуют сложившиеся народы удмуртов, пермяков и зырян? Мы считаем, что они складывались постепенно и длительное время, а не явились готовенькими на свои нынешние места. Причем, формируясь, они занимали много меньшую территорию, чем в последующие века (с XV- и попозже). Возьмите наших коми в X-XV вв., они жили на Выми, Сысоле, нижней Вычегде, Лузе, М.Двине. В XV в. перебрались на Удору и Пинегу, но уже исчезли на М.Двине и нижней Лузе. В XVI-XVII вв. заселили Верхнюю Вычегду, Верхнюю Мезень, Печору, ушли с Пинеги и т.д. И было всего коми в XVII в. около (меньше) 30 тыс. человек. Движение народов редко можно рассчитать по годам. разве что такие как поход гуннов Аттилы. Обычно все идет медленно и постепенно, чаще инфильтрацией, а не исходом. А Вы пишете в один год прошли роды удмуртов, на следующий год коми-пермяков. Откуда вы это взяли. Из простого предположения, что надо вырасти травам. Но, во-первых, скота у предков было очень мало (они же главным образом были охотниками и рыболовами). Это скифы были скотоводы, но финны не скифы, не степняки). Так что рост трав их волновал мало. Они шли в силе необходимости: теснил враг более сильный или искали прибыльные места охоты. В первом случае переселились крупные группы (но не весь народ), а в другом небольшие промысловые коллективы.

Давление на предков было в основном с юга: гунны, половцы, печенеги, булгары, монголы, поэтому и отходили к северу в районе между Волгой и Уралом. Между Волгой и Днепром (Днестром и др.) размещались народы индо-иранской группы. А, именно, славянские, германские, возможно кельтские и т.п. А на севере жили разные племена финского корня: эсты, ливы, лопь, водь, ижора, карела (ливвики и людики), емь (ямь), финны (суоми), вес (вепсы), чуди (чудь белоглазая русских летописей), там же тоймичи и сура, меря, мещера, муравия, мари, мордва (монша и эрзя), удмурты, коми (зыряне и пермяки), и наверно другие какие документы не зафиксированы.. Да и эти распадались на племена и группы. Вот у коми: на Лузе – свои, на Сысоле – свои, на Выми – свои, на Нижней Вычегде – свои и т.п.

Почему у Вас весь – эта группа коми народа? Все выше мной перечисленное до мери – это западно-финская ветвь. От мерди до удмуртов

– поволжско-финская ветвь и удмурты с коми-пермской ветви. Они как бы между финской и обско-угорской. Как полагают языковеды, когда проходило разделение древнего финно-угорского народа на части вначале отделились будущие угры, потом будущие пермяне, потом уже распалась на части финская группа, которые в свою очередь разделились на отдельные народы. Я не буду рассматривать движение и образование всех этих народов. Отмечу только, что наши все века шли с юга. Вначале на северо-восток, потом на северо-запад, потом снова на северо-восток (на Печору и в тундру). Большого движения наших народов (считая поволжские и пермские группы) откуда-то с Днепра или Прибалтики на восток до Камы история не находит. В тех районах свое население и свои проблемы между с вянскими, литовскими, германскими (готскими) племенами и кочевниками юга (половцами, печенегами).

Вот так, дорогой Михаил Иванович! Не надо затруднять свой мозг непосильными проблемами. Специалисты, используя самые разные науки, пока не могу раскрыть всю сложную проблему этногенеза. И, конечно, ее не раскрыть из данных переписи скота конца XIX в. Какой-то маленький, хотя и ценный штрих, исследователи получают и примут во внимание при дальнейшей работе, но делать из него большие выводы и одним махом решить проблему этногенеза не следует. Для этого нет базы в данном факте. Делать предположения, кто за кем и куда шел и через какие сроки, не имея никаких доказательств и фактов, это все равно, что гадать на кофейной гуще. Вы слишком беззаботно манипулируете народами. Откуда Вы взяли, что размножившаяся группа удмуртов в верховьях Камы заселила также и верховья Сысолы, а потом их присоединили и коми-пермяки, и теперь они зюздинские пермяки? Так кто же они: удмурты, коми-пермяки или особый народ зюздинцы?

Ну, как можно всерьез утверждать, то каганы, ханы и князья, оказывается, появились только потому, что кочевые каганаты распались после освоения земледелия. А как же короли, герцоги, графы, богдыханы и мандарины и т.п.?

Дорогой Михаил Иванович, пожалуйста, не надо загружать свой мозг этой мифологией. Оставьте науку нам, специалистам. Спасибо Вам, что обратили наше внимание на распространенность пород крупного рогатого скота. И остановимся на этом. Все остальное бездоказательно, противоречит данным науки и не может быть принято во внимание.

Еще раз повторю для убедительности. Скифские племена финским не родственны. Они ирано-язычные и входят в одну языковую семью со славянами и индусами. Наши предки сделали важные заимствования из скифской культуры, но истории скифов и финно-угров – это разные истории. Где жили скифы, я выше сказал – и где жили предки финно-угров? Возможно очень много веков назад (в III-V тысячелетиях) фин-

но-угры расселялись по всему европейскому Северу, пришли, идя вверх по Волге и по Днепру (а может, и не прошли так). Но это были очень далекие предки. Тогда даже зачатков наших ныне живущих финно-угров не было. Предки достаточно много передвигались, ибо были полуоседлыми (а некоторые и просто оседлыми) таежными охотниками и рыболовами. И ходили они в разные стороны, перемешиваясь друг с другом. Это очень сложный процесс – возникновение современных коми и удмуртов. Сложение прямых предков этих народов происходило во II половине I тыс. н.э. Образование коми (зырян и пермяков происходило гораздо позже, в XV-XVII в. Ибо еще во времена Стефана Пермского у них были сходные языки и культура. А у Вас уже изначально готовые роды удмуртов и коми ходят со скотом по всей Руси. Почему Вы не думаете, что разные чужие народы могут передавать друг другу культуру и скот тоже, а сами остаться в стороне? Захваченный, проданный скот может оказаться, в конце концов, в другом конце страны, а люди останутся на прежнем месте. Почему Вы упорно считаете скифов финно-угорским народом, хотя наука давно уже доказала, что это не так? Об этом и в энциклопедии есть. Чем можно подтвердить Вашу идею о движении финно-коми предков по Дону и Днепру, кроме наличия там лугов и пастбищ? Охотничьи племена не имеют больших стад. Даже у славян в период образования Киевской Руси больших стад не было, хотя имелось достаточно развитое (у полян) скотоводческо-земледельческое хозяйство. Даже у славян тогда еще большую роль играла охота. А что говорить о наших племенах, которые еще в XV в. были поставщиками пушнины русским князьям и другим торговцам.

Я понимаю Вас, Михаил Иванович, Вас интересует история. Да ради бога, читайте, знакомьтесь с наукой, критикуйте, уточняйте в тех вопросах, где Вы специалист. Но не надо на безфактовых размышлениях, бездоказательно, придумывать гипотезы. Их нельзя принять даже как предположение, ибо они не научны, противоречат элементарным фактам науки, построены на ошибочных постулатах.

Простите, если получилось резко. Я не хочу Вас обидеть, но наука вещь серьезная. Не мне Вас этому учить. Нельзя решать проблему, не зная всей суммы знаний.

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ И.В.ИЛЬИНОЙ «ПРЕДМЕТЫ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»*

Рецензируемая работа состоит из трех глав, введения, заключения и приложения, состоящего из девяти таблиц, рисунков предметов, таблицы и карты, рабочих находок предметов пермского звериного стиля.

Сложные задачи ставит перед собой автор: 1) выполнить классификацию предметов пермского звериного стиля, 2) установить хронологию и 3) дать их общую семантическую характеристику, но справляется с ними довольно успешно.

В небольшом введении автор весьма четко характерзует состояние изученности, поставленной проблемы, дает обзор литературы и источников, убедительно обосновывает равномерность постановки проблемы исследования. Да, действительно, пермский звериный стиль привлекал внимание многих исследователей. Однако они, как правило, анализировали одни или несколько видов сходных изображений, но не рассматривали их в целом.

Отсюда, как правило отмечает автор рецензируемой работы, имели место хронологические неувязки приписывания предметам несвойственных им функций и т.д.

Автор диплома впервые попытался дать общую классификацию всего многообразия предметов пермского аварийного стиля. Я не буду сейчас разбирать, все ли удалось автору, удачна ли предложенная схема, а подчеркну главное, то, что автор сумел создать свою квалификацию, в которую уложились на первый взгляд труднообъединяемые предметы, известные сейчас уже в весьма большом количестве. Очень важно отметить, что автор изучил не только опубликованные, но и все доступные неопубликованные еще предметы.

В ходе изучения и разработки классификации автором сделан ряд весьма ценных наблюдений (см. например, стр.30-31,49-50 и т.д.). Во второй главе автор дает свои предложения по датировке предметов пермского звериного стиля. Существуют немало различных высказываний по его хронологии. Почти у каждого исследователя были свои предложения. Автор дипломной работы разработал коррециальную таблицу, которая позволила ему выделить пять групп и установить время их бытования. Очень любопытно, что в связи с этим выявилась необходимость передатировки Подчеремского клада. Мне представляется предложение автора вполне приемлемым. Ведь до сих пор подобного

---

* Работа написана в 1978 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

анализа клада не проводилось и дата его установлена весьма приблизительно.

Далее автор указывает с установленной им хронологией основные мотивы пермских изображений. Полагаю, что в данном вопросе еще не все ясно. Например, что объяснить позднее появление коньковых подвесок и относительно быстрое их исчезновение. Им объясняется особо длительное бытование мотива медведя. Правильно ли высказанное Л.С.Грибовой предположение о замене мотива лося мотивом коня и т.д.

Заканчивает свое исследование И.В.Ильина общей семантической характеристикой предметов пермского звериного стиля. как указывает автор, семантикой занимались все исследователи пермского искусства, но чаще исследователь пытался истолковать какую-то одну интересующую его часть изображений. Автор особо останавливается на гипотезе Л.С.Грибовой, четко показывая ее слабые стороны. Против приводимых автором фактов возразить трудно.

Автор тут же высказывает свое толкование изображений, их значения и использования, которые как мне представляется, заслуживают внимания.

Все вышеизложенное показывает мне высказать уверенность в том, что дипломная работа И.В.Ильиной вполне отвечает всем требованиям, является серьезной исследовательской работой и заслуживает положительные оценки.

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ Н.Н.ЧЕСНОКОВОЙ «ВАНВИЗДИНСКАЯ КУЛЬТУРА (ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ВАНВИЗДИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ)»*

Взятая автором рецензируемой дипломной работы задача решать проблему хронологии ванвиздинской культуры является и весьма актуальной и весьма сложной и ответственной. Ванвиздинской культуре ,если так можно выразиться, не повезло в истории. Исследователи относили его и к русским, и историческим периодам и соответственно предлагали очень разную хронологию. Автор рецензируемой работы правильно определяет причины этого явления. Следует приветствовать попытку Чесноковой уточнить хронологию ванвиздинской культуры, опираясь на массовый, керамический материал, обработанный с помощью математических средств по специальной методике.

Работа состоит из введения, заключения и двух глав. Главы подразделены на параграфы. К работе приложены десять таблиц.

---

* Работа написана в ___ г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

Во введении дается краткий историографический обзор, в котором автор касается истории открытия ванвздинской культуры, и определения ее хронологических рамок, а также характеризует свою источниковедческую базу. Н.Н.Чесноковой подвергнуты изучению более двух тысяч обломков керамики, а статистической обработке подверглись 1280 фрагментов. Автор опирается при этом на разработки В.Ф.Генинга, В.Б.Ковалевской и других специалистов.

Глава 1 рецензируемой работы посвящена раскрытию методики классификации, применяемой автором в данной работе. Здесь даны методика первичной классификации, общей классификации и как итог построена модель классификации. Результаты представлены в приложении на таблицах 1-6.

В главе 2 Н.Н.Чеснокова вначале тщательно анализирует ряд предложенных к тексту последующих таблиц с графиками. Эти пояснения очень важны, поскольку, как и в первой главе, они раскрывают содержание математических выкладок в его, так сказать, историческом прорявлении.

Натболее конкретно результаты проведенной работы Н.Н.Чеснокова прилагент во втором параграфе второй главы. Весьма убедительно она показывает некоторую разновременность двух частей памятника Вис II, считавшуюся Г.М.Буровым одновременным комплексом и уточненяет датировку как этого памятника так и ряда других, например, Помоздинской и Пожегодинской стоянок. Можно сопласиться с автором и в вопросе о выделении четырех этапов в развитии ванвиздинской керамики. Особенно ценным выглядит вывод автора о хронологических рамках всей ванвиздинской культуры. Н.Н.Чеснокова утверждает, что I период ванвиздина падает на IV-V века, второй на VI-VII (возможно VIII) века, что основная часть ванвиздинских памятников существовала в V-VII вв н.э. Вывод очень важный. Следует отметить также очень хорошо написанное заключение. Правильно даны в списке литературы источники, а сама литература выдержана не полностью. В списке сокращений имеются пропуски. Текст страдает не выверенными опечатками и погрешностями стиля.

Общее заключение по сему материалу следующее:

1) Н.Н.Чесноковой выполнена чрезвычайно большая и сложная работа. Автором применены новейшие методы исследования археологического материала, использовано большое количество источников и литературы и главное, вещественного материала; составлено большое количество таблиц и графиков.

2) На основе проведенной работы Н.Н.Чесноковой получены весьма интересные и ценные выводы.

Дипломная работа Н.Н.Чесноковой соответстует требованиям предъявляемым к дипломным работам. Она заслуживает высокой положительной оценки.

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ Т.И.ЧУДОВОЙ «ЫДЖЫДЪЕЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»*

История коми X-XIV вв. очень плохо представлена в письменных источниках, поэтому археологические материалы приобретают особую ценность. И чем детальнее исследуется источник, чем полнее коллекция находок, тем обоснованнее, тем ярче выводы, полученные в результате этой углубленной работы. Чем больше количество памятников будет подвергнуто исчерпывающему изучению, тем более ясной и четкой будет картина жизни наших предков, тем менее возможностей остается для любых субъективных измышлений

К сожалению, большинство известных сейчас памятников подвергнуты лишь частичному изучению. Ыджыдъельский могильник раскопан полностью и поэтому оправдана попытка Чудовой Т.И. на основе всех имеющихся данных показать что дает данный источник для раскрытия жизни изучаемого общества.

В соответствии с поставленной задачей Чудова Т.И. характеризует сам памятник в целом, описывает, классифицирует, сравнивает найденный материал, обряд погребения и на основе полученных выводов предлагает хронологию рамки существования могильника, определяет его кульурно-этническую принадлежность. Далее она показывает уровень хозяйственного развития, выявляет основные и подсобные занятия, выявляет наличие классового расслоения, начавшийся распад большой семьи и выделение малой и т.д. В заключении работы она кратко и четко суммирует полученные ею выводы.

Работа Чудовой Т.И. проделана и очень важная, хотя некоторые положения автора и не очень убедительны, могут иметь иное толкование, в ряде случаев материал не проанализирован до конца.

Вот несколько примеров. 1) Автор прослеживает ориентацию могил. Спрашивается, связана ли ориентация с формой могилы, инвентарем и т.п. 2) Описывая вещи, автор некоторым находит параллели, некоторым нет. Спрашивается, не являются ли последние специфическими для пермян или еще уже только для данного могильника. 3) Почему автор считает границей существования могильники XIV в., хотя сам

---

* Работа написана в __ г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

указывает, что прямых свидетельств этому нет. 4) Мне представляется недостаточно убедительным вывод о том, что если в могиле больше наконечников стрел, то похоронен охотник, если деревообрабатывающие предметы, то плотник. Этнография и письменные памятники говорят о том, что мужчины этими промыслами владели практически все даже в XIX в. 5) Автор признает территорией угров лишь Зауралье, хотя известно, что манси еще в XVII в. жили в Приуралье. Можно указать и еще на ряд неточностей, связанных с культурой и историей коми, но это все детали, не снижающие общего высокого качества работы.

Отрадно отметить хорошее техническое исполнение.

Работа Чудовой Т.И. является серьезным исследованием, будет весьма полезна в последующих разработках истории коми в X-XIV вв. Работа заслуживает положительной оценки.

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ Г.В. ЛАПИНА “ДРЕВНЕЙШАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ”*

Дипломная работа состоит из ведения, трех глав и заключения, общим объемом в 72 страницы машинописного текста. Текст сопровожден двумя картами, таблицами, рисунков изделий (42 рисунка), десятью таблицами результатов спектрального анализа изучаемого металла, двумя корреляционными графиками и двумя гистограммами. На 1 карте показаны памятники со следами металлургического производства медно-бронзового века, на II карте такие же памятники по раннему железному веку.

В вводной части автор показывает состояние проблемы и вопросы поставленные им в своей работе и намеченные к разрешению. Три вопроса ставит перед собой Г.В.Ляпин, а именно: а) выделить основные этапы в развитии местной металлургии и показать ее специфические особенности; б) выяснить направление культурных и торговых связей древнего населения и общие закономерности в развитии металлургических знаний и навыков по обработке металла: в) уточнить некоторые спорные вопросы, связанные с датировкой памятников и определением культурной принадлежности металлических изделий.

Все эти три вопроса в той или иной степени им разрешены. Во всяком случае им высказана своя точка зрения обоснования новейшими данными.

---

* Работа написана в __ г. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

Оценивая дипломную работу Г.В.Лапина, следует то, что автор взял на себя весьма сложную, хотя в то же время и весьма нужную задачу. За последние десятилетия найдено уже значительное количество памятников раннего металла на Европейском Северо-Востоке. На этих памятниках обнаружены разнообразные изделия из меди и бронзы и остатки литейного производства. Однако специальному целенаправленному изучению они не подвергались. До сих пор далеко не все изделия, шлаки и капли металла подвергнуты спектральному и иным видам анализа. Естественно, что и автор диплома не смог этого сделать. В первой главе своей дипломной работы Г.В.Лапин излагает существующие, утверждающиеся в науке, методы исследования древней металлургии. Поскольку Г.В.Лапин осваивал методику анализа древнего металла в Москве в Институте археологии, он освоил действительно новейшее и поэтому его выводы более точны, чем предшествующие.

Во второй главе дипломной работы автор описывает имеющийся медно-бронзовый археологический материал по имеющимся публикациям и отчетам. Описание это достаточно полное. Интересны выводы автора из изложенного материала. Он указывает, что на начальном этапе изучения изготовлялись исключительно из “чистой” меди, возможно из цилемских месторождений. Затем появляются различные сплавы меди. Преобладают оловянистые бронзы, хотя месторождений слова на исследуемой территории нет. И автор делает обоснованное предположение о получении слова путем обмена. Он указывает на тесную связь местной металлургии с металлургией Урала и позднее с металлургией Причерноморья.

Центральное значение в дипломной работе Г.В.Лапина имеет III глава. Именно здесь он излагает то новое, те уточнения и изменения, к которым он пришел в результате своей большой и сложной работы. Это и вопрос о датировке памятников. Г.В.Лапин предлагает считать самый ранний памятник медно-бронзового века Европейского Севро-Востока. Галово II относящимся к I половине II тысячелетия до н. э., увязывая эту датировку с датировкой гариноборских памятников Прикамья, уточненных Е.И.Черныхом. Далее Г.В.Лапин достаточно убедительно показывает необходимость изменения датировки Ульяновского погребения в сторону удревнения (середина II тыс. до н. э.), тогда как у Г.М.Бурова предлагается XIV-XI вв. до н.э.

Автор достаточно убедительно доказывает более раннее время появления оловянистых сплавов на нижней Печоре и уточняет датировку Сыктывкарского кельта и т.д.

Весьма ценные наблюдения провел Г.В.Лапин, изучав обломки бронзовых зеркал. Он пришел к выводу о том, что эти зеркала сарматского типа попавшие на Север в результате обмена. Есть в работе и другие заслуживающие внимания выводы.

В целом рецензируемая дипломная работа несомненно отвечает требованиям, предъявляемым к дипломным работам. Она отличается исчерпывающим привлечением археологического материала, использованием новейших методов исследования материала, она хорошо иллюстрирована, положения автора подкрепляются таблицами и графиками. Итоговые выводы автора интересны, достаточно убедительно аргументированы и явятся определенным дополнением и уточнением имеющихся в литературе выводов по изучаемой эпохе.

Работа не лишена определенных недостатков, особенно в части ее оформления. Так, например, 1) таблицы так пронумерованы, что не ясно, где первая и где последняя. 2) Рисунки пронумерованы, а таблицы нет и названий нет. 3) Не понятно также: таблицы спектрального анализа являются или итогом собственных анализов автора диплома или взяты из работ других археологов. 4) В тексте работы очень много опечаток искажающих не только фамилии исследователей и места находок, но иногда и мысль самого автора дипломной работы.

Однако все эти замечания легко устранимы. Они не снижают глубины работы и ценности полученных выводов.

Дипломная работа Г.В.Лапина заслуживает высокой положительной оценки.

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ Н.А. КОБРИНА “ПОДВЕСКИ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК”*

Рассматриваемая дипломная работа посвящена одному из интереснейших элементов материальной культуры перми вычегодской – украшениям. Автор избрал из них группу наиболее распространенных – это разнообразные подвески. Выбор темы не случайный, ибо подвески, как указывает сам автор, - один из самых распространенных видов археологических материалов, добываемых при раскопках и в то же время являются характернейшим элементом культуры древних пермян. Они несомненно играли важную роль в жизни древнего населения и как элемент украшения, и как культовый предмет, и как знак родовой принадлежности.

Для историка, как правило указывает Н.А.Кобрин, подвески являются таким историческим источником, который может дать сведения и по этническим вопросам, и по религиозным воззрениям, и уровню развития

* Работа написана в __ г. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

культуры в целом, и по уровню развития металлургии и металлообработки, торговли и обмена и т.д.

Несмотря на свою многочисленность и важность как исторического источника, подвески перми вычегодской специальному целенаправленному исследованию не подвергались. Этот пробел наметил восполнить Н.А.Кобрин своей дипломной работой. Правда, он не пытается разобрать все возникающие вопросы, а сознательно ограничивает себя задачами источниковедческого порядка: систематизация, картографирование, классификация подвесок перми вычегодской и на этой основе установление хронологических рамок их бытования и реконструкции их функционального назначения.

Работа Н.А.Кобрина состоит из введения, заключения и двух глав. Во введении он обосновывает цели и задачи своего исследования, о чем выше уже сказано, и дает краткий историографический обзор. Работа снабжена десятью таблицами и диаграммами, тремя оригинальными картами и большим количеством иллюстраций, которые очень помогают при анализе текста. Классификация подвесок, изложенная в I главе дипломной работы, выполнена автором весьма тщательно. Автор учел имеющиеся исследования по данному вопросу и сумел создать свою классификацию подвесок древних пермян, которую он в ходе изложения всегда увязывает с точкой зрения других исследователей, с их материалами по соседним областям, дает ссылки на их работы. Эта глава написана убедительно.

Вторая глава, в которой подвески рассматриваются в качестве исторического источника, несколько менее удачна. Из двадцати страниц текста на десяти рассматриваются подвески как украшения, на трех говорится о связи подвесок с религиозными представлениями, на двух – о местном бронзолитейном производстве и на двух последних – о культурных и торговых связях (правда, по последнему пункту есть сведения в первой главе). Безусловно, по этим вопросам автор мог сказать и больше.

В целом же несомненно, что рецензируемая работа является достаточно серьезным исследованием. Она может рассматриваться как ступень к дальнейшему углублению исследовательской работы по этой же проблеме. Автор выполнил большую кропотливую работу, требуемую большого внимания, многочисленных расчетов, например, им выделено 70 видов подвесок в семи группах. Работа, несомненно, нужная и полезная, ибо это первая сводка подвесок перми вычегодской.

Отметим также некоторые технические недостатки работы. Список использованной литературы не полон и поскольку автор принял систему внутристрочных ссылок, в которых название работ не дается, то при отсутствии этой работы в списке, читатель не в состоянии установить

ее. В списке сокращений также даны не все сокращения. Опять же читатель не может установить название сборника или учреждения.

Источники в списке выделены правильно, но выходные данные неточны, ибо нигде не указывается, где хранится рукопись и под каким номером. А в одном случае вообще непонятная строчка: Архив КФАН, ф.1, оп. 13; оп. 11; № 73; ф.5, оп.2, № 141. Какие работы каких авторов имеет ввиду здесь Н.А.Коробин – неизвестно.

Далее имеются неточности в ссылках на рисунки, данные в приложении иногда описывая разные типы, автор ссылается на одно и то же изображение.

Материал таблиц в тексте используется недостаточно, а пояснения к таблицам даны слишком краткие, так что используется автором не вся имеющаяся информация.

В тексте, к сожалению, достаточно много неисправленных опечаток.

Все выше изложенное позволяет мне высказать следующее заключение:

1) Дипломная работа Н.А.Кобрина представляет собой интересное исследование, отличающееся большой тщательностью и основательностью. Она вполне отвечает требованиям, предъявляемым к дипломным работам. Изложенные выше замечания сделаны в расчете на дальнейшее развитие данного исследования.

2) Работа заслуживает высокой положительной оценки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ И БЕСЕДЫ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМ А.НУЖДОВЫМ*

Знакомство с материалами показывает невысокий уровень общих знаний военнослужащего А.Нуждова и прежде всего в области марксизма-ленинизма, особенно марксистской философии. Все его построения базируются на школьных знаниях и сведениях почерпнутых и популярных переводных, популяризирующих каратэ и хата-йогу и т.п., брошюрок и, очевидно, из объяснений тренеров, изображающих эти шкалы борьбы с их средневековой идеологической базой, как средство достижения высоких идеалов.

Основные ошибки в мировоззренческих позициях военнослужащего А.Нуждова:

---

* Работа написана в начале 1980-х гг. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя.

1) выдвижение в качестве идеала человеческого общества – «общества космический разум» - избавленного от любых и всяких противоречий, общества над коммунистического общества мира и покоя. Основа ошибки здесь лежит в почерпнутых и упомянутых брошюрок идей религиозно-философской системы буддизма, которая как раз и проповедует уход в абсолютный покой, в пирвану. Антинаучность данного положения в том, что оно пропагандирует абсолютное царствобытие. Автор идеи не знает о том, что движение есть основная форма существования материи. Безусловно коммунистическое общество будет развиваться, но оно никогда не будет обществом вечного покоя;

2) второй ошибкой мировоззренческой позиции А.Нуждова является избранный им метод борьбы за создание своего высшего типа общества, создание тайной организации, действующей методами террора, принуждения, шантажа. Не говоря уже о том что подобные методы давно осуждены нашей партией, как негодные, пропагандирование их в нашей стране политически вредно (я не говорю о реальном их использовании, поскольку исключаю такую возможность);

3) антинаучен и сам метод подготовки руководством тайного общества, заимствованный из правил организации названных средневековых обществ и буддистского культа: самоподготовка в уединении в горах, лесах. Это типичное для религии учение о самоспасении путем ухода от людей, от мира (странничество, монашество);

4) слабость научной базы является причиной также антинаучной попытки механически перенести законы физики на человеческий организм, утверждая возможность его перехода из одной формы существования материи, в другую и существование в виде световых волн и сгустков энергии. Отсюда его представление о действенности человеческой природы и т.п.

5) прослеживается отрыв от мировой обстановки. Странно стремиться к созданию идеального общества и не видеть опасности атомной войны, не стремиться к преодолению этой опасности. Странно не видеть преимуществ нашего общества перед капиталистическим;

6) отрицательной чертой взглядов А.Нуждова является его негативное отношение к советскому обществу, к его общественным организациям, недоверие к их деятельности.

7) В целом идеи А.Нуждова антинаучны, ошибочны и в определенной мере политически вредны, хотя фактически и неосуществимы.

8) Положительным зерном в деятельности А.Нуждова следует считать намерение автора активно бороться с недостатками, имеющимися в нашем обществе, только это желание необходимо правильно направить. Теоретическая путаница вполне может быть преодолена путем углубления научных знаний.

Комментарии публикатора.

С этой работой связана довольно любопытная история. Однажды в Л.Н.Жеребцову как к руководителю отдела этнографии, известному в городе и республике специалисту по религии и лектору обратились и за помощью из войсковой части Сыктывкарского гарнизона. Отвечавший за идейно-политическое воспитание офицер рассказал, что один из солдат увлекся восточной философией и упорствовал в своих «немарксистских взглядах», несмотря на проводившуюся с ним активную «разъяснительную работу», причем порой ставил оппонентов в тупик. Для «эпохи застоя» мысли высказывались солдатом более чем крамольные. Офицеры оказались в растерянности и попросили Л.Н.Жеребцова побеседовать с солдатом, если не «вразумить» его, то хотя бы подсказать им слабые стороны его аргументации (для дальнейшей воспитательной работы). Вероятно, от Л.Н.Жеребцова хотели услышать и «политическую оценку» (не враг ли это социалистического государства и не следует ли принять к нему более суровые меры), хотя прямо его об этом не спрашивали.

Л.Н.Жеребцов побывал в гарнизоне, довольно долго и не без интереса беседовал с А.Нуждовым (которому, кстати, тоже было любопытно пообщаться с ученым), правда, на «путь истинный» его не наставил. Вернувшись домой, Л.Н.Жеребцов сказал, что в голове у парня сумбур, но он прочитал немало доступной ему литературы. В представленном Л.Н.Жеребцовым заключении он, помимо естественной критической оценки воззрений А.Нуждова, как бы между делом отметил, что исключает реальную возможность осуществления тех идей, которые вызывали особое «подозрение», и, более того, отметил «положительную сторону» размышлений А.Нуждова и возможность преодоления им «путаницы» с теорией. Мне не известно, как далее сложилась судьба А.Нуждова, но полагаю, что заключение Л.Н.Жеребцова хотя бы в какой-то мере помогло ему избежать сурового наказания за «антисоветчину».

XVI ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ*

26-30 июня 1979 г. в г.Сыктывкар (Коми АССР) состоялась XVI всесоюзная конференция финно-угроведов. В ее работе принимали участие лингвисты (секции грамматики, лексикологии и ономастики, фонетики и диалектологии), этнографы и антропологи (секция этнографии и антропологии), археологи (секция археологии), искусствоведы и фольклористы (секция фольклористики), литературоведы (секция литературоведения). Отсутствовали лишь этнографы Мордовии.

---

* Работа написана в 1979 г. В 1980 г. в журнале «Советское финно-угроведение» (№2) опубликована статья с аналогичным названием, написанная Л.Н.Жеребцовым и Г.Г.Бараксановым, в которой материал Л.Н.Жеребцова был значительно сокращен. Полный текст данной работы не издавался. Публикуется по машинописной копии с авторской правкой из личного архива составителя. Сохранился также сокращенный вариант этой работы под тем же названием.

География участников конференции была довольно обширной. В их числе были представители научных учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, Свердловска, Перми, Оренбурга, Пензы, Ужгорода, Симферополя, Вологды, Таллина и Тарту (Эстония), Ижевска (Удмуртия), Йошкар-Олы (Марийская АССР), Саранска (Мордовская АССР), Петрозаводска (Карельская АССР), Уфы (Башкирская АССР) и Нарьян-Мара (Ненецкий округ). Важно подчеркнуть, что среди докладчиков были представители всех финно-угорских народов мира, включая венгров, финнов и саамов.

В работе конференции участвовали более 250 человек, в их числе 15 докторов и 168 кандидатов наук; был прочитан 171 доклад, в том числе 5 – на пленарных заседаниях, остальные на семи вышеназванных секциях.

Открыл конференцию Председатель Президиума Верховного совета Коми АССР З.В.Панев. С докладом «Ленинская национальная политика в действии» выступил секретарь Коми ОК КПСС А.Ф.Сюткин. Он охарактеризовал современное состояние Коми АССР и перспективы развития на будущее. Зам. директора Института языкознания АН СССР Ю.С.Елисеев и зам. директора Института этнографии АН СССР Л.Н.Терентьева доложили об итогах работы по финно-угроведению в СССР за 1974-77 гг. В области языкознания продолжались изучения диалектов, составление различных словарей, исследование истории языков, развитие письменности и литературного языка, разработка учебников и учебных пособий, начались работы связанные с составлением лингвистического атласа Европы, готовятся многотомные истории национальных литератур (например, пятитомная история эстонской литературы, трехтомная история коми литературы и т.д.).

В исследованиях этнографов-финно-угроведов центральное место занимало изучение современных этнических и этно-культурных процессов в СССР, с охватом всей современной структуры наций и народностей в нашей стране. Большое внимание уделялось изучению этногенеза, этнической истории и межэтническим контактам, исследовались традиционные хозяйство, культуры и быт народов, существенно продвинулись исследования обрядности.

Докладчики подчеркнули укрепление и расширение процесса координации в исследованиях. Объединение усилий специалистов способствовало разработке крупных актуальных проблем и появлению ряда капитальных обобщающих трудов. Докладчики дают обзор наиболее важных из них.

В заключении Ю.С.Елисеев и Л.Н.Терентьева останавливаются на задачах и перспективах развития финно-угроведения в СССР.

Директор ИЯЛИ Коми филиала АН СССР Н.Н.Рочев доложил о развитии финно-угроведения в Коми АССР за период от XI финно-

угорской конференции, которая проходила также в Сыктывкаре в 1965 г., до XVI конференции.

Основная работа конференции проходила на секционных заседаниях. Секция грамматики послужила 25 докладов. Всех их можно объединить в две группы, в одной преобладал сравнительно-исторический аспект, в другой – синхронный анализ морфологических и синтаксических явлений. Все доклады были актуальны, имеют определенное значение для развития финно-угроведения и разработки вопросов преподавания финно-угорских языков. Новизной материала, умелым применением методов анализа этого материала, завершенностью отличались доклады Т.-Р.Вийтса (Таллин) «Основные проблемы ливского глагольного словоизменения», П.Кокла (Таллин) «Инфинитивная глагольная форма на-mv в марийском языке». Э.Г.Беккера (Томск) «К вопросу о формировании некоторых падежей в современном селькупском языке», Д.Т.Надькина (Саранск) «Основа глагола в мордовских языках в прамордовском и прафинно-волжском аспектах», Р.Карелсона (Таллин) «О некоторых проблемах наречия и предлога-послелога в прибалтийско-финских языках», М.В.Мосина (Саранск) «Структура финно-угорской основы в мордовских и прибалтийско-финских языках», в котором приведены несколько убедительных этимологий, М.И.Зайцевой (Петрозаводск) «О структурных типах вепских слов».

В секции фонетики, диалектологии, взаимодействия языков и диалектов было прослушано 28 докладов. Особой содержательностью, глубиной и постановкой общетеоретических вопросов отличались доклады К.Е.Майтинской (Москва) «заимствование релятивных слов (послелогов и предлогов) в финно-угорских языках», Е.А.Хелимского (Москва) «Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка». Н.И.Исанбаева (Йошкар-Ола) «Роль языковых контактов в развитии категории множественного числа в марийском языке», О.В.Вострикова (Свердловск) «Финно-угризмы» в русских говорах Волго-Двинского междуречья», В.К.Кельмакова (Ижевск) «Еще раз об истории ударения в пермских языках», в котором аргументированно доказывается наличие ударения на первом слоге еще в финно-угорском праязыке.

В секции лексикологии и ономастики было прослушано 26 докладов. Во всех докладах приведен обширный новый материал. Интересные положения высказаны в докладах А.К.Матвеева (Свердловск) «Коми топонимика на территории Северного Урала и ее взаимодействие с топонимией других народов СССР», А.И.Туркина (Таллин) «К истории заселения Коми АССР по данным топонимии», В.Д.Бондалетова «Современная антропонимия мордвы», Г.М.Керта (Петрозаводск) «Задачи и перспективы сравнительного исследования лексики карельского, вепсского и саамского языков».

На секции литературоведения заслушано и обсуждено 17 докладов. По тематике они объединялись в три группы: а) изучение истории литератур финно-угорских народов, б) изучение типологической общности финно-угорских литератур с литературами братских народов СССР, в) анализ литературных жанров и произведений в современных финно-угорских литературах. Все доклады были достаточно глубокими и содержательными. Недостатком работы секции следует считать то, что половина докладчиков была из Коми АССР, а литературоведение других республик было представлено одним-двумя человеками.

Недостаточно была представлена на конференции финно-угорская археология. Ввиду неявки значительного количества докладчиков на секции было заслушано всего 15 докладов из 45 запланированных. Доклады отличались новизной материала и интересной постановкой вопросов. Следует отметить доклады Л.А.Голубевой (Москва) «Поселения Белозерской веси X – нач. XI вв.», Т.М.Гусенцовой (Ижевск) «Особенности материальной культуры в эпоху камня на территории Камско-Вятского междуречья», и др. Очень интересный сравнительный анализ проделал Г.М.Буров в докладе «Древние сани Прибалтики, Коми края и Зауралья». Убедительно показал неоднозначность контактов древних коми-зырян и марийцев в I – начале II тыс. н.э. Г.А.Архипов, хотя на его выводах сказалось отсутствие сведений о результатах раскопок последних лет.

Новые материалы по расселению древних пермян привели В.А.Семенов (Ижевск) в докладе «К вопросу о времени появления пермского населения в бассейне р.Чепцы», в котором он доказывает наличие комплексов VI-VII вв. явно верхнекамского происхождения, Н.В.Гуслистов (Вологда), который пришел к выводу, что материал Марьинского могильника (Тотемский район Вологодской области), относящийся к XIII-XIV вв. близок к памятникам лузской пермцы, К.С.Королев (Сыктывкар), выявивший новый район обитания пермян вычегодских на верхней Вычегде возле озера Шойнаты (X-XII вв.).

Очень важный вопрос подняла Э.А.Савельева в докладе об этнической принадлежности ванвиздинской культуры. Она считает несомненным этническое родство ванвиздинского (бассейн Вычегды) и ломоватовского (Верхокамье) населения и полагает, что возникновение этих двух культур, отражает разделение во второй половине I тыс. н.э. древне-коми общности на северную и южную». (Я бы сказал: на северо-западную и юго-восточную).

Секция фольклористики провела шесть заседаний и прослушала 29 докладов и сообщений. Несмотря на это в тематике не было пестроты и случайности. Следует отметить также, что среди докладов были и музыковедческие. Докладчики продемонстрировали единство современ-

ной фольклорной методологии, подлинно исторический подход к материалу, его оценку в свете современных этнических процессов.

Большой интерес вызвал обстоятельный доклад В.А.Акцорина (Йошкар-Ола) «О контакте марийцев с предками коми по данным легенд». Автор пришел к выводу, что предки коми и марийцев имели тесный контакт по р.Вятке в X-XI вв.

Заметен рост числа фольклористов занимающихся малыми жанрами фольклора. Весьма основательные обобщения сделала Т.Г.Перевозчикова (Ижевск) в докладе «Формулы удмуртских сказок». Очень своеобразен и ценен сравнительный анализ свадебных песен мордвы и коми в докладе А.Г.Самошкина (Саранск).

Ряд докладов был посвящен анализу сказок и сказочных персонажей. Доклад Э.В.Померанцевой (Москва) был посвящен специфике бытования русской сказки в коми фольклоре, С.С.Сабитов (Йошкар-Ола) рассмотрел образ медведя в марийских и удмуртских сказках, показал сходство этого образа.

Внимание исследователей вновь привлекли предания о чуди. На секции были заслушаны два доклада по этой теме.

Пять докладов было посвящено народному музыкальному искусству. П.И.Чисталев (Сыктывкар) рассмотрел коми-удмуртские музыкально-этнографические параллели, особое внимание он уделил народным музыкальным инструментам. Интонационное строение эпических песен колвинцев осветила в своем докладе А.А.Шергина (Сыктывкар). О изучении рунической мелодики докладывал У.Липпус (Таллин).

Двадцать четыре докладчика выступили на секции этнографии и антропологии (три доклада сыктывкарцев были сняты из-за недостатка времени). По антропологии было сделано три выступления. И.И.Гохман (Ленинград) поднял принципиальные и теоретически важные вопросы в докладе «Дифференциация финно-угров по строению черепа и вопросы их происхождения». Очень интересный новый материал изложил Р.М.Юсупов в докладе о краниологии современного населения Башкирии.

Особый интерес вызвал доклад Г.А.Аксяновой (Москва) «Основные направления изменчивости одонтологических признаков у коми-зырян», так как выводы докладчика очень четко совпали с этнографическими данными по формированию этнографических групп коми.

В докладах этнографической тематики отчетливо прослеживались две линии. В десяти из них рассматривались различные аспекты историко-культурных взаимоотношений финно-угорских народов. Этнокультурным связям сосьвинских манси в системе современного размещения и взаимодействия населения северного Приобья посвятила свой доклад К.И.Козлова (Москва). Остальные докладчики рассматривали более ранние периоды истории финно-угров. Так, в докладе

Т.В.Лукъянченко (Москва) «О восточной границе предков лопарей на Европейском Севере» обосновывалась очень важная мысль об обитании древних саамов на востоке до низовой Печоры еще в конце I тыс. н.э. О взаимоотношениях древних коми (пермян) с русскими в X-XV вв. в связи с проблемой присоединения коми к русскому государству говорил в своем докладе «Взаимосвязи коми с древнерусскими княжествами в X-XV вв.» Л.Н.Жеребцов (Сыктывкар). Наличие многочисленных черт сходства в хозяйстве, материальной культуре и быту поволжско-финских народов показал в своем докладе «Этнокультурные связи финно-угров Поволжья» Г.А.Сапеев (Йошкар-Ола). «Дотюркское население лесостепной и горнотаежной области Западной Сибири ко времени прихода русских» было освещено в докладе С.И.Вайнштейна и В.И.Васильева.

В ряде докладов культурно-исторические взаимосвязи рассматривались на отдельных элементах культуры, на конкретных примерах. Н.И.Шангина показала «Отражение культурно-исторических связей русских и финно-угорских народов Севера в русской народной вышивке», А.П.Косменко (Петрозаводск) выявила «Общие черты и специфические особенности вепско-карельской вышивки конца XIV – начала XX вв.», Г.И.Соловьева (Йошкар-Ола) проанализировала «Образ коня в резном искусстве коми и марийцев». Она объясняет распространение этого образа развитием скотоводства и соответствующими изменениями в бытовом укладе населения, «Угорский элемент в текстильном искусстве удмуртцев» обнаружил К.М.Климов (Ижевск), «Типовой состав орнамента текстильных изделий народов коми» рассмотрела Г.Н.Климова (Сыктывкар).

Свою гипотезу о происхождении геометрического орнамента от знаков собственности (пасы у коми) предложила Л.С.Грибова (Сыктывкар). По мнению оппонентов докладчик преувеличивает роль тотемизма.

Состоянию изученности традиционного хореографического искусства финно-угорских народов СССР и задачам дальнейшей работы в этой области посвятила свой доклад М.Я.Жорницкая (Москва), которая весьма убедительно показала слабую изученность этой области народного искусства и настоятельную необходимость расширения исследований.

Другая группа докладов освещала отдельные элементы традиционного хозяйства, культуры и быта финно-угорских народов. Современное состояние дохристианских верований коми, пережитки культа духов-хозяев в промысловой среде рассмотрели в своих докладах Ю.В.Гагарин и Н.Д.Конаков (Сыктывкар). Близкие к этой тематике доклады были прочитаны на секции фольклористики. Это весьма интересный доклад Г.Н.Грачевой (Ленинград) «К вопросу развития представле-

ний о материях природы», также доклады Н.И.Новиковой (Омск) «Природа в религиозных представлениях манси» и В.М.Кудряшовой (Сыктывкар) «Мифологические персонажи коми и русская демонология».

Традициям в быту были посвящены доклады Л.Х.Феоктистовой (Москва) «Традиция и обряды «посевных недель» у эстонцев», Т.П.Федонович (Москва) «Традиция в семейных обрядах русских и мордвы Мордовской АССР», доклад которой был построен на материалах этносоциологической экспедиции 1973 г., В.М.Кулемзина (Томск) о социальной роли обычаев, связанных с промысловой деятельностью хантов.

Все доклады на секции вызвали оживленное обсуждение, дискуссии. По отдельным докладам были высказаны серьезные критические замечания, пожелания и советы. Участие в работе секции несомненно обогатило всех присутствующих.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции. Заключение сделал член-корреспондент АН СССР Б.А.Серебренников. Он указал, что доклады были в большинстве очень содержательными, дали массу новых фактов. Недостатком конференции явилось то, что многие из докладов носили характер информации об итогах конкретного исследования и имели вследствие этого выход на относительно узкий круг специалистов. Мало было докладов, решающих какую-либо теоретическую проблему. Повышение удельного веса таких докладов весьма желательно.

Слишком перегружена была работа некоторых секций. Чрезмерное количество докладов затрудняло их качественное обсуждение. Высокое качество многих докладов является показателем зрелости и успехов советского финно-угроведения.

Зам. директора Института этнографии АН СССР Л.Н.Терентьева проинформировала присутствующих о ходе подготовки к V Международному конгрессу финно-угроведов (1980, Финляндия, Турку).

Очередную всесоюзную конференцию финно-угроведов предложено провести в 1984 г. в г.Ижевске (Удмуртская АССР).

30-е июня участники конференции выезжали в с.Куратово – родину первого коми поэта И.А.Куратова на праздник поэзии, проводившийся в честь 140-летия со дня его рождения.

ЭТНОГРАФЫ – К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ФИННО-УГРОВЕДОВ*

---

* Работа написана в 1984 г. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива составителя.

В ряду исторических наук заметное место этнографии. Она призвана изучать культуру и быт народов, освещать путь их возникновения и развития. Советская этнография добилась заметных успехов в деле изучения культуры различных народов нашей страны. Определенные достижения есть и на счету этнографов Коми филиала АН СССР. В течение минувших десятилетий ими была осуществлена широкая программа полевых исследований: собран материал об особенностях культуры не только различных групп коми населения республики, но изучены также локальные группы коми на Алтае, Нижней Оби, на Кольском полуострове. Без внимания этнографов не состоялся практически ни один район Коми АССР. Интенсивный сбор полевого материала осуществляется ежегодно в рамках плановых тем, а его анализ и систематизация дали возможность подготовить публикации, пользующиеся высоким научным авторитетом. Только в последние несколько лет из печати вышли такие солидные труды как книга Г.Н.Климовой “Узорное вязание коми”, Л.С.Грибовой “Декоративно-прикладное искусство народов коми”, Л.Н.Жеребцова “Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами”, Н.Д.Конакова “Коми охотники и рыболовы”. В эти же годы опубликованы десятки статей, были сделаны выступления на различных всесоюзных и региональных конференциях. Этнографы Коми филиала являлись непременными участниками всех последних Международных конгрессов финноугроведов.

Этнографы не ослабляют усилий и в деле изучения традиционной народной культуры: большое место в научных планах сектора занимают такие темы как традиционное природопользование, народная медицина, народное искусство коми. Все эти темы получили освещение в последнем сборнике статей сектора “Традиции и новации в народной культуре коми”. В этом году этнографы готовят к изданию новые сборники своих статей, посвященных итогам изучения традиционной этнографии за последние годы, проблемам этногенеза и этнической истории коми, современным этнокультурным процессам, вопросам этнографии современности, проблемам общественного и семейного быта.

Как обычно, мы готовимся к новым экспедициям. В этом году впервые вместе с нами выезжает группа этнографов и антропологов Института этнографии г.Ленинграда. Ждем также своих аспирантов из Москвы. Антропологи ставят своей целью изучить распространение и изменяемость антропологических типов характерных для народа коми, что имеет большое значение при исследовании проблемы этногенеза. Этнографы будут изучать народные обряды, народную медицину, специфику семейного быта и ряд других вопросов. Экспедиции охватят исследованиями несколько районов и городов Коми АССР.

Наряду с изучением традиционной культуры и быта народа коми этнографы обращают большое внимание на изучение этнографии современности.

В секторе этнографии института языка, литературы и истории была создана группа по изучению современных процессов в культурно-бытовой сфере различных слов, групп населения республики. Этот коллектив провел массовые опросы населения в ряде районов, осуществил картографирование этнографических объектов, разработал специальные вопросники по изучению языковой жизни, межнациональных браков, национального самосознания. Иначе говоря, объектом пристального внимания этнографов стали многообразные и сложные явления современного образа жизни. И если до сих пор основное внимание этнографы уделяли прежде всего селу, то в последнее время начаты работы по углубленному изучению повседневной жизни городского населения. Подготовлена к изданию книга “Культура и быт населения города Усть-Сысольска в XIX – начале XX века”. Начинаем изучение культуры и быта современного городского населения. Так, уже в этом году Коми книжное издательство выпустило брошюру под названием “В бога не верю”, которая написана этнографами М.Б.Рогачевым и О.В.Котовым с использованием материалов опроса студенчества г. Сыктывкара и населения г. Печоры. Очень актуальным является изучение вопросов двуязычия. Этнографы планируют провести этносоциологическое исследование по выявлению уровня владения русским языком в однонациональных коми и национально-смешанных семьях. Это исследование очень важно в связи с возрастанием роли русского языка как языка межнационального общения. Планируется проведение исследований по проблеме этнопсихологии. С этой целью нынче также организуется экспедиционный отряд.

Немаловажно, что работы этнографов имеют связь с жизнью, с современностью. Конечно, это прежде всего художественно-оформительская практика, прикладное искусство, архитектура, народные промыслы. Но вместе с тем находят отклик и конструктивно-прикладные выводы, которые имеют место в работах этносоциологического плана, ибо они применимы в социальном планировании, разработке региональных программ социально-экономического развития.

Планы этнографов на ближайшие годы включают создание книг по этнографии и по этногенезу народа коми, по современным этнокультурным процессам в Коми АССР, по проблемам общественного и семейного быта. Планируем мы составление этнографического атласа и других работ.

Однако мало написать книгу. Главное – довести ее до читателя. Коми книжное издательство идет навстречу этнографам. В этом году оно издает книгу Г.К.Климовой “Текстильный орнамент народов коми”.

Эта работа будет еще более богата материалом, чем ее же “Узорное вязание коми”, которая с большим интересом была принята читателям. Выйдет книга П.И.Чисталева о коми народных музыкальных инструментах. Наши работы приняты и на последующие годы.

Важной задачей этнографов является также участие в подготовке и проведении VI Международного конгресса финно-угроведов. Необходимо создать выставки народного искусства, оформить научный этнографический музей в Институте языка, литературы и истории и принять участие в других работах по художественному оформлению.

Кроме того для каждого сотрудника важно выступить с докладом или сообщением по итогам своих исследований. Уже утверждены темы и тезисы. Этнографы пишут тексты своих докладов, готовят иллюстрации.

Словом, планы большие, работы как всегда много.

О НАУЧНЫХ КОНТАКТАХ СЕКТОРА ЭТНОГРАФИИ*

Сектор этнографии всегда стремился поддерживать разнообразные, широкие контакты с учеными головных институтов. Одним из тех, кто в течение многих лет оказывал нам постоянную площадь, является Рудольф Фердинандович Итс, зам. директора Института этнографии (ленинградское отделение). Будучи еще зав.кафедрой антропологии и этнографии исторического факультета ЛГУ, Р.Ф.Итс готовил будущих студентов для работы в Коми АССР, рекомендовал лучших их из них в аспирантуру филиала и осуществлял научное руководство их работой. Аспиранты Р.Ф.Итса всегда во время защищали диссертации, отличались высокой профессиональной подготовкой. Учениками Р.Ф.Итса являются Н.Д.Конаков, Г.Н.Романова, В.В.Соловьев. У них (кроме В.В.Соловьева) он научным руководителм. К сожалению, по семейным обстоятельствам Г.Н.Романова и В.П.Черничка выбыли из нашего сектора. Р.Ф.Итс дважды был в нашем Институте, выступал перед коллективом, освещая важные проблемы, стоящие перед современными советскими этнографами. Большая работоспособность, широкая эрудиция, разнообразие интересов позволили Р.Ф.Итсу опубликовать ряд очень интересных и ценных научных работ. Им выпущены научные пособия, например, «Введение в этнографию». Одновременно, как член союза писателей СССР он выступает в качестве популяризатора науки. Написанные им научно-популярные книги не залеживаются на полках мага-

---

* Работа написана в 1984 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Оригинал не имеет названия, оно дано составителем.

зинов. Можно назвать такие его книги как «Века и поколения», «Камень солнца», «Последний аргиш», «Цветок лотоса» и др.

Научная консультация, руководство нашими аспирантами и любая другая высококвалифицированная помощь по выполнению научного исследования со стороны Р.Ф.Итса и руководимого им коллектива Института этнографии нам обеспечены в любое время. И мы активно пользуемся этой помощью и поддержкой.

Здесь следует вспомнить также член-корреспондента АН СССР Чистова Кирилла Васильевича, заведующего сектором славяно-русской этнографии и председателя ученого совета по защите кандидатских диссертаций. В его секторе проходила аспирантуру И.В.Ильина ,защищали свои диссертации Н.Д.Конаков, И.Е.Фадеева. Надо особо подчеркнуть, что если бы не огромная помощь лично К.В.Чистова и других специалистов его сектора, очень трудно было бы организовать защиту диссертауции И.Е.Фадеевой. Он не забывает нас и сейчас – напоминает о задержке с диссертацией И.В.Ильиной, рецензирует наши работы. Его собственные исследования и публикации, отличающиеся большой интерес. К.В.Чистов многие годы разрабатывает различные проблемы фольклора и этнографии финно-угорских народов (особенно карел). Ожидается его участие, возможно также и Итса Р.Ф. в работе VI МКФУ.

ОТЗЫВЫ О РАБОТАХ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВА

В.И.Канивец

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВА*

Любомир Николаевич Жеребцов получил научную подготовку в аспирантуре Института этнографии АН СССР (г.Москва) под руководством проф. Н.Н.Чебоксарова. В 1953 г товарищ Жеребцов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему “Современное жилище народа Коми”.

В области этнографии Л.Н.Жеребцов работает с 1949 г., т.е. более 12 лет за это время он провел ряд полевых экспедиционных работ на Севере и собрал Большой, в значительной мере новый, ранее неизвестный материал в Печорском крае, на верхней и средней Вычегде, на Летке и Лузе и, наконец, в мало исследованном Удорском районе. Многолетние полевые работы позволили заполнить ряд пробелов в наших знаниях о культуре и быте коми. Существенное значение имело то, что Л.Н.Жеребцов хорошо знает коми язык и бытовые особенности своего народа.

Результаты этих исследований отражены в 12 опубликованных статьях и брошюрах, а также в подготовленных к печати монографиях: “Памятники народного зодчества Коми АССР” (около 6 п.л.) и “Удорские коми” (около 10 п.л.). Работа о народной архитектуре коми – первое специальное исследование такого рода, вводящее в научный оборот новый обширный материал.

Особенностью научной деятельности Л.Н.Жеребцова является широта его интересов. Большинство его работ выходит за пределы этнографии и связано с вопросами истории, археологии, антропологии, с которыми проблемами этногенеза народа коми, с топонимикой и финно-угорским языкознанием. Таковы, например, статьи “О времени появления коми на верхней Мезени”, “К вопросу о заселении Вашки”, “Положение крестьян Глотовой слободы Удорского края во второй половине XVI в.” и др.

Л.Н.Жеребцов является научным руководителем темы “история религии и атеизма в Коми АССР”.

---

* Работа датирована 6 марта 1961 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Вячеслав Ильич Канивец (1927–1972) – кандидат исторических наук, ведущий археолог Коми филиала АН СССР конца 50-х – начала 70-х гг. В период написания отзыва – старший научный сотрудник отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР.

В целом Л.Н.Жеребцов зарекомендовал себя, как подготовленный, получивший хорошую школу научный работник, проводящий самостоятельные исследования. В настоящее время это единственный квалифицированный этнограф, работающий на территории Коми АССР, который может вести подготовку новых кадров по данной специальности. Л.Н.Жеребцов фактически выполняет круг обязанностей старшего научного сотрудника.

Э.А.Савельева

НОВЫЕ РАБОТЫ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВА*

На прилавках книжных магазинов почти одновременно появились две работы старшего научного сотрудника института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Л.Н.Жеребцова. Одна из них “Расселение коми в XV-XIX вв.” выпущена в совет Коми книжным издательством, вторая “Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв.” издательством “Наука” в Москве.

Издание этих книг, прежде всего, свидетельствует о том внимании, какое уделяет наша партия развитию общественных наук.

В материалах XXIV КПСС подчеркивается, что одной из важнейших задач стоящих перед общественными науками, является все более решительный поворот их в сторону разработки проблем актуальных для настоящего и будущего.

Обе работы Л.Н.Жеребцова посвящены неразработанным проблемам этнографии народа коми.

В брошюре “Расселение коми в XV-XIX вв.” автор ставит чрезвычайно интересную задачу – на основе анализа письменных источников и фамилий проследить историю заселения Коми АССР, возникновение ныне существующих сел и деревень.

Исследователь дает историческую картину заселения Нижней Вычегды и Выми, бассейна Сысолы, верхней Лузы и Летки, Удорского края, верхней Вычегды бассейна Печоры. Л.Н.Жеребцов не ставит целью дать полную этническую картину заседания территории Коми АССР. Древнейшие страницы истории народа коми остаются за пределами его исследования. Он прослеживает освоение этого района с XV

---

* Работа написана в 1972 г. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя. Элеонора Анатольевна Савельева (р. 15 ноября 1937 г.) – доктор исторических наук, с 1970-х гг. – ведущий археолог Коми республики. В период написания отзыва – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР.

в., когда в письменных источниках появляются названия населенных пунктов, фамилии поселенцев и т.д. Автор приводит многочисленные списки фамилий, которые позволяют читателю самому выяснить место исконного обитания той или иной семьи, путь ее переселения и т.д.

Анализируя различные исторические документы, Л.Н.Жеребцов дает довольно четкую картину постепенного расселения коми и русских, освоение ими Удорского района, долин р. Печоры, Ижмы и т.д. Уже в XV в. население территории современной Коми республики было неоднородным. Автор указывает, что в XIV в. на Выми и Вычегде, в XVI в. на Печоре известны русские поселения. Кроме того русские крестьяне были в составе населения верхней Мезени, Летки, Лузы и т.д. Автор прослеживает и древние коми-ненецкие контакты, которые придали своеобразие отдельным группам коми, жившим на пограничных территориях, в частности на Удоре. Коми-русско-ненецкие контакты приводили к взаимовлиянию, к взаимосмешению и, в конечном итоге, взаимообогащению культур этих народов, дружба которых зародилась еще в древности и расцвела после Великого Октября.

Автор, придерживаясь принципа четкой хронологической последовательности, сумел показать процесс этнического оформления границ расселения коми в XV-XIX вв.

Книга, несомненно, будет с интересом встречена читателем, интересующимся историей своего родного края.

Монография “Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII начале XX вв.” представляет собой историко-этнографический очерк населения современного Удорского района Коми АССР. Автор поставил перед собой цель разрешить вопросы этнической истории удорцев: установить время и пути заселения Удорского края, состав древнего населения, расселение удорцев и кроме того, показать специфические особенности материальной культуры населения этого района. Автор в основном успешно справился с поставленными перед ним задачами. Необходимо отметить, что этот интереснейший район до последнего времени был одним из наименее изученных, тогда как исследование культуры удорских коми позволяет ответить на ряд принципиально важных вопросов этногенеза коми-зырян. Работа Л.Н.Жеребцова частично восполняет этот пробел. Она является первым и пока единственным исследованием по истории и этнографии населения этого края.

В книге приведен богатый и разнообразный материал по хозяйству, культуре и быту удорских коми, большая часть строго собрана автором во время полевых экспедиционных исследований. Но автор не ограничивается обобщением полевых материалов. Он использует все сведения, имеющиеся в литературе, как в дореволюционный так и советской, а также данные смежных наук: языкознания, археологии и антропологии.

Комплексное использование письменных источников, этнографического материалов, данных смежных наук позволил автору показать процесс формирования удорцев. Им прослежены пути переселения древнего населения с Яренги, Выми, Пинеги, освещен процесс этнического и культурного смешения и взаимовлияния русских, коми, ненцев и некоторых других народов в результате которого и сложились удорские коми со столь своеобразной культурой.

В монографии дается характеристика крестьянского хозяйства удорцев, в котором наряду с земледелием и скотоводством значительно большее место, чем в других районах занимали лесное оленеводство, охота и рыболовство, а также были развиты некоторые специфические виды промыслов, в частности коновальство. Автор создает убедительную картину постепенного закрепощения удорских крестьян, резкого усиления его эксплуатации в связи с развитием и укреплением феодализма. Постоянные неурожаи, увеличивающиеся налоги и подати приводили к стихийному возмущению крестьянства, выражавшееся в побегах, подаче челобитных, отказе от уплаты налогов и т.д.

Не улучшилось положение крестьянства и в XIX – в начале XX вв. Автор указывает, что в начале XX в. удорские крестьяне находились на грани полного обнищания и разорения.

Большое внимание уделяется описанию материальной культуры удорцев: их жилища, одежды, утвари, пищи. Интересны сведения о семейном и общественном быте, в котором встречаются такие черты как умыкание невест, своеобразные староверческие секты, странноприемные дома скрытников и т.д. И, наконец, автор показывает состояние здравоохранения и просвещения в Удорском крае, где абсолютное большинство населения было неграмотным, медицинское обслуживание вплоть до конца XIX в. практически отсутствовало, в быту сохранилось масса суеверий и старых традиций. Существующий строй тормозил дальнейшее развитие культуры удорцев. Великий Октябрь явился поворотным пунктом в истории нашего народа. В некогда отдаленный удорский край пришли новая культура и новый быт. Экскурс в прошлое позволяет воочию убедиться в грандиозности происшедших перемен, что особенно важно для воспитания молодого поколения.

Несомненно, автор в небольшой по объему монографии, а главное на современном уровне наших знаний не мог решить все вопросы, в частности по этнической истории. Одной из нерешенных проблем является первоначальное заселение Удорского края и истории его древнейших обитателей. Но автор и не ставил перед собой такой задачи, поскольку современная наука пока не располагает достаточными материалами для решения этой проблемы. В целом книга, несомненно, представляет большой научный и практический интерес. Она является важным вкладом в изучении истории и культуры народа коми.

Э.Сий

Л.Н.ЖЕРЕБЦОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМИ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ (X – НАЧАЛО XX ВВ.). М.: НАУКА, 1982, 224 С.*

Зав. сектором этнографии Коми ФАН СССР Л.Н.Жеребцов дал своей книге не совсем ясное, “мало говорящее” название: “Историко-культурные взаимоотношения коми с самоедскими народами [По-видимому, допущена ошибка при наборе (с.265: Szamajed nepek вм. szoszed nepek) – Прим. пер.] (X – нач. XX вв.)”. Использовав слово коми в функции существенного (а не прилагательного) – перенимая пример предшественников, по крайней мере, в названии –-он не уточняет, о скольких коми народах пойдет речь в книге (см. В.Н.Белицер. Очерки истории и этнографии народов коми. М., 1958) и имеется ли в виду народ или другая общность (formáció), “более мелкого”, “более подчиненного” ранга (например, народность, этнос и т.д. См. Петер Вереш. Теория этноса в новейших советских исследованиях. – В: *Népi kultúra-népi társadalom*. Bp., 1977, с.253-277. См. тж. Л.П.Лашук. Формирование народности коми. М.: МГУ, 1972). Однако книга содержит значительно более обширный материал, чем это обещает название. Ее можно разделить на 2 большие части, из которых названию соответствует вторая (с.117-206), в первой же (с.16-116) практически прослеживается этническая история пермской (см. ниже) общности, которая, естественно, формировалась не независимо от соседних народов. Эта дополнительная, в соотнесении с тем, что обещается в названии, часть книги заслуживает похвалы хотя бы уже потому, что в настоящее время – это единственная, написанная на научном уровне (букв., с научной претензией) и доступно, книга по древней истории коми.

Следует отметить, что термины древние пермяне и пермяне используются автором не в традиционном значении (пермяне – предки коми –удмуртов), а только по отношению к предкам коми (зырян, пермяков).

Впрочем, с возможностью такого двоякого толкования термина не согласился уже Давид Фокош в рецензии на монографию Лыткина о древне-зырянской письменности (В.И.Лыткин. Древнепермский язык, М., 1952, - В: *Nyelvtudományi közlemények,* 1955: 270-271).

---

* Перевод рецензии видной венгерской исследовательницы Эникё Сий (Enikő Szíj), опубликованной в «Nyelvtudományi közlemények», Budapest, 1984. 86. kőtel, 1.szam, pp. 265–267. Публикуется по машинописной копии из личного архива составителя; на рукописи имеются сделанные карандашом пометки переводчика.

Логическое расположение следующих после “Введения” первых 4-х глав таково: Появление человека и история заселения бассейнов Вычегды – Двины в мезолите (7-5 тыс. до н. э.), анализ археологических культур этой области, обзор пермских археологических культур (I гл., 16-25; 24-25): (II гл., 26-56; 53-56): каким образом эта территория в 15-19 вв. стала территорией обитания коми этноса, его родиной (III гл., 57-96; 94-96) и, наконец, как, когда, почему коми расселились за пределами этой этнической территории (IV гл., 97-116; 115-116).

Лучшему пониманию этой части книги способствуют 5 карт. Первая (33) фиксирует ситуацию 9-14 вв., вторая (39) – 14-15 вв., третья (61) – карта бассейна Северной Двины, составленная Б.О.Долгих, к которой автор дает уточняющие замечания на 60 странице (не повредило бы обратить внимание на неточности в пояснительных замечаниях под картой). На 4-й карте (83) отражено административное деление края в XVI-XVII вв., на пятой (88) – ситуация 18-19 вв.

За эти карты, наглядно отражение пространственно-временные ситуации формирования коми этноса, автор заслуживает особой благодарности, т.к. без них – как это имеет место не в одном из советских изданий подобного характера – разъяснения автора едва ли можно было бы проследить (ведь мы не знаем стольких названий северо-восточных рек).

Из археологических находок, обнаруженных в бассейне Северной Двины с пермянами можно связывать только те, которые относятся ко второй половине I тысячелетия н. э. Пермяне в IX-X-XIV веках начали разделяться на 2 группы: на камских (В др. статьях Жеребцова, например, “Формирование этнических групп коми (зырян) – В: Финно-угорский сборник. М., 1982, с.96-111 – на восточных = Пермь Великая) и вычегодских (там же, с.97 – на западных, Пермь Вычегодская). Первую группу составили предки коми-пермяков, вторую – коми-зырян. В 1586 г. по царскому указу Верхняя Кама была присоединена к Перми Великой.

По мнению автора, зыряне и пермяки, начиная с XV в. обособились в такой степени, что сегодня говорить о двух самостоятельных народах и языках – оправданно. Однако его аргументация (напр., с.10) не представляется убедительной. В дальнейшем этот вопрос постоянно исчезает из поля зрения, и хотя автор упоминает коми-пермяков, все-таки анализирует “только” историю и связи коми-зырян (см. также название упомянутой статьи). В ряду соседних народов отсутствуют также и удмурты.

Вопрос о том, углублялись ли пермяне от Юга или от Верхней Камы в долину Северной Двины, является спорным, и очень большое значение имеет определение западных границ коми этноса с точки зрения истории отношений черемисов, русских, проживавших в районе Оки-

Волги. Исследование осложняется, кроме всего прочего, невозможностью отождествления (индентификации) археологических находок (чудь?).

Рубеж XV-XVI вв. внес большие перемены в историю коми, потому что Москва окончательно перехватила роль Новгорода и потому, что общность в дальнейшем формировалась уже не на основе кровных связей, а на основании территориальной принадлежности, соседских отношений. В противоположность общей собственности появилась семейно-личная собственность, которая создала возможности для миграций, способствовала развитию предприимчивости, а это и определило характер их отношений с соседями. Самостоятельность коми вызывала опасения у правительства и в 1879 г. был подготовлен проект об изгнании коми из тундры (однако идея своеобразной "ненецкой резервации" не была осуществлена). Направлением расселения вместо Запада (X-XII вв.) стал Север, Северо-Восток, затем – Юго-Восток (по направлению к Уралу), вся территория расселения "соскользнула" восточнее. В складывании сегодняшних этнических границ нужно учитывать 4 взаимосвязанных друг с другом фактора, а именно: 1) миграцию внутри этнической территории, 2) за ее пределами, 3) смешение внутри данной общности [досл.: "с самими собой"–Прим. пер.], 4) с другими.

Исследование этих процессов облегчает характерная для каждой местности рано произошедшая, благодаря христианизации, гнездовая концепция коми фамилий и прозвищ (90). Эта книга, как и упомянутая книга Л.П. Лашука, содержит важный материал по коми антропонимике.

Вторую большую часть книги (V-VIII главы) составляет многостороннее подробное изложение истории отношений коми с русскими (V гл., 117-156), с ненцами (VI гл. 157-175), с манси и ханты (VII, 176-194), с саамами (VIII гл., 195-206).

Жеребцов убедительно опровергает традиционный взгляд, согласно которому, этнические границы коми сложились бы рано (в X-XII вв.) и, благодаря православной церкви и рано сложившемуся государственному управлению едва ли изменились бы, и что история коми-русских отношений ограничилась бы принятием последовательного и одностороннего русского влияния, широкой русификацией. По его мнению, этнические границы укрепились в XVI-XVII вв., а русско-коми отношения складывались под знаком взаимности. Значительная близость северно-русской и коми материально-духовной культуры во всех областях может быть объяснена общей финно-угорской основой и длительным, непосредственным взаимным влиянием друг на друга. (с.146). Он отвечает и на вопрос, упоминавшийся в связи с названием, по его мнению, "коми … в XVII в. сохранились как народ (теперь нация)" (с.110).

После взятия Казани, но особенно во времена потомков Петра Великого, т.к. Русский Север потерял свое политическое и хозяйственное значение, тогда возросла характерная посредническая роль коми.

Историю отношений с ненцами, саамами, манси автор исследует поэтапно на различных территориях в разные эпохи, например, с саамами в XII-XIV вв., до появления ненцев в европейской тундре, простирающейся до Печоры, или в XIX в. на Кольском полуострове, с ненцами – в ижемской тундре, затем на п-ове Канин; с манси – в начале на Западном Урале, потом на восточном. Он объективно отмечает, что отношения коми с соседними народами отнюдь не были всегда идиллическими. Он подчеркивает, что при оценке отношений важен классовый подход, ведь коми, появлявшиеся в большинстве случаев в качестве нежелательных гостей, не были едины, между рано сложившимися коми "крепкими хозяевами" (например, ижемскими "кулаками" – оленеводами) и коми, вынужденными кочевать в поисках средств существования (не лучшего существования!) была большая разница. Таким образом, Жеребцов возражает против любого рода обобщений ("потому что коми…", "потому что русские").

В этой второй части особенно очевидны многие симпатичные черты Л.Н.Жеребцова как автора: основательность, осмотрительность, открытость, критическая настроенность, объективность, а также то, что он не претендует на безусловное одобрение. Когда это необходимо, он ставит вопросы (например, "Действительно ли они [коми] несли гибель и разорение местным народам? " (с.181), высказывает определенное мнение (Я не думаю… Он прав), критикует (например, не согласен с З.П.Соколовой в том, что на народную архитектуру обских угров оказали влияние карелы (по его мнению, коми); в противоположность мнению К.Редеи относит коми (вымские) лексические заимствования с чередованием *l-v* в вогульском не к XIX в., а к XVI-XVII вв.). Он сторонник убедительной аргументации, что можно наблюдать, например, при сопоставлении оленеводства у кольских саамов и коми, или в случае опровержения им мнения, что поморы "этнически однородная масса, представители единого русского народа" (100). Стремясь к ясности, объясняет специальную русскую лексику, обозначающую типы поселений (починок, деревня (130), погост (131), посад, слободка, слобода (132), осадный городок (133).

Было бы полезно в "Указатель имен" (214-223) включить также известные географические названия, этнонимы, названия групп народов (напр., Пермь, Чудь заволоцкая, "чудь или обрусевшие финны", пинежская чудь, Сура поганая, Лузская Пермца, зюздинцы, Зыряновка (Алтайский край) и т.д.), а также при отсутствии предметного указателя расчленить главы и сделать более подробным содержание.

В целом же книга Л.Н.Жеребцова верно отражает ту огромную работу, которую проделали лично автор, а также его предшественники и современники по выяснению почти беспредельного числа вопросов. Она является великолепным вместилищем всего, что можно знать сегодня об этнической истории коми, о характере их отношений с соседями. Книга является поучительным чтением для исследователей финно-угорских народов и языков.

Н.Д.Конаков

КОМИ ЙÖЗ ИСТОРИЯ ЙЫЛЫСЬ ВЫЛЬ КНИГА*

Коми йöзлöн историяын век на эмöсь сэтшöм тöдтöмторъяс, кодъяс кузя öнì на вензьöны ученöйяс. Со, шуам, коми войтырлöн этногенез да этническöй история, мöд кылöн кö, кор да кыдзи артмис коми йöз. Тайö юалöм вылас кутшöмкö ногöн вочавидзö Л.Н.Жеребцов “Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами” книгаын, кодì вöлì лэдзöма “Наука” издательствоöн Москваын 1982 во помын да неважöн кутìс вузавсьыны книжнöй магазинъясын.

Ыджыд да уна сикас материал вылö мыджсьöмöн Л.Н.Жеребцов зэв эскöдана висьталö сы йылысь, кыдзи артмалìсны коми йöзлöн первойя оланìнъясыс X-XV нэмъясын да кытöнì найö олìсны. Вöлöмкö комиыд абу век олöма öти местаын, сылöн вежöсъясыс вöлöм неöтчыд вежласьöмаöсь. Позьö пасйыны, шуам, важъя комияслысь овмöдчывлöмсö рытыввывлань, Сухона ю вылын, войвыв-рытыввывлань Пинега ю вылын, асыввывлань, войвывлань да войвыв-асыввывлань. Некымын карта отсöгöн Л.Н.Жеребцов петкöдлö, кыдзи дыр кадöн артмис комилöн öнìя этническöй территорияыс. Сìйö вöчö кывкöртöд, мый коми йöзлöн öнìя оланìныс тырвыйö оформитчис сöмын XX нэм кежлö. Лунвылын да рытыввылын кö этническöй границаясыс эз кутны вежласьны XVI нэмсянь, то войвылын да асыввылын сöмын на XIX нэм помсянь. XVII-XVIII, а мукöддырйи и XIX нэмъясын на комияс разöдчалìсны выль оланìнъясö.

---

* Работа написана в начале 1983 г. Русский текст отзыва Н.Д.Конакова перевел на коми Ю.Г.Рочев. Публикуется по подписанной Ю.Г.Рочевым машинописной копии из личного архива составителя. Николай Дмитриевич Конаков (р. 2 декабря 1946 г.) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ. Юрий Герасимович Рочев (1936–1995) – кандидат филологических наук, старший научный соьтрудник ИЯЛИ.

Такöд тшöтш Л.Н.Жеребцов лабутнöя нуöдö сёрнисö сы йылысь, кыдзи артмис ачыс коми йöзыд: кыдзи торъя племенаясысь чужисны община-сиктъяс: Глотово слöбöда, Удора вöлöсть, улыс Эжваса сиктъяс, Емваса сиктъяс, Ужгаса вöлöсть да с. в., кыдзи артмалìсны торъя этнографическöй чукöръяс: емватасъяс, изьватасъяс, сыктывсаяс, удорасаяс и мукöдъяс. Воддза торъя племенаясын кö заводитìсны бырны-пазавны XIII-XIV нэмъясын, то община – сиктъяс быдмисны-сöвмисны XV-XVI нэмъясын. А XVII-XVIII нэмъясын комиясын артмис народность, кöть эськö и колисны на казьтыштöм этнографическöй чукöръясыс. Тайö чукöръясыс, кöть эськö и пырисны öти народностьö, торъялìсны мöда мöдсьыс асланыс культураöн да сёрни сикаснас. Л.Н.Жерецов петкöдлö, кыдзи сöвмö да вежсьö налöн культура, кыдзи озырмö сìйö быд боксянь заимствованиеяс пыр. Автор заводитö видлавны тайö процессö важъя пермяналöн налöн суседъяскöд первойя йитöдъяссянь, мöд кылöн кö XII нэмсянь; но медшöр могыс сылöн уджын – видлавны да петкöдлыны бöръяджык кад (XVIII нэм – XX нэмлöн первойя вояс).

Книгаын ыджыд юкöн сиöма роча-комиа костса йитöдъяслы, кодъяс кыссисны 800 во гöгöр. Авторыс петкöдлö, мый тайö йитöдъясыс век вöлìны мирнöйöн. Важъя летописъяс оз казьтывны роча-комиа костын ни öти тыш. Эскана эрдöдöма коми йöзлысь рольсö Архангельскöй да Вологодскöй областьясса роч йöз формируйтчöмын да роч рольсö комияслысь уна этнографическöй группа артмöмын, торйöн нин изьватасъяслысь.

Паськыда петкöдлöма роч культураысь заимствуйтöмторъяссö да налысь рольсö коми йöзлöн хозяйство, культура да олöм сöвмöдöмын. Тайö ыджыд материалыслы сиöма книгаын торъя юкöн. Роч культураын коми йöзлöн культураысь босьтöмторйыс этшаджык. Такöд тшöтш уджын петкöдлöмаöсь комилöн ненецъяскöд, хантъяскöд, мансияскöд да саамъскöд бöръя витсё вося йитöдъясыс. Автор бура дорйö сìйö мöвпсö, мый и тайö йитöдъясыс пöшти пыр вöлìны мирнöйöн. Уна буртор вöчисны комияс тайö народъясыслы, кöть эськö и эз быдöнлы öтмында да öтмоза. Но комияс тшöтш унатор босьтìсны и тайö народъясыслысь. Сìдз, петкöдлöма, кыдзи комияс велалìсны ненецъяслысь кöр видзöм; кыдзи найö сэсся пыртìсны кöр видзöмас уна выльтор, дзикöдз вежисны кöр видзанногсö да бöр сетìсны сìйö жö ненецъяслы. Комияслöн быд сусед народъяскöд йитöдлы автор сиöма торъя главаяс, кытöнì сìйö видлалö тайö йитöдъяссö заводитчöмсяньыс да XX нэмöдз.

Комилöн историяыс Русьлöн историяысь торйöдны позьтöм. Коми йöзлöн историяын ыджыд роль ворсìс Коми муöс роч государствокöд öтлаöдöмыс. Аслас книгаын Л.Н.Жеребцов видлалö, кыдзи мунìс тайö öтлаöдöмыс, восьтö шöр этапъяссö, петкöдлö Новгорода-Москва костса тышъяссö, висьталö христианство пыртöмлысь тöдчанлун йылысь, и

шуö, мый тайö öтлаасьöмыс лоис 1481 воын. Тайö воясö том роч государстволöн правительство нуöдіс уна пöлöс удж, медым вынсьöдны ассьыс держава, крепыдджыка йитны ас костнаныс государствоö пырысь муяссö, ыдждöдны властьсö Москвалысь. Сэк жö вöлі нуöдöма населениелысь первойя перепись. Коми му роч государствокöд öтлаöдöм йылысь вöлі гижöма нин вель уна. Тайö уджъясас исследовательяс озджык воны öти кывйö. Ми лыддям, мый Л.Н.Жеребцовлöн индöм датаыс подулалöмаджык.

Россиялöн историяö тöдчана пай пуктіс коми йöз и сійö кадö, кор Русь заводитіс йитлыны роч государствокöд сибирса да дальнöй востокса муяс. Сибир восьтöмын да овмöдöмын яръюгыд примеръяс вылын Л.Н.Жеребцов петкöдлö коми войтырлысь рольсö. Комияс вöліны туй индалысьясöн Ермаклöн да мукöд отрядъясын, кодъяс муналісны Сибирö, медым сійöс завоюйтны, Комияс вöліны и С.Дежневлöн да Е.Хабаровалöн отрядъясын. Туй восьтысьяслöн отрядъясын уна кодь коми вöлісны и веськöдлысьяс лыдын (Д.Зырян, Б.Зырянов, Ф.Чюкичев да мукöд). Уна кодь коми олöмöн вуджисны Уралö да Урал сайö. Найö уджалісны Демидовъяслöн алтайса заводъясын, ямщикалісны, ремесленничайтісны сибирса каръясын, пример вылö, вурсьысьясöн Новосибирскын, пырисны найö и военнöй служба вылö, но мед унаöн на пиысь пыр жö крестьянаалісны. Уна сикас Зырянка юяс, Зыряновка сиктъяс, Зырянов овъяс, а сідзжö дзик коми овъяс, кыдзи Кузьиванов, Порськоков, Турубанов да с. в., унатор висьталöны сы йылысь, кыдзи вöлöм разöдчöмаöсь комияс Сибир да Дальнöй Восток пасьтала. И öнідз на Сибирын эмöсь коми йöза сиктъяс. Дерт, тшöкыда тайö йöзыс асьсö лыддьöны оз нин комиöн, а рочöн. Найö, кыдзи петкöдлö автор, воштöмаöсь нин этническöй самосознаниеныссö. Налöн олöмын да культураын этшатор нин кольöма коми аслыспöлöслунсьыс. Весиг кывсö помнитыштöны сöмын пöрысьджыкъясыс. Том йöзыс коми кывсö оз нин тöдны. Сöмын Ижмаысь петлöм йöз бурджыка видзöны и кывсö, и ассьыс культуранысö, найö кужöмны öнідз видзтыны ассьыныс национальнöй чужöмбаннысö.

Коми историяысь уна кывкутана вопрос лэптöма и вочавидзöма на вылö аслас книгаын Л.Н.Жеребцов. Сійöс азыма лыддяс быд коми мулöн история радейтысь. Миян эз на петлы мöд татшöм исследование, кöні эськö сідзи эскана вöлі югдöдöма коми историяысь сы мында колана, но дзуг проблема.

Жаль, мый книгаыс абу серпасалöма, татшöм сяма исследованиеыс серпасъястöгыд унатор воштö.

Комиöдіс Рочев Ю.Г.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВА

1952

Современное жилище народа коми. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (на правах рукописи). - Москва. 14 с.

Современное жилище народа коми. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.1, оп. 13, д.28. 285 мпс.

1954

Район территория вылö йöзон овмöдчöм историяысь // Ленинскöй туйöд. - № 49-51.

1955

О времени появления коми на верхней Мезени // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар. - Вып. 3. С.78-85.

1956

Опыт изучения крестьянского жилища народа коми // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. - Вып. 3. С.30-47.

Очерки по истории Коми АССР, т. 1 (рецензия) // Советская этнография. - М. - № 3. С.168.

Удорскöй район заселитöм историялы // Выль туйöд. - 15 марта.

1957

Положение крестьян Глотовой слободки во II половине XVI в. // Труды Коми филиала АН СССР. - Сыктывкар. - Вып. 5. С.147-153.

1958

Борьба крестьянства Удорской волости против усиления феодальной эксплуатации в XVII в. // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. - Вып. 4. С.75-82.

Старая Вишера // Там же. - С.83-127. (Соавтор - Л.П.Лашук).

Религиознö-бытовöй суеверияяс йылысь // Сыктывкар: Коми кн. изд-во. - 52 с.

Вредные пережитки // Красное знамя. - 18 июня.

Древние укрепления на Сысоле // Молодежь Севера. - 15(?) августа.

Рецензия на книгу Л.П.Лашука “Очерк этнической истории Печорского края” // Красное знамя. - 2 декабря.

Хозяйство, культура и быт удорских коми (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.1, оп. 13, д. 179. 188 мпс.

1959

К вопросу о заселении Вашки // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар. Вып. 5. С.169-175.

Из далекого прошлого // Прилузская правда. - № 84.

Эжва катыдын // Вöр фронт. - № 21.

Научный отчет Сысольского этнографического отряда 1958 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 37. 214 мпс. (Соавтор Л.П.Лашук).

1960

Этнографический уклад населения верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 5. (Соавтор Л.П.Лашук). С.53-98.

К истории народного жилища коми // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 6. С.68-88.

Овліс-ö Иисус Христос? - Сыктывкар: Коми кн. изд-во.50 с.

Научный отчет Прилузского этнографического отряда 1959 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 48. 151 мпс. (Соавтор Л.П.Лашук).

1961

Памятники народного зодчества Коми АССР. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 120 с.

О бытовых суевериях (Как читать лекцию) // Вопросы атеистической пропаганды. - Сыктывкар. С.39-53.

Городки-убежища в Прилузье // Молодежь Севера. - 1(?) марта.

Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в бассейне р. Локчим 1960 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 55. 59 мпс.

1962

Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемском районе 1961 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 66. 47 мпс.

О русских заимствованиях в народном жилище коми // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар. Вып. 7. С.98-103.

К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX - начало XX вв.) // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 7. С.121-138.

Расцвет культуры в Коми АССР // Очерки по истории Коми АССР. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. Т. 2. С.465-481. (Доработка; автор Л.П.Лашук).

Людьми и для людей // Молодежь Севера. - 1 (?) февраля.

Быд сиктлы-план // Югыд туй. - 1(?) февраля.

1963

Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Троицко-Печорском и Печорском районах 1962 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 79. 260 с. (Соавторы Л.С.Грибова, П.А.Куратов).

“Божьи люди” как они есть. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 44 с.(Соавтор Ю.В.Гагарин).

Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX - начале XX вв. // Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 8. С.47-51.

1964

Научный отчет о результатах этнографической экспедиции в Усть-Куломском районе и Коми-Пермяцком округе 1963 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 92. 180 мпс. (Соавторы Л.С.Грибова, П.А.Куратов).

О заселении Локчима // Красное знамя. - 1(?) марта.

О пропаганде атеизма // Молодежь Севера. - 1(?) марта.

Кор коми овмӧдчисны Эжва катыдын // Югыд туй. - 1(?) апреля.

1965

Этнографический очерк современного населения Удоры // Социалистические преобразования в Коми АССР. Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 9. С.127-140.

Формирование населения верхней Вычегды (XVI-XIX вв.) // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Июнь 1965 г. (Тезисы докл. и сообщений). - Сыктывкар. С.143-146.

Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Сысольском районе и Коми-Пермяцком округе 1964 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 108. 193 мпс.

Сектантяслы паныд // Югыд туй. - 1(?) сентября.

1966

Культура и быт сельского населения Коми АССР (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 13а. 612 мпс. (Соавтор Ю.В.Гагарин).

Атеисты наступают // Красное знамя. - 1(?) апреля.

Долг перед людьми // Красное знамя. - 1(?) июля.

Картупель писькӧдӧ туй // Югыд туй. - 1(?) августа.

Происхождение коми // Югыд туй. - 20(?) августа.

Зюздинса комияс ордын // Югыд туй. - № 123.

1967

Локчимский этнографический микрорайон // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар. Вып. 11. С.146-149.

К вопросу о южных этнических контактах коми // Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания. - Сыктывкар: Коми кн.изд-во. С.87-88.

Научный отчет об этнографической экспедиции в Прилузье, Кировскую область и Коми-Пермяцкий округ 1966 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 140. 172 мпс. (Соавторы Ю.В.Гагарин, Л.С.Грибова, П.А.Куратов, Н.И.Дукарт).

Дон ты дорӧ овмӧдчӧм йылысь // Югыд туй. - 25 апреля.

Светлая судьба // Красное знамя. - 4 августа.

Разведка далекого прошлого // Красное знамя. - 17 августа.

1968

Быт и культура села. Этнографические очерки по общественному быту и культуре сельского населения Коми АССР. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 172 с. (Соавтор Ю.В.Гагарин).

Расширение межнациональных семейно-брачных контактов в Коми АССР в современный период // Из истории осуществления ленинской национальной политики. Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 11. С.137-145.

Войвыв кыа югьялигöн // Югыд туй. - 16 мая.

Удораса сер Пинега вылын // Югыд туй. - 11 июля.

Где же наш сувенир? // Красное знамя. - 18 августа.

Народнöй искусство корö туй // Югыд туй. - 16 ноября.

Пинега вылын коми йöз // Югыд туй. - 26 ноября.

1969

О расширении этнических контактов населения Прилузья в современный период // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. - Сыктывкар. Т. 11. № 2. С.96-101.

Организуем музей // Войвыв кодзув. - № 10. С.48. (На коми языке. Соавтор Ю.В.Гагарин).

Сельские постройки - памятники народного зодчества. - Сыктывкар. (Плакат).

У зюздинских пермяков // Войвыв кодзув. - № 6. - Сыктывкар. С.56. (На коми языке).

Научный отчет об итогах экспедиции Северного фольклорно-этнографического отряда 1968 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 173. 69 мпс.

К вопросу о создании в Коми АССР музея-заповедника (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 187. 40 мпс. (Соавторы Я.Н.Безносиков, Ю.В.Гагарин).

1970

Сибирö няня му корсьны // Войвыв кодзув. - № 2. С.54-56.

Современное коми население Западной Сибири // Тезисы III Международного конгресса финно-угроведов. - Таллин. Т. 2. С.66.

Современные этнические процессы в Коми АССР // Торжество ленинской национальной политики. - Чебоксары. С.10-14.

В отделе этнографии и археологии // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Историко-филологический сборник. - Сыктывкар. Вып. 12. С.173.

Сибирса коми // Югыд туй. - 3 марта.

Научный отчет Сибирского этнографического отряда 1969 г. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, д. 194. 37 мпс.

1971

Крестьянское жилище в Коми АССР. - Сыктывкар: Коми книжное издательство. 96 с.

К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях (на примере Коми АССР) // Ленинская национальная политика в действии. - Сыктывкар. С.184-185.

Комияс важысянь ветлісны Сибирö // Войвыв кодзув. - № 11. С.57-58.

С Семеном Дежневым вокруг Чукотки // Красное знамя. - 23 мая.

Этно-культурные связи народа коми (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.5, оп.2, д.6. 210 мпс.

1972

Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII - начале XX века. - Москва: Наука. 128 с.

Расселение коми в XV - XIX веках. - Сыктывкар: Коми книжное издательство. 64 с.

Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX века) // Этнография и фольклор коми. - Сыктывкар. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 13). С.105-113.

О степени устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональной культурной среде // Там же. С.70-76.

1973

Народная одежда коми в XVII - XVIII вв. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера. - Вологда. - Вып. 4. С.352-360.

Об изучении этнографии в школьных музеях // Известия Коми филиала Географического общества СССР. - Сыктывкар. - Т. II. - Вып. 5. С.102-105.

Об итогах этнографической экспедиции на Кольский полуостров 1971-1972 гг. (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.5, оп.2, д.73. 43 мпс.

1974

Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. - Сыктывкар. (Научные доклады / Коми фил. АН СССР; Вып. 14). 44 с.

Этнографическое районирование Коми АССР. - Сыктывкар.

Коми на Кольском полуострове // Войвыв кодзув. - № 1. С.41-42. (На коми языке).

Коми в Сибири // Войвыв кодзув. - № 6. С.49-51. (На коми языке).

Взаимосвязи коми с хантами и манси // Войвыв кодзув. - № 10. С.47-48. (На коми языке).

Из глубины веков // Вестник политической информации. - № 20. - Сыктывкар. С.29-31.

1975

Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке СССР. - Сыктывкар. (Научные доклады / Коми фил. АН СССР; Вып. 18). 20 с.

К вопросу о роли коми в открытии Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII - начало XX века). - Сыктывкар. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 16). С.3-16.

Заселение коми верховьев р.Сысолы // Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. - Москва: Наука. С.6-13.

Что мы знаем о Биармии // Войвыв кодзув. - № 9. С.54-55. (На коми языке).

Музеи под открытым небом // Красное знамя. - 2 июля.

К свету, к знаниям // Вестник политической информации. - № 16. С.29-32.

Историко-культурные взаимосвязи коми с финно-уграми и самодийцами (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.5, оп.2, д.142. 232 мпс.

1976

Археолого-этнографические аспекты исследования Европейского Северо-Востока // Географические исследования в Коми АССР. - Ленинград. (Соавтор В.С.Стоколос).

Историко-культурные связи коми и саамов // Этнография и фольклор коми. - Сыктывкар. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 17). С.32-43.

1977

Формирование этнической территории коми (зырян). - Сыктывкар. (Научные доклады / Коми фил. АН СССР; Вып. 31). 28 с.

1978

Культура и быт коми в феодальную эпоху // История Коми АССР. - Сыктывкар: Коми книжное издательство. С.105-116.

Исследования В.А.Русанова по этнографии коми (зырян) // В.А.Русанов и изучение Европейского Севера. - Москва. (Деп. ВИНИТИ, № 233678 от 12.07.1978 г.).

Расселение коми в X - XV вв. // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1976-1977 гг. - Ереван.

Этнографическое изучение традиционной пищи коми // Традиционная культура и быт народа коми. - Сыктывкар. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 20). С.39-48.

Как коми женщины стряпали хлеб // Войвыв кодзув. - № 12. (На коми языке).

1979

Взаимосвязи коми с древнерусскими княжествами в X - XV вв. // XVI Всесоюзная конференция финно-угроведов. - Сыктывкар. - Ч. 2.

Пять веков назад // Войвыв кодзув. - № 10. (На коми языке. Соавтор М.А.Мацук).

1980

XVI финно-угорская конференция // Советское финно-угроведение. - № 2. - Тарту. С. 158-160. (Соавтор Г.Г.Бараксанов).

Историко-культурные взаимосвязи коми и русских // V Международный конгресс финно-угроведов. - Турку. - Ч.2. (На немецком языке).

О русских заимствованиях в хозяйственных занятиях коми // Вопросы социально-экономической истории Коми края (эпоха феодализма и капитализма). (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; Вып. 23). - Сыктывкар. С.3-9.

О русских заимствованиях в традиционной материальной культуре коми // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. - Вологда. С.34-36.

Историко-культурные и этнические взаимоотношения коми с соседними народами (рукопись) // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф.5, оп.2, д.264. 375 мпс.

1981

Посох Стефана Пермского// Войвыв кодзув. - № 1. С.63-64. (На коми языке. Соавтор В.Паршуков).

Культура и быт коми в феодальную эпоху // История Коми АССР. - Сыктывкар: Коми книжное издательство. (2-е издание). С.87-96.

Дифференциация и интеграция традиционной материальной культуры народа коми // Congressus 4. Internationalis Fenno-Ugristarum. - P.IV. Budapest. - С.212-223.

Расселение древних коми в XI - XIV вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года) . - Сыктывкар. С.61-73.

1982

Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. - Москва: Наука. 224 с.

Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник: Антропология. Археология. Этнография. - Москва: Наука. С.96-111.

Пища древних коми // Войвыв кодзув. - № 11. С.52-54.

Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. - Сыктывкар. С.145-155.

1983

Торговля продовольственными товарами в Коми крае в XVII-XIX вв. // Традиции и новации в народной культуре коми. - Сыктывкар. С.89-95. (Соавтор М.А.Мацук).

1984

Численность населения Коми края в XVI-XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. - Сыктывкар. С.64-76. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

1985

Этнографическое изучение народа коми // Вопросы этнографии народа коми. - Сыктывкар. С.5-21.

Межнациональные браки в городах Коми АССР в 30-70-е гг. XX в. (на примере городов Сыктывкара и Воркуты) // Там же. С.51-60. (Соавтор М.Б.Рогачев).

Проблемы этнической истории коми // Проблемы этногенеза народа коми. - Сыктывкар. С.109-119.

Финноугроведение в Коми АССР // Советское финноугроведение. - Таллин. №2. С.85-97. (Соавторы Г.Г.Бараксанов, А.К.Микушев).

Коми (зыряне) // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. - Москва: “Наука”. С.17-45.

Из жизни древних коми. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 134 с. (Соавторы Н.Д.Конаков, К.С.Королев).

Проблемы этнической истории коми // Тезисы Шестого международного конгресса финно-угроведов. - Сыктывкар. - Т. IV. С.80. (На немецком яз.).

Документы по истории народа коми. (Введение). - Сыктывкар. С.3-6. (Соавтор Н.П.Воскобойникова).

Культура и быт крестьянства во второй половине XIX - начале XX в. // История северного крестьянства. - Архангельск: Северо-западное кн. изд-во. Т.II: Крестьянство европейского Севера в период капитализма. С.313-376. (Соавторы П.А.Колесников, Р.Ф.Никольская, Н.А.Веселова, А.П.Анишина, М.А.Вавилова, А.С.Тупицына, А.И.Афанасьева, Ф.Я.Коновалов).

Современное коми финно-угроведение // Вестник конгресса. - Выпуск I. 24 июля. (Соавтор А.К.Микушев).

Этнография финно-угорских народов // Вестник конгресса. - Выпуск II. 30 июля.

1986

Этно-культурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). - Сыктывкар. (Тр. / Ин-т яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып. 38). С.97-107.

Коми фамилии как этногенетический источник // М.В.Ломоносов и Север. - Архангельск. С. 129-131.

Этно-культурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X - начало XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. (Рукопись). 329 мпс.

Этно-культурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X - начало XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. (Рукопись). 51 мпс.

1987

Историография этнографии народа коми (обзор источников досоветского периода) // Проблемы историографии европейского Северо-Востока СССР. - Сыктывкар. С.20-30. (Тр./ Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО АН СССР; вып. 42).

1988

Краеведение и этнография // Первая Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению. - Сыктывкар. С.19-20.

Коми // Народы мира (историко-этнографический справочник). - М.: Советская энциклопедия. С.224-225. (Соавтор Г.А.Комарова).

Коми-пермяки // Там же. - С.225. (Соавтор Г.А.Комарова).

Стöчджыка кö эськö... // Югыд туй. 4 июня. (Соавторы А.Д.Напалков, А.Ф.Сметанин).

Садьджыка эськö // Югыд туй. 26 июля. (Соавторы А.Д.Напалков, А.Ф.Сметанин).

1989

На восток, в просторы “Сибирской украйны” // Родники пармы-89. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.36-51. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

1990

Селу Важгорт - 500 лет // Родники пармы-90. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.168-170.

Антропонимия как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края. - Сыктывкар. (Науч. докл./ Коми науч. центр АН СССР; вып. 245). 24 с. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

Антропонимия в этнической истории коми // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 2B: Summaria dissertationum. Ethnologica et folklorica. Litteraria. Historica, archaeologica et anthropologica. С.215. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

Антропонимия в этнической истории коми // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 6: Sessiones sectionum. Historica, archaeologica et antropologica. - Дебрецен. С.229-233. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

1991

Этнографические исследования, проводимые Обществом изучения Коми края // В научном поиске. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.19 -22. (Соавтор И.Л.Жеребцов).

1993

Познать свой быт и культуру // Они любили край родной. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.54-59. (Соавторы И.Л.Жербцов, М.В.Таскаев).

Алтайские коми // Коми-зыряне (историко-этнографический справочник). - Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.6-7.

Биармия // Там же. - С.12. (Соавтор К.С.Королев).

Верхневычегодцы // Там же. - С.15-16.

Вымичи // Там же. - С.18-19.

Город // Там же. - С.23-24.

Деревня // Там же. - С.25.

Жилище народа коми // Там же. - С.27-30, 32.

Зыряне // Там же. - С.36-37.

Коми-пермяки // Там же. - С.56-58.

Комму // Там же. - С.58.

Морт // Там же. - С.77.

Му // Там же. - С.77-78.

Нижневычегодцы // Там же. - С.88-89.

Пермь // Там же. - С.106-107.

Пища традиционная коми // Там же. - С.109-110.

Погост // Там же. - С.112.

Починок // Там же. - С.115-116.

Прилузцы // Там же. - С.117-118.

Расселение коми // Там же. - С.123-125, 126, 127.

Самодийские народы // Там же. - С.132.

Село // Там же. - С.133-134.

Слобода // Там же. - С.138.

Сысоличи // Там же. - С.145.

Угры // Там же. - С.151-152..

Удорцы // Там же. - С.153.

Украшение жилища // Там же. - С.153-155.

Усадьба традиционная // Там же. - С.157-158.

Хлев // Там же. - С.162.

Этнографическое районирование // Там же. - С.170.
Этнография коми // Там же. - С.170-171.
Этнонимика // Там же. - С.171-172.

1997

Биармия // Республика Коми. Энциклопедия. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. - Т.1. - С. 258. (Соавтор Королев К.С.).
Гагарин Юрий Васильевич // Там же. - С. 350
Город // Там же. - С.375
Жеребцов Л.Н. Деревня // Там же. - С.397
Жилище народа коми // Там же. - С.438-439
Зыряне // Там же. - С.466
Типы поселений коми в XVII-XIX вв. // Историко-культурный атлас Республики Коми. - М.: Дрофа, ДиК, 1997. - С.60. (Соавтор Жеребцов И.Л.).

1999

Коми нация // Республика Коми. Энциклопедия. –Сыктывкар, 1999. –Т.II. – С.109-110.
Коми-пермяки // Там же. –С.121.
Комму // Там же. –С.126.
Лузская Пермца // Там же. –С.234.
Морт // Там же. –С.297.
Му // Там же. –С.300.
Нижневычегодцы // Там же. –С.337.
Печорцы // Там же. –С.449.
Пища традиционная // Там же. –С.454.
Погост // Там же. –С.461.
Починок // Там же. –С.496.
Прилузцы // Там же. –С.506.
Расселение коми // Там же. –С.542.

2001

Исследования В.А.Русанова по этнографии коми (зырян) // Родники пармы: Научно-популярный сборник. Вып.V. – Сыктывкар, 2000. – С. 154-159.
Коми поселения // Атлас Республики Коми. – М.: ДИК, 2001.– С. 146-147. (Соавтор Жеребцов И.Л.).
Самодийские народы // Республика Коми: Энциклопедия. Т. 3. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – С. 13.
Село // Там же. – С. 31.
Слобода // Там же. – С. 55.
Сысоличи // Там же. – С. 127.
Угры // Там же. – С. 183.
Удорцы // Там же. – С. 186-187.
Украшение жилища у коми // Там же. – С. 188-189.
Усадьба традиционная коми // Там же. – С. 200-201.
Хлев // Там же. – С. 265.
Этнографическое районирование // Там же. – С. 340.
Этнография коми // Там же. – С. 340-341.

Этнонимика // Там же. – С. 341.

ТРУДЫ, ВЫШЕДШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВА

1958

Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн.изд-во, 1958. Вып.4.

1965

Буров Г.М. Вычегодский край. М.: Наука, 1965.

1967

Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн.изд-во, 1967

1968

Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968.

1971

Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн.изд-во, 1971.

1972

Этнография и фольклор коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1972. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.13).

1976

Этнография и фольклор коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1976. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.17).

Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1976.

1978

Традиционная культура и быт коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1978. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.20).

1980

Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980.

1983

Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1983. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.28).

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во II пол. XIX - начале XX века. М.: Наука, 1983.

1984

Стоколос В.С., Королев К.С. Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984.

Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1984. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып. 33).

1985

Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.32).

Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР; вып.36).

1986

Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М.: Наука, 1986.

Социально-экономические и культурные процессы на территории Коми АССР. Сб. статей молодых ученых ИЯЛИ Коми фил. АН СССР. Сыктывкар, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР 13.03.1987. №28696.

1988

Духовная и материальная культура коми. Сб. статей молодых ученых ИЯЛИ Коми фил. АН СССР. Сыктывкар, 1989. Деп. в ИНИОН АН СССР 13.06.89. №38370.

ЛИТЕРАТУРА ОБ Л.Н.ЖЕРЕБЦОВЕ

Жеребцов И.Л. Любомир Николаевич Жеребцов // Научный поиск продолжается. Сыктывкар, 1995. С.75-77.

Жеребцов И.Л. Этнограф Любомир Жеребцов // Финно-угроведение. 1996, № 2. С. 108–122.

Жеребцов И.Л. Л.Жеребцов как жертва “особой заботы” партии // Молодежь Севера. 1996, 3 июля.

Жеребцов И.Л. Жизнь на Севере // Республика. 1998, 26 дек.

Жеребцов И.Л. Жеребцов Любомир Николаевич // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. С. 65 – 67.

Жеребцов И.Л. Становление коми этнографии // Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.С. 515.

Жеребцов И.Л. Любопытство терзает меня с детства // Красное знамя. 2005, 14 окт.

Жеребцов И.Л., Жеребцова С.В. Коми этнограф Л.Н.Жеребцов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С.124-126.

Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А. Жеребцов Любомир Николаевич // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1. С.432-433.

Жеребцов И.Л., Сивкова А.Н. Имя и судьба. Любомир, Сильва, Серафима, Ангелина, Эльвина // Республика. 2002, 28 дек.

Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Л.Н.Жеребцов и изучение процесса присоединения Коми края к Русскому государству // Христианизация Коми края и ее

роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т.I. С.315-321.

Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Любомир Николаевич Жеребцов. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 50 с. (Люди науки; Вып. 18).

Зелинский А.Е. Такая маленькая Вселенная – наш дом // Молодежь Севера. 1986, 21 сент.

Л.Н.Жеребцов. [Некролог] // Красное знамя. 1991, 19 февр.

Л.Н.Жеребцов. [Некролог] // Югыд туй. 1991, 19 февр.

Напалков А.Д. По следам древних коми // Красное знамя. 1987, 22 нояб.

Напалков А.Д. Лоис нималана этнографӧн // Югыд туй. 1987, 5 дек.

СОДЕРЖАНИЕ

Дороги этнографа Л.Н.Жеребцова
Происхождение.
Детские годы.
Учеба в пединституте.
В рядах партии коммунистов.
Жить стало легче, жить стало веселее.
Начало пути в науку.
Становление ученого.
Ведущий коми этнограф.
Во главе сектора этнографии.
Последние годы жизни.

Такая маленькая Вселенная – наш дом.

Этнография коми и коми-пермяков
1. *Очерки этнографии народа коми*
Источники и историография этнография коми
Поселения
Традиционная пища и утварь
Расселение коми по Уралу, Северу и Сибири в XVI – начале XX века
Очерки этнографии народа коми (зырян). План-проспект коллективной монографии

2. *Этническая история и этнокультурные связи коми с другими народами*
Этнокультурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X – начало XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
Формирование этнической территории коми
Этнографические группы коми (зырян) и их современное состояние
К вопросу о южных этнических контатктах коми-зырян
Этнокультурные связи коми с соседними народами
Коми-русские историко-культурные связи
Историко-культурные взаимоотношения народов
Общее и специфическое в историко-культурных взаимоконтактах народов (на примере взаимоотношений коми с ненцами и обскими уграми)

Историко-культурные взаимоотношения коми с хантами и манси
Некоторые аспекты современных этнических процессов в Коми АССР
3. *Коми в Сибири.*
Коми народ – активный участник освоения и изучения Сибири
Много ли коми в Сибири?

4. *Работы, посвященные другим проблемам этнографии.*
Народное жилище двинско-печорского региона (сравнительный аспект).
К вопросу о созданиип в Коми АССР музея-заповедника

История Коми.
О 500-летии вхождения Коми края в состав Русского государства. Докладная записка
500-летие включения Коми края в состав единого Русского государства
Русские и коми: трудовое и боевое содружество (период феодализма)
Культура коми во II половине XIX – начале XX вв.
В комиссию по изучению творческого наследия К.Ф.Жакова

Антропонимка.
Как возникли коми фамилии
Что можно узнать, изучая фамилии

Отзывы. Рецензии. Информация.
Рассказ о новых книгах
Древняя история Ижмы.
Новое в археологии Европейского Северо-Востока
Отзыв на рукопись монографии Л.С.Грибовой «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков»
Отзыв о рукописи сборника Ю.Г.Рочева «Коми легенды и предания»
Отзыв на автореферат диссертации П.А.Колесникова
Отзыв на автореферат диссертации Ю.В.Гагарина
Отзыв на автореферат диссертации Л.С.Христолюбовой
Отзыв на рукопись статьи Э.А.Савельевой «К истории производящего хозяйства на Европейском Северо-Востоке»
Отзыв на рукопись М.И.Полева по проблемам этногенеза коми
Ответ краеведу М.И.Полеву
Отзыв на дипломную работу И.В.Ильиной
Отзыв на дипломную работу Н.Н.Чесноковой

Отзыв на дипломную работу Т.И.Чудовой
Отзыв на дипломную работу Г.В.Лапина.
Заключение на курсовую работу Приходько Д.М. на тему “Источники и литература по народной медицине коми”
Змечания на реферат Лазукова Ю.Е.
Заключение по итогам изучения материалов и беседы с военнослужащим А.Нуждовым
XVI Всесоюзная конференция финно-угроведов
Участие ученых ИЯЛИ в IV Международном конгрессе финно-угроведов
Этнографы – к VI международному конгрессу финно-угроведов
О научных контактах сектора этнографии

Отзывы о работах Л.Н.Жеребцова
Канивец В.И. Отзыв о научной работе Л.Н.Жеребцова
Савельева Э.А. Отзыв о работах «Расселение коми в XV-XIX вв.», «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв.»
Сий Э. Л.Н.Жеребцов: Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X – начало XX вв.). М.: Наука, 1982, 224 с.
Конаков Н.Д. Коми йöз история йылысь выль книга (перевод на коми Рочева Ю.Г.)

Список научных трудов Л.Н.Жеребцова
Труды, вышедшие под редакцией Л.Н.Жеребцова
Литература о Л.Н.Жеребцове